

ПОВЕСТИ
СКАЗКИ
ПРИТЧИ
ДРЕВНЕЙ
ИНДИИ

ПОВЕСТИ
СКАЗКИ
ПРИТЧИ
ДРЕВНЕЙ
ИНДИИ

ПОВЕСТИ, СКАЗКИ, ПРИТЧИ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

ПЕРЕВОДЫ С ПАЛИ И САНСКРИТА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель этой антологии — познакомить читателя с некоторыми памятниками повествовательной литературы древней Индии. Литература эта огромна, в книгу включены лишь немногие ее образцы. Сюда не вошли мифы, героические сказания, исторические легенды; не вошли образцы индийского романа. Басни, сказки, притчи, взятые из нескольких наиболее известных сборников, — вот основное содержание антологии.

Оформленные в композиционно завершенные сборники древнеиндийские сказки в большинстве своем принадлежат к жанру обрамленной повести.^[1] Жанр этот, отличавшийся рядом специфических особенностей, создавался в своих лучших образцах в основном на протяжении первого тысячелетия н. э., хотя отдельные сказки и притчи, составляющие эти сборники, восходят к более раннему периоду. Многие из них находят себе аналогии в отрывках из ведийских текстов, из эпических поэм. Интересную параллель к басням о животных содержит, например, гимн *Ригведы*, сравнивающий поющих брахманов с квакающими лягушками. В *Чхандогьяупанишаде* жертвователи аллегорически заменены поющими собаками; в той же упанишаде бык, гусь и нырок по очереди дают наставления ученику. Сходные параллели содержит и *Махабхарата*, упоминающая, например, о войне ворон и сов (сюжет одного из обрамляющих рассказов *Панчатантры*). Традиционное обрамление напоминает кое в чем XII книга *Махабхараты* — *Шантипарва*. Издавна пользовалась известностью басня о вороне, убитой упавшим на нее плодом пальмы, — на эту басню ссылается знаменитый грамматик Патанджали (приблизительно II в. до н. э.). Еще больше параллелей обнаруживают с отдельными памятниками законодательной и дидактической литературы (например, с *Артхашастрой*, «Законами Ману») многочисленные стихотворные вставки сказок и басен, зачастую прямо взятые из этих текстов.

Связанная множеством нитей с памятниками разных жанров и эпох, индийская обрамленная повесть тем не менее образует совершенно самостоятельный жанр, отличающийся ярко выраженными формальными признаками. Объединение отдельных басен, сказок, притч происходит обычно с помощью одного обрамляющего рассказа. Содержание и замысел его, как мы увидим, может по-разному соотноситься с объединяемыми им

сказками. Как правило, по ходу действия один из героев с целью вразумить собеседника, доказать ему что-либо, оправдать свой образ действий и т. п. произносит стихотворение, названное в индийской поэтике «охватывающим». Стихотворение это обычно содержит какое-либо поучение, но не ограничивается им, а тут же намекает на событие, доказавшее справедливость высказанной мысли. Собеседник спрашивает: «Как это?» — и в ответ следует рассказ. Окончив его, рассказчик присовокупляет: «Поэтому я и говорю...», повторяя начало «охватывающего» стиха. После этого действие обрамляющей повести идет своим чередом вплоть до нового рассказа. Нередко вставные рассказы в свою очередь таким же образом включают в себя новые вставки и т. д.

Сами эти рассказы носят весьма разнородный характер даже в пределах одного обрамления — не случайно их приходится называть то притчами, то сказками, то рассказами. Одни из них содержат несколько строк, напоминая сжатое резюме или анекдот, другие занимают десяток, а то и больше страниц, приближаясь к рассказу, новелле. Среди действующих лиц рядом с людьми встречаются животные, а также сверхъестественные существа — боги, демоны, чудовища; соответственно разнообразны и обстановка и характер действия — однозначно определить с этой стороны индийский рассказ совершенно невозможно: это то басня о животных, то волшебная сказка, то почти бытовая новелла. Впрочем, почти во всех случаях изложение проникнуто твердой верой в истинность происшедшего — своеобразное пародирование такой веры читатель найдет в «Повести о плутах». Самые невероятные приключения часто сопровождаются точными географическими указаниями; нередки и исторические ссылки, не говоря уже о реальном, будничном фоне, на котором обычно разворачивается действие.

Цель каждого рассказа, как правило, — иллюстрация какой-либо заповеди житейской мудрости, однако отнюдь не все рассказы можно назвать нравоучительными: часто мораль их весьма сомнительна. «Рассказы попугая», например, не только не подкрепляют нравоучение обрамляющего рассказа (супружеская верность), но прямо ему противоречат. Рамка с ее нравоучением предстает здесь чисто внешним приемом, призванным связать отдельные тексты. В большей мере единство идейного замысла присуще, пожалуй, сказкам и притчам, обработанным буддистами (джатакам). В то же время для индийской традиции дидактическая функция всякого повествования была непреложна. Классифицируя в VIII в. н. э. индийскую повествовательную литературу, джайнский монах Харибхадра исходил именно из ее дидактической

направленности и делил ее на три вида: наставления в законе и добродетели (*дхармакатха*), в выгоде и практическом поведении (*артхакатха*) и в любви (*камакатха*) — классификация эта в точности соответствует учению индуизма об основных целях человеческой жизни.

За исключением некоторых стихотворных обработок, сказки обычно изложены прозой. Повествование изобилует стихотворными вставками; подобно «охватывающему» стиху вставки эти, как правило, афористического характера; они варьируются в различных списках и версиях отдельных сборников и часто лишь косвенным образом связаны с фабулой сказки, являясь как бы иллюстрацией отдельных эпизодов и мыслей действующих лиц. По сути они прерывают и замедляют действие сказки, выступая по отношению к ним такой же рамкой, как обрамляющий рассказ по отношению к вставным. Количество и характер стихотворных вставок часто свидетельствует о более или менее искусственном характере версии — достаточно сравнить приведенные здесь образцы из разных редакций «Двадцати пяти рассказов Веталы».

Древнейший из известных нам индийских сборников рассказов — это «джатаки» — «рассказы о рождениях (Будды)» на языке пали. Сюда входит 546 рассказов, композиционно оформленных, по-видимому, около III–II вв. до н. э. Несколько позже они были включены в буддийский канон, войдя наряду со знаменитыми сборниками *Дхаммападой* и *Суттанипатой* в пятую часть *Суттапитаки*. Основой для композиционного обрамления джатак служит традиционное буддийское представление о цепи рождений, через которые проходят живые существа, возрождаясь то в одном, то в другом облике в зависимости от поступков, совершенных в предыдущих существованиях. Идеалом при этом является достижение высшего, просветленного состояния, прерывающего цепь рождений, — нирваны. Такое состояние, по буддийским верованиям, и было достигнуто Буддой в результате длительного самосовершенствования и многочисленных благочестивых подвигов, совершенных им в предыдущих рождениях. Об этих рождениях Будды и повествуют джатаки. Каждая из них начинается с описания каких-либо событий, свидетелем которых является Будда. Такое описание играет в данном случае роль обрамления. Событие это напоминает Будде о каком-либо аналогичном случае из его прошлых рождений, и он начинает рассказ. По окончании рассказа следует завершение рамки — Будда приводит отождествление героев притчи с участниками настоящего события; при этом сам он отождествляется с положительным героем, а нечестивец, подавший повод к нравоучению, — с отрицательным.

Естественно проникнутые буддийским мировоззрением джатаки в целом по своим сюжетам отнюдь не являются продуктом буддийского творчества. Многочисленные параллели с сюжетами из древних эпических поэм, а также с рассказами других сборников заставляют предполагать, что значительная часть джатак — «буддаизированные» рассказы, восходящие к более ранним, добуддийским источникам, в частности к памятникам устного народного творчества. Не надо, однако, забывать, что именно в буддийской обработке многие из этих рассказов получили широкую популярность в Индии и за ее пределами, отразились в ряде литературных памятников, повлияли на творчество художников и скульпторов.

Среди многочисленных пересказов и обработок джатак выделяется санскритский сборник *Джатакамала* («Гирлянда джатак»), составленный, как полагают, около IV в. н. э. Арья Шурой, о котором мы не знаем ничего достоверного. В этом сборнике 34 джатаки. Почти все они повторяют сюжеты своего палийского прототипа. Соответственно почти ничем не отличается и их нравоучение; быть может, лишь в большей степени здесь подчеркивается бесконечное сострадание Будды, не знающего границ в своем самоотречении, — возможно, черта, характерная для воззрений северного буддизма. Обрамление здесь сведено к нравоучительному резюме. Основное, что отличает «Гирлянду джатак» — это изощренный, вычурный стиль, обилие риторических длиннот, многочисленные стихотворные вставки, написанные разными размерами. Интересно, что наряду с прозой они выполняют и функцию повествования, а не только поучения. Строго говоря, перед нами произведение смешанной прозаическо-стихотворной формы, предвосхищающее развившийся позже жанр санскритской литературы — *чампу*.

По-видимому, около III–IV вв. н. э. был создан знаменитый в Индии и за ее пределами сборник *Панчатантра* («Пять книг», точнее — «Пять назидательных книг»), приписываемый легендарному Вишнушарману. Индийская традиция относил *Панчатантру* к разряду учебников политики, наставлений в разумном поведении (*нитишаstra*). Об этом говорит предпосланная сборнику легенда. Здесь рассказывается, как мудрый Вишнушарман написал *Панчатантру*, чтобы научить уму-разуму глупых царевичей. Но по своему содержанию, по своему литературному значению *Панчатантра* далеко выходит за рамки «науки житейской мудрости». Форма ее обнаруживает характерные признаки обрамленной повести. Каждая из пяти книг представляет собой самостоятельное повествование, включающее ряд сказок и несущее определенную дидактическую направленность. Первая книга — «Разъединение друзей»

— повествует о дружбе льва и быка, разрушенной кознями коварного шакала. Вторая — «Приобретение друзей» — показывает, как много могут сделать слабые существа: ворон, мышь, газель и черепаха, когда они связаны узами дружбы и действуют сообща. Третья книга — «О воронах и совах» — учит разным способам ведения войны. Четвертая — «Утрата приобретенного» — обрамлена сказкой об обезьяне, ловко избегнувшей смертельной опасности, и дельфине, который по излишней доверчивости выпустил из рук свою добычу. Пятая книга — «Безрассудные поступки» — несколько отлична по композиции от первых четырех: сначала идет рассказ о безрассудном цирюльнике, избившем монахов (его вариант читатель найдет здесь в одном из рассказов *Хитопадеша*); сюда вставлен второй рассказ, а во второй — третий, который фактически и служит рамкой всех последующих.

Первоначальный текст *Панчатантры* утрачен. Как и от многих других сборников, до нас дошли от нее лишь более поздние версии. Одна из древнейших редакций текста — кашмирская, так называемая *Тантракхьяйика* (*акхьяйика* — рассказ, разделенный на главы, каждая из которых содержит стихотворное резюме; характер таких глав носят отдельные книги *Панчатантры*). Известны южноиндийская версия, версии, принадлежащие джайнским монахам, и т. д. Эти редакции создаются уже во второй половине первого — начале второго тысячелетия (так, версия, из которой взяты помещенные здесь рассказы, была составлена джайном Пурнабхадрой в 1199 г.).

Панчатантра послужила основой для многочисленных обработок как на своей родине, так и за ее пределами. Подробнее об этом будет сказано ниже; здесь же следует назвать один из известнейших сборников, возникших в Индии на основе *Панчатантры*. Это *Хитопадеша* («Полезное наставление») — сборник, составленный, очевидно, не раньше X и не позже XIII в. и приписываемый некоему Нараяне. Восходя, по-видимому, к северо-западной редакции *Панчатантры*, *Хитопадеша* представляет собой достаточно самостоятельный текст. Ряд ее рассказов не входит ни в одну из известных редакций *Панчатантры*. Она разделена на четыре книги. Первые две соответствуют в обратном порядке I и II книгам *Панчатантры* — сначала здесь говорится о приобретении друзей, а затем о разъединении. Третья же и четвертая книги представляют собой существенную переработку III книги *Панчатантры* с включением отдельных басен из I и V книг. Здесь повествуется сначала о войне (но не между воронами и совами, как в *Панчатантре*, а между гусями и павлинами), а затем в IV книге, обрамление которой вполне оригинально, — о мире между ними же.

Следует сказать, что в отличие от *Панчатантры* в *Хитопадеше* нравоучительные отступления занимают гораздо больше места. С известным основанием отмечалось, что книга эта в такой же мере может быть названа собранием изречений, как и собранием рассказов.

Около середины I тысячелетия н. э., возможно в VI в., составляется огромный сборник рассказов — *Брихадкатха* («Великий сказ»), к сожалению, до нас не дошедший. Согласно легенде, он состоял из ста тысяч двестишести шлоков (уцелевших от семисот тысяч шлоков, рассказанных богом Шивой своей супруге Парвати). Автор «Великого сказа» Гунадхья составил эту книгу не на санскрите, а на одном из пракритских диалектов Северо-Западной Индии — пайшачи, что свидетельствует о связи сборника с устной фольклорной традицией. Обрамлением здесь служила история о царе ватсьев Удаяне и его сыне Нараваханадатте. «Великий сказ» по своему значению в истории индийской литературы сопоставляется с *Махабхаратой* и *Рамаяной*; по-видимому, он оказал большое влияние на творчество великих индийских писателей — Дандина, Субандху, Баны.

Некоторое представление об этом памятнике могут дать его поздние переделки. Это, во-первых, непальская версия, известная по уцелевшему фрагменту из *Шлокасамграхи* («Собрания шлоков») Будхасвами, составленной, вероятно, в VIII–IX вв. По-видимому, она состояла из двадцати пяти тысяч стихов; до нас дошел отрывок в 28 глав — около четырех с половиной тысяч стихов. Полагают, что непальская версия ближе к оригиналу, чем другая, кашмирская, сохранившаяся в двух обработках. Одна из них это *Брихадкатхаманджари* («Отрасль великого сказа») Кшемендры, составленная в 1037 г. и насчитывающая около семи с половиной тысяч стихов. Другая — *Катхасаритсагара* («Океан сказаний») Сомадевы; составление ее относится к 1063–1081 гг. Это огромная поэма, состоящая из 21 388 стихов (почти все — эпические шлоки), она разделена на 18 книг или 124 главы. По мнению исследователей, «Океан сказаний» в художественном отношении стоит выше «Отрасли великого сказа», отличаясь одновременно и большей полнотой. Обрамлением служит повесть о принце Нараваханадатте — главным образом о его любовных приключениях. Здесь около трехсот пятидесяти рассказов, также весьма разнообразных по своему характеру. Нет, пожалуй, такого вида индийского рассказа, который не был бы здесь представлен: мифы, притчи, анекдоты, волшебные сказки, рассказы о плутах, о глупцах. Ряд рассказов, возможно, буддийского происхождения; встречаются джайнские легенды. По-видимому, *Брихадкатха* представляла собой свод отдельных сборников рассказов — в «Океан сказаний» целиком вошла одна из версий

Панчатантры и версия другого знаменитого сборника — *Веталапанчавиттиатики* («Двадцати пяти рассказов Веталы»).

Сборник этот принадлежит к числу произведений, связанных с именем полупоэтического царя Викрамы (*викрама* букв. «доблесть»), историчность которого до сих пор вызывает споры среди исследователей. Согласно преданиям, Викрама царствовал в I в. до н. э. в Удджайини — одном из священных городов Индии, в области Малава. Он изгнал из своей страны скифских кочевников — саков, положив тем самым начало новому летосчислению (так называемая эра Викрамы с 57 г. до н. э.), до сих пор употребляющемуся в Индии. Легенды наделяют Викраму непревзойденными достоинствами — отвагой, силой, самоотверженностью, щедростью; его рисуют покровителем ученых и поэтов, величайшие из которых жили будто бы именно при его дворе. Несмотря на явно вымышленный характер многих этих сведений, у нас все же нет достаточных оснований отрицать реальное существование Викрамы.

Обрамление «Двадцати пяти рассказов Веталы» таково. К царю Викраме день за днем приходит нищенствующий монах и каждый раз дарит ему прекрасный плод, заключающий внутри драгоценные камни. Благодарный царь обещает выполнить любое желание монаха, и тот просит о следующем: Викрама должен снять с одного дерева непогребенный труп и принести его на кладбище; произведя над этим трупом определенные церемонии, монах надеется овладеть волшебными силами. При этом, неся труп, царь не должен произносить ни слова, иначе труп вернется на свое прежнее место. Викрама снимает мертвеца с дерева, но тут Ветала (так назывались духи, вселявшиеся в мертвецов) заводит с ним разговор. Он рассказывает историю, содержащую запутанный казус, а в заключение спрашивает у царя разгадку. Не удержавшись, тот дает ответ, и труп снова повисает на дереве. Так повторяется двадцать четыре раза, после чего царь не дает ответа. Тогда Ветала открывает ему замысел монаха, который намерен употребить волшебную силу во вред царю. Следуя советам духа, Викрама избегает опасности и сам овладевает волшебными силами. «Двадцать пять рассказов Веталы» сохранились в нескольких версиях, стихотворных и прозаических. Стихотворные представляют собой вставки в упомянутые сборники Кшемендры и Сомадевы — обработки «Великого сказа». Из прозаических, более поздних обработок, сохранивших, однако, следы своего фольклорного прототипа, наибольший интерес представляют рецензия Шивадасы, изобилующая стихотворными вставками и составленная, по-видимому, не раньше XII в., и несколько более поздняя —

Джамбхаладатты, лишенная стихов и, вероятно, представляющая собой прозаическую обработку стихотворного текста.

Еще в большей мере связан с Викрамой другой сборник — *Викрамачарита* («Жизнь Викрамы»), или *Синхасанадватриншатика* («Тридцать две истории царского трона»). Обрамляющая повесть рассказывает о Викраме, которого царь богов Индра наградил великолепным тронем, опирающимся на тридцать две статуи (впоследствии они оказываются заколдованными небесными девами). После смерти Викрамы трон зарыли в землю, ибо не нашлось никого, кто был бы достоин занять его. Спустя много лет царь Бходжа обнаруживает трон и собирается взойти на него. Тут каждая из статуй по очереди предупреждает его: он достоин взойти на трон лишь в том случае, если может сравниться достоинствами с Викрамой. При этом рассказывается одна из историй о добродетели Викрамы. В заключение и сам Бходжа объявляется достойным занять трон Викрамы.

Можно полагать, что «Тридцать две истории» были созданы не раньше XI в., так как, по всей вероятности, они имеют в виду царя Бходжу из династии Парамара, правившего в первой половине XI в. и подобно Викраме прославлявшегося за добродетели и покровительство наукам и искусствам. Возможно даже, сборник этот был составлен при жизни Бходжи как своего рода панегирик царю. До нас дошло несколько рецензий «Тридцати двух историй». Наиболее значительные среди них — так называемые «южная», «метрическая», «джайнская». Все они представляют собой не оригинал, а более поздние обработки памятника. Неизвестен и его автор — отдельные версии называют в этой связи разные имена, иногда заведомо неправдоподобные (например, Калидасу).

Еще один знаменитый индийский сборник — *Шукасантати* («Семьдесят рассказов попугая»). Купец Маданавинода отправляется в путешествие, оставив дома свою молодую жену Прабхавати. Проскучав несколько дней без супруга, та готова вступить в связь с чужим мужчиной. Чтобы помешать ей, попугай, которого купец держал в доме, делает вид, что поощряет ее намерения, но каждый раз, когда она собирается идти к любовнику, удерживает ее, рассказывая о том, как следует выпутываться из затруднительного положения. При этом добрая половина его рассказов по сути своей противоречит дидактике обрамляющего повествования, обучая, как лучше обмануть мужа. Семьдесят раз удерживает таким образом попугай свою госпожу, пока не возвращается купец. Раскаявшаяся Прабхавати признается ему во всем, он прощает ее, и они счастливо живут друг с другом.

Оригинал «Семидесяти рассказов попугая» до нас не дошел. Не считая позднейших обработок, нам известны две санскритские версии сборника. Одна из них, более полная и написанная более изысканным языком, составлена Чинтамани Бхаттой (известно, что последний был знаком с *Панчатантрой* в рецензии Пурнабхадры). Другая, более простая и, по-видимому, более поздняя версия, возможно, представляет собой переработку какого-то стихотворного оригинала; сохранившиеся здесь пракритские стихи, а также некоторые особенности языка заставляют предполагать, что сборник этот был первоначально составлен на одном из пракритских диалектов. Как полагают исследователи, эти редакции составлены вряд ли раньше XII и позже XIV в.

Также на пракрите был создан один из любопытнейших образцов индийской повествовательной литературы — *Дхуртакхьяна* («Повесть о плутах»). Она приписывается Харибхадре, составившему ее в пракритских стихах, по-видимому, в VII–VIII вв. К 1365 г. относится ее санскритская стихотворная обработка; еще позже, на рубеже XVII–XVIII вв. ее переложили на гуджерати.

Обрамлением здесь служит повесть о плутах, поставивших себе целью поведать такой рассказ о своих похождениях, чтобы слушатели признали его невероятным. При этом опровержением лживости рассказа и доказательством его истинности считаются аналогичные или еще более фантастические эпизоды из древних эпических поэм — *Махабхараты*, *Рамаяны*, пуран; эпизоды эти и приводятся в ответ на каждый такой рассказ. Лишь плутовке Кхандапане, вступающей в состязание последней, удастся одержать над всеми верх, и мошенники признают ее превосходство. Как мы видим, характер этих рассказов в достаточной степени определен задачей обрамления. При этом собственно «плутовским» рассказом является лишь это обрамление, точнее, последний его эпизод — проделка Кхандапаны после ее рассказа. Подобное состязание в небылицах находит себе параллели в отдельных народных сказках. «Повесть о плутах» весьма интересна как произведение сатирического плана, как пародия на выдумки эпических легенд, принимаемых на веру. Рассказы плутов напоминают такие произведения мировой литературы, как «Правдивую историю» Лукиана, как «Удивительные приключения барона Мюнхгаузена» Распе и Бюргера. Интересно, что у Лукиана мы находим сходный иронический подтекст: рассказчик признается, что говорит заведомую ложь, и просит не верить ему; при этом он оправдывается тем, что древние авторы, служившие ему образцом, сочиняли не меньшие небылицы, почитавшиеся, однако, за

истину.

Если в таких сборниках, как *Панчатантра*, *Хитопадеша*, обрамляющий рассказ сам по себе лишь внешним образом связан с обрамленными, совершенно различными по форме, содержанию, дидактической направленности, а в таких, как «Тридцать две истории царского трона», «Семьдесят рассказов попугая», «Повесть о плутах», он известным образом предопределяет характер вставок, объединяемых каким-либо сюжетным или формальным признаком, то в *Бхаратакадватриншатике* («Тридцати двух рассказах о монахах») обрамляющая повесть вообще отсутствует. В ней по сути дела и нет надобности — в такой мере связаны замыслом все тридцать два рассказа, составляющие сборник. С одной стороны, это характерные образцы анекдотов о глупцах, находящие себе аналогии в *Панчатантре*, в «Океане сказаний», в многочисленных анекдотах у разных народов. Этим, однако, их своеобразие не исчерпывается. «Тридцать два рассказа» высмеивают не дураков вообще, а именно монахов, представляя собой антиклерикальное произведение. Следует вместе с тем заметить, что направленность сборника выяснена не до конца. *Бхаратака* — это не монахи вообще, а обозначение определенной категории нищенствующих монахов, как полагают некоторые ученые, — шиваитского толка. В этой связи заслуживает внимание предположение И. Хертеля о том, что рассказы о монахах — джайнского происхождения [И. Хертель, в частности, по ряду соображений склонен приписывать их составление джайну Мунисундаре (1360–1447)] и были задуманы как полемическое произведение в борьбе джайнов с шиваитами. Гипотезу эту нельзя считать полностью доказанной, — «Тридцать два рассказа» не содержат следов такой полемики, — хотя возможность использования и обработки джайнами издавна бытовавших в народе анекдотов о глупцах вполне вероятна.

Стиль этих рассказов весьма прост, даже беден. Фабула, за единичными исключениями, изложена в весьма сжатом виде. Стихотворных вставок почти нет, хотя каждому рассказу предшествует стихотворное резюме. Язык сборника изобилует диалектизмами (гуджерати), что также свидетельствует о фольклорном происхождении большинства рассказов. Одновременно некоторые из них, высмеивающие невежество учителей и построенные на непередаваемой игре слов, близки по характеру так называемой «школьной новелле».

Мы остановились лишь на некоторых сборниках, образцы которых включены в эту книгу. Как уже говорилось, они далеко не исчерпывают санскритской повествовательной литературы. Соответственно мы не

затронули здесь многих памятников, которые в целом или в некоторых своих частях входят в эту литературу или связаны с ней генетически. Таковы отдельные гимны *Ригведы*, отрывки из брахман, *Махабхараты*, *Рамаяны*, пуран; проза Дандина, Субандху, Баны; сборники сказок и исторических преданий, составленные Шивадасой, Мерутунгой, Раджашекхарой, и многие другие памятники.

Выше уже отмечались некоторые особенности индийской обрамленной повести. При всем своем разнообразии большинство этих рассказов, как нам кажется, приближается к одному из двух основных типов: 1) басня, притча, анекдот со сравнительно простой фабулой и достаточно четко выраженной нравоучительной тенденцией; 2) рассказ с более сложной, иногда многоплановой фабулой, сочетающий обычно волшебные и бытовые мотивы; дидактическая функция здесь, если даже она и провозглашена, фактически отступает на второй план перед чисто литературными, художественными задачами. Разумеется, иногда, например при обработке фольклорного сюжета в отдельных джатаках, четкая граница между этими типами стирается; тем не менее в пределах каждого из них могут быть установлены четкие принципы композиции, определенная зависимость между отдельными существенными компонентами повествования. Известного рода зависимости можно, по-видимому, установить и внутри индийского обрамляющего рассказа в целом; таковы, например, разные типы связи между обрамляющим и вставным рассказами: обрамление, в целом не связанное с такими рассказами и лишь мотивирующее их дидактику отдельными ситуациями своего действия, — прием объединения разнородных текстов (например, *Панчатантра*); обрамление, в целом мотивирующее дидактику и отчасти сюжетную линию рассказа (например, «Тридцать две истории царского трона»); обрамление, ставящее перед рассказами определенные формальные задачи независимо или почти независимо от сюжета (например, «Двадцать пять рассказов Веталы», «Повесть о плутах»). Такие типы связи могут сочетаться друг с другом в более сложных сборниках, которые включают в себя сборники меньшего размера («Океан сказаний»).

Индийские сказки безотносительно к их литературно-художественному значению — драгоценное свидетельство индийской жизни. Перед читателем проходят цари, их советники, воины, земледельцы, монахи, ремесленники, купцы. Среди героев сказок — ткач, сапожник, плотник, кузнец, лекарь, подметальщик. Встречаются фокусники, сводни, гетеры, нищие. Эти рассказы рисуют придворные интриги, повествуют о монашеской жизни и мирских заботах, о странствиях в поисках богатства,

о любовных горестях и утехах, о хитрых проделках. И когда героями выступают хитрый шакал, необузданный лев, доверчивый верблюд, лицемерный кот, мы узнаем в них тех же царей, советников, купцов, монахов, коварных хитрецов и обманутых простаков — живые и полнокровные образы, в избытке наделенные людскими добродетелями и пороками.

Незаменимы эти сказки и для лучшего знакомства с воззрениями древних индийцев, с их взглядами на жизнь, на любовь и вражду, на добро и зло. Взгляды эти весьма многообразны; при всем этом неоспорим глубоко человеческий, гуманный характер большинства идей и заповедей древнеиндийских рассказов. Они восхваляют сострадание, человеколюбие, готовность отдать все, вплоть до жизни, чтобы спасти ближнего. Среди высших достоинств здесь названы гостеприимство, верность долгу, супружеское постоянство. Сказки резко бичуют ложный аскетизм, показную ученость, неумение применить знание к делу — недостатки, в избытке присущие высшим кастам. Зло и остроумно высмеивают они лицемерных святош, алчных стяжателей, дураков, глухих к советам.

Одновременно здесь сплошь и рядом встречаются практические житейские наставления и советы. Они напоминают о бесплодности наших сожалений, о людской неблагодарности, о силе судьбы; призывают не вмешиваться в чужие дела, не тратить время на вразумление глупцов, не проявлять излишней доверчивости — вообще, во всем руководствоваться лишь здравым рассудком. Мысли эти иногда язвительны, иногда открыто циничны. Нас не должна, однако, смущать их разноречивость: то оптимистичные, то грустные, то благочестивые, то циничные, то зовущие к действию, то полные фатализма, они правдиво отражают реальные разногласия между людьми разных сословий, занятий, характеров, судеб. Следует учитывать и то, что отдельные положения, противоречивые, на наш взгляд, отнюдь не являлись таковыми в рамках традиционных индуистских воззрений. Здесь, в частности, важно иметь в виду специфичные черты древнеиндийской дидактики. Дидактическая направленность обрамленной повести, как и многих других памятников классической индийской литературы, достаточно четко соответствует ряду важных норм, регламентировавших жизнь древнеиндийского общества. Мы упоминали уже о классификации Харибхадры — в дополнение к трем жизненным принципам, указанным здесь, в Индии был издавна добавлен четвертый, в известном отношении противопоставленный первым трем, — избавление от уз мира, достижение совершенства (*мокша*, букв. «освобождение»). Система этих основных факторов — закона, выгоды,

любви и освобождения, взаимодействие которых должно определять жизнь человека, на протяжении веков использовалась самими индийцами для описания собственного поведения; она же помогает понять дидактику индийской обрамленной повести и многих других памятников санскрита. Внешняя противоречивость ряда нравоучений во многом лишь отражает синкретизм индийской дидактики, весьма здраво, можно сказать прагматически, судящей о том, «что человеку надо». Здесь отводится место и хитрым любовным проделкам, и упорным поискам богатства, и не знающему границ самоотречению.

Огромно воздействие, которое в многочисленных переводах и пересказах оказывали и оказывают эти сборники на индийскую литературу. Они переведены на хинди, бенгали, маратхи, гуджерати, тамильский и многие другие языки народов Индии; уходя корнями в древний фольклор, они до сих пор не теряют своей популярности в народе, отражаются в литературе и изобразительном искусстве, оживают на сцене.

Древнеиндийская литература богата памятниками, получившими всемирную известность. Если же говорить не только о славе, но и о непосредственном воздействии на мировую литературу, то, пожалуй, никакой другой жанр не может сравниться в этом отношении с индийскими сказками.

Отдельные из них сопоставляются уже с древнегреческими баснями Эзопа. Аналогии их сюжетам усматривают в позднеантичных романах Ахилла Татия, Гелиодора. Впрочем, вопрос о первоисточнике здесь достаточно сложен. Есть и сторонники индийского приоритета, и сторонники греческого. На более достоверную почву мы становимся, переходя к раннему средневековью. Здесь нам открывается поистине беспримерная картина распространения индийских сборников сказок за пределами их родины, переводы их на десятки языков, сотни обработок их в самых разных странах — от Японии до Исландии.

Уже в первые века нашей эры переводятся на китайский язык многие джатаки. Вместе с другими памятниками буддизма они широко распространяются в странах Центральной и Восточной Азии — в Японии, Бирме, Тибете, Монголии. В VI в. *Панчатантра* переводится на пехлевийский (среднеперсидский) язык, а с пехлевийского — на сирийский и позже на арабский. Это — знаменитая «Калила и Димна» (искаженные имена шакалов Каратаки и Даманаки из I книги *Панчатантры*). Через греческий перевод XI в. книга эта становится известной на Руси; через древнееврейский, латинский, испанский переводы — в Западной Европе, где, распространившись в многочисленных переводах и переложениях,

отражается в средневековой дидактической литературе, в новеллистике Возрождения — у Боккаччо, Саккетти и многих других писателей. На основе «Двадцати пяти рассказов Веталы» создается монгольский сборник «Волшебный мертвец». «Тридцать две истории царского трона» приходят в Тибет, а через тибетскую обработку — в монгольский сборник *Арджи Бурджи* («Царь Бходжа»), «Семьдесят рассказов попугая» известны в малайских обработках, персидских; среди последних — известная *Тутинане* («Книга попугая»), через которую с этим сборником познакомились в Европе. Есть и турецкая обработка этих сказок.

Индийские сборники повлияли и на многие другие памятники восточных и западных литератур. Таковы, по-видимому, многие сказки и само обрамление «Книги тысячи и одной ночи», старейшая часть которой, как полагают, — индоиранского происхождения (утраченный пехлевийский сборник *Хазар-Афсана* — «Тысяча легенд»). Такова книга Синдбада (иначе — «Книга семи мудрецов»), разные обработки которой (персидская, сирийская, арабская, еврейская, греческая и другие) восходят, возможно, к утраченному индийскому оригиналу. Таковы распространенные во многих странах христианизированные легенды о Варлааме и Иоасафе, коренящиеся в буддийских текстах.

Переходя из века в век, из поколения в поколение, индийские сказки продолжают жить в новых литературах Запада и Востока. Они отражаются в европейской басне нового времени — у Лафонтена, Крылова. Известно, как высоко ставил древнеиндийскую дидактику Лев Толстой, обработавший для детей многие индийские сказки. Отдельные сюжеты этих сказок не раз вдохновляли поэтов и писателей. Так, сюжет рассказа о перепутанных головах использован в «Парии» Гёте; уже в наше время его обработал Томас Манн. Представление об Индии как родине сказок, сложившееся у некоторых ученых прошлого века, как оно ни устарело во многих отношениях, и ныне может подчас показаться не таким уж неосновательным — слишком много аналогий вызывает чтение этих сказок, и аналогий отнюдь не всегда случайных. Кому из русских читателей не напомним, например, джатака о дятле и льве крыловского «Волка и журавля», а рассказ о гусях и черепахе — «Лягушки-путешественницы» Гаршина?

Это, пожалуй, еще одна особенность предлагаемой антологии. Содержание ее — не просто далекая сказка, захватывающая нас то увлекательностью сюжета, то мудростью мыслей. Это составная часть нашей современной культуры.

* * *

Настоящая книга включает переводы, выполненные нашими индологами: А. П. Баранниковым, В. В. Вертоградовой, О. Ф. Волковой, П. А. Гринцером, И. Д. Серебряковым, А. Я. Сыркиным, М. А. Ширяевым, Р. О. Шор, — переводы, частью уже публиковавшиеся (см. соответствующие примечания), частью печатаемые впервые. Легко заметить, что принципы этих переводов весьма различны. Одни из них очень близки к подлиннику, вплоть до сохранения синтаксических особенностей текста. Другие выполнены достаточно свободно, подчас приближаясь к пересказу; соответственно весьма различен их стиль. Не все тексты переведены целиком — встречаются и несколько сокращенные переводы. По-разному переданы стихи подлинника. Одни переводчики пытались условно передать их с помощью русского стиха, другие — ритмической прозой, третьи — простой прозой. Отнюдь не считая все эти принципы одинаково удачными, мы тем не менее решили не проводить унификацию переводов и не оговариваем в каждом случае все их особенности. К этому нас побудил ряд соображений. Во-первых, еще не выработаны строгие принципы русского художественного перевода с санскрита. Следующее соображение касается характера данного издания, отнюдь не преследующего научных целей. И, наконец, — характер самих переводимых текстов. Ведь перед нами не один памятник, не один автор и даже не одна эпоха, а весьма различные по стилю, форме, языку произведения, создававшиеся на протяжении круглым счетом полутора тысяч лет.

А. Я. СЫРКИН

ДЖАТАКИ

Перевод В. В. Вертоградовой

ДЖАТАКА О СТРЕЛЕ (13)

«Да будет проклята стрела...» Эту историю Учитель во время своего пребывания в Джетаване^[11] рассказал о страсти некоторых бхикшу^[12] к своим прежним мирским женам. Подробности этой истории будут изложены в восьмой книге в Индрия джатаке.^[13]

Тогда Благословенный сказал тоскующему бхикшу: «Еще прежде, о бхикшу, ты из-за этой женщины погиб и был поджарен на раскаленных углях». Другие бхикшу попросили Благословенного разъяснить это. Благословенный разъяснил им то, что было скрыто от них перерождениями.

В давние времена в стране Магадха^[14] в городе Раджагриха^[15] правил один царь.

Когда наступало время сбора урожая, со стороны людей ланям грозила большая опасность, и они убегали в леса, растущие у подножия гор.

В то время один горный олень, живший в лесу, увлекся ланью, пришедшей туда из окрестностей деревни. Олень был так очарован ею, что, когда лани стали спускаться с гор и возвращаться на прежние места, олень тоже пошел вслед за ними.

«Милый, — сказала ему лань, — ведь ты же горный олень, и окрестности деревни для тебя опасны, не ходи туда за мной».

Но олень, влюбленный в лань, не вернулся обратно, а последовал за ней. Жители Магадхи, зная, что наступило время ланям возвращаться с предгорий, стали на пути их устраивать засады.

И вот, когда олень и лань бежали вместе по лесной дороге, один охотник притаился в укромном месте.

Почувяв запах человека, лань решила, что это охотник, и, пустив оленя вперед, сама пошла за ним. Первой же стрелой из лука охотник свалил оленя, а лань, увидев, что он убит, умчалась быстрее ветра.

Охотник вышел из своей засады, содрал шкуру с оленя и на углях испек его мясо. Поев оленьего мяса, напившись воды, он собрал

оставшиеся куски, с которых еще стекали капли крови, сложил их в бамбуковую корзину и понес домой детям.

В то время Бодхисаттва^[16] возродился в образе духа дерева и жил в роще. Наблюдая за тем, что произошло с оленем, Бодхисаттва подумал: «Не ради матери или отца погиб этот глупый олень, — страсть погубила его. На рассвете страсти все живые существа счастливы, но конец ее — это страдание и пять видов различных уз^[17] и несчастий. Достойн презрения человек, который причиняет в этом мире несчастье и смерть другому! Достойна презрения та страна, которой управляет женщина. Достойны презрения те мужчины, которые подчиняются воле женщин!»

Тогда Бодхисаттва в одной гатхе^[18] показал три предмета, достойные порицания, а все лесные духи приветствовали и чтили его благовониями и цветами. Своим приятным голосом Бодхисаттва огласил всю рощу и в одной гатхе показал дхарму:^[19]

Да будет проклята стрела, так глубоко разящая!

Да будет проклята земля, которой правит женщина!

Да будет проклят человек, что женской власти подчинен!

Так в одной гатхе показав три предмета, достойные порицания, Бодхисаттва, огласив весь лес, с мастерством Будды разъяснил дхарму.

Приведя эту историю для разъяснения дхармы, Учитель провозгласил благородные истины. После провозглашения истин терзавшийся страстью бхикшу достиг первого пути.^[10] Рассказав эти две истории, Учитель показал связь между ними и отождествил перерождения: «Тогда терзающийся страстью бхикшу был горным оленем, мирская жена бхикшу — ланью, а я был божеством, разъяснившим дхарму и показавшим вред страсти».

ДЖАТАКА О ЦАРЕ ОБЕЗЬЯН (57)

«Как повелитель обезьян, кто терпелив...» Эту историю Учитель во время своего пребывания в Велуване^[11] рассказал о Девадатте,^[12] покушавшемся на его жизнь. Услыхав о злобных намерениях Девадатты, Учитель сказал: «Не только теперь, о бхикшу, Девадатта замышляет убить меня, он еще прежде пытался сделать это, но ему не удалось», и он рассказал историю о прошлом.

В давние времена, когда в Варанаси^[13] царствовал Брахмадатта,^[14]

Бодхисаттва возродился в образе обезьяны. Когда он вырос, то стал величиной с жеребенка и отличался необыкновенной силой. Жил он один на берегу реки. Посреди реки был остров, заросший манговыми, хлебными и другими плодовыми деревьями, а между берегом и островом торчал из воды большой камень.

Бодхисаттва, который обладал силой слона, перепрыгивал обычно со своего берега сначала на этот камень, а оттуда на остров.

Там он наедался вдоволь различных плодов, а вечером тем же путем возвращался обратно. И так изо дня в день.

А в этой реке жил тогда крокодил со своей женой. У жены его, видевшей, как Бодхисаттва прыгает каждый день с берега на остров, возникло желание отведать обезьяньего сердца, и она сказала крокодилу: «Почтенный, я хочу отведать сердце этого царя обезьян». «Хорошо, ты получишь его сердце», — отвечал крокодил и решил: «Сегодня вечером, когда царь обезьян будет возвращаться с острова, я схвачу его». Он поплыл и забрался на камень, торчавший из воды.

Целый день Бодхисаттва бродил по острову, а вечером, собираясь возвращаться на свой берег, он посмотрел на камень, и ему показалось, что камень стал выше, чем раньше. «В чем же тут дело?» — подумал Бодхисаттва, так как, перепрыгивая с берега на остров, он обычно замечал уровень воды и высоту камня. «Сегодня уровень воды не повысился и не понизился, — подумал он, — а камень этот кажется больше. Наверное, какой-нибудь крокодил сидит на нем, желая схватить меня. Сейчас я испытаю его». И как будто бы разговаривая с камнем, он крикнул с острова: «Эй, камень!» — и, не получив ответа, еще три раза обратился к нему. Но камень молчал.

«Что же ты, камень, сегодня не отвечаешь мне?» — сказал тогда Бодхисаттва. А крокодил подумал: «Наверное раньше этот камень отвечал обезьяне, ответу-ка я ей сегодня».

«Что тебе, царь обезьян?» — сказал крокодил. «Кто ты такой?» — спросил Бодхисаттва. «Я крокодил». — «А зачем ты здесь сидишь?» — «Я хочу получить твоё сердце», — отвечал крокодил.

«Теперь я должен обмануть этого крокодила, — подумал Бодхисаттва, — другого пути у меня нет». И он сказал крокодилу: «Почтенный крокодил, я принесу себя в жертву тебе, ты только открой пасть, и когда я прыгну к тебе в пасть, тогда и хватай меня».

А как только у крокодилов открывается пасть, так сразу же закрываются глаза. И крокодил, ничего не подозревая, открыл пасть. И тут же глаза его закрылись. А Бодхисаттва, зная это свойство крокодилов,

перепрыгнул с острова на голову крокодила, а оттуда с быстротой молнии — на другой берег.

«Эта обезьяна совершила чудо», — подумал крокодил, увидев Бодхисаттву на берегу. И он сказал обезьяне: «О царь обезьян, кто обладает в этом мире четырьмя известными качествами,^[15] тот побеждает врагов, а у тебя, мне кажется, есть все эти качества», — и после этого крокодил произнес следующую гатху:

Как повелитель обезьян, кто терпелив, правдив и мудр,
Кто знает долг свой, тот всегда одолевает всех врагов.

Так восхвалив Бодхисаттву, крокодил удалился в свое жилище.

Учитель сказал: «Не только теперь, о бхикшу, Девадатта замышляет убить меня, он пытался это сделать и прежде». Закончив этот рассказ, приведенный для разъяснения дхармы, установив связь, Учитель отождествил перерождения: «В то время Девадатта был крокодилом, брахманка^[16] Чинча^[17] была женой крокодила, а царем обезьян был я».

ДЖАТАКА ОБ ИГРАЛЬНОЙ КОСТИ (91)

«Намазанную сильным ядом...» Эту историю Учитель во время своего пребывания в Джетаване рассказал о небрежном отношении к вещам. Говорят, что в то время бхикшу, получив одежду и другие необходимые предметы, небрежно к ним относились, а вследствие такого отношения к четырем необходимым предметам^[18] не освобождались от перерождений в аду и в мире животных.

Узнав об этом, Учитель, различными способами показав сущность дхармы, предостерег бхикшу от небрежного отношения к четырем необходимым предметам. «Бхикшу, который заботливо относится к своей одежде, — сказал Учитель, — должен избегать холодного». Это и другие правила установив, Учитель сказал: «О бхикшу, относитесь внимательно к своим необходимым вещам, невнимательное отношение подобно употреблению смертельного яда; еще в прежние времена люди, не ведая опасности, из-за небрежности принимали яд и попадали в большую беду». И он рассказал историю о прошлом.

В давние времена, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва возродился в одной зажиточной семье и, когда вырос, стал игроком в кости.

С ним часто играл один мошенник. А у него была такая привычка: всякий раз, когда он видел, что выигрывает партию, то доводил ее до конца, а когда предчувствовал проигрыш, то, засунув одну кость себе в рот, говорил: «Кости одной не хватает!», бросал игру и уходил.

Догадавшись, в чем дело, Бодхисаттва сказал себе: «Ну, хорошо, посмотрим, что будет дальше», и, взяв однажды кости к себе домой, он намазал их ядом, потом тщательно высушил и, придя к мошеннику, сказал: «Давай-ка сыграем в кости, любезный!» — «Давай сыграем», — согласился мошенник, приготовил доску, и они стали играть.

Плут, поняв, что проигрывает, засунул себе в рот одну кость.

Увидев это, Бодхисаттва подумал: «Глотай-глотай, потом узнаешь, что будет с тобой». И он произнес следующую гатху:

Намазанную сильным ядом
Глотает кость, не ведая, мошенник.
Глотай-глотай, коварный плут, —
Потом увидишь, что с тобою будет.

Пока Бодхисаттва так говорил, от быстрого действия яда мошенник потерял сознание и, вращая глазами, упал навзничь.

«Теперь нужно вернуть ему жизнь», — решил Бодхисаттва и дал ему различные лекарства, смешанные с рвотным средством. А когда последнее оказало свое действие, он напоил плута топленным маслом, смешанным с медом и сахаром.

Вылечив мошенника, Бодхисаттва сказал ему: «Впредь больше так не делай». Потом, раздав дары и другие благочестивые деяния совершив, возродился согласно карме.^[19]

Приведя эту историю для разъяснения дхармы, Учитель сказал: «О бхикшу, небрежное отношение к вещам подобно употреблению смертельного яда». Так сказав, он отождествил перерождения: «Тогда мудрым игроком в кости был я».

ДЖАТАКА О ШАКАЛЕ (113)

«Шакалу веришь пьяному...» Эту историю Учитель, находясь в Велуване, рассказал о Девадатте. В то время бхикшу, собравшись в зале дхармы, рассуждали о том, как Девадатта пришел в Гаясису^[20] с пятьюстами бхикшу и стал давать им ложное наставление, будто истинная дхарма не та, которую установил отшельник Готама,^[21] а та,

которую установил он, Девадатта. С помощью этого обмана Девадатта расколол сангху^[22] и установил два священных дня «упосатха».^[23]

В то время как бхикшу сидели, обсуждая пороки Девадатты, вошел Учитель и спросил, о чем идет речь. Когда те объяснили, он сказал: «Не только теперь, о бхикшу, Девадатта распространяет лживое учение, он был лжецом и прежде». И Учитель рассказал историю о прошлом.

В давние времена, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва возродился в образе духа дерева и жил в роще на кладбище.

В то время в Варанаси был объявлен праздник, и жители города, решив принести жертвы якшам,^[24] в каждом дворе и на каждой улице разбросали рыбу и мясо и выставили в кувшинах крепкие напитки.

И вот один шакал, проникнув в полночь в город по сточной трубе, наелся рыбы и мяса, напился вина и, забравшись в кусты, проспал до самого рассвета. Проснувшись и увидев, что уже рассвело, шакал решил, что уйти из города теперь невозможно. Тогда он подошел к дороге, лег возле нее и притаился, чтобы люди, проходившие мимо, не заметили его. Увидев одного брахмана, который шел к водоему полоскать рот, шакал подумал: «Ведь брахманы очень жадны на деньги. Заманю-ка я его каршапанами^[25] и заставлю завернуть меня в верхнюю одежду и на руках вынести из города».

«Эй, брахман!» — позвал шакал человеческим голосом. «Кто это зовет меня?» — обернувшись, спросил брахман. «Это я», — отвечал шакал. «Что тебе надо?» — «У меня, брахман, есть две сотни каршапан; если ты возьмешь меня на руки и, завернув в свою верхнюю одежду, чтобы никто не видел, вынесешь из города, я отдам тебе эти каршапаны».

Из жадности к деньгам брахман согласился и, сделав все, как просил шакал, взял его на руки, вынес из города и прошел еще немного вперед.

«Что это за место, брахман, где мы сейчас находимся?» — спросил шакал. А когда брахман назвал ему это место, шакал стал просить: «Пройди еще немного брахман». И так он все просил брахмана пройти еще и еще, пока они, наконец, не дошли до большого кладбища. «Спусти меня здесь», — попросил шакал. Когда брахман спустил его на землю, шакал сказал: «Расстели здесь свою верхнюю одежду». И брахман, мечтая о деньгах, выполнил и это.

Потом шакал сказал: «А теперь вырой тот древесный корень». И пока брахман был занят этим делом, шакал стал топтать его верхнюю одежду; в четырех углах и в пяти других местах испачкав и намочив ее, он убежал в лес на кладбище.

Тогда Бодхисаттва, стоя на ветке дерева, произнес следующую гатху:

Шакалу веришь пьяному ты, брахман недогадливый.

У них и сотню не найдешь, не то что двести каршапан.

«Теперь, брахман, — сказал Бодхисаттва, — выстирай свою одежду, соверши омовение и займись своими делами», — и исчез.

И брахман, сделав все, как советовал Бодхисаттва, ушел, удрученный таким обманом.

Учитель, приведя эту историю для разъяснения дхармы, отождествил перерождения: «В то время Девадатта был шакалом, а духом дерева был я».

ДЖАТАКА О ХВОСТЕ (144)

«Уж много то, презренный...» Эту историю Учитель во время своего пребывания в Джетаване рассказал о ложном аскетизме адживиков.^[26] Говорят, что за пределами Джетаваны они предавались различным видам ложного аскетизма.

Многие бхикшу, видевшие, как адживики, предаваясь аскетизму, особым образом сидели на пятках, висели в воздухе, как летучие мыши, лежали на шипах, жгли себя пятью видами огня^[27] и прочее, обратились к Благословенному: «Скажи, почтенный, есть ли от этого аскетизма какая-нибудь польза?»

«Нет, бхикшу, — сказал Учитель, — в таком ложном аскетизме нет ни смысла, ни пользы; еще в прежние времена некоторые разумные люди, думая что в этом аскетизме есть смысл и польза, брали огонь, который был зажжен при их рождении, и уходили в лес. Но не видя никакого толку от принесения жертв огню, заливали его водой. А, обратившись к действиям касина,^[28] постигали знания и достижения и возрождались в мире Брахмана».^[29] И Учитель рассказал историю о прошлом.

В давние времена, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва возродился в семье одного брахмана с севера.

В день, когда ребенок появился на свет, родители его зажгли священный огонь, а когда мальчику исполнилось шестнадцать лет, они сказали ему:

«В день твоего рождения, милый, мы зажгли для тебя священный

огонь. Теперь, если ты хочешь вести мирскую жизнь, то изучи три веды,^[30] а если хочешь достигнуть мира Брахмана, то возьми этот огонь и уходи в лес. Почитая огонь, ты заслужишь расположение великого Брахмана и в мире Брахмана возродишься».

«Не нужна мне мирская жизнь», — сказал юноша, взял огонь и, удалившись в лес, построил себе обитель и стал жить там, чтя огонь.

Как-то в одной соседней деревне этот отшельник получил в дар быка. Приведя его к себе в обитель, он решил принести его в жертву богу Агни.^[31] Но тут он вспомнил, что у него в обители нет соли. «Не станет же владыка Агни есть несоленое мясо быка, — решил отшельник, — схожу-ка я в деревню за солью и накормлю владыку соленым мясом». И, привязав быка, он ушел в деревню за солью.

А тем временем какие-то охотники, бродя по лесу, подошли к этой обители. Увидев быка, они убили его, испекли мясо, наелись вдоволь и часть взяли с собой, оставив отшельнику лишь бычьи ноги, кожу и хвост.

Вернувшись в свою обитель и увидев остатки быка, брахман подумал: «Этот владыка Агни даже свое достояние уберечь не может, где уж ему меня защищать! От его покровительства, наверное, никакого проку не будет. Не вижу я в его существовании ни смысла, ни пользы». И, потеряв всякое желание служить Агни, отшельник сказал: «О владыка Агни, ты и свое добро защитить не можешь, как же ты будешь меня защищать. Мяса теперь нет, будь доволен этими отбросами!» И бросив в огонь бычий хвост и другие остатки, он произнес следующую гатху:

Уж много то, презренный Джатаведа,^[32]
Что бычий хвост тебе приносим в жертву.
Раз упустил сегодня свое мясо,
Так будь хвостом оставшимся доволен!

Так сказав, Бодхисаттва залил огонь водой и ушел. Потом, став буддийским отшельником, он постиг все знания и достижения и возродился в мире Брахмана.

Приведя этот рассказ для разъяснения дхармы, Учитель отождествил перерождения: «В то время я был отшельником, погасившим огонь».

ДЖАТАКА О ВОРОНАХ (146)

«Устали клювы от трудов...» Эту историю Учитель во время своего пребывания в Джетаване рассказал об одном содружестве старых

бхикшу. Говорят, что они были в Саваттхи^[33] крупными землевладельцами, жили в богатстве и благополучии и дружили между собой.

И вот однажды, занимаясь своими делами, они услышали, как Учитель проповедует дхарму. Тогда они решили: «Мы ведь уже старики, что нам теперь мирская жизнь! Давайте вступим в сангху и, следуя прекрасному учению Будды, освободимся от страдания». Раздав все свое имущество детям и другим родственникам и покинув своих близких, провожавших их со слезами, они пришли к Учителю и стали просить его принять их в сангху. Учитель их принял. Но, вступив в сангху, они не стали вести жизнь, обычную для отшельников. Из-за преклонного возраста им не удалось постичь дхарму. Как и прежде, в мирской жизни, они и после вступления в сангху построили себе хижины на краю монастыря и поселились вместе. Даже когда они отправлялись за милостыней, то обычно заходили к своим детям и женам и там кормились.

У одного из них была в миру жена, которая проявляла особенную заботу обо всех этих старцах. Поэтому собранную в виде милостыни пищу они приносили к ней в дом и там ели, а она приготавливала им из своих припасов разные соусы и приправы.

Но однажды эта женщина схватила какую-то болезнь и умерла.

Тогда эти старики-тхеры^[34] направились в монастырь. Обняв друг друга за шею и рыдая, они бродили вокруг монастыря и причитали: «Какая прелестная мирянка умерла!»

Услыхав их вопли, отовсюду сошлись другие бхикшу и стали расспрашивать старцев, отчего они так рыдают.

«У нашего друга, — сказали старцы, — была в миру жена. Это была такая прелестная женщина! А о нас она как заботилась! И она умерла. Где же мы теперь найдем такую? Оттого-то мы и плачем».

Тогда бхикшу собрались в зале дхармы^[35] и стали обсуждать поведение старцев. В это время вошел Учитель и спросил, о чем идет речь. Когда бхикшу ему объяснили, Учитель сказал: «Не только теперь, о бхикшу, они бродят, причитая об этой умершей женщине; еще прежде, когда они возродились в образе ворон и когда одна ворона погибла в море, они пытались вычерпать воду из моря и достать ее; и только одно мудрое существо спасло тогда их».

И Учитель рассказал историю о прошлом.

Однажды, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва

возродился в образе морского духа.

Две вороны, муж и жена, в поисках корма прилетели к морскому берегу.

А в это время какие-то люди только что совершили на этом берегу жертвоприношения нагам^[36] и ушли.

Спустившись в том месте, где люди приносили жертву, и увидев молоко, рыбу, мясо, вино и другие яства, обе вороны вдоволь наелись всего этого и напились вина. От вина они сильно охмелели, и им захотелось порезвиться на море. Но когда они, опустившись на поверхность, стали плавать, сильная волна подхватила ворону и унесла в море, а там ее проглотила рыба.

«Жена моя погибла!» — стал плакать и причитать муж вороны.

Стая ворон, услышав его рыдания, прилетела на этот берег узнать, что случилось. А когда муж вороны рассказал, как жену унесло море, все вороны в один голос стали рыдать.

Но потом они решили: «Что для нас эта морская вода? Мы ее вычерпаем и, опустошив море, достанем подружку». И, набирая воды в клювы, они стали выливать ее на сушу. Но от соленой воды глотки их быстро пересохли, и они спустились на берег отдохнуть. Клювы их устали, глаза покраснели. Валясь от сна, они сказали друг другу: «Когда мы берем морскую воду и относим ее на берег, то место, откуда мы ее взяли, снова наполняется водой. Не сможем мы вычерпать море». И они произнесли следующую гатху:

Устали клювы от трудов, и глотки наши высохли,
Из моря воду черпаем, а море наполняется.

И они снова стали трещать: «А какой клюв был у этой вороны, какие круглые глаза, какое оперенье, какой приятный голос! Оттого-то ее у нас похитило море».

И когда они так причитали, страшного вида морской дух показался из воды и разогнал их всех. Это и было их спасением.

Приведя эту историю для разъяснения дхармы, Учитель отождествил перерождения: «Тогда вороной была мирская жена, мужем вороны — старик-тхера, остальными воронами — остальные старые тхеры, а божеством моря был я».

ДЖАТАКА ОБ ОГНЕННОМ ЦВЕТКЕ (147)

«Не в том беда, что ворон злой...» Эту историю Учитель во время своего пребывания в Джетаване рассказал об одном терзаемом тоской бхикшу.

«Правда ли, бхикшу, будто на тебя напала тоска?» — спросил Учитель. «Правда», — отвечал бхикшу. «По ком же ты так тоскуешь?» — «По моей покойной жене, Учитель; это была такая женщина, что сладостные воспоминания о ней не дают мне спокойно жить».

Тогда Учитель сказал: «О бхикшу, она ведь желала тебе зла, еще в прежние времена ты из-за нее был посажен на кол, а из-за того, что причитал по ней, ты после смерти возродился в аду. Почему же ты и теперь так жаждешь ее?» И он рассказал историю о прошлом.

В давние времена, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва был божеством воздуха.

В то время в Варанаси происходили ночные празднества каттика.^[37] Словно город богов, был разукрашен весь Варанаси, и народ развлекался праздничными играми.

У одного бедного человека была единственная пара целой одежды. Когда он выстирал ее и, разбив на множество складок, тщательно разложил, жена сказала ему: «Господин, я хочу надеть платье, украшенное огненным сафлором.^[38] Тогда я обниму тебя за шею и пойду на праздник». — «Где же нам, бедным, достать сафлор? — отвечал муж. — Надень, милая, свое чистое платье и иди на праздник». — «Если у меня не будет сафлора, — настаивала жена, — на праздничное веселье я не пойду. Можешь взять другую женщину и идти с ней». — «Что ты меня мучаешь, милая, откуда же мы можем достать цветы сафлора?» — «Господин, — отвечала жена, — если человек захочет, у него все будет. А разве в царских оранжереях нет сафлора?» — «Да ведь это место подобно озеру, которым владеет ракшаса.^[39] Оно так сильно охраняется, что подойти близко невозможно. Не думай лучше об этом и будь довольна тем, что у тебя есть». — «Но, господин мой, в ночной темноте нет такого места, куда бы не мог проникнуть человек», — продолжала настаивать жена.

И муж, который очень любил ее, поддался, наконец, ее уговорам и согласился. «Ну хорошо, милая, не огорчайся», — сказал он и, рискуя жизнью, ночью покинул город и подкрался к царским оранжереям. Но когда он, проломив забор, проник внутрь, сторожа, услышавшие треск ограды, с криками «Вор! Вор!» побежали за ним. С бранью и побоями его поймали и связали.

Утром вора привели к царю. «Пойдите и посадите его на кол», —

приказал царь. И когда возвестили удары барабана, вору связали сзади руки, вывели из города и посадили на кол. Он испытывал страшные муки. А вороны, сев ему на голову, клевали его глаза.

Но он не обращал внимания на свои мучения и, вспоминая жену, думал: «Теперь я не смогу быть на празднике каттика с нею, обвинившей руками мою шею, одетой в платье, украшенное огненным сафлором». И он произнес следующую гатху:

Не в том беда, что ворон злой меня клюет здесь; горе в том,
Что не достигнет праздника сафлора огненный цветок.

Так он, бормоча все время о своей жене, умер и возродился в аду.

Учитель, приведя эту историю для разъяснения дхармы, отождествил перерождения: «В то время муж и жена были мужем и женой прежних дней, а я был божеством воздуха, разъяснившим эту историю».

ДЖАТАКА О ЧЕРЕПАХЕ (178)

«Здесь родилась я, здесь росла...» Эту историю Учитель, находясь в Джетаване, рассказал об одном человеке, которому удалось спастись от змеиной лихорадки. Говорят, что эта болезнь появилась в одной семье в городе Саваттхи. «Милый, — сказали родители своему сыну, — не оставайся больше в этом доме, пробей стену, беги отсюда куда-нибудь и спасай свою жизнь. Через некоторое время вернешься в это место. Здесь будет зарыто много сокровищ. Откопай их и, наладив свое хозяйство, живи счастливо».

Послушавшись их совета, сын пробил стену и убежал. Одолев свою болезнь, он вернулся на прежнее место, откопал там большие сокровища и зажил счастливо. Однажды он, взяв с собой душистые масла и одежды, пришел в Джетавану поклониться Учителю. Тогда Учитель спросил его:

«Я слышал, на твой дом обрушилась змеиная лихорадка. Как же тебе удалось избавиться от нее?» Когда спасшийся от лихорадки рассказал ему свою историю, Учитель сказал: «Еще в прежние времена, когда возникала опасность, миряне, которые из-за привязанности к своему дому не хотели покидать его, погибали, те же, которые не были привязаны к дому, уходили в другие места и спасали себе жизнь».

И Учитель по просьбе этого мирянина рассказал историю о прошлом.

В давние времена, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва возродился в одной деревне в семье гончара. Занимаясь

гончарным делом, он кормил жену и детей. В то время с большой рекой Варана^[40] было соединено протоком одно озеро. Когда вода поднималась, река и озеро сливались вместе; когда вода спадала, они разделялись. Обычно рыбы и черепахи, жившие в озере, знали заранее, когда год будет дождливым, а когда — засушливым.

И вот однажды, почувствовав, что надвигается засуха, все рыбы и черепахи, пока в протоке между озером и рекой еще была вода, ушли из озера в реку.

Но одна черепаха подумала: «Здесь я родилась, здесь выросла, здесь жили мои родители, не могу я покинуть это место». И она в речку не пошла. В жаркое время, когда вода в озере пересохла, черепаха зарылась в землю как раз в том месте, где Бодхисаттва обычно брал глину. Придя туда однажды за глиной, Бодхисаттва стал рыть землю и, большой лопатой расколов панцирь черепахи, вместе с комьями глины выбросил и ее на поверхность.

Испытывая страшные муки, черепаха подумала: «Из-за привязанности к своему дому я не смогла покинуть этого места и оттого погибла». И, рыдая, она произнесла следующие гатхи:

Здесь родилась я, здесь росла, вот в этой глине был мой дом.

Сгубила глина та меня: расстаться с ней я не могла.

Тебя, Почтенный, я зову, послушай слово ты мое.

В деревне будь то иль в лесу, где счастье можешь ты найти,

Для человека мудрого там родина и дом его;

Всегда иди туда, где жизнь; не то погубит дом тебя.

И так она, все разговаривая с Бодхисаттвой, умерла. Бодхисаттва принес ее с собой в деревню и, собрав всех жителей, обратился к ним: «Посмотрите на эту черепаху; в то время как другие черепахи и рыбы на время засухи ушли в большую реку, она, не желая расстаться со своим домом, вместе с ними не пошла. Забралась она в то место, где я обычно беру глину, и улеглась там. А когда я стал копать глину, то большой лопатой расколол ей панцирь и, как комок глины, выбросил на поверхность.

А она, поняв, что сделала, рыдая произнесла две гатхи и умерла. Так она из-за привязанности к своему дому достигла смерти. Не будьте похожими на эту черепаху. Не говорите с жадностью: «Мое зрение, мой слух, мое обоняние, мое осязание, мой сын, моя дочь, мои рабы и рабыни, мое золото и сокровища. Каждое существо проходит три состояния».^[41] Так

Бодхисаттва разъяснил народу преимущества учения Будды. И, распространив это учение по всей Индии, утвердил его на семь тысяч лет.

А люди, восприняв эти наставления Бодхисаттвы, раздав дары и другие добрые дела совершив, возродились на небе.

Приведя эту историю для разъяснения дхармы, Учитель провозгласил четыре благородные истины^[42] и отождествил перерождения (после провозглашения истин избавившийся от болезни мирянин достиг первого пути): «В то время черепахой был Ананда,^[43] а гончаром — я».

ДЖАТАКА О БРАХМАНЕ САТАДХАММЕ (179)

«Отбросив истинный закон...» Эту историю Учитель во время своего пребывания в Джетаване рассказал о двадцати одном недозволенном способе добывания необходимых для бхикшу предметов.

В то время многие бхикшу зарабатывали себе на жизнь врачеванием, выполнением различных поручений в качестве гонцов и посыльных, обменом милостыни на милостыню и прочее, используя таким образом двадцать один незаконный способ добычи необходимого. Об этом подробно будет рассказано в Джатаке о Сакете.^[44]

Узнав о таком поведении бхикшу, Учитель решил: «Теперь многие бхикшу недозволенным способом добывают себе пропитание. Проведя так свою жизнь, они не смогут избежать перерождений в образе якшей, бестелесных духов, упряжного скота и возрождаются в аду. Для их же пользы и счастья надо провести с ними беседу, которая разъяснит им дхарму». И собрав сангху, он сказал: «О бхикшу, не доставайте себе необходимые для вас предметы, пользуясь при этом двадцатью одним незаконным способом. Пища в горшке для милостыни, полученная недозволенным способом, подобна раскаленному железному шару или смертельному яду. Ученики всех будд и паччекабудд^[45] отвергли и прокляли эти недозволенные способы. Для того, кто ест пищу, полученную незаконным способом, нет уже ни смеха, ни радости. Такая пища, согласно моему учению, подобна отбросам пищи чандалы,^[46] а употребление ее для последователя истинного учения подобно съедению отбросов пищи чандалы». И Учитель рассказал историю о прошлом.

В давние времена, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта,

Бодхисаттва возродился в образе чандалы. Когда он вырос, он отправился в путешествие по каким-то делам, захватив с собой корзину с рисом и другой провизией.

А в это время жил в Варанаси один юноша по имени Сатадхамма, сын богатого брахмана с севера. Этот юный брахман тоже отправился в путешествие, но не взял с собой ни риса, ни корзины.

На большой дороге оба путешественника повстречались. И юный брахман спросил Бодхисаттву: «Какого ты рода, любезный?» — «Я чандала, — отвечал Бодхисаттва, — а ты какого рода?» — «А я брахман с севера», — сказал знатный юноша. «Так давай путешествовать вдвоем», — решили они и вместе отправились в путь.

Когда настало время завтрака, Бодхисаттва выбрал удобное место около воды. Омыв руки, он развязал корзину и сказал брахману: «Отведай моего рису, любезный». — «Что ты, низкий чандала, — отвечал брахман, — я вовсе не нуждаюсь в твоей пище». — «Ну, хорошо», — сказал чандала и достал из корзины столько рису, сколько ему нужно было для завтрака. Положив его на пальмовый лист, он закрыл корзину и принялся за еду.

После завтрака он выпил воды, омыл руки и ноги, уложил остатки пищи в корзину и сказал юноше: «Пойдем, брахман». И они снова тронулись в путь. Весь день они шли, а вечером спустились к водоему и стали купаться.

Когда они вышли из воды, Бодхисаттва снова достал из корзины провизию и, не предлагая брахману, начал есть.

Молодой брахман, голодный и утомленный от ходьбы в течение целого дня, стоял, смотря на чандалу, и думал: «Если он теперь предложит мне поесть, то я не откажусь». Но чандала ел, не говоря ни слова.

«Этот чандала поедает все молча, попрошу-ка я у него остатки его пищи, — решил брахман, — выброшу негодную, а остальную съем». Так он и сделал. Но когда он ел пищу чандалы, его стала терзать мысль: «Ведь тем, что я съел остатки его пищи, я опозорил свое рождение, семью, род, страну». Сильное раскаяние охватило его, и от этого пища с кровью вышла у него обратно. «Ох, из-за такого пустяка я совершил такое недостойное дело», — подумал брахман и, рыдая, произнес следующую гатху:

Такую дрянь, отбросы те, что чандала с трудом мне дал,
Я, брахман, съел, и все они обратно вышли изо рта.

Так сказав, брахман решил: «Зачем мне теперь жизнь, мне, совершившему такой дурной поступок?»

После этого он удалился в лес, никому больше не показывался на глаза и умер одинокой смертью.

Приведя эту историю о прошлом, Учитель сказал: «О бхикшу, как юноша Сатадхамма, который съел остатки пищи чандалы и понял, что из-за такого недостойного поступка для него нет теперь ни радости, ни смеха, так будет со всяким, кто следует высшему учению, но добывает себе на жизнь недозволенным способом. Когда он съест то, что получено им способом, который отверг и проклял Будда, для него не будет больше ни радости, ни смеха».

Дав такое наставление и став совершенно просветленным, Учитель произнес вторую гатху:

Отбросив истинный закон, кто не по дхарме действует,
Как Сатадхамма брахман, тот ни в чем не видит радости.

Приведя эту историю для разъяснения дхармы и провозгласив благородные истины, Учитель отождествил перерождения (после провозглашения истин многие бхикшу достигли первого пути): «Тогда чандалой был я».

ДЖАТАКА О ЛЬВИНОЙ ШКУРЕ (189)

«Не тигра голос слышу я...» Эту историю Учитель во время своего пребывания в Джетаване рассказал о Кокалике.^[47] В это время тот собирался читать что-то нараспев. Узнав об этом, Учитель рассказал историю о прошлом.

В давние времена, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва возродился в семье одного пахаря и, когда вырос, сам стал добывать пропитание пахотой.

В то время один торговец, нагрузив осла, бродил с ним от деревни к деревне, продавая товары.

И всякий раз, куда бы торговец ни приходил, он снимал с осла ношу, надевал на него львиную шкуру и пускал в ячменное или рисовое поле. Сторожившие эти поля люди, увидев одетого в шкуру осла, думали, что это лев, и не решались подойти к нему.

И вот однажды этот торговец, расположившись у ворот одной деревни, стал варить себе завтрак, а осла, одев в львиную шкуру, пустил в ячменное поле.

Сторожа, охранявшие поле, подумали, что это лев, и, боясь подойти к нему, пошли в деревню и рассказали, что видели.

Все жители деревни, вооружившись, стали дуть в трубы, бить в барабаны и с криками подошли к полю.

Испуганный осел закричал своим ослиным голосом.

Тогда Бодхисаттва, догадавшись, что это осел, произнес первую гатху:

Не тигра голос слышу я, не леопарда и не льва.

Со шкурой львиной на спине осел презренный здесь кричит.

А когда жители деревни поняли, что это осел, они бросились на него и били до тех пор, пока не перебили ему кости; тогда они ушли в деревню, захватив с собой львиную шкуру.

Когда торговец подошел к полю и увидел, что осел попал в такую беду, он произнес вторую гатху:

Ведь долго мог еще осел ячмень зеленый в поле есть, —

Он в шкуре львиной закричал и оттого теперь погиб.

Как только он произнес эти слова, осел испустил дух, а торговец оставил его и ушел.

Приведя эту историю, Учитель отождествил перерождения: «Тогда ослом был Кокалика, а мудрым пахарем был я».

ДЖАТАКА О РУХАКЕ (191)

«Пусть разорвалась тетива...» Эту историю Учитель во время своего пребывания в Джетаване рассказал о страсти одного бхикшу к своей покойной жене. Подробности этой истории будут изложены в восьмой книге в Индрия джатаке.

Тогда Учитель сказал: «О бхикшу, эта женщина — злая, еще прежде она осрамила тебя перед царем и его приближенными, а сама убежала из дома». И он рассказал историю о прошлом.

В давние времена, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва был сыном его главной супруги. Когда он вырос, отец его умер, и он, приняв власть, справедливо управлял царством. Главным жрецом у него был некий Рухака. Этот Рухака был женат на одной брахманке.

И вот как-то царь подарил своему жрецу коня в пышно разукрашенной попоне. Сев на этого коня, жрец отправился на царскую службу.

Встречавшиеся ему по дороге люди, увидев его верхом на таком нарядном коне, останавливались и начинали расхваливать коня: «Вот это конь! Вот это красавец!»

Вернувшись домой, жрец сказал жене: «Милая, наш конь необычайно красив: пока я ехал на службу, со всех сторон только и слышались похвалы ему». А жена брахмана была склонна к хитрости и обману. И она сказала мужу: «Почтенный, ты не знаешь, отчего конь так красив; ведь он прекрасен из-за своей нарядной попоны. Если ты хочешь быть красивым, как твой конь, надень на себя его попону, выйди на улицу и, как конь, стуча ногами, иди к царскому дворцу и покажись царю. Царь тебя расхвалит, ну и люди, конечно, тоже».

И этот обезумевший брахман, выслушав ее слова и не понимая, с какой целью она это говорит, поверил ей и сделал все, как она сказала.

Все люди, встречавшиеся жрецу на улице, смеялись и говорили: «Красив Учитель!» А царь, увидев жреца, сказал: «Что это, почтенный, у тебя печенка распухла что ли? Ты, видимо, тронулся». И стал всячески его стыдить.

«Неприлично я поступил», — подумал, устыдившись, брахман. И разозлившись на жену, решил: «Из-за нее я осрамился перед царем и его приближенными, избыю ее и выгоню». И с этими мыслями он пошел домой.

А хитрая брахманка, увидев, что муж идет домой в гневе, не дожидаясь его, вышла другим ходом, отправилась в царский дворец и там провела четыре-пять дней.

Царь, узнав об этом, велел позвать жреца и сказал ему: «Учитель, все женщины порочны, ты должен простить свою жену». И, чтобы заставить его примириться, царь произнес первую гатху:

Пусть разорвалась тетива, мы вновь ее соединим;
Соединись с женой своей и в сердце гнева не держи.

Выслушав слова царя, Рухака произнес вторую гатху:

К чему нам старая теперь для лука тетива нужна?
Коль матерьял и мастер есть, другую сделаем скорей.

Так сказав, жрец выгнал первую жену и взял себе в жены другую брахманку.

Учитель, приведя этот рассказ для разъяснения дхармы, провозгласил благородные истины и отождествил перерождения (после

провозглашения истин тоскующий бхикшу достиг первого пути): «В то время первая жена была первой женой прошлой истории, тоскующий бхикшу был Рухакой, а царем Варанаси был я».

ДЖАТАКА О ПОХИЩЕННОЙ ДРАГОЦЕННОСТИ (194)

«Богов здесь нет, они теперь далёко...» Эту историю Учитель во время своего пребывания в Велуване рассказал о Девадатте, покушавшемся на его жизнь. Услыхав, что Девадатта собирается его убить, Учитель сказал: «Не только теперь, о бхикшу, — еще раньше Девадатта пытался убить меня, но ему это не удалось». И он рассказал историю о прошлом.

В давние времена, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва возродился в семье одного домовладельца в деревне, расположенной недалеко от Варанаси. Когда он достиг зрелого возраста, его женили на одной девушке из хорошей семьи в Варанаси. Она была очаровательна, необыкновенно мила, красива, словно небесная апсара,^[48] изящна, как вьющееся растение, резва, как киннари.^[49] Звали ее Суджата. Была она верной женой, скромной, исполняющей свой долг. Она исправно несла свои обязанности по отношению к свекрови и свекру и мужу была приятна. И так они, довольные друг другом, жили душа в душу.

Однажды Суджата сказала Бодхисаттве, что хочет повидать своих родителей. «Хорошо, милая, — сказал Бодхисаттва, — приготовь продовольствие на дорогу». Он велел наварить разной еды и, погрузив в повозку все необходимое для дороги, тронулся в путь. Бодхисаттва, погоняя волов, сидел впереди, а Суджата — сзади.

Подъехав к городу, они распрягли упряжку, совершили омовение и стали закусывать. Потом Бодхисаттва запряг волов и опять сел впереди, а Суджата, которая меняла одежду и украшения, устроилась сзади.

Когда они въезжали в Варанаси, царь, совершая обычный обход города, проезжал на слоне как раз по этой же улице. В это время Суджата, сойдя с повозки, шла сзади. Увидев ее, царь, пораженный ее красотой, впился в нее глазами. Воспылав к ней страстью, он сказал своему советнику: «Пойди, разузнай, замужем она или нет». Вернувшись, советник сказал царю: «Она замужем, о божественный. Говорят, что человек, который сидит в повозке, и есть ее муж».

Не в состоянии преодолеть своего влечения к этой женщине, царь решил любым способом погубить мужа и взять себе его жену. Позвав одного человека, царь дал ему гребень и сказал: «Любезный, возьми этот гребень, украшенный драгоценными камнями, и, как будто бы гуляя по улице, незаметно подкинь его в повозку тому человеку».

Тот взял гребень, подбросил его в повозку Бодхисаттвы, вернулся и доложил обо всем царю.

«У меня пропал гребень, украшенный драгоценными камнями», — заявил царь. Люди подняли шум.

«Закройте все ворота, — приказал тогда царь, — оцепите все выходы и ищите вора». Царские люди закрыли все выходы. Весь город пришел в смятение. А человек, который подбросил гребень, в сопровождении нескольких других людей подошел к Бодхисаттве и сказал: «Эй, ты, останови волов: у царя пропал драгоценный гребень, мы должны обыскать твою повозку».

Обшарив повозку, они нашли подкинутый царский гребень и с криками «Вор!» надавали пинков Бодхисаттве и скрутили ему руки назад.

Потом вора привели к царю и сказали: «Вот похититель гребня!» — «Отрубите ему голову», — приказал царь. Тогда царские люди, отхлестав вора плетью на площади, вывели его из города через правые ворота. Суджата, сойдя с повозки, с мольбой протягивала руки и шла сзади, причитая: «О господин мой, из-за меня постигло тебя такое горе».

Царские люди, намереваясь отрубить голову Бодхисаттве, положили его на спину. Увидев это, Суджата подумала о своей добродетельности и стала рассуждать сама с собой: «Я думаю, нет в этом мире богов, способных воспрепятствовать злым и жестоким людям причинять зло благородным». И, рыдая, она произнесла первую гатху:

Богов здесь нет. Они теперь далёко.
И стражей мира ты теперь не сыщешь.
На совершающих насилие незаконно
Ты не найдешь тут никакой управы.

Когда эта благочестивая женщина так причитала, трон Шакры, ¹⁵⁰¹ царя богов, сделался горячим. «Кто это меня низвергает с пьедестала царя богов?» — подумал он. И, выяснив причину, решил: «Царь Варанаси слишком жестоко поступает, благородную Суджату ввергает в такое несчастье. Мне надо прийти на помощь».

Спустившись из мира богов, Шакра с помощью своей магической силы сидевшего на слоне злого царя в один миг снял со слона и положил

навзничь на место казни. А Бодхисаттву, подняв оттуда, облачив в царскую одежду и украсив всевозможными драгоценностями, посадил на царского слона.

Царские слуги, подняв топор, отрубили царю голову и только после этого заметили, что это голова царя.

Тогда царь богов Шакра, приняв видимую форму, подошел к Бодхисаттве и помазал его на царство, а Суджату сделал его главной супругой.

Советники, брахманы и знатные домовладельцы, увидев царя богов, возрадовались: «Несправедливый царь убит, — говорили они, — теперь у нас будет справедливый царь, поставленный Шакрой».

И Шакра, находясь в воздухе, сказал: «Вот вам царь, данный Шакрой. Отныне он будет справедливо управлять царством. Если же он окажется несправедливым, бог будет посылать дождь не вовремя, а вовремя дождя не будет, и появятся для людей три опасности: опасность голода, опасность эпидемии и опасность меча». Так наставляя их, Шакра произнес вторую гатху:

Не в сроки дождь ему идет, а в сроки нет ему дождя;
С небес низвержен наземь царь и за нечестие убит.

Дав народу такое наставление, Шакра ушел в свои небесные края. А Бодхисаттва, справедливо управляя царством, возродился на небе.

Приведя эту историю для разъяснения дхармы, Учитель отождествил перерождения: «Тогда несправедливым царем был Девадатта, Шакрой — Ануруддха,^[51] Суджатой — мать Рахулы,^[52] а царем, поставленным Шакрой, был я».

ДЖАТАКА О ЛЕТАЮЩЕМ КОНЕ (196)

«Заветам просветленного...» Эту историю Учитель во время своего пребывания в Джетаване рассказал об одном тоскующем бхикшу.

«Правда ли, бхикшу, будто ты пребываешь в смятении?» — спросил Учитель. «Правда», — отвечал тот. — «И что же за причина этому?» — «Я увидел одну нарядную женщину и воспылал к ней страстью», — отвечал бхикшу.

Тогда Учитель сказал: «Есть такие женщины, о бхикшу, которые, завлекая мужчин своим видом, голосом, благовониями, прикосновением и своим женским кокетством, подчиняют их своей власти. А почуяв, что те потеряли волю, они своим коварством лишают их нравственности и благосостояния. Этих женщин называют якшини.^[53]

Однажды — это было в давние времена — якшини, приблизившись к каравану купцов, соблазнили их своими женскими чарами и подчинили своей власти. Через некоторое время, когда в этом месте появились другие люди, якшини перебили прежних купцов и съели их с такой жадностью, что на зубах у них хрустели кости, а с губ стекали струйки крови».

И Учитель рассказал историю о прошлом.

Был когда-то на острове Тамбапанни^[54] город, называемый Сирисаваттху. В этом городе жили якшини.

Всякий раз, когда около их города разбивался корабль, якшини, наряженные и украшенные драгоценностями, захватив с собой всевозможные угощения, с детьми на руках и в сопровождении толпы служанок выходили на берег.

Чтобы купцы не сомневались в том, что они попали в город, где живут люди, якшини с помощью своей магической силы заставляли их видеть то людей, пашущих землю, то пасущих коров, то стада скота, то собак. Потом, подойдя к купцам, якшини просили их отведать рисовой каши и разных других угощений. Ничего не подозревая, купцы съедали все, что им было предложено, а когда они, наевшись, располагались отдохнуть, якшини затевали с ними беседу.

«Где вы живете, — спрашивали они купцов, — откуда прибыли? Куда направляетесь и что за дело привело вас сюда?» «Мы попали сюда с разбитого корабля», — отвечали купцы. «Вот и хорошо, — говорили якшини, — прошло уже три года, почтенные, с тех пор как наши мужья

вышли отсюда на корабле. Они, наверное, погибли. А вы ведь тоже купцы, так мы будем вашими женами», — и, завлекая купцов разными женскими хитростями, чарами и уловками, якшини приводили их в свой город. В случае, если у них оставались еще раньше захваченные люди, якшини связывали их и бросали в дом пыток. А когда якшини не находили около своего города людей, потерпевших кораблекрушение, они обычно обыскивали все морское побережье от реки Кальяни^[55] до Нагадипы.^[56]

И вот однажды пятьсот купцов высадились на берег с разбитого корабля около города Сирисаваттху. Подойдя к берегу, якшини стали завлекать купцов и привели их в свой город, а людей, захваченных раньше, они связали цепями и бросили в дом пыток.

Старшая якшини выбрала себе старшего купца, а другие якшини взяли себе остальных купцов и сделали их своими мужьями. Ночью, когда муж заснул, старшая якшини встала и пошла к дому пыток. Там она убила несколько человек, наелась их мяса и вернулась обратно. То же самое сделали и остальные якшини. Когда старшая якшини наелась человеческого мяса, тело ее стало холодным, и старший купец, обняв ее, догадался, что она якшини.

«Наверное, все эти пятьсот женщин тоже якшини, — подумал он, — нам надо бежать». На следующее утро, совершая омовение лица, старший купец сказал остальным: «Это ведь якшини, а не люди; как только появятся купцы с других разбитых кораблей, якшини сделают их своими мужьями, а нас съедят. Давайте бежать отсюда!» Когда он так сказал, одна половина купцов ответила: «Не можем мы покинуть наших жен; вы уходите, а мы никуда не побежим отсюда». Тогда двести пятьдесят остальных купцов, послушавшись старшего, из страха перед якшини сбежали от них.

В это время Бодхисаттва возродился в образе летающего коня. Он был весь белый, с головой черной, как у вороны, с гривой, похожей на траву мунджа.^[57] Кроме того, он обладал сверхъестественной силой и умел летать по воздуху.

Поднявшись в воздух в Гималаях, он прилетел на остров Тамбапанни и бродил там вокруг прудов и озер, питаясь диким рисом. Преисполненный сострадания к купцам, конь трижды прокричал человеческим голосом: «Есть ли желающие вернуться домой?»

«Мы хотим вернуться домой, почтенный», — сказали купцы, подойдя к коню и приветственно сложив руки. «Ну, забирайтесь ко мне на спину», — сказал конь. Тогда некоторые купцы забрались ему на спину, другие уцепились за хвост, а третьи так и остались стоять, приветственно сложив

руки.

И Бодхисаттва своей магической силой поднял все две с половиной сотни купцов и даже тех, которые стояли, приветственно сложив руки, и доставил их каждого к себе домой, а после этого вернулся в свои родные места. А якшини, когда появились купцы с нового разбитого корабля, перебили оставшихся двести пятьдесят человек и съели их.

Обратившись к бхикшу, Учитель сказал: «О бхикшу, подобно тому как погибли те купцы, которые попали под власть якшини, а те, которые послушались совета летающего коня, вернулись каждый к себе домой, точно так же те бхикшу и бхикшини, буддийские миряне и мирянки, которые не выполняют заветов Просветленных, достигают великой скорби в четырех посмертных состояниях,^[58] где они испытывают действие пяти видов уз, а те, которые выполняют заветы, достигают трех счастливых состояний,^[59] шести небес, населенных разумными существами, и двадцати миров Брахмана.^[60] После этого они достигают великой вечной нирваны и обретают блаженство».

Так сказав и став совершенно просветленным, Учитель произнес следующие гатхи:

Заветам Просветленного кто следовать не думает,
Погибнет он, как те купцы, которых съели якшини.

Кто в жизни своей следует заветам Просветленного,
Спасен тот будет, как купцы, которых конь от смерти спас.

Приведя эту историю для разъяснения дхармы и показав благородные истины, Учитель отождествил перерождения (после показа истин тоскующий бхикшу достиг первого пути, а многие другие бхикшу достигли первого, второго, третьего и четвертого путей): «Тогда двести пятьдесят купцов, последовавших за летающим конем, были последователями Будды, а летающим конем был я».

ДЖАТАКА О ХОЗЯИНЕ ДОМА (198)

«Обоих не могу простить...» Эту историю Учитель, находясь в Джетаване, рассказал об одном тоскующем бхикшу.

«За женщинами уследить невозможно, — сказал Учитель, — так или иначе они сумеют согрешить и обмануть своих мужей». И он рассказал историю о прошлом.

Однажды, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва возродился в стране Каши¹⁶¹ в семье одного домовладельца, а когда вырос, сам стал хозяином дома и главой семьи.

Его жена была безнравственной женщиной, и однажды она завела любовную интригу с деревенским старостой. Узнав об этом, Бодхисаттва все думал, как бы уличить ее.

В тот год во время дождливого сезона водой были смыты все семена, и наступил голод. А когда только что взошли новые посевы, крестьяне пришли к деревенскому старосте и стали просить у него вола для еды.

«Через два месяца, — сказали они, — мы соберем зерно и отдадим тебе за вола рис». Получив у старосты вола, они ушли.

Как-то раз, выбрав удобный момент, когда Бодхисаттвы не было дома, староста пришел к его жене.

В то время, как они вдвоем предавались наслаждениям, Бодхисаттва вошел в деревенские ворота и направился к дому.

Жена, посмотрев на ворота и увидев его издали, подумала: «Кто бы это мог быть?». И только когда Бодхисаттва был уже на пороге, она узнала его и сказала об этом старосте.

Староста задрожал от страха. «Не бойся, — сказала женщина, — у меня есть план, как выйти из этого положения. Ведь мы взяли у тебя мясо вола и съели; сделай вид, будто ты требуешь у нас плату за мясо. А я заберусь в амбар и, стоя в дверях, буду кричать: «Нет риса здесь!» Ты же стань посреди дома и требуй все настойчивее: «У меня, скажи, дети дома, отдай мне плату за мясо!».

И женщина, забравшись в амбар, села в дверях, а староста, стоя посреди дома, стал просить плату за мясо. «В амбаре риса нет, — отвечала она, — вот соберем урожай, тогда отдадим, а сейчас уходи».

Войдя в дом и увидев все это, Бодхисаттва подумал: «Наверное, эта негодница придумала такую хитрость». И он сказал старосте: «Послушай, староста, когда мы брали у тебя старого вола на еду, мы обещали тебе отдать рис за него через два месяца. Но не прошло еще с тех пор и полмесяца. Почему же ты сейчас требуешь плату? Ты не за долгом пришел сюда. Ты, наверное, по другому делу пришел. Мне это не нравится. А эта развратная негодница знает, что в амбаре рису нет, а сама забралась туда и кричит: «Нет риса!» А ты кричишь: «Отдай рис!» Мне не нравятся ваши дела». И он произнес следующие гатхи:

Обоих не могу простить, не нравятся мне их дела:

Жена залезла вдруг в амбар, стоит там и кричит: «Не дам!»

Тебе же, староста, скажу: ты мясо старого вола
Нам в долг дал на два месяца; но половины не прошло,
А ты уплаты требуешь, и это мне не нравится.

И Бодхисаттва схватил старосту за клоч волос, торчавший у него на макушке, и вытащил на середину дома.

«Ты поступаешь незаконно по отношению к чужой собственности», — сказал Бодхисаттва. И, ругая старосту, стал бить его. И хотя тот кричал: «Я деревенский староста!!», Бодхисаттва избил его до изнеможения и, ухватив за клоч волос, выволок из дома. А порочную жену он за волосы вытащил из амбара, избил и пригрозил ей: «Если ты еще раз это сделаешь, тогда узнаешь, что будет».

С тех пор деревенский староста даже смотреть на этот дом не решался, а неверная жена больше и в мыслях грешить не смела.

Учитель, приведя эту историю для разъяснения дхармы, провозгласил четыре благородные истины (в результате этого тоскующий бхикшу достиг первого пути) и отождествил перерождения: «В то время хозяином дома, наказавшим старосту, был я».

ДЖАТАКА ОБ АНТИЛОПЕ (206)

«Зубами, черепаха, ты...» Эту историю Учитель во время своего пребывания в Велуване рассказал о Девадатте. Услыхав о злобных намерениях Девадатты, Учитель сказал: «Не только теперь, о бхикшу, Девадатта замышляет убить меня, он еще прежде пытался сделать это». И он рассказал историю о прошлом.

В давние времена, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва возродился в образе антилопы и жил в лесной чаще недалеко от озера. На берегу этого озера на дереве жил дятел, а в озере обитала черепаха. И все трое были друзьями.

И вот один охотник, бродя по лесу, заметил следы Бодхисаттвы на его пути к водопою. На этом месте охотник поставил западню и ушел. Западня, хотя и сделанная из кожаных ремней, была прочна, как железная цепь.

В первой половине ночи Бодхисаттва, спускаясь к озеру, чтобы напиться воды, попал в западню и пронзительно закричал, как кричат все пойманные антилопы.

Услышав этот крик, дятел слетел с верхушки дерева, а черепаха выползла из воды, и они стали думать, как помочь Бодхисаттве.

«Почтенная, — сказал дятел черепахе, — у тебя есть зубы, ты перегрызи ремни западни, а я позабочусь о том, чтобы не пришел охотник; так мы спасем жизнь нашему другу». И, поясняя это, дятел произнес первую гатху:

Зубами, черепаха, ты грызи ремни той западни,
А я пойду следить за тем, чтобы охотник не пришел.

Тогда черепаха стала перегрызать ремни западни, а дятел полетел в деревню, где жил охотник.

Едва забрезжил рассвет, охотник взял нож и отправился из дому. Увидев его, дятел закричал, захлопал крыльями и ударился прямо в лицо охотнику как раз в тот момент, когда тот выходил через переднюю дверь.

«Меня ударила птица, несущая дурное предзнаменование», — подумал охотник и вернулся домой.

Полежав немного, он встал и решил опять идти в лес. «Когда я выходил через переднюю дверь, — стал он размышлять, — я увидел птицу, несущую дурное предзнаменование; выйду-ка я теперь через заднюю дверь».

А дятел, угадав его замысел, полетел и спустился за домом.

Когда охотник выходил через заднюю дверь, дятел снова закричал и ударился ему в лицо.

«Эта птица, несущая дурное предзнаменование, не дает мне выйти из дому», — подумал охотник, вернулся в дом и пролежал до самого восхода.

А когда взошло солнце, охотник, захватив с собой нож, снова вышел из дому. На этот раз дятел быстро полетел в лес и сообщил Бодхисаттве о приближении охотника. К этому времени черепаха перегрызла все ремни западни, кроме одного, последнего. Рот ее был полон крови, и казалось, что она лишилась всех зубов.

Увидев охотника с ножом в руке, который приближался с быстротой молнии, Бодхисаттва перервал последний ремень и убежал в лес. Дятел сел на дереве. А черепаха была так слаба, что не могла сдвинуться с места. Охотник положил ее в мешок и повесил на дерево.

Бодхисаттва, обернувшись и увидев, что черепаха попала в руки охотника, решил спасти жизнь своему другу. Он показался на глаза охотнику и сделал вид, будто бы совсем ослабел.

«Наверное, эта антилопа совсем ослабела», — решил охотник и с ножом бросился преследовать Бодхисаттву, а тот, держась все время на почтительном расстоянии, заманил охотника в лес. И когда Бодхисаттва увидел, что они зашли очень далеко, он ускользнул от охотника и, словно

ветер, помчался обратно другим путем.

Прибежав к тому месту, где охотник подвесил черепаху, Бодхисаттва рогом подцепил мешок, сбросил его на землю, разорвал и выпустил черепаху.

Дятел слетел с дерева. И Бодхисаттва, давая обоим наставление, сказал:

«Вы спасли мне жизнь, вы поступили как настоящие друзья, а теперь охотник может прийти и схватить вас. Поэтому ты, друг дятел, бери своих птенцов и лети в другое место, а ты, милая черепаха, ныряй в воду». Так они сделали.

Учитель, став совершенно просветленным, произнес вторую гатху:

Сбежала антилопа в лес, в пруд черепаха уползла,
А дятел, взяв своих птенцов, в другое место улетел.

Охотник, придя на это место и никого не увидев, взял разорванный мешок и пошел домой огорченный. А трое друзей, всю жизнь дружбы не прерывая, возродились согласно карме.

Учитель, приведя эту историю, отождествил перерождения: «Тогда охотником был Девадатта, дятлом — Сарипутта,¹⁶²¹ черепахой — Могаллана,¹⁶³¹ а я был антилопой».

ДЖАТАКА О ЦАРЕ АССАКЕ (207)

«С царем Ассакою вдвоем...» Эту историю Учитель, находясь в Джетаване, рассказал о непроходящей страсти одного бхикшу к своей покойной жене.

«Правда ли, бхикшу, что ты тоскуешь?» — спросил Учитель. «Правда», — отвечал тот. «По ком же ты так тоскуешь?» — «По своей покойной жене», — отвечал бхикшу. «Не только теперь, бхикшу, ты страдаешь из-за этой женщины, еще в прежние времена ты обрел из-за нее великую печаль». И он рассказал историю о прошлом.

Некогда в стране Каши, в городе Потали,¹⁶⁴¹ правил царь по имени Ассака. Он очень любил свою главную жену Уббари, которая была необыкновенно мила, красива и обаятельна. Она превосходила красотой всех людей, не достигая только красоты богов. И вот она умерла.

Страшная тоска охватила царя после ее смерти. Он ходил мрачный и удрученный. Тело царицы он велел натереть сезамовым маслом и, положив в деревянный ящик, поставить под свою кровать. А сам лежал, не

принимая пищи, рыдал и причитал.

Родители и родственники, друзья и приближенные, брахманы и знатные домовладельцы стояли вокруг царя и старались утешить его.

«Не печалься, о великий царь, — говорили они, — все в мире непостоянно». Но так и не смогли успокоить его.

И пока царь пребывал в тоске, прошло семь дней.

А в то время Бодхисаттва был отшельником, постигшим пять высших знаний¹⁶⁵¹ и восемь достижений.¹⁶⁶¹ Он жил в Гималаях и благодаря своей божественной проницательности мог знать, что происходит по всей Индии.

И вот, увидев, как рыдает царь Ассака, Бодхисаттва решил помочь ему.

Поднявшись в воздух с помощью своей магической силы, Бодхисаттва спустился в царском саду и сел на ритуальный камень подобно золотому изваянию.

В это время один молодой брахман города Потали пришел в сад; увидев Бодхисаттву, брахман почтительно приветствовал его и сел поблизости.

«Скажи, юноша, — обратился к нему Бодхисаттва, — что, ваш царь справедлив?» — «Да, почтенный, — отвечал брахман, — царь справедливый человек. Но у него недавно умерла жена, ее тело он положил в деревянный ящик, а сам вот уже седьмой день лежит и рыдает. Почему бы тебе не освободить царя от этой печали? Такому благочестивому существу, как ты, следует помочь царю в его несчастье». — «Да я ведь не знаю царя, юноша, — сказал Бодхисаттва, — но если бы он сам пришел и спросил меня, я бы рассказал ему о новом рождении его жены Уббари и заставил бы ее поговорить с царем». — «Тогда посиди здесь, почтенный, пока я не приведу к тебе царя», — сказал юноша. И, получив согласие Бодхисаттвы, пришел к царю и рассказал ему обо всем. «Ты должен пойти к этому человеку, обладающему божественной проницательностью, о великий царь», — сказал юноша.

При мысли, что он сможет увидеть свою Уббари, обрадованный царь сел на колесницу и приехал к тому месту, где сидел Бодхисаттва.

Приветствовав Бодхисаттву, царь сел возле него и спросил: «Правду ли говорят, что ты знаешь новое воплощение моей божественной царицы?» — «Да, знаю, великий царь», — отвечал Бодхисаттва. «В кого же она воплотилась?» — «О великий царь, она при жизни так опьянена была своей красотой, что пренебрегала всем остальным и не совершала добрых поступков. Поэтому она возродилась в образе навозного жука и находится в этом парке». — «Не верю я этому», — сказал царь. «Тогда я покажу тебе ее, — отвечал Бодхисаттва, — и заставлю говорить».

Царь согласился, и Бодхисаттва приказал с помощью своей магической

силы: «Эй, вы двое, те, что копаетесь в навозе, приблизьтесь к царю!» И оба жука подлетели к царю.

Указав на одного из них, Бодхисаттва сказал царю: «Это, великий царь, и есть твоя божественная Уббари; вылетев из этой навозной кучи, она следует за своим мужем-жуком, смотри на нее». — «Как! Моя жена Уббари стала теперь навозным жуком? Не верю я этому!» — закричал царь. «Тогда я заставлю ее говорить, о великий царь, — сказал Бодхисаттва и окликнул ее по имени, — Уббари!» — «Что тебе, почтенный?» — отвечала она человеческим голосом. «Кем ты была в прежнем рождении?» — «Я была, почтенный, главной женой царя Ассаки, а звали меня Уббари». — «Скажи: кто теперь тебе дороже, царь Ассака или этот жук?» — «Почтенный, — отвечала Уббари, — ведь то было мое прежнее рождение. Тогда в этом парке я гуляла вместе с царем и находила удовольствие в формах, звуках, запахах, вкусе и осязании. Но с тех пор, как я сменила воплощение, что для меня этот царь? Теперь мне ничего не стоит убить царя Ассаку и кровью из его горла вымазать ноги моему мужу-жуку».

И она человеческим голосом произнесла следующие гатхи:

С царем Ассакою вдвоем, супругом дорогим моим,
В любви взаимной некогда гуляли в этом парке мы.

Печаль и радость прежние теперь затмились новыми,
И потому милее мне царя Ассаки этот жук.

Выслушав ее слова, царь стал сожалеть о своей напрасной печали и приказал унести тело царицы.

Потом он омыл себе голову, простился с Бодхисаттвой и возвратился в город. Там он выбрал себе другую царицу и справедливо управлял царством.

А Бодхисаттва, дав царю наставление и избавив его от тоски, ушел в Гималаи.

Приведя эту историю для разъяснения дхармы и провозгласив четыре благородные истины, Учитель отождествил перерождения (после провозглашения истин тоскующий бхикшу достиг первого пути): «Тогда покойная жена бхикшу была царицей Уббари, страдающий бхикшу — царем Ассакой, а я был отшельником».

ДЖАТАКА О ЧЕРЕПАХЕ (215)

«Убила черепаха ведь...» Эту историю Учитель во время своего пребывания в Джетаване рассказал о Кокалике. Подробности этого рассказа будут изложены в Махатаккария джатаке.¹⁶⁷¹

«Не только теперь, — сказал Учитель, — Кокалика погибает из-за своей разговорчивости; так с ним было и прежде». И он рассказал историю о прошлом.

В давние времена, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва возродился в семье царского приближенного, а когда он вырос, стал советником царя в артхе¹⁶⁸¹ и дхарме.

Царь был так разговорчив, что, когда он говорил, никто другой не мог произнести ни слова. И Бодхисаттва стал искать подходящего случая, чтобы умерить болтливость царя.

В то время в области Гималаев жила в одном пруду черепаха. Два молодых гуся, ища себе корма, познакомились с этой черепахой и вскоре стали с ней близкими друзьями.

«Милая черепаха, — сказали ей однажды гуси, — есть у нас в Гималаях, на плато горы Читтакута,¹⁶⁹¹ в золотой пещере, великолепный дом. Не хочешь ли ты отправиться туда с нами?» — «А как же я доберусь туда?» — спросила их черепаха. «Если ты сможешь закрыть рот и ни с кем не говорить ни слова, мы донесем тебя туда». — «Хорошо, я закрою рот, — отвечала черепаха, — возьмите меня с собой».

Тогда гуси дали черепахе палку и велели ухватиться зубами за середину ее, а сами взяли эту палку за оба конца и поднялись в воздух.

Деревенские мальчишки, увидев эту картину, закричали: «Смотрите, гуси несут на палке черепаху!». — «Если меня несут мои друзья, то вам-то что за дело до этого, негодные?» — так собралась было ответить черепаха и выпустила из зубов палку как раз в тот момент, когда быстро летевшие гуси достигли Варанаси и пролетали над царским дворцом.

Выпустив палку, черепаха упала на землю и разбилась.

«Черепаха разбилась!» — слышались со всех сторон крики.

Царь в сопровождении Бодхисаттвы и приближенных подошел к тому месту, где упала черепаха, и, увидев ее, спросил Бодхисаттву: «Скажи, мудрейший, почему эта черепаха упала сюда?»

Тогда Бодхисаттва подумал: «Долго я искал подходящего случая, чтобы дать царю наставление; вероятно, эта черепаха была дружна с гусями; они предложили отнести ее в Гималаи и, велев ей уцепиться зубами за палку, поднялись в воздух. А черепаха, когда услышала крики удивленных детей, захотела ответить и, открыв рот, выпустила палку. Так она упала с неба и

так погибла».

Поразмыслив так, Бодхисаттва сказал царю: «О великий царь, все, у кого слишком длинный язык и кто не знает предела словам, — все приходят к такому печальному концу». И Бодхисаттва произнес следующие гатхи:

Убила черепаха ведь себя, не к месту рот открыв,
Когда держала палку ту, убила словом собственным.

Запомни, господин, ты хорошенько,
Не длинно надо говорить, а умно.
Сам видишь, от болтливости погибла черепаха та.

Тогда царь, догадавшись, что речь идет о нем, спросил Бодхисаттву: «Ты обо мне говоришь, мудрейший?» — «О великий царь, ты или кто другой, разговорчивый сверх меры, не избежит подобного несчастья».

С этого времени царь стал воздерживаться в речах и постепенно сделался неразговорчивым.

Учитель, приведя эту историю, отождествил перерождения: «Тогда черепахой был Кокалика, двое тхер были гусями, Ананда — царем, а я был мудрым советником».

ДЖАТАКА О ПРОКЛЯТИИ (219)

«Мои те драгоценности...» Эту историю Учитель во время своего пребывания в Джетаване рассказал об одном недовольном и удрученном бхикшу. Этот бхикшу не мог сосредоточить свой ум на каком-нибудь одном предмете, и его мучила неудовлетворенность. Тогда его привели к Учителю.

«Правда ли, что ты недоволен?» — спросил Учитель. «Правда», — отвечал бхикшу. «Почему же так?» — «Из-за страсти». — «О бхикшу, — сказал Учитель, — страсть проклинали даже животные; почему же ты, постигший высокое учение, мучаешься из-за страсти, которую презирают даже животные?» И он рассказал историю о прошлом.

В давние времена, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва возродился в образе обезьяны и жил в Гималаях.

Один лесник поймал эту обезьяну и принес ее царю. Обезьяна, живя в царском дворце, верно служила царю и постигла многие обычаи людей. Царь, довольный ее службой, велел позвать лесника и сказал ему: «Возьми

эту обезьяну и отпусти в том месте, где ты ее поймал». Тот так и сделал.

Все племя обезьян, узнав о возвращении Бодхисаттвы, собралось на вершине большой скалы, чтобы посмотреть на него. Увидев Бодхисаттву, обезьяны начали с ним приветливую беседу. «Любезный, где ты был столько времени?» — спросили они. «В Варанаси, в царском дворце», — отвечал Бодхисаттва. «А как же ты освободился?» — «Царь сделал меня своей любимой обезьяной и, довольный моей службой, отпустил».

Тогда обезьяны сказали: «Ты, наверное, знаешь нравы, которые царят в мире людей. Расскажи нам о них; мы хотим послушать». — «Не спрашивайте меня о нравах людей», — сказал Бодхисаттва. «Расскажи, расскажи, мы хотим послушать!» — упрашивали его обезьяны.

Тогда Бодхисаттва сказал: «Люди, будь то кшатрии или брахманы, только и твердят: «Мое! Мое!». Они ничего не знают о непостоянстве, благодаря которому вещи из бытия переходят в небытие. Послушайте теперь, что за обычаи у этих слепых глупцов». И он произнес следующие гатхи:

«Мои те драгоценности! Мое, мое то золото!» —

Так день и ночь твердят глупцы, не видя дхарму высшую.

Два господина в доме есть: один из них без бороды,

С отвисшей грудью, с косами, с ушами просверленными,

За деньги в дом он приведен; домашних мучает всегда.

Услышав его слова, обезьяны закричали: «Не продолжай, не продолжай! Такие речи нам даже слушать противно». И они обеими руками плотно заткнули уши.

«В этом месте мы слышали о такой непристойности», — решили обезьяны, и, прокляв это место, они ушли в другое. А эта скала получила название Проклятой скалы.

Приведя эту историю для разъяснения дхармы и провозгласив благородные истины, Учитель отождествил перерождения (после провозглашения истин тот бхикшу достиг первого пути): «Тогда обезьяньим племенем были последователи Будды, а царем обезьян был я».

ДЖАТАКА О ПОПУГАЕ (255)

«Пока еще умерен был...» Эту историю Учитель, находясь в Джетаване, рассказал об одном бхикшу, который, объевшись, умер от

несварения желудка.

Когда он умер, все бхикшу собрались в зале дхармы и стали обсуждать недостатки покойного: «Братья, этот бхикшу, не зная, сколько может принять его желудок, съел слишком много и от несварения умер». В это время вошел Учитель и спросил: «Какой вопрос, о бхикшу, вы тут обсуждаете?» Когда те ему объяснили, Учитель сказал: «Не только теперь, о бхикшу, он умер от объедания, это с ним было и прежде». И он рассказал историю о прошлом.

В давние времена, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва возродился в образе попугая и жил в Гималаях. Он был царем над тысячами других попугаев, живших в той части Гималаев, которая была обращена к морю.

У этого царя попугаев был сын. Когда он вырос большим и сильным, Бодхисаттва стал плохо видеть. (Говорят, что у попугаев, оттого что они слишком быстро летают, в старости прежде всего слабеют глаза).

Тогда сын Бодхисаттвы посадил своих родителей в гнездо и сам стал добывать им корм.

Однажды, отправившись к тому месту, где он обычно искал корм, он сел на вершину горы и, посмотрев на море, увидел остров, а на нем манговую рощу с золотыми сладкими плодами.

На следующий день во время своего путешествия за кормом попугай спустился в этой роще, напился мангового сока, набрал плодов и принес их родителям.

Бодхисаттва, отведав плодов манго, по вкусу сразу же догадался, откуда они, и спросил сына: «Милый, это манговый плод с такого-то острова?» — «Да, отец», — отвечал молодой попугай. «Милый, попугаи, которые летают на этот остров, не живут долго, поэтому ты больше не летай туда», — сказал отец.

Но сын, не послушавшись его советов, снова стал летать на этот остров.

Однажды, когда попугай, выпив слишком много мангового сока и набрав плодов для своих родителей, летел над морем, он очень устал, и им стал овладевать сон. Плоды манго выпали у него из клюва. Теряя направление, он стал лететь все ниже и ниже, так что временами даже касался поверхности моря, и в конце концов упал в воду.

Тогда одна большая рыба схватила его и съела.

Не дождавшись возвращения сына в обычное время, Бодхисаттва догадался, что он упал в море и погиб. И с этого времени, не получая никакого корма, родители попугая ослабели и умерли.

Учитель, приведя эту историю о прошлом, достигнув наивысшего просветления, произнес следующие гатхи:

Пока еще умерен был в приеме пищи попугай,
То не сбивался он с пути и мать свою всегда кормил.

Когда же манговых плодов на острове объелся он,
Свалился в море, оттого что в пище неводержан был.

Не надо жадным быть к еде и меру надо соблюдать.
Кто неумерен, гибнет тот, кто знает меру, тот спасен.

Приведя эту историю для разъяснения дхармы, Учитель провозгласил благородные истины и отождествил перерождения (после провозглашения истин многие бхикшу достигли первого, второго, третьего и четвертого путей): «Тогда не знающий меры в пище бхикшу был сыном царя попугаев, а царем попугаев был я».

ДЖАТАКА О РАЗНЫХ ЖЕЛАНИЯХ (289)

«Живем хоть в доме мы одном...» Эту историю Учитель, находясь в Джетаване, рассказал о почтенном Ананде, получившем ценный дар. Подробности этого рассказа будут изложены в одиннадцатой главе в Джунха джатаке.^[70]

Однажды, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва возродился в образе сына его главной супруги. Когда он вырос, он изучил все науки в Такшашиле^[71] и после смерти отца сам стал царем.

А в это время в старом домишке жил один брахман, бывший семейный жрец отца Бодхисаттвы, отстраненный от должности. Он был очень беден.

Однажды ночью Бодхисаттва, переодевшись в чужое платье, бродил по городу, чтобы узнать, как живет народ. А в это время какие-то воры, совершив кражу, сильно напились в одном питейном доме и, взяв еще вина в кувшины, шли к себе домой.

«Эй, кто ты такой?» — закричали воры, встретив на улице Бодхисаттву, и, подойдя к нему, сшибли его с ног и сняли с него верхнюю одежду. Потом они взяли свои кувшины и пошли всячески запугивая царя.

А в этот момент бывший царский жрец вышел из дома и, стоя посреди улицы, наблюдал за созвездиями. Определив по звездам, что царь попал в руки разбойников, брахман позвал свою жену и сказал ей: «Послушай, жена, наш царь попал к разбойникам». — «А какое тебе дело до царя,

господин? — отвечала жена. — Пусть об этом позаботятся его брахманы».

А царь случайно услышал их разговор. Пройдя некоторое время вместе с разбойниками, царь взмолился: «Я бедный человек, почтенные, берите мою верхнюю одежду и отпустите меня».

И когда он так все просил и просил, разбойники из жалости отпустили его. Запомнив их дом, царь пошел к своему дворцу. Проходя мимо дома жреца, он услышал, как тот говорил своей жене: «Милая, наш царь освобожден из рук разбойников».

И царь вернулся в свой дворец. На рассвете он созвал своих брахманов и спросил их:

«Вы наблюдали ночью за созвездиями?» — «Да, божественный», — отвечали брахманы. «Благоприятны ли они?» — «Благоприятны, божественный». — «И никакого затмения не было?» — «Нет, не было, божественный». — «Позовите-ка мне брахмана из такого-то дома», — сказал тогда царь.

И когда привели старого жреца, царь спросил его: «Наблюдал ли ты, почтенный, сегодня ночью за созвездиями?» — «Да, божественный», — отвечал жрец. «Не было никакого затмения?» — «Было, великий царь; сегодняшней ночью ты попал в руки разбойников, но быстро освободился».

«Этот человек, наверное, хорошо разбирается в звездах», — подумал царь и, прогнав всех брахманов, сказал жрецу: «Я доволен тобой, брахман; выбери себе в дар все, что ты пожелаешь». — «Великий царь, — отвечал брахман, — я сначала посоветуюсь с женой и детьми и тогда выберу что-нибудь».

Царь отпустил его, и брахман, придя домой, позвал жену, сына, невестку и служанку-рабыню и сказал им: «Царь жалует мне дар, какой я пожелаю. Посоветуйте, что мне лучше выбрать». — «Приведи мне сотню коров», — попросила его жена. «А мне, — сказал сын Чхатта, — выбери колесницу, запряженную чистокровными синдхскими ¹⁷²¹ конями цвета белого лотоса». — «А мне, — сказала невестка, — возьми серьги из драгоценных камней и разные другие украшения». Рабыня, по имени Пунна, попросила брахмана выбрать для нее ступку, пестик и корзину для просеивания. А сам брахман желал получить себе в дар деревню.

«Ну, ты посоветовался со своей женой?» — спросил царь, когда брахман пришел к нему. «Да, посоветовался, великий царь, но все, кого я спрашивал, имеют разные желания».

И он произнес первую гатху:

Живем хоть в доме мы одном, желанья разные у нас

живем хоть в доме мы одном, желания разные у нас.
Хочу себе деревню в дар; сотню коров — жена моя;
Упряжку лошадей — мой сын; невестка — серьги из камней,
Служанка крошка Пунника желает ступку с пестиком.

Выслушав его, царь сказал: «Всем дайте то, что они желают». И, послав людей за подарками, он произнес следующую гатху:

Деревню дайте брахману, сотню коров — жене его;
Упряжку лошадей, — сынку; невестке — серьги из камней,
А бедной крошке Пуннике вы дайте ступку с пестиком.

Выдав брахману все, что он хотел, и воздав большие почести, царь сказал ему: «Ну, теперь приступай к обязанностям, которые тебе следует исполнять». И сделал его своим приближенным.

Учитель, приведя эту историю для разъяснения дхармы, отождествил перерождения: «Тогда брахманом был Ананда, а царем был я».

Арья Шура

ГИРЛЯНДА ДЖАТАК

ДЖАТАКА ОБ УНМАДАЯНТИ^[73] (XIII)

Перевод А. П. Баранникова

Даже мучимые жестокими страданиями, добрые неспособны стать на путь низких, находя опору в своей высокой нравственности, стойкости.

Вот как об этом назидательно повествуется. Некогда Бодхисаттва, как рассказывают, был царем шибийцев;^[74] преуспевая на благо народа в правдивости, щедрости, спокойствии, мудрости и других прекраснейших качествах, он, словно воплощенная праведность и воспитанность, был отцом своего народа, движущим вперед его благополучие.

От совершения преступлений ограждаемый и укрепляемый в высоких добродетелях своим царем, как сын отцом, народ был радости исполнен в мирах обоих.

И суд его был нелицеприятен; не различал он своих и чужих и следовал во всем закону; закрыв народу беззаконий путь, он обратился как бы в лестницу, ведущую на небеса.

Плод добродетели народа — его благо; зная это, людей правитель был всегда одним лишь этим озабочен, и, следуя стезею праведности с душою полною блаженства, другим не позволял он нарушать ее.

И вот у одного из знатнейших подданных этого царя была дочь поразительной красоты, которая считалась перлом среди всех женщин; по необычайному совершенству ее фигуры и всей ее прелести она казалась воплощенной Лакшми,^[75] или Рати,^[76] или же одной из апсар.^[77]

И тот, чей взор случайно падал на ее красу и кто не утерял способности любить, не в состоянии был он оторвать свой взор,

притянутый к ней блеском красоты.

За это ее родственники дали ей имя Унмадаянти.¹⁷⁸¹ И вот отец ее уведомил царя: «В твоём царстве, о государь, объявилась жемчужина среди женщин, поэтому да благоволит государь решить, возьмет ли он ее в жены или отвергнет».

После этого царь повелел брахманам, умеющим различать счастливые приметы женщин: «Посмотрите на дочь этого вельможи и решите, подходит ли она нам в жены или нет». Тогда отец ее, пригласив этих брахманов в свой дом, сказал Унмадаянти: «Доченька, прислуживай сама этим брахманам». Она, промолвив: «Слушаю!» — стала как должно прислуживать брахманам. И вот тех брахманов

Глаза, едва лишь взоры их на лик ее упали, стали неподвижны, и бог любви унес их стойкость; не подчинялись им ни очи, ни рассудок, как будто в опьянении сознание потеряли.

Когда же они, потеряв голову, не в состоянии были сохранить твердость и благоразумие, — куда уж там есть! — хозяин, удалив с их глаз свою дочь, сам стал прислуживать брахманам и затем проводил их. И вот у них явилось такое соображение: «Поразительная красота девушки, как чудесное видение, чарует душу; поэтому царь не должен даже видеть ее, а тем более не должен вступать с нею в брак. От ее дивной красоты он, несомненно, потеряет голову и с меньшим усердием станет заниматься своими священными и государственными делами, а упущения в обязанностях государя станут препятствием на пути народа к преуспеванию и счастью.

Она одним своим лишь видом может помешать стремиться к совершенству даже муні,¹⁷⁹¹ тем более владыке юному, который, счастьем наслаждаясь, бросает взоры, алчущие удовольствий.

Поэтому целесообразно нам поступить так».

Приняв решение, они явились в надлежащее время к царю и заявили ему следующее: «О великий государь! Мы видели эту девушку. Она чарующе прекрасна, но и только: есть у нее дурные приметы, предвещающие гибель и неудачу; поэтому ты, государь, не должен даже видеть эту девушку, а тем более вступать с нею в брак.

Порочная жена позорит славу и счастье родов обоих, как ночь, которая, скрыв месяц в облаках, окутывает тьмою всю стройность и всю красоту земли и неба».

Так дело было представлено царю. «Если на ней есть неблагоприятные приметы, как это мне говорят, то она не соответствует моему роду», — подумал царь и перестал желать ее. Ее отец, узнав, что царь не требует девушки, выдал свою дочь замуж за одного из советников царя, по имени Абхипарага.

И вот однажды, когда настал праздник Каумуди,¹⁸⁰¹ царь пожелал полюбоваться блестящей красотой празднества в своей столице. Взойдя на свою царскую колесницу, он поехал по городу; улицы и торговые ряды города были убраны и политы водою; повсюду развевались разноцветные флаги и знамена; белые мостовые улиц были усеяны разнообразными цветами, повсюду были пляски, пенье, шутки, танцы, музыка; опьяняющий аромат цветов, пудры, благовоний, венков, крепких напитков, пахучей воды для омовения, благовонных мазей наполнял воздух; дивные товары были выставлены для продажи; главная улица была запружена сияющими весельем толпами горожан и селян в праздничных одеждах. Совершая свою прогулку по городу, царь приблизился к дому того министра. Тогда Унмадаянти с гневом подумала: «А, так у меня неблагоприятные приметы, и потому, как говорят, я отвергнута царем!» И, очень любопытствуя видеть царя, она стояла, сияя дивным блеском своей красоты и освещая плоскую кровлю дома, как молния освещает вершину облака. «Пусть же соберет теперь свои он силы, чтобы удержаться от смятения и сохранить свою стойкость и память, увидев ту, у которой дурные приметы», — подумала она. И вот взор царя, с любопытством наблюдавшего великолепие столицы, упал вдруг на нее, когда она стояла, обернувшись к нему лицом. Тогда царь,

Хоть вволю насмотрелся он на красоту прелестных женщин своего дворца, хоть был смиренным он и, добродетель соблюдая, стремился одержать победу над страстями,

Хоть обладая стойкостью высокой, был сдержан и стыдлив, хоть взор его испуган был созерцанием чужой жены, но все же долго он на женщину смотрел, не отрывая глаз и восхищая Каму.

«Не Каумуди ль это? Не воплощенное ли это божество сего дворца? Апсара ли она иль дайтев¹⁸¹¹ дева? Ведь красота нечеловеческая это!»

Меж тем как царь так размышлял и глаза его не могли вдоволь насладиться созерцанием женщины, его колесница проехала мимо того места, где она стояла, не считаясь с его желаниями. И вот царь вернулся в свой дворец с опустошенным сердцем; его мысли были только с ней, вся его нравственная стойкость была похищена богом любви. Наедине он

обратился к своему вознице Супанде:

«Не знаешь ли, чей это дом был с белыми стенами? И кто та женщина была, что там сияла, словно молния на белом облаке?»

Возница сказал: «Есть у государя министр по имени Абхипарага, так это его дом и его жена, дочь Киритаватсы, Унмадаянти по имени». Когда царь услышал эти слова, то при мысли, что она жена другого, его сердце упало и взгляд его стал неподвижным.

И, вздыхая глубоко и жарко, терзаясь всей душой по красавице, он обратился к самому себе с такой речью:

«О, как идет ей это имя нежное, где каждый слог ласкает слух: «Унмадаянти!». Своей чудесною улыбкой она меня ума лишила!

Забывать ее хочу, и словно вижу сердцем! Ведь мое сердце у нее, или, вернее, в нем царит она!

Сколь малодушен я — любить жену другого! Что за безумец я! Покинул стыд меня и сон!

Меж тем как ум мой восхищенный в созерцанье погружен улыбки ясной, взоров, красоты ее, вдруг раздается звон⁴⁸²¹ — тот дерзкий звук напоминает о течение дел других. О, в сердце у меня лишь ненависть те звуки порождают».

Таким образом, стойкость царя была потрясена силою любви. И хотя он старался прийти в себя, однако же его бледность и худоба, задумчивость и частые вздохи, зевота и весь вид его показывали ясно, что царь влюблен.

Сердечная болезнь, хоть стойко он скрывал ее, наружу выступала ясно и на лице его, и в худобе, и в неподвижном взгляде, исполненном задумчивости.

Тогда его министр Абхипарага, который был весьма искусен в истолковании изменений во внешности и выражении лица, узнав, что случилось с царем, и поняв причину этого, и из-за своей любви к царю весьма озабоченный опасностью, которая ему угрожала, так как он знал поразительную силу бога любви, испросил у царя разрешение поговорить с ним наедине и, получив его позволение, обратился к царю с такими словами:

«Сегодня мне, о царь, людей владыка лотосоокий, когда я воссылал богам моления, явился якша⁴⁸³¹ и, подойдя ко мне, промолвил так: «Как же не догадался ты, что сердце государя принадлежит Унмадаянти?»

Промолвив так, он вдруг исчез, а я, задумавшись об этом, к тебе

явился, и если правда это, государь, то почему же ты молчишь, откуда у тебя такое недоверье к слугам?

Поэтому благоволи, о государь, оказать мне милость, приняв от меня мою супругу». Смущенный этим предложением, царь не мог поднять глаз от стыда, и хотя он находился во власти бога любви, однако благодаря знанию праведного закона, приобретенному долгим упражнением, его стойкость осталась непоколебленной, и он ясно и определенно отказался принять дар министра. «Этого не должно быть. И вот почему.

Я не бессмертен и своих заслуг лишусь; о грехе моем, кроме того, народ узнает; тебя ж в разлуке с нею любовь сожжет с такой же быстротой, с какой огонь сухой кустарник истребляет.

Такой поступок, что недоброе сулит в мирах обоих — том и этом — не совершит мудрец, хотя им наслаждается не мудрый».

Абхипарага сказал: «Не опасайся нарушить закон.

Ты мне поможешь щедрость проявить и тем закон исполнишь, а если от меня ее не примешь в дар, то, даянью помешав, закон нарушишь.

Я не вижу здесь ничего такого, что могло бы порочить добрую славу царя.

Ведь, кроме нас двоих, никто об этом знать не будет, и потому ты изгони из сердца страх людского порицанья!

Для меня же это будет милостью, а не мучением, потому что:

Какое зло возникнуть может в верном сердце от чувства удовлетворенья, что совершил что-либо ты на пользу господину? Поэтому спокойно наслаждайся ты любовью, о государь, и о моих страданиях не тревожься!»

Царь сказал: «Ни слова больше о подобном грехе.

Из-за любви великой ко мне ты, очевидно, забываешь, что не всякое даянье помогает исполнению долга.

Кто для меня в своей любви высокой не ценит даже жизнь свою, тот друг мне, лучший родственник, и я его супруге лишь друг.

Поэтому не следует вовлекать меня в неблагоприятное дело. А если ты уверяешь, что никто другой не узнает об этом деле, то разве от этого оно станет безгрешным?

Хотя б невидимо творил кто злое дело, — как благоденствовать тот может? Ведь это словно яд принять незримо! Его увидят непорочными очами и небожители и святые йогины.¹⁸⁴¹

Чего же больше?

Кто поверить может, что ты ее не любишь, что не постигнет гибель и тебя, когда разлучишься ты с нею?»

Абхипарага сказал:

«С супругой и детьми я раб твой, ты мой господин и божество мое. Какое может быть, о государь, закона нарушение по отношению к рабе твоей?

Что же касается моей любви к ней, о которой говоришь ты, — что же из этого?

Да, ее люблю я, о радостей податель, и потому я добровольно, сам хочу отдать ее тебе: ведь человек, отдав здесь дорогое, в том мире получает еще дороже что-то.

Поэтому благоволи, о государь, принять ее».

Царь сказал: «Ни в коем случае! Это невозможно!

Скорее брошусь я на острый меч или в пылающий ужасным пламенем огонь, чем добродетель решусь попать так, которой я обязан счастьем великим!»

Абхипарага сказал:

«Если государю неугодно взять мою супругу, то я велю ей стать блудницей, любви которой может добиваться каждый, и тогда мой государь с ней сможет насладиться». Царь сказал: «Да что с тобою? Как обезумел ты!

Оставивши невинную супругу, ты, безумец, получил бы от меня возмездье и, сделавшись предметом поношений, ты стал бы мучиться и в этом мире и в ином.

Поэтому оставим эти бессмысленные речи. Образумься же».

Абхипарага сказал:

«Хотя бы то грозило нарушением закона, иль порицанием со стороны людей, или утратой счастья, всему навстречу я пойду с открытым сердцем: оно исполнено блаженства, доставив счастье тебе.

Не вижу в мире я огня великого,^[85] тебя превыше, о земли великий повелитель! И Унмадаянти да будет вознаграждением моим жрецу; прими ее как жрец для усиления моих заслуг».

Царь сказал: «Несомненно, стремясь действовать мне на пользу, ты по своей великой любви к нам не замечаешь, что добро и что зло для тебя самого; и поэтому я с особенным вниманием должен наблюдать за тобой. Ни в коем случае не следует безразлично относиться к порицанию людей. Смотри:

Кто, к праведности безразлично относясь, заботиться не станет о порицании людском или награде в другом существовании, тому не станет доверять народ, и в мире том^[86] он, без сомнения, лишен блаженства будет.

Поэтому я и говорю тебе:

Не соблазняйся преступить закон для жизни этой; великий грех здесь несомненен, — сомнителен и незначителен успех.

Чего же больше?

Ввергать ближних в несчастья такие, как порицанье и тому подобное, и этим для себя добиться счастья — для добрых неприятно; пусть лучше, зла другим не причиняя, один я понесу все бремя дел своих, ничем закона не нарушив!»

Абхипарага сказал: «Да разве это беззаконие, если я из преданности господину действую ему на пользу, а государь принимает ее от меня в дар? Ведь все шибийцы — горожане и селяне — могли бы сказать: «Какое же тут беззаконие?» Поэтому да благоволит государь принять ее!» Царь сказал: «Поистине, ты всей душой хочешь сделать мне приятное, но нужно подумать еще и вот о чем: из всех шибийцев — горожан и селян, тебя и меня — кто из нас самый сведущий в святом законе?» Тогда Абхипарага в смущении сказал:

«Благодаря почтению к старшим, усилиям, затраченным на изучение священного писанья, и остроте ума смысл истинный науки о трех целях жизни^[87] тебе открыт, о государь, как Брихаспати». ^[88]

Царь сказал: «Поэтому-то ты и не можешь совратить меня с истинного пути.

От поведения царей зависит благо и несчастье народа; вот почему,

привязанность народа помня, останусь я на поприще благом, что соответствует и славе моей доброй.

Хорош ли, неудобен путь, которым бык идет, — коровы следуют за ним; так и народ: откинув острые преграды сомнений, он поведению государя следует всегда.

Кроме того, ты должен принять во внимание следующее:

Ведь если б у меня не стало силы, чтоб охранять и самого себя, в каком же состоянии оказался бы народ, который жаждет от меня защиты?

То зная и заботясь о благе подданных, равно как о святом законе и безупречной славе, я не хочу велениям сердца следовать, ведь я же вождь народа своего, я бык ведь в стаде!»

Тогда министр Абхипарага, умиленный в сердце своем этой стойкостью царя, поклонившись и почтительно сложив руки, обратился к нему с такими словами:

«Сколь осчастливлены судьбою подданные, которых охраняешь ты, людей владыка! Такую преданность закону, пренебрежение к наслаждениям личным найти возможно ль даже в пустынях лесных?

О, как приличествует дивное название «великий» в имени твоём, великий государь! Ведь если бы безнравственного добродетельным назвать, то это было бы насмешкою жестокой!

Но к чему мне изумляться иль волноваться пред великим подвигом твоим? Как океан сокровищ полон, так ты исполнен добродетелей, о государь!»

Таким образом «даже мучимые жестокими страданиями, — добрые неспособны стать на путь низких, находя опору в своей высокой нравственной стойкости» и в своем прекрасном знании праведного закона, которому они неустанно следовали; помня об этом, надо прилагать все усилия для укрепления в нравственной стойкости и праведном законе.

ДЖАТАКА О ВЕЛИКОЙ ОБЕЗЬЯНЕ (XXIV)

Перевод О. Ф. Волковой

Не столько собственным страданием мучаются добродетельные, как отсутствием добродетельных качеств у тех, кто причинил им зло. Вот как об этом назидательно повествуется.

Бодхисаттва жил как-то в одном благословенном уголке Гималаев; земля там от блеска различных минералов казалась разноцветной. Прекрасные леса и рощи были подобны покрову из темного шелка. Живописные, разнообразной формы холмы, как будто созданные намеренно, украшали эту местность. Там струились многочисленные ручейки и было много глубоких пещер и ущелий. Громко жужжали пчелы, и приятный ветерок овеивал деревья с разнообразными цветами и плодами. Это было место игр видьядхаров.^[89] Бодхисаттва жил здесь в облике большой одинокой обезьяны.

Но даже в таком состоянии он был проникнут сознанием праведного долга; благодарного и благородного по натуре, наделенного великой стойкостью, его не покидало, словно испытывая к нему привязанность, сострадание.

Сотни раз земля с ее лесами, великими горами и океанами в конце юги^[90] водой, огнем и ветром разрушалась, но не великое сострадание Бодхисаттвы.

И вот Великосущный жил в том лесном уголке, поддерживая свое существование, как аскет, только плодами и листьями лесных деревьев и проявляя различным образом свое милосердие по отношению к встречавшимся ему живым существам.

Однажды один человек, пытаясь разыскать пропавшую корову и обходя все вокруг, сбился с дороги и, запутавшись в определении сторон света, забрел в тот уголок. Истощенный голодом, жаждой, холодом и усталостью и сжигаемый изнутри огнем отчаяния, он уселся у корней одного из деревьев, словно подавленный чрезмерной тяжестью уныния, и увидел несколько совершенно коричневых плодов тиндуки,^[91] упавших из-за того, что они переспели. Он съел их, и из-за мучительного голода они показались ему очень вкусными; поэтому он с возросшей энергией стал оглядываться вокруг, отыскивая источник их происхождения. Он увидел выросшее на краю обрыва у водопада дерево тиндуки, склонившиеся ветки

которого казались коричнево-красными от спелых плодов. Влекомый страстным желанием добраться до них, он поднялся по склону горы и полез на усыпанную плодами ветвь тиндуки, склонившуюся над пропастью. Страстно желая заполучить эти плоды, он добрался до самого конца ветки.

Та ветвь непрочная согнулась от чрезмерной тяжести и с треском вдруг сломалась, словно подрубленная топором у основания.

Вместе с нею он свалился, как в колодец, в огромную пропасть, окруженную скалами. Благодаря куче листьев и достаточной глубине воды, он остался невредим. Выбравшись из воды, он стал карабкаться в различных направлениях, но не нашел нигде выхода. Чувствуя, что здесь ничто не спасет его от скорой смерти, он потерял всякую надежду на жизнь, и слезы скорби оросили его печальное лицо. Пронзаемый, как копьем, острым отчаянием, совершенно павший духом, он рыдал, одолеваемый мучительными размышлениями:

«Свалившегося в пропасть в глуши лесной, безлюдной, кроме смерти, кто меня увидит здесь, даже попытаюсь разыскать?»

Покинутого родными и друзьями и ставшего лишь пищей для москитов, попавшего, как дикий зверь, в ловушку, кто вытащит меня отсюда?

Садов, лесов и рек многообразную красу и драгоценными камнями звезд рассыпанных сверкающее небо — увы! — весь мир скрывает от меня мрак этой ямы, непроглядно-темный, как ночь безлунная!»

Не переставая рыдать таким образом, человек провел там несколько дней, поддерживая себя водой и упавшими вместе с ним плодами тиндуки. Меж тем великая обезьяна, блуждая по лесу в поисках пищи, зашла в то место, словно призываемая колеблемыми ветром кончиками веток дерева тиндуки. Взобравшись на него и заглядывая в пропасть, она увидела человека с провалившимися от голода глазами и щеками, с бледным и худым телом, страстно желающего, чтобы кто-нибудь заметил его. Великая обезьяна, тронутая несчастным состоянием этого человека, бросила поиски пищи и, пристально разглядывая его, сказала человеческим голосом:

«Находишься ты в пропасти, что недоступна для людей. Скажи ж мне, кто ты и откуда?»

Тогда тот человек с выражением страдания поклонился обезьяне и, глядя на нее со сложенными просительно руками, сказал:

«Я — человек, о Великоблаженный, заблудился, бродя по лесу; плодов желая, я с дерева того свалился и вот попал в беду.

Лишенный родственников и друзей, в великую беду попал я. О покровитель обезьян, будь мне защитой».

Услышав это, Великосущный проникся великим состраданием.

В беду попавший, друзей лишенный и родных, просительно сложивший руки, смотрящий удрученно, даже врагов заставит сострадать, а сострадательных особенно сочувствовать заставит.

И Бодхисаттва, проникнутый жалостью, стал ободрять его ласковыми словами, которые тот вряд ли ожидал услышать в такой момент.

«Не скорби о том, что одинок ты и потерял все мужество, свалившись в пропасть. Все, что сделали бы для тебя друзья, я тоже сделаю. Так перестань бояться!»

Сказав так, Великосущный тем подбодрил человека и, принеся ему много тиндуки и других плодов, ушел в другое место — упражняться с камнем весом в человека, проверяя, сможет ли он его вытащить. Затем, испытав меру своей силы и убедившись, что сможет вытащить его из пропасти, он спустился на дно и, движимый состраданием, сказал тому человеку:

«Пойди сюда, садись ко мне на спину и крепко за меня держись. Тебя извлекая, я пользу извлеку из тела бесполезного сего.

По мнению добрых, только в том и польза от тела бесполезного, что с помощью его приносят благо ближним мудрые».

«Хорошо!» — ответил человек и, почтительно поклонившись, взобрался на него.

Когда тот человек взобрался на него, он, от чрезмерной тяжести согнувшись, с трудом огромным вытащил его, при этом сохраняя стойкость духа, благодаря своей огромной доброте.

И вытащив его, довольный крайне, хоть и измученный и от усталости шатаясь, он отдохнуть решил на камне, как дождевая туча, темном.

И вот Бодхисаттва в силу чистоты своей натуры, не опасаясь вреда со стороны человека, которому он оказал услугу, доверчиво сказал ему:

«Так как этот лес легко доступен и беспрепятственно сюда приходят хищники, то, чтобы кто-нибудь вдруг не убил меня, заснувшего от

утомленья, а тем бы погубил и свое будущее благо,

Ты стой на страже, наблюдая тщательно вокруг. Усталость совершенно одолела мое тело, и я хочу поспать».

Тогда тот человек, нагло притворившись послушным, ответил ему: «Спи, господин, сколько хочешь, счастливого тебе пробуждения. Я буду стоять и охранять тебя». Но когда сон одолел уставшего Бодхисаттву, он впал в низкие размышления:

«Кореньями, которые найти ведь очень трудно, или случайными плодами едва ли я смогу хотя бы поддержать свое измученное тело — что говорить уж о поправке!

И как, лишенный сил, пройду я через эти дебри? А мяса ведь его хватило бы, чтоб выбраться из этой дикой чащи.

Хотя и оказал он мне услугу, могу его я съесть, пожалуй, коли его таким создали.

Здесь, несомненно, приложим закон для черных дней,^[93] и поэтому я могу взять его как пищу на дорогу.

Пока доверчиво он спит счастливым сном, могу его убить я. Ведь даже лев, пожалуй, будет побежден, коль встретится лицом к лицу с ним в битве — поэтому не стоит времени терять».

Решив так, этот негодяй с мыслью, ослепленной грехом корысти, которая уничтожила в нем чувство благодарности, лишила сознания праведности и разрушила мягкое чувство милосердия, стремясь только к свершению этого злодеяния, поднял, несмотря на чрезмерную слабость, большой камень и бросил обезьяне в голову.

Но так как он от слабости дрожал и проявил поспешность, стремясь свершить дурное дело, то камень, брошенный, чтоб погрузилась обезьяна в вечный сон, лишь разбудил ее.

Он не попал в нее всей тяжестью, поэтому не раздробил ей голову; лишь поцарапав обезьяну острым краем, упал на землю камень с громким шумом.

И Бодхисаттва с пораненной ударом камня головой, вскочив, посмотреть стал, кто ж его ударил. Он не увидел никого, — лишь человека этого, стоявшего с пристыженным лицом.

Утратившего наглость и побледневшего от замешательства и неудачи. Страх горло иссушил его, он взмок от пота и даже глаз поднять не смел.

И вот Бодхисаттва, поняв, что это его дело, не думая о боли от раны, пришел в огромное волнение и сострадание из-за крайне дурного поступка, полного пренебрежения к собственному благу. Его не коснулись греховные чувства гнева и ярости, и, со слезами в глазах глядя на этого человека, оплакивая его, он сказал:

«Как, человеком будучи, о друг, пошел ты на такой поступок? Как ты помыслить мог об этом? Как совершил его?

Ты должен был ведь с мужеством героя свирепых отражать врагов, явившихся, чтоб причинить мне вред.

Если б я впал в высокомерие при мысли, что свершил я подвиг трудный, то далеко прогнал бы ты его, еще труднее подвиг совершив.

Как будто извлеченный из иного мира, из пасти смерти, из пропасти одной, спасенный ты, сделав это, упал поистине в другую пропасть.

Презренье низкому, жестокому неведенью, которое бросает мир, надеждами на счастье жалкий, в пучину бедствий!

Ты сам совлек себя на путь несчастий и пламенную скорбь зажег во мне, заставив потускнеть блеск своей славы доброй и с добродетелями дружбе помешав.

Увы, ты стал мишенью для упреков, ты погубил доверчивость. Какую выгоду от этого ты ждал?

Меня не столько эта рана беспокоит, как боль душевная, что ту вину, которая упала на меня в твоём грехе, не в силах смыть я.

Иди со мною рядом, чтоб мог тебя я видеть, — ведь сильные ты вызываешь подозрения, — пока из леса, полного опасностей, не выведу тебя я на дорогу, ведущую к селениям.

Ведь тот, кто нападет в лесу случайно на тебя, блуждающего без дороги одиноко и телом истощенного, напрасным сделает мой труд, предпринятый из-за твоих мучений».

Так, сожалея об этом человеке, Великосущный довел его до границ населенных мест, указал дорогу и проговорил:

«Достиг ты населенных мест, о друг! Покинь опасный лес с его дремучей чащей и иди счастливо. Старайся избегать дурных деяний. Обычно жатва их приносит лишь мученья».

Так та великая обезьяна с состраданием к тому человеку наставляла его как ученика, а затем вернулась в свой лес.

И вот этот человек, совершивший такое злодеяние, сжигаемый в душе пламенем раскаяния, был вдруг поражен страшной проказой. Изменился

весь его вид, кожу испещрили пестрые нарывы, которые, прорываясь, заливали гноем его тело, и оно поэтому крайне дурно пахло. В какую бы страну он ни приходил, повсюду не верили, что это человек — столь ужасно изуродовала его болезнь, и так изменился его голос. Люди, считая его воплощенным дьяволом, прогоняли его поднятыми палками и угрожающей бранью. И вот некий выехавший на охоту царь увидел его блуждающего в лесу, как прета,¹⁹⁴ в грязной, истлевшей одежде, так что не было клочка, чтобы прикрыться, чрезвычайно отвратительного на вид, и спросил его с любопытством, смешанным со страхом:

«Твое проказой изуродовано тело, и кожа язвами покрыта, ты бледен, истощен, несчастен, и волосы твои в пыли.

Кто же ты — прета, пишача иль папман воплощенный, иль путана?¹⁹⁵ Иль ты собрание множества болезней, или одна из них?»

Поклонившись царю, человек ответил слабым голосом: «Я — человек, о великий царь, а не демон». И спрошенный царем, как же он дошел до такого состояния, сознался перед ним в своем дурном поведении и сказал:

«Пока что появился лишь цветок предательства по отношению к другу. И ясно, что плоды его еще мучительнее будут.

Поэтому предательство по отношению к друзьям считай врагом своим. С любовью нежной ты смотри на друга, который полон нежности к тебе. Кто поступает не по-дружески с друзьями, тот еще здесь в такое состояние приходит.

Отсюда видно, какой удел в том мире ждет тех, кто предал друзей и сердце запятнал корыстью и другими пороками.

В чьем сердце нежность и привязанность к друзьям, тому от них доверие, и слава, и помога; тот добродетель скромности постигнет и в сердце радость обретет, неуязвим тот для врагов, и ждет его богов обитель.

Зная теперь, о царь, влияние и следствие к друзьям хорошего или дурного отношения, держись пути, которым добродетельные следуют. Идет кто по нему, того сопровождает счастье».

Таким образом, «не столько собственным страданием мучаются добродетельные, как отсутствием добродетельных качеств у тех, кто причинил им зло». Так должно говорить о величии Татхагаты,¹⁹⁶ а также почтительно слушая праведный закон, рассказывая о кротости и верности друзей и показывая греховность дурных деяний.

ДЖАТАКА О ДЯТЛЕ (XXXIV)

Перевод О. Ф. Волковой

Даже побуждаемый к дурным поступкам добродетельный человек не будет совершать их в силу своей непривычности к ним.

Вот как об этом назидательно повествуется.

Бодхисаттва как-то жил в одной лесной стране в облике дятла, отличавшегося своим сияющим оперением различных оттенков. Проникнутый состраданием, даже в таком состоянии, он не следовал обычному образу жизни дятлов, оскверненному причинением вреда живым существам.

Он был вполне доволен нежными побегами деревьев, благоухающими ароматами цветов и сладкими плодами, разнообразными по запаху и цвету.

Он наставлял как должно в праведности ближних, посильно помогая в беду попавшим, удерживал неблагородных от безнравственных поступков, свою заботу проявляя так об интересах ближних.

Таким образом, в том лесном уголке счастливо процветало под покровительством Великосущного множество животных, словно имевших в его лице наставника, родственника, целителя и справедливого царя.

И в той же степени, как многократно увеличивалось их число под покровительством величья сострадания его, в такой же мере росли и добродетели им охраняемых животных.

И вот однажды Великосущный, чувствовавший сострадание к живым существам, гулял по лесу. Он увидел корчившегося от нестерпимо острой боли, словно пронзенного ядовитой стрелой, льва с грязной от пыли и растрепанной гривой. Подойдя к нему, движимый состраданием, он спросил: «Что случилось, о царь зверей? Я вижу, что ты, несомненно, тяжело болен.

Из-за того ль, что слишком заносился ты перед слонами, или из-за стремительной погони за оленем? Чем вызвано твое недомоганье? Усталостью, стрелой охотника или какой-нибудь болезнью?

Скажи же, что с тобой, а также объясни, что нужно сделать для тебя. И если есть возможность у меня прийти на помощь другу, то будешь ты доволен тем, как я ее использую, чтобы вернуть тебе здоровье».

Лев рассказал: «О добродетельный, лучший из птиц! Мое недомогание

вызвано не усталостью, не болезнью, не стрелой охотника. Кусок кости, застряв в горле, непрерывно терзает меня, как острие стрелы. Я не могу ни проглотить его, ни выплюнуть. Поэтому только друзья могут помочь мне. И если ты знаешь, как помочь, то сделай меня счастливым». Тогда Бодхисаттва, обдумав своим проницательным умом способ извлечения этого острого осколка, взял палку, достаточную по размерам, чтобы вставить ее в виде распорки в пасть льва, и сказал ему: «Открой рот, насколько можешь». Тот так и сделал. Тогда Бодхисаттва, укрепив как следует палку между двумя рядами зубов, проник до основания его глотки. Взяв клювом торчащий поперек горла кусок кости за один конец и расшатав его, он схватил его с другой стороны и, наконец, вытащил. Вылезая, он выбросил палку, удерживающую челюсти льва.

Хирург искусный и умелый так ловко не извлек бы, сколько бы ни старался, подобную занозу, как вытащил ее он благодаря своим талантам, развившимся не упражнением, а следовавшим за ним через рождений сотни.

Извлекши вместе с костью боль и причиняемые ею мученья устранив, возрадовался он тому, что удалил страдания причину, не меньше льва, спасенного от кости.

Такова праведная натура добродетельного человека:

Доставив счастье или отвратив несчастье от другого существа, хоть и с трудом великим, гораздо более доволен добродетельный, чем если б с легкостью он своего добился счастья.

Таким образом, Великосущный, избавив льва от страданий и радуясь этому всем сердцем, попрощался с ним и, выслушав его почтительную благодарность, отправился своим путем.

И вот однажды этот дятел летал повсюду, сияя блеском своих расправленных крыльев, и не смог нигде найти ничего пригодного для еды. Сжигаемый пламенем голода, увидел он того самого льва, наслаждавшегося мясом недавно убитой молодой антилопы. С испачканными кровью пастью, когтями и гривой, он был похож на осеннее облако, освещенное отблеском сумерек.

Даже оказав когда-то льву услугу, он с неприятными словами просьбы к нему все ж обратиться не посмел. И хоть он был в речах искусен, на этот раз его заставила стыдливость дать обет молчания.

И все-таки, желая своего добиться, он стал прогуливаться с робким

видом перед его глазами. Но негодай, хотя следил за ним, не произнес ни слова приглашенья.

Как семя, брошенное на скалу, как жертва, вылитая на потухший пепел, иль как цветок на дереве видула,¹⁹⁷¹ — такой же плод дает неблагодарному услуга, когда расплачиваться нужно.

Тогда Бодхисаттва, подумав, что тот, конечно, его не узнаёт, приблизился к нему, не испытывая никаких опасений, и попросил у него уделить что-нибудь, сопровождая просьбу по обычаям просителей надлежащими словами благословения.

«Да будет тебе благо, царь зверей, своей отвагой жизнь свою поддерживающий! Прошу тебя почтить просителя и увеличить тем свои заслуги и славу добрую».

Но даже когда к нему обратились с такими приятными словами благословения, лев, чье поведение из-за его жестокости и себялюбия было недостойно благородного, посмотрел искоса на Бодхисаттву, словно желая испепелить его взглядом своих глаз, покрасневших от пламени гнева, и сказал: «Довольно!

Достаточно, что ты ушел живым, попавши в пасть ко мне, не знающему состраданья и пожирающему трепетных оленей.

Ты снова оскорбил меня, своею просьбой беспокойя. От жизни, видно, ты устал и хочешь мир иной увидеть».

Тогда его отказ, выраженный такими грубыми словами, вызвал чувство стыда у Бодхисаттвы, и он поднялся в небо. Он полетел своим путем, говоря ему шумом своих распростертых крыльев, что он — птица.

Между тем некий лесной бог, то ли потому что не мог вынести такого оскорбительного обращения или же желая испытать пределы сдержанной стойкости Бодхисаттвы, взлетел в небо и сказал Великосущному:

«О лучший из птиц! Почему ты, оказав этому негодю услугу, прощаешь его оскорбительное обращение, хотя в силах отомстить ему? Что значит твое бесстрастное отношение к этому неблагодарному?

Как ни могуч он, но, напав внезапно, ты можешь вырвать у него глаза иль пищу утащить, зажатую в его зубах. Зачем же наглость ты его прощаешь?»

Тогда Бодхисаттва, хотя и оскорбленный грубым поведением, несмотря на подстрекательства лесного бога, ответил ему, раскрывая все благородство своей натуры:

«Довольно говорить о таких поступках. Не этим путем идут мне подобные.

Из сострадания, не из корысти поможет добродетельный в беду попавшему, и безразлично для него, поймет ли это тот. К чему же гнев здесь?

И тот — другой, не зная благодарности, обманывает только сам себя. Ведь кто, желая платы за услугу, вторично сделает ему добро?

А тот, кто оказал услугу, в мире ином достигнет праведности и ее плодов благодаря спокойствию, а здесь — блестящей славы.

Если услуга — праведный поступок, то кто же будет сожалеть потом? А то, что сделано в расчете на награду, — не услуга, а лишь отдача в долг.

Кто замышляет вред ближнему в обиде на его неблагодарность, тот добродетелью своею сначала славу добрую сыскав, затем ведет себя слонам подобно.

Если же ближний по неразумению не знает, как отблагодарить, он не достигнет того блеска, который любит только добродетели. Так кто ж благоразумный предпримет шаг такой, чтобы разрушить высоко поднявшуюся славу?

Вот это мне кажется наиболее подобающим.

Кто дружелюбья не питает даже после услуги, оказанной ему достойным человеком, того покинуть следует спокойно, без грубости, без гнева».

Тогда бог, радуясь всем сердцем подобным прекрасным словам, несколько раз с похвалой воскликнув: «Прекрасно, прекрасно!», сказал ему несколько приятных слов:

«Не носишь ты пучка волос на голове, себя не затрудняешь ты одеждой из рогожи,¹⁹⁸¹ но в остальном ты настоящий риши,¹⁹⁹¹ грядущее постигший. Ведь не одежда делает святого, поистине святой лишь тот, кто добродетелями наделен».

Отличив и почтив его таким образом, он исчез.

Таким образом «даже побуждаемый к дурным поступкам добродетельный человек не будет совершать их в силу своей непривычности к ним». Так следует говорить, восхваляя добродетельных. Это же нужно проводить в проповеди кротости и говорить так: «Человек, проникнутый кротостью, не знается ни с враждой, ни с оскорблениями. Он

приятен многим людям, любящим его». Говоря о благоразумном спокойствии, следует привести следующие слова: «Мудрые, великие в своем благоразумном спокойствии, сохраняют блеск своих добродетельных качеств». Так же, восхваляя величие души Татхагаты и постоянное проявление благородства его натуры, следует говорить: «Таким образом даже в состоянии животного стремление к проявлению благородства характера не дает уйти с правильного пути».

ПАНЧАТАНТРА

Перевод А. Я. Сыркина

ЛЮБОПЫТНАЯ ОБЕЗЬЯНА (I.1)

Есть в одной стране город. Недалеко от него посреди рощи некий купец строил храм. Каждый день в полуденное время зодчий и все рабочие отправлялись в город за едой. И как-то раз стая обезьян приблизилась к этому недостроенному храму. А один работник оставил там большое полурасколотое бревно из дерева анджаны,^{100} вставив в него клин из кхадиры.^{101}

Обезьяны начали весело играть, где только им хотелось: на макушках деревьев, на верху постройки и на грудах поленьев. И тут одна из них, близкая к гибели, безрассудно уселась на бревне. «Кто вставил этот клин в неподходящее место?» — подумала она и, схватив обеими лапами, начала его вытаскивать. Между тем яйца ее попали в щель полурасколотого бревна, и ты поймешь без лишних слов, что произошло, когда она вытащила клин.

КУПЕЦ И ПОДМЕТАЛЬЩИК (1.3)

Есть на земле город под названием Вардхамана.^{102} Жил там купец Дантила, поставленный над всем городом. Он исполнял и городские, и царские дела, порученные ему, и радовал всех жителей. К чему много слов? Такого умелого человека никто еще не видал и не слышал. Хорошо ведь говорится:

Кто служит повелителю, того народ не любит.
Кто хочет подданным служить, того цари не терпят.
Между царем и подданным всегда раздоров много,
И трудно отыскать того, кто б мог служить обоим.

Так жил он, и как-то раз справлялась у него свадьба дочери. Он пригласил на нее всех жителей города и приближенных царя, оказал им внимательный прием, накормил их и пожаловал им одежды и другие

подарки. После свадьбы он с почтением ввел в дом царя с его гаремом.

А у царя был дворцовый подметальщик по имени Горабха. Придя в этот дом, он уселся на неподобающее ему место, впереди царского советника, и, когда это увидели, его выгнали в шею. Сердце Горабхи опечалилось от этого унижения, и, не зная покоя ни днем ни ночью, он размышлял: «Как бы мне лишить этого купца царской милости? А иначе, зачем напрасно изнурять себя, раз я не могу ему ничем повредить? Хорошо ведь говорится:

Кто не способен отомстить,
Пускай стыдится обнаруживать свой гнев.
Не разобьется сковородка,
Коль прыгает на ней горох».

И как-то на рассвете, подметая возле ложа чуть задремавшего царя, он сказал: «Да! Столь дерзок Дантила, что обнимает первую супругу царя». И слыша это, царь вскочил в сильном возбуждении и сказал: «Эй, эй, Горабха! Правда ли то, что ты пробормотал? Неужели Дантила обнимает царицу?» Тот сказал: «Божественный! Увлечшись игрой в кости, я не спал эту ночь, и вот, когда подметал, крепко заснул. Поэтому не ведаю я, что сказал».

Тут царь подумал, охваченный ревностью: «Ведь Горабха и Дантила беспрепятственно входят в мой дворец. Должно быть, подметальщик увидел как-то царицу в его объятиях. Сказано ведь:

Что человек в течение дня желает, видит, делает,
То по привычке и во сне он говорит и делает.

А также:

Все злое, все хорошее, что спрятано в сердцах людей,
Они во сне откроют нам и в сильном опьянении.

Да что тут сомневаться, когда дело касается женщин?

С одним заводят болтовню, с другим играют взглядами,
А сердце третьим занято. Кого же любят женщины?

А также:

Не сыто пламя топливом, не сыто море реками,
Смерть не насытят смертные, прекрасноглазую — мужья.

Коль места нет и случая и не стремится к ней никто,
Тогда лишь только, Нарада,¹¹⁰³ бывает женщина чиста.

Глупец, который думает: «Верна моя любимая»,
Всегда, как сойка синяя, для развлечения служит ей».

А Дантила, видя, что повелитель без причины лишил его милости, подумал: «Увы! Хорошо ведь говорится:

Какой богач не горд? Какой распутник жизнь
проводит без несчастий?
Чье сердце на земле не знает женских чар?
Кто для царя приятен?
Кто может избежать быстротекущих лет?
Какой бедняк в почете?
Кто смог бы ускользнуть без всякого вреда
из западни злодея?

Кто увидит, стал чтобы ворон чистым,
Змей стал добрым, стала жена бесстрастной,
Евнух смелым или игрок правдивым,
Пьяный умным или чтоб царь стал другом?

И как-то раз, видя, как Дантилу отгоняют от ворот дворца, подметальщик Горабха со смехом сказал привратникам: «Эй-эй, привратники! Ведь этот Дантила избалован царской милостью и сам распределяет наказания и награды. Если вы прогоните его, то еще чего доброго вроде меня сподобитесь подзатыльников».

Пусть родом невысок слуга, лишен достоинства и глуп,
Но всюду встретит он почет, коль служит повелителю.
Когда даже ничтожный трус идет на службу царскую,
Не вызовет презренья он ни у кого из подданных».

И вот со стыдом и беспокойством он вернулся домой. Когда же настала ночь, он позвал Горабху, даровал ему пару одежд⁽¹⁰⁴⁾ и сказал: «Дорогой! Не

хотел я выгонять тебя. Ведь ты сам уселся на неподобающее место, перед домашним жрецом,¹¹⁰³ и, увидев это, тебя унизили». А Горабха, приняв эту пару одежд словно небесное царство, ощутил высшее блаженство и сказал ему: «О начальник купцов! Я простил тебя. За такой почет ты скоро увидишь царскую милость и другие награды». Сказав это, он с радостью удалился. Хорошо ведь говорится:

Чуть что — он вверх возносится, чуть что — опять
низвергнут вниз.

Да! Коромыслу от весов подобен низкий человек.

И на следующий день этот Горабха пришел в царский дворец и, подметая возле чуть задремавшего царя, сказал: «Да! В уме ли наш царь, что он кушает огурцы, когда облегчается от нечистот». Услышав это, удивленный царь вскочил и сказал ему: «Эй, эй, Горабха! Зачем ты говоришь несуразные вещи? Помня о твоей службе, я не стану губить тебя. Скажи: неужели ты видел меня когда-нибудь за подобным делом?» Тот сказал: «Божественный! Увлечшись игрой в кости, я не спал эту ночь и крепко заснул, когда подметал. Как мне знать, что я пробормотал? Будь милостив, господин. Ведь я был во власти сна».

Царь подумал: «Да я от роду не съел ни одного огурца, занимаясь такого рода делом. Видно, и про Дантилу этот дурак сказал такую же несообразную чепуху, как и про меня. Поэтому несправедливо поступил я, лишив милости этого несчастного. Разве он способен на такое? К тому же без него запущены и царские и городские дела».

Поразмыслив и так и этак, он призвал Дантилу, одарил его украшениями со своего тела и одеждами и восстановил в прежней должности.

ТКАЧ В ОБРАЗЕ ВИШНУ^{106} (1.8)

Есть в стране гаудов^{107} город под названием Пундхравардхана. Жили там два друга, ткач и тележник, которые достигли совершенства в своих ремеслах. Без конца тратили они заработанные ими деньги, носили дорогие одежды, мягкие и пестрые, украшались цветами и бетелем,^{108} душились камфарой, алоэ и мускусом. Три четверти дня они работали, а в последнюю четверть наряжались и гуляли вдвоем по площадям, храмам и другим местам. Обойдя всевозможные собрания, праздники по случаю рождений и другие людские сборища, они возвращались в сумерки к себе домой. Так проходило у них время. И как-то в один большой праздник все горожане, нарядившись кто как мог, стали бродить вокруг храмов и других мест. И вот наряженные ткач и тележник, глядя на разукрашенные лица собравшихся повсюду людей, увидели дочь царя, сидевшую на большом балконе верхнего этажа дворца и окруженную подругами. Область сердца ее была украшена парой упругих и выдающихся вперед грудей, цветущих первой молодостью. Ее округлые ягодичы отличались пышностью, и талия ее была стройна. Волосы ее, темные, как грозовая туча, были мягкие, умощенные и волнистые. Золотые украшения, покачивающиеся в ее ушах, соперничали со сладостными качелями бога любви. Лицо ее было прекрасно, как недавно распустившийся нежный цветок лотоса, и, подобно ему, она овладевала глазами людей.

И видя эту несравненную красоту, ткач, со всех сторон пораженный в сердце пятью стрелами Манасиджи,^{109} сохранив присутствие духа, скрыл свое состояние и кое-как добрался до дому, неотступно видя перед собой царскую дочь. С тяжелыми и горячими вздохами он упал на непокрытую постель и, представляя себе царевну такой, какой она явилась ему, с мыслями о ней прочел стихи:

«Где красота живет, там — добродетель»
Увы! Нет правды в этом изреченье.
Ведь красота ее вошла мне в сердце,
А тело все горит в разлуке с нею.

И также:

Одно любовью сожжено, другое унесла она,
В сознание третье держится. Так сколько ж у меня сердец?

И также:

Всегда достоинства должны всем людям счастье приносить.
За что ж газелеокая меня сжигает красотой?

Ведь каждый — нет сомненья в этом —
Всегда стремится охранять свое жилище.
А ты в мое вселилась сердце.
И безрассудно сжечь его желаешь.

Уста, как пурпур, бимбы, ⁽¹¹⁰⁾ молодых грудей сосуды, что гордо
выступают,
А также пуп глубокий, и выющиеся кудри, и стан изящный, тонкий
Приносят, без сомненья, немалые страдания мечтателям влюбленным.
Но как несправедливо, что щек ее блистанье всего меня сжигает.

Прижавшись к влажным от шафрана грудям любимой,
Буграм подобным, что на лбу слона вспухают, ⁽¹¹¹⁾
В ее объятия заключен, утомленный страстью,
Я на мгновение б уснул, сладким сном объятый.

Ведь если мне самой судьбой погибнуть предназначено,
Пускай хоть смерть нашел бы я не от газелеокой той.

Хоть милая вдали, но видишь ты ее
перед собой, о сердце.

Так научи глаза такому волшебству,
коль утомилось видом.

Ведь одиноко ты, и даже встречи час
тебе печаль приносит.

Кто любит лишь себя, тот радостей лишен, —
лишь благодетель счастлив.

Воистину с небес похитила красу
ты у луны холодной,

А лотос голубой всей прелестью своей
глаза твои украсил.

От страсти пьяный слон не знает, что взяла
ты у него походку,

Но как сумела ты, чьи члены так стройны,
мое похитить сердце?

На небе, в воздухе, средь нас — везде присутствует она.
Зовут ее в опасностях, как Нараяну ⁽¹¹²⁾ самого.

«Мгновенны состоянья все», — неверно Буддой сказано:
Когда я думаю о ней, все время предо мной она».

Так с возбужденным умом не переставал он вздыхать, пока, наконец, не настала ночь. На следующий день в условленное время тележник нарядился и пришел в дом ткача. И он увидел, что ткач лежит распростертый на непостланной постели, глубоко и тяжело вздыхая, что он бледен и проливает слезы. Видя его таким, он сказал: «Эй, друг! Отчего ты сегодня в таком состоянии?» И когда тот от стыда ничего не ответил на его расспросы, опечаленный тележник прочел стихотворение:

Разве можно гнева друзей бояться?
Помогать им, чувствуя недоверие?
Тот, кому ты, матери словно, веришь,
Вот кто друг твой. Всякий другой — лишь встречный.

И затем, умея разбираться в признаках болезней, он приложил руку к его сердцу и к другим местам и сказал: «Приятель, как мне кажется, это состояние вызвала не лихорадка, а любовь». Когда же он сам сказал о состоянии ткача, тот, усевшись, прочел стихотворение:

Коль хочешь снова стать счастливым,
Достойному слуге, жене благочестивой,
Властителю могучему
И другу о печали расскажи.

И сказав так, ткач поведал ему все о своем состоянии, начав с того, как увидел царскую дочь. Тогда тележник, подумав, сказал: «Ведь царь этот — кшатрий. Не боишься ли ты совершить нечестивый поступок? Ты ведь вайшья».^[113] Тогда тот ответил: «По закону кшатрий может иметь жен от трех каст. Наверно, она дочь вайшийки. Оттого я и чувствую к ней склонность. Сказано ведь:

Уверен я — кшатрию подойдет она,
И оттого сердце мое стремится к ней.
Ведь у людей, что благородством славятся,
В таких делах голос решает внутренний».

Узнав о его решении, тележник сказал: «Приятель, что же теперь делать?» Ткач ответил: «Почем я знаю? Я рассказал тебе все как другу». Сказав это, он умолк. Тогда тележник обратился к нему: «Встань, умойся, поешь и перестань горевать. Я придумаю такое средство, благодаря которому ты сможешь непрерывно вкушать с ней радость любовного

наслаждения».

Тогда ткач, возрожденный обещанием друга, поднялся и взялся за свои обычные дела. А тележник сделал из дерева сооружение в виде Гаруды,^[114] раскрашенное разными красками и поднимавшееся вверх с помощью клина, и на следующий день принес его ткачу и сказал: «Приятель, если ты влезешь на него иставишь клин, то сможешь полететь, куда захочешь. Когда же ты вытащишь клин, сооружение опустится. Поэтому возьми его. Сегодня ночью, когда люди уснут, прими облик Нараяны; украсив свое тело, сядь на Гаруду, созданного силой моего знания, опусти на крышу дворца в покои девушки и поступи с царской дочерью, как пожелаешь. Я убежден, что царица спит одна на крыше дворца».

Сказав это, тележник ушел, а ткач провел остаток дня, обуреваемый сотней желаний. Когда же наступила ночь, он, благоухая от ароматной воды, курений, пудры, притираний, бетеля, благовоний для рта, цветов и других средств, надев разнообразные венки и одежды и блистая диадемой и другими украшениями, поступил согласно со словами друга. И когда царская дочь, чье сердце лишь слегка затронул Мадана,^[115] лежала одна на постели на крыше дворца, залитой лунным блеском, и с улыбкой глядела на месяц, она внезапно увидела ткача в облике Нараяны, сидящего на Вайнатее.^[116] Увидя его, она в волнении поднялась с постели, почтительно приветствовала его и спросила: «Божественный! Из-за чего почтил ты меня своим приходом? Укажи, что мне делать?» Когда царица сказала так, ткач медленно ответил ей глубоким нежным голосом: «Дорогая, ради тебя явился я сюда». Она сказала: «Я ведь дочь человека». Он ответил: «Ты — моя прежняя супруга, изгнанная с неба из-за проклятия. Долгое время охранял я тебя от мужчин и поэтому теперь женюсь на тебе по обряду гандхарвов».^[117] Тогда подумав: «Это ведь такое недостижимое желание», она согласилась, и он взял ее в жены по обряду гандхарвов.

Так проводили они время, с каждым днем все больше любя друг друга и вкушая радости любовного наслаждения. В конце каждой ночи ткач влезал на искусственного Гаруду, говорил ей на прощание: «Я отправляюсь на небо Вайкунтха»,^[118] и незамеченный возвращался в свой дом.

И однажды стражники женских покоев заметили на теле царицы следы наслаждений с мужчиной. Боясь, как бы им не лишиться жизни, они в страхе обратились к царю: «Божественный! Будь милостив и обещай нам безопасность. Мы должны кое-что сообщить». Когда царь согласился, хранители женских покоев рассказали: «Божественный! Несмотря на то

что покои усердно охраняются от мужчин, царевна Сударшана^{119} выглядит так, словно кто-то наслаждается ею. Мы здесь ничего не можем сделать. Пускай решает божественный».

Получив такое известие, царь с тревогой в сердце подумал:

«Дочь родилась — большое размышление.
Кому дать в жены? — вновь сомнений много.
Счастливой будет в браке иль несчастной?
Да! Много горя дочь отцу приносит.

Также:

Лишь родится дочь, лишилась мать рассудка,
И пока растет — друзьям приносит горе,
Замуж выдадут — ведет себя беспутно.
Дочерей иметь — большое наказание.

Также:

«Достанется ль достойному?
Понравится ль ему? Свободна ль от грехов?» —
Так беспокоится поэт
За новую поэму, как за дочь».

И вот, размышляя и так и этак, он пришел к царице и сказал: «Божественная! Узнай, о чем говорят слуги. На кого гневается Кританта,^{120} что послал такое зло?» И когда те рассказали, что произошло, царица с обеспокоенным сердцем поспешно отправилась в покои девушки и увидела, что губы ее дочери искусаны, а тело исцарапано ногтями. Тогда она сказала: «Эй, негодница, позорящая свой род! Зачем ты нарушила добродетель? Кто это, отмеченный Критантой, приходит к тебе? Раз такое дело, скажи правду». И та, опустив лицо от стыда, рассказала ей всю историю про ткача в облике Вишну.

Услышав это, царица просияла, волоски поднялись на ее теле,^{121} и, поспешив к царю, она сказала: «Радуйся, божественный! Ведь сам блаженный Нараяна каждую ночь приходит к девушке. Она стала его женой по обряду гандхарвов. Этой ночью мы с тобой подойдем к окну и в полночь должны увидеть его. Ведь он не разговаривает с людьми». Услышав это, царь возрадовался сердцем и с трудом провел этот день, показавшийся ему за сто лет. И вот, когда ночью царь с женой, спрятавшиеся у окна, обратили взор на небо, они увидели, как тот, отмеченный подобающими знаками, сидя на Гаруде и держа в руках

раковину, диск и палицу,^[122] спускался из воздушного пространства. Тогда царь, словно погруженный в нектар, сказал царице: «Никто другой в мире не сравнится с нами счастьем. Ведь нашу дочь посещает и улаживает сам блаженный Нараяна. Исполнились все желания наших сердец. Теперь, благодаря могуществу зятя, я покорю всю землю».

Между тем прибыли к нему за ежегодной данью послы живущего на юге славного Викрамасены, под властью которого находилось девять миллионов девятьсот тысяч деревень. А царь, гордясь своим зятем Нараяной, не оказал им почтения, как бывало прежде. Тогда они с гневом сказали: «О царь! Ведь миновали дни, назначенные для приношения. Почему же ты не послал должных свидетельств уважения? Или ты вдруг получил откуда-то необычайную силу, что гневаешь великого и славного Викрамасену, подобного огню, ветру, ядовитой змее и Кританте?» Когда они сказали так, царь показал им дорогу богов.^[123] И вернувшись в свою землю, они рассказали о происшедшем, преувеличив его в сто тысяч раз, и разгневали своего господина. Тогда, окруженный могущественной свитой и войском из четырех частей,^[124] Викрамасена двинулся на того царя, гневно произнеся при этом:

Пускай он в море заберется,
На Меру^[125] влезет пусть, хранимый Шакрой,^[126]
И все ж негодного царя
Я погублю — вот мой обет.

И затем, двигаясь без остановок, Викрамасена достиг той страны и опустошил ее. Тогда спасшиеся от смерти жители пришли к дворцу царя Пундхравардханы и подняли крик. Но слыша их, он даже нисколько не опечалился.

И на следующий день, когда подошли войска Викрамасены и осадили город Пундхравардхану, министры, домашний жрец и знатные люди сообщили царю: «Божественный! Сильный враг приблизился и осадил город. Почему же божественный остается спокойным?» Тогда царь сказал: «Будьте и вы спокойны. Я придумал способ уничтожить этого врага. Завтра утром вы увидите, что я сделаю с его войском». Сказав так, он приказал хорошо охранять стены и ворота. Затем позвав Сударшану, он почтительно сказал ей ласковым голосом: «Дитя, полагаясь на мощь твоего супруга, я начал войну с врагом. Так скажи сегодня ночью блаженному Нараяне, когда тот придет, чтобы утром он уничтожил нашего врага».

И ночью Сударшана подробно передала супругу всю речь отца.

Услышав это, ткач с улыбкой сказал: «Дорогая! Что значит эта война между людьми? Ведь в былые времена я, играючи, убил Хираньякашипу, Кансу, Мадху, Кайтабху^[127] и тысячи других великих демонов, наделенных волшебной силой. Пойди же и скажи царю: «Не тревожься. Утром Нараяна уничтожит своим диском войско врагов». И пойдя к царю, она с гордостью все ему рассказала. Тогда в великой радости он приказал стражнику объявить по городу с барабанным боем: «Те, кто в утренней битве захватят драгоценности, хлеб, золото, слонов, коней, оружие и другую добычу из лагеря убитого Викрамасены, получают их в свое владение». И услышав под барабанный бой это объявление, обрадованные горожане советовались друг с другом и говорили: «Сколь бесстрашен наш господин, который не тревожится даже, когда подошли вражеские силы. Несомненно, утром он погубит противника».

Между тем ткач, прервав любовные наслаждения и сильно обеспокоившись, подумал в своем сердце: «Что мне теперь делать? Если я сяду на свое сооружение и улечу в другое место, то не встречу больше с этой женщиной-сокровищем. Ведь Викрамасена убьет моего тестя и возьмет ее из женских покоев. Если же я вступлю в битву, то смерть положит конец всем моим желаниям. Но ведь и без нее мне смерть. К чему много слов? В обоих случаях здесь смерть. Так лучше действовать мужественно. К тому же, видя, как я вступаю в бой верхом на Гаруде, враги, быть может, примут меня за Васудеву^[128] и обратятся в бегство. Сказано ведь:

Пусть будет смелым человек достойный.
Герой, который верит в свои силы,
И в горе, и в нужде, и в затрудненье
Препятствия трудом преодолеет».

И когда ткач решил вступить в битву, Вайнатейя сообщил Вишну, пребывающему на небе Вайкунтха: «Божественный! На земле, в городе под названием Пундхравардхана, ткач, принявший облик божественного, наслаждается царевной. И вот могучий царь южной страны пришел истребить царя и повелителя Пундхравардханы. Ткач решил помочь тестю. Знай же, что если ткач погибнет в битве, то в мире смертных пойдет молва, будто царь южной страны погубил блаженного Нараяну. А тогда прекратятся жертвоприношения и другие обряды, храмы будут разрушены неверующими, поклоняющиеся блаженному аскеты с тремя палками^[129] оставят свое отшельничество. Пусть божественный решит, что делать в таком положении». Тогда блаженный Васудева, тщательно подумав,

ответил ему: «Ты прав, царь птиц! Бог воплотился в этом ткаче, и ткач должен убить того царя. Вот средство для этого: раз мы с тобой должны помочь ему, то я вселюсь в его тело, ты вселишься в его Гаруду, и мой диск — в его диск». — «Да будет так!» — согласился Гаруда.

Между тем ткач, воодушевленный Нараяной, указал Сударшане: «Дорогая, когда я вступлю в бой, пусть совершат огненную церемонию и все, что принесет мне благословение». Сказав так, он совершил надлежащую огненную церемонию, украсился воинским убранством и принял горочану,^[130] черную горчицу, цветы и другие почетные приношения. И вот возшло великое светило, друг лотосного водоема, украшение на девичьем лице восточного небосклона, наделенное тысячью лучей; и забили в барабаны, предвещающие победу. Царь вышел из города и достиг поля боя, а оба войска выстроились в боевом порядке на своих местах, и пехота вступила в сражение. Тогда ткач сел на Гаруду, раздавая золото, драгоценности и другие богатые дары; на глазах у любопытных горожан, почтительно приветствовавших его, он поднялся с верхнего этажа дворца в воздух и, очутившись за городом над своим войском, затрубил в громкозвучную раковину Панчаджанья.^[131]

Услышав звук раковины, слоны, кони, возницы и пешие бросились бежать. Одни обмочились от страха, другие издавали ужасные крики, третьи, разбитые немощью, катались по земле, а некоторые в испуге остановились на месте, неподвижно устремив взор к небу.

Между тем все боги собрались из любопытства посмотреть на битву, и Девараджа^[132] сказал Брахману: «Брахман! Неужели здесь должен быть убит какой-нибудь полубог или демон, раз сам блаженный Нараяна, сев на Нагари,^[133] вступил в битву?» Вслед за этими словами Брахман подумал:

«Не обратит Хари^[134] на смертных жителей
Свой грозный диск, кровью омытый вражеской.
Не станет лев бить комара ничтожного,
Когда слонов он убивает лапою.

Что же это за чудо?» Так даже Брахман пришел в изумление. Поэтому я и говорю:

Сам Брахман разобрать не смог обмана, ловко скрытого.
Принявший облик Вишну ткач царевной наслаждается.

В то время как боги с любопытством думали об этом, ткач метнул диск в Викрамасену. И, разрубив этого царя надвое, диск снова вернулся в его

руки. Увидя это, все цари спустились со своих колесниц, склонились в почтительном приветствии и обратились к принявшему облик Вишну: «Божественный! Погибло войско без вождя. Подумай об этом и пощади наши жизни. Укажи, что нам следует делать». Когда вся толпа царей сказала так, ткач, принявший облик Вишну, ответил: «Отныне вы в безопасности. Исполняйте без промедления все, что прикажет вам Супративарман».^[135] Цари ответили: «Как велит господин», — и подчинились этому приказанию. Вслед за тем ткач отдал Супративарману людей, слонов, колесницы, коней, драгоценности и всю другую вражескую добычу и, прославленный победой, зажил с царевной, наслаждаясь полным счастьем.

ВОШЬ И КЛОП (I.10)

В покоях одного царя стояло несравненное ложе, наделенное всеми достоинствами. И там в покрывале жила вошь по имени Мандависарпини.^[136] Окруженная многочисленным потомством и наследниками — сыновьями, дочерьми и внуками от сыновей и дочерей, — она все время питалась кровью спящего царя. И от крови его она стала упитанной и приметной. Так жила она там, и вот однажды упал на это ложе занесенный ветром клоп по имени Дундука. Видя это необычайно мягкое и благоуханное ложе, с превосходным тончайшим покрывалом и с двумя подушками, ложе, подобное широкому песчаному берегу Джахнави,^[137] он достиг высшей радости. Прикосновение к этому ложу похитило его разум, и вот как-то, бродя взад и вперед, он по воле судьбы повстречался с Мандависарпини. Она сказала: «Как попал ты в это жилище, предназначенное для царя? Скорей уходи отсюда». Тогда он ответил: «Почтенная! Не говори мне так. И вот почему:

Огонь дваждырожденный^[138] чтит, брахмана — касты низшие,
Супруг — в почете у жены, пришельца каждый должен чтить.

А я — твой гость. Ведь разного рода кровью наслаждался я: кровью брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр. Она у них соленая, слизистая, и нельзя ею насытиться. Что же до того, кто спит на этом ложе, то кровь его, несомненно, услаждает сердце и подобна нектару. Он ведь не страдает от болезней, ибо постоянно с усердием принимает лекарства и другие целебные средства, предписанные врачами; и ветры, желчь и флегма^[139] у него не несут ущерба. Его наполняют силами приятные, жидкие, искусно приготовленные кушанья, крепкие от примеси сахара, граната и трех

приправ^[140] и состоящие из превосходного мяса обитателей земли, воды и воздуха. Впитавшая все это кровь кажется мне подобной жизненному эликсиру. Потому я и хочу отведать ее по твоей милости: ведь она приносит радость и насыщение, благоуханна и сладка». Вошь ответила: «Невозможно это для тех, что обладая, подобно тебе, огненным ртом, живет благодаря укусам. Сказано ведь:

Кто места, времени,
Других, себя и дел своих не знает
И поступает безрассудно,
Тот не достигнет счастья никогда».

Тогда, упав к ее ногам, он снова начал умолять ее. И с великой милостью она согласилась, сказав: «Да будет так!» Дело в том, что, когда царю читали однажды рассказ Карнисуты,^[141] она, находясь в покрывале, услышала ответ Муладевы^[142] на вопрос Девадатты.^[143] А именно:

Кто не почтил просителя коленопреклоненного,
Тот все равно, что не почтил Брахмана, Хари и Шамбху.^[144]

И вот, вспомнив эти слова, она согласилась и сказала: «Но ты не должен питаться кровью царя в неподходящем месте и в неподходящее время». Он спросил: «Каковы же подходящие место и время? Я только что пришел и не знаю этого». Она ответила: «Когда телом царя овладеет опьянение, усталость или сон, ты можешь осторожно кусать его ноги. Вот место и время». Клоп согласился с ней. И вот как-то вечером, не зная подходящего времени и мучимый голодом, он укусил едва задремавшего царя в спину. А тот, словно обожженный раскаленным камнем, словно ужаленный скорпионом, словно тронутый головней, тут же вскочил, схватился за спину и сказал, обернувшись: «Ой! Кто-то укусил меня. Из всех сил ищите в кровати это насекомое». Услышав слова царя, испуганный Дундука убежал и залез в щель кровати. Тут пришли исполнители царских приказаний и по приказу господина, взяв светильник, из всех сил стали искать. Волею судьбы они настигли Мандависарпини, спрятавшуюся в шерсти одежды, и убили ее вместе с родственниками.

ДОВЕРЧИВЫЙ ВЕРБЛЮД (I.13)

Жил в одном городе купец Сагарадатта. Нагрузив сотню верблюдов ценными одеждами, он отправился в другую страну. И вот верблюд его, по имени Виката, изнуренный непомерным грузом, лишился сил и упал, не в

силах двигаться. Тогда купец разделил нагруженные на него одежды, взвалил их на других верблюдов и, подумав: «Опасна эта лесная местность. Нельзя здесь останавливаться», отправился дальше, покинув Викату. Когда же начальник каравана ушел, Виката, еле-еле передвигаясь, начал поедать траву. Так через несколько дней к нему вернулись силы.

А в том лесу жил лев по имени Мадотката, которому служили леопард, ворон и шакал. И бродя по лесу, они увидели этого верблюда, отставшего от начальника каравана. Увидя это незнакомое ему существо, вызывающее смех своим видом, лев обратился к своим слугам: «Спросите у этого невиданного в нашем лесу существа, кто он». Тогда ворон, знавший в чем дело, сказал: «Это верблюд, хорошо известный в мире». Лев спросил: «Эй, откуда ты?» И Виката рассказал, как он отстал от каравана. Тогда лев, пожелав помочь верблюду, даровал ему безопасность. И как-то после этого лев, израненный клыками слона, должен был оставаться в пещере. Так прошло пять или шесть дней, и все они впали в сильную нужду из-за недостатка пищи. Увидя, что слуги его ослабели, лев сказал: «Из-за этой тяжелой раны я не могу, как прежде, доставлять вам пищу. Так приложите усердие ради самих себя». Тогда они ответили: «Что нам пользы насыщаться, когда стопы божественного находятся в таком состоянии?» Лев сказал: «Так! Вы ведете себя как хорошие подданные и преданы мне. Поэтому приносите мне пищу, пока я нахожусь в таком состоянии». И когда они ничего не ответили, он сказал: «Ну, довольно! Не робейте! Выследите какое-нибудь животное, и, несмотря на свою рану, я доставлю пищу вам и себе».

Тогда те трое пустились на поиски. Когда же они ничего не нашли, ворон с шакалом стали советоваться, и шакал сказал: «Эй, ворон! К чему долго бродить? Этот Виката доверяет нашему господину. Поэтому, убив его, мы добудем средства для поддержания жизни». Ворон ответил: «Ты верно сказал. Но ведь господин даровал ему безопасность и не может убить его». Шакал сказал: «Это верно. Все же я поговорю с господином и сделаю так, что он захочет убить его. Поэтому оставайтесь здесь, а я тем временем пойду домой и принесу вам оттуда слова господина». Сказав так, шакал быстро отправился к господину. И придя ко льву, он сказал: «Господин! Мы обошли весь лес и теперь, охваченные голодом, не в силах даже шевельнуть лапой. А божественному нужна подходящая пища. Поэтому, если будет на то воля божественного, употребим для очередной трапезы мясо Викаты». Услышав эту жестокую речь, разгневанный лев сказал: «Тьфу, тьфу, низкий негодяй! Если ты еще раз повторишь это, я немедленно убью тебя. Как я могу сам убить его, когда даровал ему

безопасность? Сказано ведь:

Ни дар земли, ни дар коровы тучной,
Ни пищи дар не будет самым высшим.
Тот высшим из даров мудрец считает,
Что ближнему приносит безопасность».

Услышав это, шакал ответил: «Господин! Если, даровав ему безопасность, ты убьешь его, то будешь виноват. Если же он сам из преданности отдаст свою жизнь стопам блаженного, то не будет на тебе вины. Поэтому, если он сам предоставит себя для убийства, убьем его. Иначе придется съесть одного из нас. Ведь господин нуждается в подходящей пище и перейдет в иной мир, если не утолит голода. Какая польза будет тогда от наших жизней, раз они не смогут принести пользу господину? Если со стопами божественного случится что-нибудь нежеланное, мы должны следовать за ним и в огонь. Сказано ведь:

Кто в племени своем стоит всех выше,
Всегда усердно должен охраняться:
Когда он гибнет, то и племя гибнет.
Что пользы в спицах, если ось сломалась?»

Услышав это, Мадотката ответил: «Если так, делай как знаешь». Услышав это, шакал быстро пошел к товарищам и сказал: «Увы! Господин близок к гибели. Его жизнь стоит у кончика носа. Кто без него станет защищать нас в этом лесу? Пойдемте же и сами отдадим ему свои тела, раз голод посылает его в другой мир. Тогда мы отплатим господину за его милости. Сказано ведь:

Нисходит в ад дурной слуга, когда спокойно смотрит он,
Как на властителя его все бедствия обрушились».

Тогда глаза их наполнились слезами, они все подошли к Мадоткате, поклонились и сели. И видя их, Мадотката сказал: «Эй, эй! Поймали вы или видели какое-нибудь животное?» Тогда ворон ответил: «Господин! Мы обошли все места, но никого не поймали и не видали. Поэтому пусть господин поддержит сегодня свою жизнь, съев меня. Тогда божественный насытится, а я достигну неба. Сказано ведь:

Кто жизнью жертвует своей, чтоб повелителя спасти,
Тот смерть и старость победит, достигнув блага высшего».

Услышав это, шакал сказал: «Ты невелик телом, и, съев тебя, господин

не сможет поддержать жизни. Кроме того, он совершит проступок. Сказано ведь:

Объедки не приносят сил, негодно мясо ворона,
Какая польза в пище той, что насыщенья не дает?

Ты показал уже свою преданность господину и приобрел почет в обоих мирах.⁽¹⁴⁵⁾ Отойди же, чтобы я поговорил с господином». Вслед за тем шакал почтительно поклонился и сказал: «Господин! Поддержи сегодня свою жизнь моим телом, чтобы я достиг обоих миров. Сказано ведь:

За деньги слуги куплены, их жизнь в руках хозяина,
Нет преступленья у слуги отнять существование».

Услышав это, леопард сказал: «Эй, хороша твоя речь. Однако и ты невелик телом, и нельзя ему тебя съесть, потому что ты принадлежишь к той же породе и подобно ему сражаешься когтями. Сказано ведь:

Пусть жизнь у горла держится — нельзя запретной пищи есть.
Кто этот преступил закон, тот оба мира потерял.

Ты показал уже свою преданность. Хорошо ведь говорится:

За то в почете у владык благочестивый человек,
Что от начала до конца все те же мысли у него.

Отойди же в сторону, чтобы и я мог умилистить господина». Вслед за тем леопард поклонился и сказал: «Господин! Воспользуйся сегодня моей жизнью, чтобы поддержать свою жизнь. Доставь мне вечное обиталище на небе и великую славу на земле. Нечего здесь сомневаться. Сказано ведь:

Хороший, преданный слуга, на службе остающийся,
На небе вечность обретает и на земле прославится».

Услышав это, бедный Виката подумал: «Все они произнесли прекрасные речи, и ни один не был убит господином. Обращусь-ка и я к нему, раз подошло время, чтобы эти трое возразили мне». Решив так, он сказал: «Эй, хороши твои слова. Но ведь и ты сражаешься когтями. Как же съест тебя господин? Сказано ведь:

Кто даже в помыслах своих захочет родича убить,
Лишится этих двух миров и станет грязным червяком.

Отойди же в сторону, чтобы я поговорил с господином». Вслед за тем Виката выступил вперед, поклонился и сказал: «Господин! Ведь ты не

можешь съесть их. Пусть поэтому моя жизнь поддержит твою, чтобы я достиг обоих миров. Сказано ведь:

Ни жертвы приносящие, ни йогины ^[146] не превзойдут
Тех слуг, что жизнью жертвуют за господина своего».

Вслед за этими словами леопард и шакал с позволения льва распоролы ему живот, ворон выклевал у него глаза, и бедный Виката лишился жизни. А они, мучимые все сильным голодом, съели его.

ОБЕЗЬЯНА И ПТИЦА (I.25)

В окрестностях одного леса жила стая обезьян. Однажды зимой, совсем обессиленные, они с наступлением ночи заметили светлячка. Увидев его, обезьяны подумали: «Это — огонь», — осторожно взяли светлячка, покрыли сухой травой и, приблизив к нему руки, плечи, животы и груди, стали почесываться, словно в самом деле наслаждаясь желанным теплом. И была среди них одна особенно замерзшая обезьяна; она то и дело поддувала траву и вся была поглощена этим. Тогда птица, по имени Сучимукха, спустилась, гонимая судьбой, с дерева и на свою погибель сказала ей: «Дорогая, не трудись. Это не огонь, это светлячок».

А обезьяна между тем, не обращая внимания на ее слова, продолжала дуть и не прекращала, несмотря на неоднократные уговоры птицы. К чему много слов? Приблизившись к самым ушам обезьяны, птица так досаждала обезьяне, что та, наконец, схватила ее и, ударив о камень, раздробила птице клюв, глаза, голову и шею, так что Сучимукха отошла в небытие.

МАЛЬЧИК И ВЕСЫ (I.28)

Жил в одном городе купец Надука. Истратив свое состояние, он задумал отправиться в другую страну. Ведь:

Кто, все богатства потеряв, желает в том же месте жить,
Где прежде он в довольстве жил, тот самый низкий из людей.

А также:

Кто жить остался бедняком там, где он долго перед тем
В веселье время проводил, тот всеми порицается.

А дома у него были весы, сделанные из тысячи пал ^[147] железа, доставшиеся ему в наследство от предков. И, отдав их на хранение начальнику купцов Лакшмане, он отправился в другую страну. Долго

бродил он, где хотел, по чужим странам и, снова вернувшись в свой город, обратился к начальнику купцов: «О Лакшмана! Верни мне весы, которые я отдал тебе на хранение». Тогда Лакшмана ответил: «О Надука! Твои весы съели мыши». Услышав это, Надука сказал. «Не виноват ты, Лакшмана, что их съели мыши. Таков ведь круговорот этой жизни. Ничто на земле не вечно. Что же, пойду-ка я к реке совершить омовение. Пошли со мной своего сына Дханадеву, чтобы он понес принадлежности для омовения». А Лакшмана, обеспокоенный своим мошенничеством, сказал сыну: «Дитя! Этот Надука, брат твоего отца, пойдет к реке омыться. Иди же вместе с ним и захвати принадлежности для омовения». Да! Хорошо ведь говорится:

Никто не делает добра, одной любовью движимый,
Без страха, искушения иль без особых поводов.

А также:

Где без особенных причин забота проявляется,
Там надо быть настороже, чтоб избежать опасности.

И вот сын Лакшманы с радостью пошел вместе с Надукой к реке, захватив принадлежности для омовения. А Надука, омывшись в реке, посадил сына Лакшманы Дханадеву в горную пещеру, загородил вход в нее большим камнем и вернулся в дом Лакшманы. Лакшмана спросил его: «О Надука! Скажи: где остался сын мой Дханадева, который ушел с тобой?» Надука ответил: «О Лакшмана! Сокол унес его с берега реки». Лакшмана сказал: «О лживый Надука! Как мог сокол унести Дханадеву? Ведь он уже большой». Надука сказал: «О Лакшмана! Неужели мыши съели весы из железа? Верни же мне весы, если тебе нужен сын». Так споря, оба они подошли к воротам дворца. Там Лакшмана громким голосом произнес: «Увы! Какая несправедливость! Этот Надука похитил у меня сына Дханадеву». Тогда судьи сказали Надуке: «Эй, верни сына Лакшманы». Надука ответил: «Что мне делать? На моих глазах сокол унес его с берега реки». Они сказали: «О Надука! Неправду ты говоришь. Как может сокол похитить пятнадцатилетнего мальчика?» Тогда Надука со смехом сказал: «О, послушайте мои слова:

Где может маленькая мышь сожрать весы железные,
Там сокол унесет слона, а мальчика — тем более».

Те спросили: «Как это?» И Надука рассказал им историю с весами. Услышав ее, они, смеясь, вернули одному весы, а другому — мальчика.

«ЧТО СУЖДЕНО» (II.5)

Жил в одном городе купец Сагарадатта. Сын его достал однажды книгу, заплатив за нее сто рупий.^[148] И в книге было написано:

«Что суждено, то и получит смертный».

Увидев ее, Сагарадатта спросил сына: «Мальчик, за какую цену ты достал эту книгу?» Тот ответил: «За сто рупий». Услышав это, Сагарадатта сказал: «Тьфу! Дурак ты, что за сто рупий достал книгу, в которой написана лишь одна строка. Как ты наживешь богатство с таким разумом? Не смей же отныне входить в мой дом». Так отругав, он прогнал его из дома.

А тот с печалью отправился в отдаленную страну и, достигнув одного города, остановился в нем. И через несколько дней какой-то горожанин спросил его: «Откуда ты пришел? Как тебя звать?» Тот ответил:

«Что суждено, то и получит смертный».

Спросил его другой, и он ответил то же самое. И стоило кому-нибудь спросить его, как он давал один и тот же ответ. Так и стали его звать: «Что суждено».

И вот однажды царская дочь Чандраматри, наделенная красотой ранней юности, в сопровождении подруги осматривала город. И по воле судьбы ей попался на глаза некий царевич, наделенный необычайной красотой и прелестью. И едва увидев его, она, пораженная стрелой Кусумабаны,^[149] сказала подруге: «Дорогая! Постарайся сегодня же сделать так, чтобы я с ним встретилась». Услышав это, подруга быстро подошла к тому царевичу и сказала: «Меня послала к тебе Чандраматри. Она говорит тебе: «По воле Манобхавы,^[150] вид твой жестоко ранил меня. Поэтому, если ты быстро не придешь ко мне, я погибла». Услышав это, он ответил: «Если необходимо мне идти туда, скажи: как можно проникнуть во дворец?» Тогда подруга сказала: «Ты должен подняться туда ночью по крепкому ремню, свисающему с крыши дворца». Он сказал: «Если вы так решили, я повинуюсь». И условившись с ним, подруга пошла к Чандраматри. Когда же настала ночь, царевич этот подумал:

«С женою друга согрешить, хозяина или слуги

Иль с дочерью учителя — что у брахмана жизнь отнять.

Кроме того:

Не надо совершать того, что навлечет на нас позор,

Дорогой ада поведет и цели жизненной лишит».

Так правильно рассудив, он не пошел к царевне. Между тем «Что суждено», бродя ночью, увидел ремень, висящий около дворца, и с сердцем, полным любопытства, ухватился за него и поднялся наверх. А царская дочь подумала доверчиво: «Это он», почтила его омовением, едой, питьем, одеждами и другими знаками внимания и взошла с ним на ложе. И полная блаженства от прикосновения к нему, с поднявшимися на теле волосками, она сказала: «Полюбив тебя с первого взгляда, я отдалась тебе. Даже в мыслях не будет у меня другого супруга. Почему же, зная это, ты не разговариваешь со мной?» Тот сказал:

«Что суждено, то и получит смертный».

И услышав это, она с остановившимся сердцем быстро спустила его вниз по ремню. А он пошел и лег спать в разрушенном храме. Между тем начальник стражи назначил там свидание с одной распутницей и, придя, увидел его, заснувшего в том месте. Тогда он спросил, желая сохранить тайну: «Кто ты?» Тот ответил:

«Что суждено, то и получит смертный».

Услышав это, начальник стражи сказал: «Этот храм пуст. Поэтому иди и спи в моей постели». Тот послушался его, но по ошибке лег спать в другую постель. Между тем у этого начальника стражи была взрослая дочь Винаявати, наделенная красотой молодости; она была влюблена в одного человека и, назначив ему свидание, спала на этой постели. Когда же пришел «Что суждено», она, обманутая густым мраком ночи, подумала: «Это — он, мой любимый», поднялась и вышла за него замуж по обряду гандхарвов. И лежа с ним в постели, она, чьи глаза и губы уподобились распустившимся лотосам, спросила его: «Почему даже теперь ты не говоришь доверчиво со мной?» Тот ответил:

«Что суждено, то и получит смертный».

Услышав это, она подумала: «Вот к чему приводят неосмотрительные дела». С такими мыслями, обеспокоенная, она отругала и прогнала его.

И вот на улице ему вышел навстречу под звуки музыки жених Варакирти, родом из другой страны. Тогда «Что суждено» стал идти вместе с ними. И когда наступило благоприятное сочетание созвездий, дочь купца в приносящих счастье праздничных одеждах стала у снабженных беседкой и алтарем дверей купеческого дома, который был расположен на главной улице. Вдруг, пугая народ, на месте этом показался пьяный от страсти

слон, убивший наездника и убежавший под беспокойные крики людей. Увидя его, все спутники жениха и сам жених разбежались кто куда. Тут, видя покинутую всеми девушку с полными страха глазами, «Что суждено» стал смело ободрять ее, говоря: «Не бойся. Я — твой защитник». И он взял ее за руку правой рукой, угрожая слону дерзкими словами. Когда же по воле судьбы слон удалился и Варакирти вместе с друзьями и родственниками вернулся, пропустив благоприятное сочетание созвездий, девушку держал за руку другой человек. Видя это, Варакирти сказал: «Эй, свекор! Неправильно поступил ты, выдав обещанную мне дочь за другого». Тот ответил: «Да ведь я сам убежал, испугавшись слона, а теперь вернулся вместе с вами и не знаю, что тут произошло». Сказав так, он стал спрашивать дочь: «Дитя! Нехорошо ты поступила. Расскажи, что тут произошло». Та ответила: «Этот человек спас меня от смертельной опасности. Поэтому, пока я жива, никто, кроме него, не возьмет моей руки». Так в этих удивительных событиях прошла ночь.

И утром, когда собралось много народу, царская дочь услышала об этом удивительном происшествии и пришла к тому месту. Пришла туда и дочь начальника стражи, до которой дошла молва об этом. Вслед за тем и сам царь, услышав о большом сборище народа, пришел туда и спросил «Что суждено»: «Расскажи без утайки, что тут произошло». Тот ответил:

«Что суждено, то и получит смертный».

Тогда царская дочь, вспомнив, сказала:

«Сам бог ему препятствовать не в силах».

Тут дочь начальника стражи сказала:

«Вот я и не дивлюсь и не печалюсь».

И слыша все это, дочь купца сказала:

«Что нам дано, не перейдет к другому».

Тогда царь, даровав им всем безопасность, подробно расспросил о происшедшем. Узнав обо всем, он с большим почетом отдал ему свою дочь вместе с тысячей деревень, затем подумал: «Нет у меня сына», и помазал его в наследники престола. И тот жил в счастье со своей семьей, наслаждаясь многочисленными радостями.

ШАКАЛЫ И БЫК (II. 7)

Жил в одном городе бык Праламбавришана.^{151} От избытка семени он покинул свое стадо и стал бродить по лесу, разрывая рогами берега реки и вволю поедая кончики травы, подобные смарагдам. А в том лесу жил шакал Пралобхика.^{152} Как-то раз он беззаботно сидел с женой на берегу реки. В это время Праламбавришана спустился к тому берегу за водой. И видя у него пару свисающих ядер, шакалка сказала шакалу: «Посмотри, господин, как висят у этого быка два комка мяса. Через мгновение или через несколько часов они упадут. Знай это и следуй за ним по пятам». Шакал сказал: «Дорогая! Неизвестно, упадут они когда-нибудь или нет. Зачем же ты взваливаешь на меня напрасный труд? Сидя здесь, мы с тобой можем поедать мышей, приходящих за водой. Ведь тут их дорога. Если же, напротив, я последую за быком, кто-нибудь другой придет сюда и займет наше место. Поэтому не следует так поступать. Сказано ведь:

Оставив дело верное, кто гонится за призрачным,
Лишится верной прибыли, напрасно время потеряв».

Та сказала: «Эх, ты, трус! Достигнув малого, ты уже успокоился. Неправильно это. Человек всегда должен быть полным усердия. Сказано ведь:

Где действуют с усердием, где нет безделья никогда,
Где ум с отвагой заодно, там счастье обеспечено.

А также:

Не прекращай трудов своих при мысли: «Все в руках судьбы».
Ведь даже масло без труда не выжмешь из сезама ты.

И если ты сомневаешься, упадут они или нет, так и это неправильно. Сказано ведь:

Кто наделен решимостью, достоин быть прославленным.
Чатаке,^{153} птичке крохотной, сам Индра воду подает.

Кроме того, мне уже надоело мышиное мясо. А эти комки мяса, видно, скоро упадут. Поэтому ни в коем случае не следует поступать иначе». И слыша это, шакал оставил место, где ловил мышей, и пошел следом за Праламбавришаной. Хорошо ведь говорится:

До тех лишь пор бываем мы хозяевами дел своих,
Пока стрекало женских слов нам в уши не вонзается.

А также:

Считает добрым делом грех, доступным — недоступное,
Съедобным — несъедобное, кто женской речью завлечен.

Так, следуя с женой по пятам за быком, он провел много времени. А те все не падали. И когда пошел пятнадцатый год, он, отчаявшись, сказал жене:

«Хоть вяло оба свесились, да, видно, крепко держатся.
Не знаю, упадут иль нет, но уж пятнадцать лет слежу.

Видно, не упадут они и в будущем. Пойдем-ка туда, на дорогу, где есть мыши».

СУД КОТА (III. 3)

Жил я раньше на одном дереве. И под этим деревом жила одна птица, куропатка. Живя рядом друг с другом, мы заключили нерушимую дружбу. Каждый день после еды и развлечений мы проводили вечер, рассказывая много хороших изречений из пуран^[154] и других книг, задавая вопросы и загадки и предаваясь другим занятиям. И однажды куропатка отправилась с другими птицами за пищей в одно место, богатое свежим рисом, и не вернулась вовремя. Тогда, опечаленный разлукой с ней, я подумал: «Увы! Почему мой друг куропатка не вернулась сегодня? Неужели она попала в западню или убита?» Так с обеспокоенным сердцем я провел много дней. И однажды заяц Шигхрага залез на заходе солнца в то дупло; а я, не надеясь уже, что куропатка вернется, не удержал его. Между тем куропатка, сильно разжирев от риса и вспомнив о своем убежище, вернулась туда на следующий день. Ведь хорошо сказано по этому поводу:

Даже на небе смертному не может быть так хорошо,
Как дома в стороне родной, пусть в бедности он там живет.

И увидя, что в дупло ее забрался заяц, она с упреком сказала: «Эй, эй, заяц! Нехорошо ты сделал, что проник в мое жилище. Уходи же поскорей». Тот ответил: «Глупая! Разве не знаешь ты, что жилищем можно пользоваться, лишь пока занимаешь его?» Куропатка сказала: «Если так, давай тогда спросим соседей. Сказано ведь в книгах закона:

О водоемах, о прудах, домах, колодцах и садах
Пускай сосед решает спор, — так Ману^[155] поучает нас.

А также:

Коль споры начинаются: чей дом, колодец или луг,

Чья роща иль надел земли, — пусть судит спорящих сосед».

Тогда заяц ответил: «Глупая! Разве не слыхала ты слов предания, гласящих:

Коль десять лет имуществом владеют на твоих глазах,
То ни свидетель, ни закон не смогут уж помочь тебе.

К тому же, глупая, ты не знаешь мнения Нарады:

Решает споры у людей владенье сроком в десять лет,
А споры у зверей и птиц решает обладание.

Даже, если это — твое жилье, все равно я занял его, когда оно пустовало. Итак, оно — мое». Куропатка сказала: «О, если ты упоминаешь предание, то пойдем со мной. Мы спросим знатоков предания. Пусть они отдадут жилище тебе или мне». Решив так, они отправились разрешать свой спор. А я подумал: «Посмотрю, что тут будет», — и с любопытством последовал за ними. И пройдя немного, заяц спросил куропатку: «Дорогая! Кто же разрешит наш спор?» Та ответила: «Кто же, если не кот Дадхикарна, который полон сострадания к живым существам и ревностно исполняет обет поста и воздержания? Он живет на берегу блаженного Ганга, где громко шумят быстрые разбивающиеся волны, гонимые сильным ветром». Но когда заяц увидел кота, он возразил ей, трепеща от страха: «Оставь этого низкого. Сказано ведь:

Не надо низким доверять, надевшим святости покров.
Кто у источников святых монахов жадных не видал?»

А Дадхикарна, скрывавший свою истинную природу, чтобы легким способом добывать средства к жизни, услышал их слова. И вот, желая вызвать в них доверие, он поспешно обратил морду к солнцу, уселся на задние лапы, поднял вверх передние, замжурил глаза и, чтобы обмануть их благочестивыми мыслями, произнес такое добродетельное наставление: «Увы! Бесплоден круговорот существования. Мгновенна бременная жизнь. Сновидению подобно общение с любимыми. Сетям Индры ^[156] подобна жизнь с семьей. Нет поэтому другого пути, кроме добродетели. Сказано ведь:

Лишенный добродетели влачит бесплодно дни свои,
Словно кузнечные мехи, хоть дышит он, да не живет.

А также:

Не прикрывает работы, не отгоняет комаров

не прикрывает ноготы, не отгоняет комаров,
Никчемна, как собачий хвост, ученость без любви к добру.

И затем:

Лишенный добродетели — как мошка средь живых существ,
Зерно пустое среди ржи, термит между крылатыми.

Что лучше масла в твороге, цветка с плодом — на дереве,
Масла сезама — в пирожке и в людях — добродетели?

Быть стойкими во всех делах рекомендуют мудрецы.
Пусть много на пути преград, — скор шаг у добродетели.

К чему здесь лишние слова? Кратка суть добродетели:
Кто помогает ближним — чист, кто им вредит — свершает грех».

И услышав это добродетельное наставление, заяц сказал: «О куропатка! На берегу реки стоит отшельник, ведущий благочестивые речи. Спросим же его». Куропатка ответила: «Ведь по своей природе он — наш враг. Поэтому, прежде чем спрашивать, станем подальше». И оба они начали спрашивать: «Эй, отшельник, наставник в законе! У нас возник спор. Дай же нам совет, согласный с учением закона. А кто говорит неправду, того ты можешь съесть». Кот ответил: «Дорогие! Не говорите так. Я отвернулся от жестоких дел, ведущих в ад. Сказано ведь:

Не убивать — вот высший долг, несущий благо общее.
Даже клопам, москитам, вшам не надо причинять вреда.

Кто даже вредным существам начнет страданья причинять,
Тот за жестокость в ад сойдет. Что ж о достойных говорить?

И даже те, которые при жертвоприношении убивают скот, не понимают в своей глупости высшего смысла священных книг. А если кем-то сказано: «Следует приносить в жертву коз», то «козы» означает там семилетние зерна риса, которые, как это само собой понятно, не дают всходов.^[157] Сказано же:

Ведь если тот, кто рубит лес, кто режет скот и весь в крови,
Достоин быть на небесах, то кто же должен в ад идти?

Поэтому я никого не съем. Однако я стар и плохо слышу издали ваш разговор. Как же определю я победу и поражение? Итак, подойдите ближе и расскажите мне о вашей тяжбе. Тогда я скажу свое слово, зная, в чем суть спора, и не наложу на себя оков в том мире. Сказано ведь:

из гнева иль из жадности, из страха иль из гордости
Кто даст решение ложное, тот в преисподнюю сойдет.

А также:

Ложь о скоте погубит пять, о телке — десять родичей,
Ложь о девице — сто родных, о прочих людях — тысячу.

Поэтому доверьтесь и отчетливо говорите прямо мне в ухо». К чему много слов? Этот низкий вызвал в них такое доверие, что они приблизились к нему. И тогда он одновременно схватил зайца и куропатку лапой и зубами, схожими с пилой. Так оба они лишились жизни и были съедены.

БРАХМАН И ТРИ ЖУЛИКА (III.4)

Жил в одном городе брахман Митрашарман, который занят был тем, что поддерживал жертвенный огонь. Как-то раз в месяце магха,^{158} когда веял приятный ветерок и Парджанья^{159} посылал с облачного неба тихий-тихий дождик, он отправился в одну деревню за жертвенным животным и попросил там какого-то жертвователя: «Эй, жертвователь! В наступающую ночь новолуния я буду приносить жертву. Дай же мне одно животное». И тот, согласно закону, дал ему откормленное животное. А брахман, видя, что козел этот бегаёт взад и вперед и пригоден для жертвы, взвалил его на плечи и отправился в свой город. И когда он шел по дороге, его встретили три жулика, чьи шеи исхудали от голода. Видя на плечах брахмана откормленное животное, они сказали друг другу: «Эй! Если мы съедим это животное, то легко перенесем сегодняшний снегопад. Возьмем же у него обманом жертвенное животное и защитимся от холода». И вот один из них, переменяв одежду и встретив брахмана на боковой дороге, сказал блюстителю священного огня: «Эй, эй, хранитель огня! Зачем совершаешь ты смешное, запретное у людей дело, неся на плечах нечистую собаку? Сказано ведь:

Собака, ч^{160}анда, петух — все одинаково грязны,
Верблюд с ослом — еще грязней. Да не коснется их никто!»

Тогда, полный гнева, тот ответил: «Разве ты ослеп, что принимаешь жертвенное животное за собаку?» Тот ответил: «Брахман! Не следует тебе гневаться. Иди, как хочешь». И когда он прошел немного дальше, то встретил его второй жулик и сказал: «Увы! Горе, горе! Если и любишь ты, блаженный, этого мертвого теленка, все равно не следует поднимать его на

плечи. Сказано ведь:

Глупец, коснувшись мертвеца иль падали, очистится
Пятью продуктами коров,^[161] а также чандраяною».^[162]

Тогда брахман с гневом ответил: «Эй! Разве ты ослеп, что называешь жертвенное животное теленком?» Тот сказал: «Не гневайся, блаженный. Я сказал это по неведению. Иди поэтому, как тебе нравится». Еще немного углубился он в лес, и тут третий жулик, переменявший одежду, встретился с ним и сказал: «Эй, не годится, что ты взвалил на плечи осла и несешь его. Сказано ведь:

Коль тронет человек осла нарочно иль нечаянно,
Для искупления греха одетый пусть омоется.

Оставь же его, пока никто другой не увидел тебя». Тогда решив, что это — ракшаса в образе жертвенного животного, брахман в страхе бросил козла на землю и побежал к своему дому. А те трое сошлись вместе и, взяв животное, исполнили свое намерение.

ВОР-БЛАГОДЕТЕЛЬ (III. 9)

Жил в одном городе старый купец по имени Каматура.^[163] После смерти жены он потерял рассудок от любви и женился на дочери бедного купца, дав большой выкуп. А та, охваченная печалью, даже видеть не могла этого старого купца. Ведь сказано по этому поводу:

Коль у мужчины голова покрыта сединой,
Презренье из-за старости встречает он вокруг.
Обходят девушки его, нечистый будто он
Колодец чандалы, костями весь усыпанный.^[164]

А также:

Согнулася спина, зубов уж нет во рту,
и еле ходят ноги,
Ослеп, и красота осталась позади,
и рот слюну пускает.
У ж не хотят родные слушаться его,
жена не уважает,
И даже сын родной не хочет почитать.
О, горе, горе старцу!

И как-то раз, когда она, отвернувшись, лежала с ним на одной постели, в их дом забрался вор. И видя вора, она так испугалась, что даже обняла своего старого супруга. А у того поднялись по всему телу волоски, и он подумал в изумлении: «Что это она вдруг обнимает меня?» Когда же он внимательно посмотрел, то увидел в одном из углов вора и подумал: «Несомненно, она обнимает меня оттого, что напугана им». И, обнаружив это, он сказал тому вору:

«Будь счастлив, благодетель мой, бери, что хочешь, у меня.
Всегда внушал я страх жене, а ныне ласкова она».

А вор ответил:

«Не вижу, что мне взять сейчас,
а если будет что-нибудь,
Опять приду, когда жена не станет обнимать тебя».

ОБМАНУТЫЙ ТЕЛЕЖНИК (III.12)

Жил в одной местности тележник. Его распутная жена пользовалась у людей дурной славой. И подумал он о том, что ее надо испытать: «Как бы мне ее испытать? Сказано ведь:

Коль станет холоден огонь или горячею луна,
Коль станет праведным злодей, то будет верной женщина.

А я знаю по людской молве, что она изменяет мне. Сказано ведь:

Даже и то, что в книгах вед и в шастрах ^[165] отыскать нельзя.
Все, что в яйце Брахмана ^[166] есть, известно то людской молве».

Подумав так, он сказал жене: «Милая! Утром я пойду в другую деревню и проведу там несколько дней. Приготовь же мне в дорогу какую-нибудь подходящую пищу». Слыша его слова, она, возбужденная и обрадованная, оставила все дела и приготовила превосходную еду, изобилующую маслом и сахаром. Хорошо ведь говорится:

Ненастье, темнота густая,
Глухие городские закоулки
И муж, отправившийся вдаль,
Всегда лишь радуют развратную жену.

И вот на заре тележник поднялся и вышел из дому. Видя, что он ушел, она кое-как провела этот день, с улыбкой украшая свое тело. Затем она

пришла в дом своего любовника и сказала ему: «Мой негодный муж отправился в другую деревню. Приходи же ко мне, когда люди уснут». А пока это происходило, тележник, проведя день в лесу, проник вечером в свой дом через боковую дверь и спрятался там под кроватью. Между тем тот Девадатта пришел туда и забрался на постель. Увидя его, тележник подумал с сердцем полным гнева: «Подняться ли мне сейчас и убить его или одним ударом уничтожить их обоих, когда они заснут? Или погляжу я пока на ее поведение и послушаю, что она ему скажет». Между тем жена его осторожно закрыла дверь и поднялась на постель.

И вот, поднимаясь, она задела ногой голову тележника. Тут она подумала: «Несомненно, негодный тележник решил испытать меня. Что же, я покажу ему, что знакома с женскими повадками». Пока она думала так, Девадаттой овладело желание коснуться ее. Но, сложив ладони, она сказала: «О великодушный, не касайся моего тела». Тот ответил: «Тогда зачем же ты меня позвала?» Она сказала: «О! Сегодня на заре я пошла в храм Чандики,¹¹⁶⁷¹ чтобы увидеть божество. И там неожиданно раздался голос в воздухе: «Что мне делать, дочь? Хоть ты и предана мне, все равно через шесть месяцев станешь вдовой по вине судьбы». Тогда я сказала: «Блаженная! Если ты знаешь о несчастье, то знаешь и как предотвратить его. Есть ли какое-нибудь средство, чтобы супруг мой прожил сотню лет?» Тогда она ответила: «Есть такое средство, и оно зависит от тебя». Услышав это, я сказала: «Богиня! Укажи, и я последую твоим словам, пусть это будет стоить мне жизни». Тогда богиня сказала: «Если, взойдя с чужим мужчиной на ложе, ты отдашься ему, то смертельная опасность, грозящая твоему супругу, перейдет на него, а супруг проживет еще сто лет». Поэтому я и позвала тебя. Делай же теперь что хочешь. Ведь нет сомнения, что исполнятся слова божества». И тогда, сияя от сдерживаемого смеха, он поступил как хотел.

А глупый тележник, слышавший ее речь, вылез из-под кровати и с поднявшимися на теле волосками сказал: «Хорошо, преданная! Хорошо, радующая свой род! Мое сердце обеспокоили речи дурных людей, и, чтобы испытать тебя, я притворился, будто иду в деревню, а сам спрятался здесь под кроватью. Подойди же, обними меня!» Сказав это, он обнял ее, посадил себе на плечо и обратился к тому Девадатте: «О великодушный! Это мои заслуги привели тебя сюда. По твоей милости я достиг столетней жизни. Поднимись же и ты на мое плечо!» И хотя тот упирался, он силой посадил его на плечо и, танцуя, стал обходить дома всех своих родственников.

ДОВЕРЧИВЫЙ ОСЕЛ (IV. 2)

Жил в окрестностях одного леса лев Каралакесара. Был у него всегда следовавший за ним слуга — шакал Дхусарака. И однажды, сражаясь со слоном, лев получил очень тяжелые ранения. Из-за них он не мог даже шевельнуть лапой. А из-за этого ослабел и Дхусарака, шея его исхудала от голода, и однажды он сказал льву: «Господин! Мучимый голодом, я не в состоянии даже отодвинуть одну лапу от другой. Как же смогу я служить тебе?» Лев сказал: «О Дхусарака! Разыщи какое-нибудь существо, и я убью его, несмотря на такое состояние».

Услышав это, шакал отправился на розыски и, подойдя к одной близлежащей деревне, увидел осла Ламбакарну, насилиу поевавшего у края озера редкие ростки дурвы.^[168] Тогда, подойдя близко, он сказал: «Дядя! Прими мое почтение. Давно я не видел тебя. Почему ты так ослабел?» Ламбакарна ответил: «О племянник! Что делать? Безжалостный красильщик изнуряет меня непомерным грузом и не дает ни горсточки пищи. И вот я поедаю здесь одни ростки дурвы, смешанные с пылью, и никак не могу насытиться». Шакал сказал: «Дядя! Если так, то я знаю прекрасное место, где протекает река и в изобилии растут побеги травы, подобные смарагдам. Иди и оставайся там, мы будем радостно проводить время вдвоем, наслаждаясь хорошими изречениями». Ламбакарна ответил: «О племянник! Хорошо ты сказал. Однако лесные жители убивают деревенский скот. Какая же польза в этом прекрасном месте?» Шакал сказал: «Не говори так. Это место охраняет ограда моих лап, и никто другой не может туда проникнуть. Кроме того, там живут три ослицы; как и тебя, их измучил красильщик, и они лишены супруга. Став там упитанными и достигнув расцвета юности, они сказали мне: «О дядюшка! Пойди в какую-нибудь деревню и приведи нам подходящего супруга». Вот я и пришел увести тебя». Тогда, слыша речь шакала, Ламбакарна, чье тело мучила любовь, сказал ему: «Дорогой! Если так, веди меня. Скорей пойдем туда. Хорошо ведь сказано по этому поводу:

Нет нектара и яда нет, прекраснобедрой равного.

Соединяясь с ней — живем, а разлучаясь — гибнем мы».

И вот вместе с шакалом он подошел ко льву. А лев, видя, что осел в чрезмерной глупости приблизился к нему на расстояние прыжка, от сильной радости перепрыгнул через осла и упал далеко за ним. Осел же, словно пораженный ударом грома и думая: «Что? Что это?», еле ускользнул от льва, оставшись невредимым по воле судьбы. Когда же он

оглянулся назад, то увидел неизвестное ему существо с налитыми кровью глазами, свирепое и внушающее великий страх, и быстро убежал в город, охваченный ужасом.

Тут шакал сказал льву: «Эй, в чем дело? Я видел твою силу!» Тогда удивленный лев ответил: «О! Я не приготовился к прыжку. Что же мне делать? Даже слон, на которого я прыгну, не сможет уйти». Шакал сказал: «Оставайся здесь и готовься к прыжку, а я снова приведу его к тебе». Лев сказал: «Дорогой! Как сможет снова прийти сюда тот, кто ушел, увидя меня в лицо? Приведи же какое-нибудь другое существо». Шакал ответил: «К чему тебе заботиться об этом, когда я проявляю усердие?» Сказав так, шакал пошел следом за ослом и увидел, как тот бродит на старом месте. А осел, видя шакала, сказал: «Эй, племянник! В том прекрасном месте, куда ты привел меня, я по воле судьбы едва не погиб. Скажи, что это за ужасное существо, удара которого, подобного грому, я избежал?» Услышав это, шакал со смехом сказал: «Дядя! Да ведь это ослица, охваченная великой любовью, поднялась, увидя тебя, чтобы со страстью обнять. А ты трусил и убежал. Тогда, чтобы удержать тебя от бегства, она протянула копыто. Нет здесь иной причины. Иди же. Из-за тебя она решила воздерживаться от пищи и говорит: «Если Ламбакарна не станет моим супругом, я брошусь в огонь, или утоплюсь, или приму яд. Ведь не могу я вынести разлуки с ним». Будь же милостив и иди туда, не то ты будешь повинен в смерти женщины и прогневаешь Манматху.^[169] Сказано ведь:

Глупцы, что из стремленья на небо попасть посмеют отвернуться
От стяга с макарой,^[170] несущего нам всем победы и богатства,
Поплатятся за это и пойдут бродить — кто голый, кто обритый,
Кто с черепом в руках, кто в красное одет, кто заплетя косички».^[171]

И тогда, поверив его речам, он снова пошел вместе с шакалом. Хорошо ведь говорится:

Кто на земле одобрил бы поступки безрассудные?
И все же безрассудны мы, когда враждебна нам судьба.

Так, обманутый сотней лживых речей, осел снова приблизился ко льву, заранее приготовившемуся к прыжку, и в то же мгновение был убит. И убив его, лев оставил шакала для охраны, а сам пошел к реке совершить омовение. Тогда из-за чрезмерной жадности шакал съел уши и сердце осла. Когда же лев, омывшись и совершив положенные обряды, вернулся, то увидел, что у осла нет сердца и ушей, и с сердцем, полным гнева, сказал шакалу: «Эй, негодный! Зачем совершил ты неподобающее дело, съев у

осла уши и сердце и превратив его в объедки?» Шакал смиренно ответил: «Господин! Не надо так говорить. Ведь у него и не было ни ушей, ни сердца... Разве мог бы он иначе прийти сюда после того, как уже был здесь, сам видел тебя и в страхе убежал? Потому и говорят:

Кто, увидав тебя, бежал — не может снова тот прийти,
Иначе — просто он глупец, лишенный сердца и ушей».

И поверив словам шакала, лев поделился с ним и со спокойным сердцем съел осла.

ЧЕТВЕРО ДРУЗЕЙ (V.3)

Жили в одном городе четверо брахманов, друживших между собой. Трое из них до конца овладели всеми науками, но были лишены рассудка, а один отвернулся от наук, но был рассудителен. И вот однажды собрались они и стали советоваться: «Какая польза в знании, если мы не идем в другую страну, чтобы склонить к милости властителей и добыть богатство? Давайте же во что бы то ни стало пойдем все в другую страну». И когда они немного прошли по дороге, старший из них сказал: «Один из нас четырех — невежда и наделен лишь природным рассудком. А одним рассудком без знания нельзя добиться милости у царей. Поэтому не будем делиться с ним тем, что мы приобретем. Пусть же он повернется и пойдет в свой дом». Тогда второй сказал: «Эй, рассудительный! Ты лишен знаний. Иди же домой». Но третий сказал: «Эй, не следует так поступать. Ведь с самого детства мы играли вместе. Пусть же он, рассудительный, пойдет с нами и получит долю в богатстве, которое мы приобретем».

И вслед за тем, проходя по дороге, они увидели в лесу кости мертвого льва. Тут один из них сказал: «Эй! Испытаем полученные нами знания. Вот лежит какое-то мертвое животное. Давайте оживим его силой приобретенной мудрости». Тогда один сказал: «Я знаю, как соединить кости». Второй сказал: «Я дам ему шкуру, мясо и кровь». Третий сказал: «Я его оживлю». И вот один соединил кости, а второй наделил его шкурой, мясом и кровью. Когда же третий хотел оживить зверя, рассудительный удержал его и сказал: «Это — лев. Если его оживить, он всех нас убьет». Тогда тот ответил: «Эх, дурак! Не стану я носить в себе бесплодные знания». Рассудительный сказал: «Тогда подожди минуту, пока я не взберусь на ближнее дерево». И едва это произошло, воскресший лев вскочил и убил всех троих. Когда же лев ушел с того места, рассудительный слез с дерева и пошел домой.

ОСЕЛ-ПЕВЕЦ (V.5)

Жил в одном селении осел Уддхата.^{[11721](#)} Днем он перевозил тяжести у красильщика, а ночью бродил, сколько ему хотелось. И как-то раз бродя ночью по полям, он заключил дружбу с шакалом. Сломав забор на поле с огурцами, они пробирались туда, досыта наедались овощами и утром расходились по домам. И однажды, стоя посреди поля, опьяненный гордостью осел сказал шакалу: «О племянник! Погляди, какая ясная ночь. Поэтому я спою песнь. Какую же *рагу*^{[11731](#)} мне выбрать?» Тот сказал: «Дядя! К чему напрасно вызывать несчастье? Ведь мы заняты воровством. А воры и любовники должны вести себя тихо. Сказано ведь:

Раз кашляешь, то не воруй; сонлив, так шкур не похищай,^{[11741](#)}
А болен, то поменьше ешь, коль хочешь жизнь свою сберечь.

Притом твоё пение неприятно и схоже с ревом раковины. Даже издали услышат его сторожа поля, тогда они поднимутся, поймают тебя и убьют. Поэтому ешь себе и не шуми». Слыша это, осел ответил: «О! Ты говоришь так, потому что живешь в лесу и не знаешь красоты пения. Сказано ведь:

Когда осенняя луна рассеивает ночи мглу,
Как с другом хорошо вкушать напиток звуков сладостных!»

Шакал сказал: «Дядя! Все это так. Но ты ведь издаешь грубый рев. Зачем же противоречить собственной цели?» Осел сказал: «Тьфу, тьфу, дурак! Неужели я не знаю пения? Послушай же о его разделах:

Семь свар известно, *гра*мы — три, а *мурчана* — двадцать одна,
Тан — сорок девять, *мат*ры — три, три *лай*и — установлено.
Затем три *яти*, сорок бхаш и тридцать шесть различных варн.
Органов речи — шесть у нас, и девять настроений есть.^{[11751](#)}
Немало песен знаем мы — числом сто восемьдесят пять.
Покрытых блеском золотым, из всех частей составленных.
Ведь сами боги ничего не знают слаще пения.
Звучащей жилой Равана^{[11761](#)} когда-то Ишу^{[11771](#)} веселил.

Как же ты говоришь, что я не знаю пения, и удерживаешь меня?» Шакал ответил: «Дядя! Если так, то я стану у ворот изгороди, чтобы следить за сторожами поля, а ты пой, сколько захочешь».

И вслед за этим осел вытянул шею и начал кричать. Тогда сторожа поля, слыша крик осла, стиснули от гнева зубы, схватили дубинки и

побежали туда. И, сбежавшись, они до тех пор били осла, пока тот не упал спиной на землю. Тогда, привязав ему на шею ступку с отверстием, сторожа поля заснули.

А у осла, как это свойственно его породе, быстро прошла боль, и он в то же мгновение поднялся. Сказано ведь:

Собаки, мулы, лошади и больше всех других ослы
На миг лишь ощущают боль, ударом причиненную.

И вот, растоптав изгородь, он пустился бежать вместе с той ступкой. Тут шакал увидел его издали и со смехом сказал:

Просил тебя я помолчать, но не послушал ты меня
И драгоценность чудную за пенье получил свое.

ЗАМЕЧАВШИЙСЯ СКУПЕЦ (V. 7)

Жил в одном городе брахман Свабхавакрипана.^{178} Был у него горшок, наполненный крупой, а крупа эта оставалась от еды, которую он получал в милостыню. Повесив горшок на гвоздь в стене, он поставил под ним свою кровать и не сводил с него глаз. И однажды ночью он подумал: «Горшок этот доверху наполнен крупой. Если случится голод, я выручу за него сотню рупий. Затем на эти деньги куплю пару коз. Каждые полгода они будут давать приплод, и скоро у меня будет стадо коз. За коз я получу коров. Когда коровы дадут приплод, продам их потомство, получу за коров буйволиц, а затем за буйволиц — кобылиц. От приплода кобылиц получу множество коней, продам их и добуду много золота. На золото выстрою дом с четырьмя покаями.^{179} Затем придет кто-нибудь в мой дом и отдаст за меня прекрасную дочь с приданым. От нее родится сын. Я дам ему имя Сомашарман. Когда его уже можно будет качать на коленях, я возьму книгу и, сев за конюшней, стану ее изучать. А Сомашарман увидит меня с колен матери, захочет, чтобы я покачал его на коленях и подойдет близко к лошадям. Тогда я в гнев скажу брахманке: «Возьми, возьми дитя!». А она, занятая домашними делами, не услышит меня. Тогда я вскочу и ударю ее ногой...» И тут, увлекшись своими мыслями, он так ударил ногой, что разбил горшок и стал весь белый от бывшей в горшке крупы.

ТРЕХГРУДАЯ, ГОРБУН И СЛЕПОЙ (V. 10)

Есть в северной стране город под названием Мадхупурам. Жил там царь Мадхусена. Как-то родилась у него трехгрудая дочь. Услышав, что

она родилась трехгрудой, царь позвал зрителя женских покоев и сказал: «Эй! Оставь ее в лесу, чтобы никто не узнал». Услышав это, зритель сказал: «Великий царь! Известно, что трехгрудая дочь приносит несчастье. И все же следует призвать брахманов и спросить их, чтобы избежать проступка в обоих мирах. Сказано ведь:

Когда разумен человек, всегда он должен спрашивать.

Так от владыки-ракшасы^{180} вопросом спас себя брахман».

Царь спросил: «Как это?» Зритель женских покоев рассказал:

БРАХМАН И РАКШАСА (V.11)

«Жил в одном лесу ракшаса Чандакарман.^{181} Как-то, бродя, он встретил одного брахмана. Тут он влез ему на плечи и сказал: «Эй, иди вперед». Тогда брахман с дрожащим от страха сердцем понес ракшасу. И вот, видя, что ноги его нежны, как внутренность лотоса, он спросил: «Эй! Почему у тебя такие нежные ноги?» Ракшаса сказал: «Я никогда не касаюсь земли, не омыв перед этим ног.^{182} Таков мой обет». И думая, как бы ему спастись, брахман достиг озера. Тогда ракшаса сказал: «Эй! Никуда не уходи с этого места, а я тем временем совершу омовение, поклонюсь богу и снова выйду из озера». И когда ракшаса влез в воду, брахман подумал: «Несомненно, поклонившись богу, он съест меня. Поэтому уйду-ка я подальше. Ведь не омыв ног, он не осмелится следовать за мной». И когда брахман сделал так, ракшаса, боясь нарушить обет, не стал его преследовать.

Поэтому я и говорю: «Когда разумен человек...»

Выслушав его речь, царь созвал брахманов и сказал: «О брахманы! Родилась у меня трехгрудая дочь. Есть ли какое-нибудь средство помочь беде?» Они ответили: «Божественный! Послушай:

Когда увечна девушка, коль членом больше у нее,
Супругу смерть она несет, губя свои достоинства.
Когда же дочь трехгрудую увидит пред собой отец,
То нет сомнения тогда, что гибель близится его.

Пусть же божественный избегает ее вида. Если же кто-нибудь возьмет ее в жены, выдай ее за него и прикажи обоим покинуть страну. Сделав так, ты не совершишь проступка в обоих мирах». И, выслушав их речь, царь объявил под барабанный бой: «Эй! Кто возьмет в жены трехгрудую царевну, тому царь даст сто тысяч золотых и прикажет покинуть страну».

Долгое время объявляли это под барабанный бой, но никто не брал ее в жены. Так, скрытая в тайном месте, она достигла юности.

А в этом городе жил один слепой. Был у него поводырь, горбун Мантхарака, водивший его за палку. И услышав барабан, они стали советовать друг с другом: «Если мы коснемся этого барабана,^[183] то получим девушку и золото. А получив золото, мы станем счастливо проводить время. Если же по вине девушки нас постигнет смерть, то прекратятся наши страдания, рожденные бедностью. Сказано ведь:

Любовь и стыд, и сладкой речи дар,
и красота младая,
Жизнь без забот, с любимой союз,
и в жертвах совершенство,
Веселый нрав, разумность, чистота,
ученость, добродетель —
Все это есть, коль живота горшок
у человека полон».

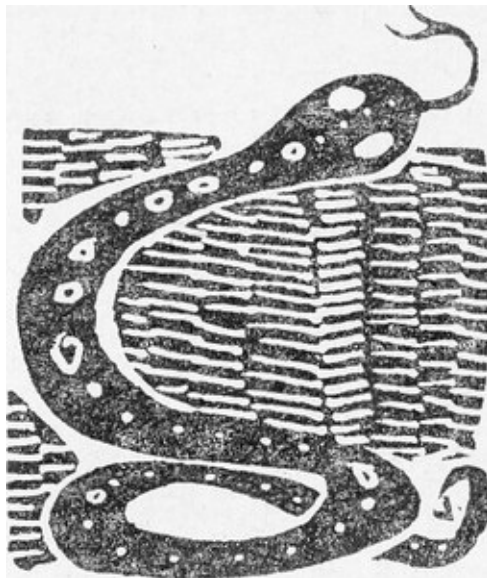
и, посоветовавшись так, слепой подошел к барабану, коснулся и сказал: «Я возьму в жены эту девушку». Тогда царские слуги пошли к царю и сообщили: «Божественный! Какой-то слепой коснулся барабана. Пусть же решит божественный, что теперь делать». Царь сказал: «О!

Пусть слеп, пусть глух, пусть ниже всех, пускай проказой поражен,
С деньгами дайте дочь ему и на чужбину вышлите».

И услышав приказ царя, царские слуги отвели трехгрудую на берег реки, дали за нею сто тысяч золотых и обручили ее со слепым. Затем они посадили их на судно и сказали рыбакам: «Эй! Увезите этого слепого с горбуном и женой в другую страну и доставьте их в какой-нибудь город». И когда это было исполнено, те трое достигли другой страны и, купив дом в одном городе, счастливо зажили там. Слепой только и делал, что лежал на кровати да спал, а горбун исполнял домашние дела.

Так проходило время, и вот трехгрудая нарушила свою добродетель с горбуном. И однажды она сказала ему: «О прекрасный! Если как-нибудь погубить этого слепого, то мы сможем счастливо проводить время. Найди же где-нибудь яд, — я дам яд слепому, погублю его и буду счастлива». И на следующий день горбун нашел где-то мертвого черного змея. Взяв его, он с радостью в сердце пришел домой и сказал ей: «Прекрасная! Я нашел этого черного змея. Разрежь его на куски, снабди вкусными приправами и, сказав, что это рыба, дай лишенному глаз, чтобы тот скорей погиб». Вслед

за тем Мантхарака снова отправился по дороге к рынку. А она разрежала на куски черного змея, положила в горшок с пахтаньем и водой и поставила сосуд на кухонную печь. И вот, занимаясь домашними делами, она ласково сказала слепому: «Сын благородного! Сегодня я принесла рыбу, которую ты так любишь, и готовлю ее. Возьми же ложку и помешай, пока я занята другими домашними делами». При этих словах он, радуясь и облизывая уголки рта, поспешно встал, взял ложку и начал помешивать. И когда он помешивал, то от прикосновения ядовитого пара с глаз его мало-помалу начала сходить пленка. А он, поняв, что это целебное средство, еще ближе подставил глаза под пар. И вот, когда, уже ясно видя, он посмотрел, то увидел в горшке лишь куски черного змея. Тут он подумал: «Ох! Что это? Ведь мне сказали, что тут рыба, а это — куски черного змея. Разужнаю-ка я получше, сделала ли это трехгрудая, замыслил ли это Мантхарака, чтобы погубить меня, или кто-нибудь другой». Подумав так, он скрыл свое состояние и продолжал действовать как слепой. Между тем вернулся Мантхарака и без боязни начал наслаждаться с трехгрудой объятиями, поцелуями и другими ласками. А слепой, видя все это, словно опять ослеп от гнева. И вот, не найдя никакого оружия, он подошел к ним, благодаря своей силе схватил Мантхараку за ноги и, повертев его над головой, ударил им трехгрудую в сердце. От этого удара ее третья грудь вошла внутрь, а горбун, ударясь спиной о ее грудь, стал прямым.

ХИТОПАДЕША

Перевод А. Я. Сыркина

ТИГР И ПУТНИК (I.2)

Сгубила жадность путника — на золото польстился он,
Забрался в топь болотную, и старый тигр его сожрал.

Голубя спросили: «Как это?» Он рассказал:^[184]

Однажды, пролетая по южному лесу, я увидел на берегу озера старого тигра; омывшись и держа в лапе траву куша,^[185] он восклицал: «Эй, эй, путники! Возьмите себе это золотое запястье!» И вот некий влекомый алчностью путник подумал: «Такое бывает лишь при удаче. Но все же здесь грозит опасность и лучше не браться за это дело. Ведь:

Нет счастья, коль желанное от нежеланного берут,
К чему в отраву лить нектар — ведь ядом яд останется.

Однако приобретение богатства всегда связано с опасностью. И так сказано:

Не может видеть счастья тот, кто не встречал опасностей.
Тот видит счастье, кто живет, опасности преодолев.

Поэтому я лишь посмотрю на него». И он громко спросил: «Где у тебя запястье?» Тигр протянул лапу и показал ему. Путник сказал: «Как можно довериться тебе, склонному к убийству?» Тигр ответил: «Слушай, о путник! Раньше, в годы юности, я был весьма порочным. За убийство множества коров и людей я был наказан смертью детей и жены и лишился семьи. Тогда один добродетельный дал мне наставление: «Совершай подаяние и прочие добрые дела». И ныне по этому наставлению я совершаю омовение и подаяние. Старый, лишившийся когтей и зубов — неужели я недостоин доверия? Ведь:

Ученье, жертвы, щедрость, пост, правдивость, воля твердая,
Терпенье, бескорыстие — вот восьмеричный путь добра.
Четыре первых среди них обману служат иногда,
Четыре же оставшихся одним великим свойственны.

Столь далек я от корысти, что хочу даже отдать кому-нибудь золотое запястье со своей лапы. Но все же говорят, что тигр пожирает человека — такова людская молва, с которой трудно бороться. Ведь:

Привыкли сводню мы судить, пусть мудрости она полна,
И превозносим все жреца, пускай корову он убил.^[186]

А я изучал книги закона. Послушай:

Что дождь для высохшей земли, то пища для голодного.
Кто бедняку приносит дар, пожнет плоды, о Панду^[187] сын!
Всего дороже жизнь тебе — всего дороже и другим.
Так, с ближними себя сравнив, творят добро достойные.

И кроме того:

В отказе и в дарении, в благополучье и в беде
Мы, с ближними себя сравнив, судить способны правильно.

И еще:

Кто видит мать в чужой жене, в чужом богатстве — ком земли,
И самого себя — в других, того зовем мы мудрецом.

Ты же очень бедствуешь. Вот я и стремлюсь отдать тебе это запястье. И сказано также:

Сын Кунти!^[188] Бедным подавай, не трать добра на богачей.
В лекарстве польза лишь больным, к чему здорового лечить?

И еще:

Тот дар зовется истинным, что подан с мыслью: «Надо дать!»
Что к месту дан и вовремя, заслуженно, не ради мзды.

Омойся же здесь в озере и возьми себе золотое запястье». И вот, когда, поверив этой речи, тот из корысти вошел в озеро, чтобы омыться, то погрузился в глубокую трясину, не в состоянии выбраться оттуда. Видя его, попавшего в трясину, тигр сказал: «Ох! Ты попал в глубокую трясину, сейчас я вытащу тебя». Сказав так, тигр мало-помалу приблизился к нему. И схваченный им тот путник подумал:

«Нет пользы в том, что он законы прочитал,
Что заповеди вед учил этот злодей.
Как по природе сладко молоко коров,
Так по приполю зло неололимо в нем

И что же?

Кто не владеет сам собой, тот словно плещущийся слон;
Нарядам на уродине подобно знание без дел.

Плохо я сделал, что доверился здесь склонному к убийству. Ибо сказано:

Реке, оружию в руке, когтям звериным и клыкам,
Жене и роду царскому нам доверять не следует.

И кроме того:

Во всяком надо отличать врожденное от прочих свойств:
Ведь качества врожденные над остальными властвуют.

И еще:

Тот, кто блуждает по небу, грехи уничтожает,
Сияет тысячей лучей, меж звездами проходит, —
Сам месяц волею судьбы добычей служит Раху.^{189}
Начертанного на челе кому из нас избегнуть?»

Так подумал он и был убит и съеден тигром. Поэтому я и говорю:
«Сгубила жадность путника...»

КОШКА И КОРШУН (I.3)^{190}

Не надо в дом пускать того, чей неизвестен род и нрав, —
Так погубила коршуна проделка хитрого кота.

Они спросили: «Как это?» Ворон рассказал.

Есть на берегу Бхагиратхи^{191} на горе Гридхракута^{192} большое дерево паркати.^{193} В дупле его жил коршун Джарадгава, по злой воле судьбы лишившийся когтей и глаз. И жившие на том дереве птицы из сострадания уделяли ему кое-что, чтобы поддержать его жизнь. Тем он и жил. И вот однажды пришел туда кот Диргхакарна, чтобы сожрать птенцов. Видя, как он приближается, птицы в страхе подняли беспокойный крик. Слыша это, Джарадгава спросил: «Кто это приближается?» А Диргхакарна, увидев коршуна, со страхом сказал: «Увы, я погиб. Ведь:

Страшиться надо страшного, пока оно еще вдали.
Когда ж увидишь страшное, то действуй, как положено.

Теперь уже, оказавшись рядом с ним, я не могу бежать. Так будь что будет! Подойду-ка я к нему, вызвав в нем доверие». Рассудив так, он приблизился и сказал: «Приветствую тебя, благородный!» Коршун спросил: «Кто ты?» Он ответил: «Я — кот». Коршун сказал: «Уходи подальше, не то я убью тебя». Кот сказал: «Выслушай сначала мою речь, а потом убивай, если я достоин наказания. Ведь:

Как можно за породу чтить и за породу убивать!
Поступки разужнай сперва, а там казни иль награждай».

Коршун сказал: «Говори, зачем ты пришел». Тот ответил: «Я живу здесь на берегу Ганга, постоянно совершая омовение, соблюдая целомудрие, исполняя обет чандраяну.^[194] Все птицы, которым я доверяю, постоянно восхваляют тебя, говоря мне, что ты наслаждаешься знанием закона. Вот я и пришел сюда, чтобы услышать закон от тебя, старого и знанием и годами. Неужто ты, такой знаток закона, готов убить меня? Ведь вот закон для домохозяина:

Пусть даже враг в твой дом придет — прими его с вниманием:
И лесоруба самого ласкает тенью дерево.

И если даже нет средств, то все же надо почтить гостя хотя бы приветливой речью. Ведь:

Подстилка из травы, приют, вода и ласковая речь
Не исчезают никогда из дома добродетельных.

И кроме того:

Даже негодным существам сочувствуют достойные —
Не отвратит своих лучей луна от дома чандалы.

И еще:

Когда, надежду потеряв, от дома отвернется гость,
Заслуги дома он возьмет, отдав ему свои грехи.

И еще:

Пусть в высшей касте ты рожден, а гость твой родом невысок —
Прими его почтительно: ведь гость подобен всем богам».

Коршун сказал: «Ведь кошки любят мясо, а здесь живут птенцы. Поэтому я и говорю так». Слыша это, кот коснулся лапой земли, затем ушей и сказал: «Ведь я знаю книги закона и, свободный от страстей,

принял на себя этот трудный обет чандраяну. Пусть спорят друг с другом книги закона, — все они согласны в высшей заповеди — не причинять зла. Потому что:

Кто зло отвергнет всякое, кто все готов перенести,
Опорой всем служить готов, — удел того — на небесах.

Лишь добродетель — лучший друг — не покидает в смерти нас;
Все остальное к гибели за телом бrenным следует.

Сколь велико различие, когда один другого съел:
На миг утеха одному, другому — мука смертная.

Безмерно тяжела тоска при мысли: «Неизбежна смерть».
Кто так об этом рассудил, даже врага спасти готов.

И еще послушай:

Даже в лесу насытиться травой можно дикою.
Зачем же, совершая грех, утробе жалкой угождать?»

Так вызвав к себе доверие, кот остался в дупле дерева. Проходили дни, и ежедневно он подбирался к птенцам, приносил их в дупло и пожирал.

И те птицы, чьи птенцы были съедены, мучимые горем, с криками стали повсюду их разыскивать. Узнав об этом, кот выбрался из дупла и убежал. А птицы, искавшие повсюду, нашли в дупле дерева косточки птенцов. Тогда они сказали: «Этот Джарадгава съел наших птенцов». И решив так, все птицы убили коршуна.

Поэтому я и говорю: «Не надо в дом пускать того...»

ОСЕЛ И СОБАКА (II.2)

Кто из желанья услужить полезет не в свои дела,
Тот терпит наказание, как поколоченный осел.

Даманака спросил: «Как это?» Каратака^[195] рассказал.

Жил в Варанаси красильщик Карпурапатака. Как-то после долгой любовной игры со своей молодой женой он крепко уснул в ее объятиях. Между тем к нему в дом забрался вор, чтобы похитить добро. А во дворе у него был привязан осел и лежала собака. И вот осел сказал собаке: «Дорогая! Ведь это твое дело. Что же ты не лаешь громко и не будишь хозяина?» Собака сказала: «Дорогой, тебе не следует заботиться о моей обязанности. Разве ты не знаешь, как днем и ночью я стерегу его дом? А

он, давно не ведая забот, не знает, как я полезна, и поэтому теперь почти не заботится даже кормить меня. Ведь не видя опасности, хозяева мало заботятся о слугах». Осел сказал: «Послушай, бестолковая:

Кто в час нужды торгуется, — плохой слуга и друг плохой».

Собака сказала:

«Кто в час нужды лишь думает о слугах, — господин плохой.

Ведь:

Блюсти закон, кормить слугу и господина почитать,
И сына породить — вот в чем не заменить нас никому».

Тогда осел в гневе сказал: «О злодейка! Ты порочна, ибо в беде не заботишься о службе хозяину. Что же, мне самому придется сделать так, чтобы хозяин проснулся».

Сказав так, он поднял громкий рев. Тогда красильщик, разбуженный его ревом, разгневался из-за того, что сон его прервали, поднялся и стал бить осла дубинкой. И от этого осел отошел в небытие. Поэтому я и говорю: «Кто из желанья услужить...»

ЛЕВ, МЫШЬ И КОТ (II.3)

Не надо делать так слуге, чтоб жил хозяин без забот:

Лишив хозяина забот, как Дадхикарна, пропадешь.

Каратака спросил: «Как это?» Даманака рассказал.

На горе Арбудашикхара⁽¹⁹⁶⁾ жил лев Махавикрама. Когда он спал в горной пещере, какая-то мышь постоянно обгрызала конец его гривы. В гневе видя, что конец гривы у него обгрызан, и не в силах поймать мышь, забиравшуюся в нору, он подумал:

Когда ничтожного врага не может сила одолеть,

Страви с ним равносильного и от врага избавишься.

Рассудив так, он пошел в деревню, вызвал доверие у кота Дадхикарны, с трудом привел его и, накормив мясом, поселил в своей пещере. И вот от страха мышь перестала выходить из норы. А лев стал спокойно спать, потому что никто не трогал его гриву. И всякий раз, когда он слышал мышиный писк, то ублажал кота, кормя его мясом. Как-то раз эта мышь, мучимая голодом, вылезла наружу. Тут кот поймал ее и убил. Между тем лев, долгое время не видя мыши, не слыша ее шума, счел кота бесполезным

и перестал заботиться о том, чтобы его кормить. И от недостатка пищи Дадхикарна обессилел и околел. Поэтому я и говорю: «Не надо делать так слуге...»

ЖЕНА ПАСТУХА (П.6)

Кто не теряется в беде, тот победит все трудности,
Подобно хитрой женщине, укрывшей двух любовников.

Каратака спросил: «Как это?» Даманака рассказал.

У одного пастуха в городе Дваравати была распутная жена. Одновременно она вступила в любовную связь с деревенским судьей и его сыном. И сказано ведь:

Не сыто пламя топливом, не сыто море реками,
Смерть не насытят смертные, прекрасную — мужа.

И еще:

Хоть одаряй, хоть почитай, хоть доверяй, хоть угождай,
Хоть угрожай, хоть поучай, — непостоянна женщина.

Потому что:

Пусть муж достоин, знаменит, прекрасен,
В любви искусен и богат, и молод, —
Жена его забыть готова сразу
С любым другим — ничтожным и порочным.

И кроме того:

Покоиться на ложе превосходном
Не так приятно женщине бывает,
Как на земле, слегка травой прикрытой,
С мужчиною чужим соединяться!

И как-то раз она наслаждалась любовью с сыном судьи. В это время к ней пришел насладиться сам судья. Видя, как он подходит, она спрятала его сына в кладовую и стала забавляться с судьей. Между тем муж ее, пастух, пришел из загона для скота. Заметив его, жена пастуха сказала: «Судья, бери дубинку и побыстрее уходи, да притворись разгневанным». Так тот и сделал, а пастух, войдя в дом, спросил жену: «Зачем это пришел судья и находился здесь?» Она сказала: «Из-за чего-то он сердился на своего сына. Убегая от преследования, тот забрался сюда, и я защитила его,

спрятав в кладовой. А отец искал его здесь и не нашел. Потому-то он и шел отсюда такой сердитый». И тут, выпустив сына судьи из кладовой, она показала его мужу. Ведь сказано так:

Жена в два раза больше съест, хитрее вчетверо она,
Решительнее вшестеро и сладострастней в восемь раз.

Поэтому я и говорю: «Кто не теряется в беде...»

ПРЕДАННЫЙ СЛУГА (III. 8)

Служил у Шудраки слуга по имени Виравара,^{197}
Что жизнью сына своего ради царя пожертвовал.

Утка спросила: «Как это?» Царь^{198} рассказал.

Некогда, живя у царя Шудраки в пруду для развлечений, я был влюблен в Карпураманджари, дочь гуся Карпуракели. И пришел туда из какой-то страны раджапутра^{199} Виравара и, подойдя к дверям царского покоя, сказал стражнику: «Я раджапутра и ищу службы. Пусти меня к царю». И когда его пустили к царю, он сказал: «Божественный, если есть нужда в моей службе, то пусть мне установят плату». Шудрака спросил: «Сколько тебе платить?» Виравара ответил: «Плати мне по пятьсот золотых в день». Царь сказал: «Каково твое оружие?» Виравара ответил: «Две руки и третий — меч». Царь сказал: «Нет, это не подходит». Услышав это, Виравара ушел. Тогда советники сказали: «Божественный! Заплати ему за четыре дня, чтобы узнать его свойства — достоин ли он брать столь большую плату или недостоин». И, следуя словам советников, царь призвал Виравару, предложил ему бетель, дал пятьсот золотых и втайне приказал следить, как тот употребит эти деньги. А Виравара отдал половину денег богам и брахманам, половину оставшегося — беднякам, остаток же истратил на пищу и развлечения. Исполняя это как свой постоянный долг, он днем и ночью охранял с мечом в руке вход в царский покой; когда же царь сам приказывал ему, то шел к себе домой.

И вот в четырнадцатую ночь темной половины месяца царь Шудрака услышал жалобный крик. Тут он окликнул: «Эй, кто там у дверей?» Тот ответил: «Божественный, здесь я, Виравара». Царь сказал: «Иди туда, где кричат». Виравара сказал: «Как повелевает божественный», — и отправился. Царь же подумал: «Не годится, что я послал этого раджапутру одного в непроглядную тьму. Пойду-ка и я вслед за ним и узнаю, что там такое». И вот царь тоже взял меч и, следуя за ним, вышел из города.

Между тем Виравара, идя на крики, увидел какую-то плачущую женщину, наделенную красотой и молодостью и осыпанную всевозможными украшениями. И он спросил: «Кто ты? Почему плачешь?» Женщина сказала: «Я — Лакшми^[200] этого царя Шудраки; долгое время я отдыхала с великой радостью под его сенью, а ныне иду в другое место». Виравара сказал: «Откуда могут уйти, туда могут и прийти. Как же сделать так, чтобы ты осталась здесь?» Лакшми сказала: «Если ты принесешь в жертву владычице Сарвамангале^[201] своего сына Шактидхару, наделенного тридцатью двумя счастливыми признаками, то я снова надолго останусь здесь». Сказав так, она скрылась из вида. Тогда Виравара пришел к себе домой и разбудил свою спящую жену и сына. Оставив сон, они поднялись и сели. И Виравара передал им все слова Лакшми.

Слыша это, Шактидхара с радостью сказал: «Как я счастлив! Ведь похвально пожертвовать мною ради сохранения царства моего господина. Зачем же теперь медлить? Похвально пожертвовать телом для подобной цели. Ведь:

Проститься с жизнью и с добром готов мудрец ради других:

Уж лучше с пользой их отдать, коль все равно нас гибель ждет».

Мать Шактидхары сказала: «Если не сделать этого, то чем еще можно будет возместить превосходную, щедрую царскую плату?» Рассудив так, все они отправились к храму Сарвамангалы. Там Виравара поклонился Сарвамангале и сказал: «Будь милостива, богиня! Да побеждает, да побеждает великий царь Шудрака! Да будет принято мое подношение!» Сказав так, он отсек сыну голову. Затем Виравара подумал: «Я вознаградил царя за его плату. Зачем теперь жить мне, лишенному сына?» Рассудив так, он отсек себе голову. Тогда и жена его, мучимая скорбью по мужу и сыну, сделала то же самое.

Видя все это, царь в изумлении подумал:

«Рождаются, встречают смерть людишки, сходные со мной.

Но сходный с ним никто в наш мир не приходил и не придет.

Что пользы мне от царства, когда я лишился этого человека?» И вот Шудрака тоже поднял меч, чтобы отсечь себе голову. Тогда владычица Сарвамангала удержала руку царя и сказала: «Сын! Я милостива к тебе. Не действуй же поспешно. До конца твоей жизни не разрушится твое царство». А царь почтил ее восьмичленным поклоном и сказал: «Богиня! Какая мне польза в царстве или в жизни? Если же следует пожалеть меня, то пусть Виравара с женой и сыном живут остаток моей жизни, — иначе я

пойду по пути, на который вступил». Владычица сказала: «Сын! Я довольна твоей великой добродетелью и любовью к слугам. Иди же и будь победителем! А этот раджапутра пусть живет со своей семьей». Сказав так, богиня скрылась из вида. Тогда Виравара с сыном и женой пошел домой. А царь, не замеченный ими, поспешно вернулся во дворец.

И наутро, когда царь опять спросил стоявшего у дверей Виравару, тот ответил: «Божественный! Это плакала женщина; увидя меня, она скрылась из вида. Больше мне ничего не известно». Услышав его слова, царь подумал: «Сколь похвально такое великое благородство. Ведь:

Будь мягок, но не льстив в речах; отважен будь, но не хвастлив;
Будь щедр, но лишь с достойными; будь непреклонен, но не груб.

Все эти признаки великого человека есть в нем». И наутро царь собрал советников, возвестил обо всем случившемся и в знак милости отдал Вираваре царство Карнату.^[202]

ЖАДНЫЙ ЦИРЮЛЬНИК (III.9)

То, что заслужено другим, пойдет и мне, — подумав так,
Убил монаха брадобрей и в наказание был убит.

Царь спросил: «Как это?» Советник^[203] рассказал:

Жил в Айодхье^[204] кшатрий Чудамани. Желая богатства, он великим самоистязанием долго чтил владыку, которому полумесяц служит драгоценным камнем на голове.^[205] И вот когда он уничтожил свои грехи, ему во сне по приказанию владыки явился повелитель якшей^[206] и наставил его: «Этим утром после бритья возьми в руки дубинку и спрячься в доме. Тут ты увидишь, как в этот двор войдет нищенствующий монах. Без всякой жалости бей его дубинкой — тогда он превратится в горшок с золотом, которое сделает тебя счастливым до конца жизни». И когда он сделал это, так и произошло. А цирюльник, призванный туда для бритья, подумал, увидя это: «Да! Вот способ добыть клад. Почему бы и мне не сделать так?» И с тех пор цирюльник каждый день таким же образом с палкой в руках, тщательно спрятавшись, ожидал прихода нищенствующего монаха. И как-то он поймал монаха и убил его дубинкой. За это преступление царские слуги убили цирюльника.

ЖЕНА КУПЦА (IV.3)^[207]

Лишь тот умен, кто справится с бедою неожиданной —

Так перед мужем оправдать любовника смогла жена.

Ядбхавишья спросил: «Как это?» Пратьяупаннаматти рассказал:

В городе Викрамапуре жил купец Самудрадатта. Жена его Ратнапрабха постоянно наслаждалась любовью со своим слугой. И однажды Самудрадатта заметил, как Ратнапрабха целует в губы слугу. Тут эта распутница поспешно подошла к мужу и сказала: «Господин! Как негодно ведет себя этот слуга. Ведь он ворует и ест камфару. Я узнала об этом, понюхав его рот».

Ведь сказано так:

Жена в два раза больше съест, хитрее вчетверо она,
Решительнее вшестеро и сладострастней в восемь раз.

Услышав это, слуга сердито сказал: «Господин! Как может слуга оставаться в доме, где у хозяина такая жена? То и дело хозяйка нюхает рот слуги!» Тут он встал и пошел, а купец с трудом удержал его, убедив остаться.

Поэтому я и говорю: «Лишь тот умен, кто справится...»

ОТШЕЛЬНИК И МЫШОНОК (IV.5)

Ничтожный, обрета почёт, готов убить хозяина.

Так мышка, тигром сделавшись, аскета вздумала убить.

Читраварна спросил: «Как это?» Советник^[208] рассказал:

В лесу, где совершал подвижничество великий риши^[209] Гаутама, жил отшельник Махатапа.^[210] Однажды он увидел там мышонка, принесенного вороной. Тогда по присущему ему состраданию этот отшельник вырастил его, кормя зернами риса. И как-то кошка побежала к мышонку, чтобы съесть его. Видя ее, тот укрылся на груди отшельника. Тогда отшельник сказал: «Мышонок, будь кошкой». И вот эта кошка, увидев собаку, побежала прочь. Тогда отшельник сказал: «Ты боишься собаки, будь же собакой!» Но собака эта боялась тигра. Тогда отшельник превратил собаку в тигра. Однако и на тигра этого отшельник смотрел, как на мышонка. И видя отшельника и тигра, все говорили: «Этот отшельник превратил мышонка в тигра».

Слыша это, тигр подумал: «Пока остается в живых этот отшельник, до тех пор не исчезнет позорная история о моем истинном обличье». Поразмыслив так, он собрался убить отшельника. А отшельник, видя это, сказал: «Будь снова мышью». И превратил его в мышь. Поэтому я и

говорю: «Ничтожный, обрета почет...»

ДВА СОПЕРНИКА (IV.8)

Пусть равен враг — не ссорься с ним: сомнителен исход борьбы.

Так Сунда с Упасундою, два равных, полегли в бою.

Царь спросил: «Как это?» Советник рассказал:

Некогда двое дайтев^[211] великой силы — Сунда и Упасунда — из стремления овладеть тремя мирами великим самоистязанием долго чтили увенчанного луной. И довольный ими владыка сказал: «Выбирайте себе дар!» А они, по вине погрузившейся в размышления Сарасвати,^[212] оба, желая одного, сказали другое: «Если владыка доволен нами, то пусть верховный повелитель отдаст нам свою супругу Парвати».^[213] И владыка, разгневанный необходимостью принести дар, отдал им, безрассудным, Парвати. Тут, возбужденные ее чарующим видом, эти разрушители мира, в смятении рассудка, помраченные грехом, заспорили, говоря друг другу: «моя!», и решили, что надо спросить какого-нибудь сведущего человека. Между тем этот великий владыка подошел и остановился там, приняв образ старого брахмана. И они спросили брахмана: «Мы добыли ее своей собственной силой — кому же из нас принадлежит она?» Брахман сказал:

«По варне выше всех брахман, по силе кшатрий лучше всех,
В богатстве — вайшьев выше нет, в служении брахманам — шудр.

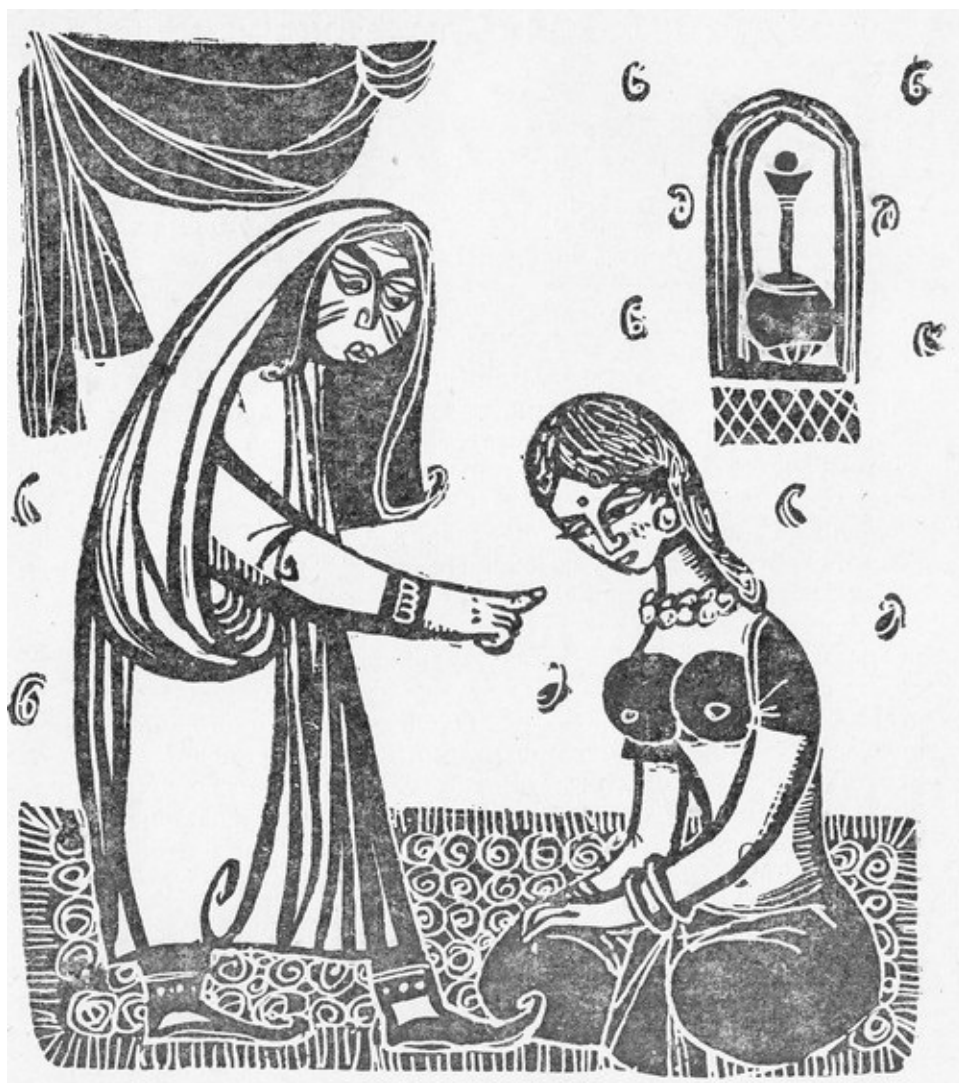
Поэтому, следуя обычаю кшатриев, вам надо вступить в битву». Когда это было произнесено, они подумали: «Хорошо он сказал». И одновременно поразив друг друга одинаковой силы ударом, оба погибли.

Поэтому я и говорю: «Пусть равен враг — не ссорься с ним...»

Сомадева

ОКЕАН СКАЗАНИЙ

ИСТОРИЯ О ЛОХАДЖАНГХЕ (II. 4)

Перевод О. Ф. Волковой

Есть на земле город Матхура,^[214] родина врага Кансы.^[215] Там жила гетера, по имени Рупаника,^[216] у которой была мать, старая сводня, по имени Макараданштра. Комком яда считали ее юноши, привлекаемые достоинствами ее дочери.

Однажды Рупаника, отправившись по своим делам в храм во время почитания богов, увидела издали некоего мужчину. И едва она взглянула на этого красавца, как он завладел ее душой, а все наставления, преподанные матерью, оставили ее. «Подойди к этому человеку и скажи, чтобы он пришел ко мне домой!» — сказала тогда Рупаника служанке. Служанка ответила: «Слушаюсь!» И подойдя к нему, передала ему это. Но он, подумав немного, ответил: «Я — брахман, по имени Лохаджангха. Состояния у меня нет, что же мне делать в доме Рупаники, доступном лишь для богатых людей?» — «Не денег жаждет моя госпожа!» — возразила служанка. И тогда Лохаджангха ответил согласием.

Выслушав все это от служанки, Рупаника пошла домой и стала с нетерпением ждать Лохаджангху. Вскоре он явился к ней в дом, и сводня Макараданштра при виде его спросила: «А это кто такой?» Рупаника же, увидев его, вышла навстречу и, обрадованная, обнимая его за шею, провела в свою спальню. Покоренная его красотой, она ничего больше не желала в этой жизни. И юный Лохаджангха сколько хотел проводил с ней время в ее доме, так как из-за него она избегала других мужчин.

А мать Рупаники Макараданштра, зная до тонкости ремесло гетеры, сказала как-то ей наедине с досадой: «Зачем, дочь, ты ублажаешь этого бедняка? Святой человек может прикоснуться к трупу, но не гетера к

бедному. Или ты забыла, что между любовью и ремеслом гетеры нет ничего общего? Быстро, как закат, угасает охваченная страстью гетера, о дочь моя! Гетера должна словно актриса играть в поддельную любовь ради денег. Так выгони этого бедняка и не губи себя!» Выслушав речь матери, Рупаника в гневе ответила: «Не говори так, он для меня дороже жизни! У меня уже есть большое богатство, так зачем мне поступать иначе? Поэтому, мать, не смей больше мне так говорить!»

Услышав такое, Макараданштра, переполнившись гневом, стала обдумывать средства выгнать Лохаджангху.

Однажды она встретила на дороге обедневшего царского сына в сопровождении слуг с оружием в руках. Быстро подойдя к нему, она отвела его в сторону и сказала: «Один бедный любовник дочери не пускает меня в мой дом. Ты пойди сейчас туда, сделай так, чтобы он убрался прочь, и за это насладись с моей дочерью».

Согласившись, царский сын отправился к ней в дом. Рупаника в это время была в храме, и Лохаджангхи тоже не было дома. Когда же он, ничего не подозревая, подошел к дому, слуги того царевича набросились на него и сильно избили ногами и чем попало. Затем они бросили его в канаву, полную нечистот, из которой Лохаджангха выбрался с большим трудом.

Рупаника, вернувшись и узнав обо всем, была охвачена горем, а царский сын ушел, как и пришел, ни с чем.

Жестоко оскорбленный сводней и разлученный с возлюбленной, Лохаджангха, готовый расстаться с жизнью, отправился в паломничество к святым местам. Сжигаемый изнутри ненавистью к старой сводне и палимый снаружи летним зноем, он шел лесом, и ему захотелось отдохнуть в тени. Подойдя к одному дереву, он обнаружил там тушу слона. Шакалы прогрызли ее снизу и съели все мясо. Усталый Лохаджангха залез внутрь оставшейся шкуры и заснул, обдуваемый прохладным ветерком.

Внезапно со всех сторон в одно мгновение набежали тучи, из которых полил сильный ливень. От дождя шкура слона сжалась так, что не осталось никакого отверстия. А затем сильный поток воды подхватил ее и сбросил в Ганг, который своим течением вынес ее в океан. Там эту слоновью шкуру увидел орел. Бросившись на нее в надежде найти для себя пищу, он схватил ее и вынес на другой берег океана. Там орел разодрал шкуру своим клювом, но, увидев находившегося в ней человека, обратился в бегство.

Тогда Лохаджангха, разбуженный орлом, вылез из шкуры через отверстие, сделанное клювом птицы. Увидев себя на берегу океана, он изумился и подумал, что это похоже на сон наяву.

В это время он увидел двух ужасных ракшасов^[217] и испугался, но ракшасы, сами перепуганные, смотрели на него издали. Они помнили о поражении, нанесенном им Рамой,^[218] и при виде человека, переправившегося через океан, страх снова объял их сердца. Посоветовавшись с другими, один из них пошел и доложил царю Вибхишане о том, что они видели.

Царь Вибхишана, бывший свидетелем могущества Рамы, тоже испугался прихода человека и сказал ракшасе: «Пойди к тому человеку и с радостью передай ему, чтобы он оказал нам милость и пожаловал в наш дом!»

Дрожащий от страха ракшаса, повинувшись, передал Лохаджангхе просьбу своего господина. Оправившийся от волнения брахман Лохаджангха согласился и в сопровождении ракшасы отправился в Ланку,^[219] поражаясь то одним, то другим золотым ее дворцом. Войдя в царский дворец, он увидел Вибхишану, который, оказав ему гостеприимство и пожелав благополучия, спросил: «О брахман! Как ты достиг нашей земли?»

Тогда хитрый Лохаджангха ответил Вибхишане: «Я — брахман, по имени Лохаджангха, и живу в Матхуре. Измученный бедностью, я предавался аскезе в храме пред Нараяной,^[220] не принимая никакой пищи. «Иди к Вибхишане, о преданный мне, и он даст тебе богатство!» — так указал мне во сне владыка Хари.^[221] «Где я, а где Вибхишана!» — возразил я. И он ответил: «Ты сегодня же увидишь Вибхишану!» После этих его слов я сразу проснулся и увидел себя здесь, на другом берегу океана, а больше я ничего не знаю».

Выслушав рассказ Лохаджангхи и зная, что до Ланки добраться очень трудно, Вибхишана подумал: «Поистине, это божественное могущество!» И понимая, что этого брахмана нельзя отдать в руки ракшасов, убивающих людей, он ответил ему: «Подожди, я дам тебе богатство».

Призвав ракшасов, царь повелел им привести с горы Сварнамула молодого птенца из рода Гаруды^[222] и отдал его Лохаджангхе. Верхом на Гаруде Лохаджангха разъезжал по Ланке, отдыхая время от времени у гостеприимного Вибхишаны.

Однажды он с любопытством спросил у царя ракшасов, почему вся почва на Ланке из дерева. И Вибхишана ответил на его вопрос: «Если тебе любопытно, брахман, послушай, я расскажу. Когда-то сын Кашьявы Гаруда, желая выволить свою мать из рабства у нагов,^[223] в которое она попала по обету, собрался поднести богам в качестве выкупа за нее судху.

^[224] В поисках пищи, от которой ему прибавилось бы силы, он обратился к своему отцу. В ответ на его просьбу тот сказал: «Есть в океане большие слон и черепаха, пойди и съешь их, сын, на них обоих лежит проклятие». Тогда Гаруда пошел и, взяв их обоих, чтобы съесть, уселся на ветку огромного дерева калпаврикша.^[225] Ветка эта от тяжести вдруг сломалась, и Гаруда подхватил ее клювом из уважения к находившимся внизу и предававшимся аскезе риши-валакхильям.^[226] По приказанию отца, испугавшегося, что люди будут раздавлены, он отнес ее в безлюдное место и положил там. На этой ветке была создана Ланка, и потому вся почва здесь состоит из дерева». Выслушав этот рассказ от Вибхишаны, Лохаджангха был удовлетворен.

Когда Лохаджангха, наконец, собрался уехать в Матхуру, Вибхишана дал ему много драгоценных камней, а также в знак преданности богу Хари, обитателю Матхуры, вручил ему сделанные из золота лотос, посох, раковину и диск. Лохаджангха забрал все это и уселся на подаренного Вибхишаной Гаруду, который мог пролететь сто тысяч йоджан.^[227]

Покинув Ланку, Лохаджангха перелетел по небу через океан и без всяких трудностей добрался до Матхуры. Спустившись с неба в заброшенном монастыре за городом, он сложил там свои сокровища и привязал Гаруду. Затем он отправился на рынок и, продав один драгоценный камень, накупил одежд, благовонных мазей и тому подобного, а также еды. Поев сам в монастыре и накормив птицу, он украсил себя одеждami, благовониями, цветами и прочим и вечером верхом на Гаруде отправился в дом Рупаники, захватив раковину, диск и жезл. Зная хорошо местность, он остановился в воздухе и затрубил в раковину, чтобы услышала его возлюбленная, находившаяся в одиночестве. Рупаника услышала и, выйдя, увидела его в ночном небе, подобного Нараяне, украшенного драгоценностями.

«Я — Хари, пришедший сюда ради тебя!» — сказал Лохаджангха, и Рупаника, поклонившись, ответила: «Да будет бог милостив!» Тогда Лохаджангха, спустившись и привязав птицу, вошел в дом вместе со своей возлюбленной. Насладившись с ней, он тотчас вышел и, сев на Гаруду, улетел небесным путем.

«Я — божество, супруга Вишну! Я не должна разговаривать со смертными!» — с такой мыслью проснулась Рупаника утром и решила молчать.

«Почему ты так ведешь себя, дочь моя? Расскажи мне», — спросила тогда ее мать Макараданштра. В ответ на ее настойчивые расспросы

Рупаника рассказала матери причину своего молчания, поведав о событиях этой ночи, и велела задернуть полог.

Выслушав это, сводня прониклась сомнением, но ночью она сама на мгновение увидела Лохаджангху верхом на Гаруде.

Придя утром к Рупанике, скрытой за пологом, сводня смиренно попросила: «Дочь моя, ты в этом мире достигла состояния божества благодаря благосклонности бога. А я ведь твоя мать, и потому дай мне награду за себя. Будь добра, осведомись у бога, как мне с этим моим старым телом пройти на небо». Рупаника ответила согласием и спросила об этом мнимого Вишну — Лохаджангху, когда тот снова пришел к ней ночью.

Тогда Лохаджангха, переодетый богом, сказал своей возлюбленной: «Грешница твоя мать, провести ее открыто на небо невозможно. Однако на рассвете в ночь экадаши^[228] раскрываются двери на небо, через которые проходят много ганов,^[229] служителей Шамбху.^[230] Среди них может пройти и твоя мать, переодетая в одного из них. Для этого обрежь ей голову, так чтобы осталось пять пучков, на шею повесь ожерелье из черепов и раскрась ей, голой, один бок сурьмой, а другой киноварью. Только в таком облике ганов я легко проведу ее на небо». Сказав так, Лохаджангха через мгновение удалился.

Утром Рупаника разукрасила мать так, как он говорил, а та только о небе и думала.

Вечером Лохаджангха вернулся, и Рупаника поручила ему свою мать. Взобравшись на Гаруду и взяв с собой голую сводню в таком необычном убранстве, он быстро поднялся в воздух. С неба он увидел перед храмом высокую каменную колонну с прикрепленным наверху колесом. И вот, чтобы отомстить за оскорбление, он усадил сводню на верхушку, где держаться можно было только за колесо. «Подожди здесь, а я отправлюсь на землю и явлю тебе свою милость, будучи близко от тебя!» — сказал он и исчез с ее глаз.

Увидев бодрствующих людей, пришедших ночью поклониться богу, Лохаджангха сказал им с неба: «О люди! Сегодня здесь на вас сверху падет все уносящая чума, поэтому обратитесь к покровительству Хари!» Перепуганные жители Матхуры, услышав с неба этот голос, обратились к богу, повторяя усердно благоприятствующие заклинания. А Лохаджангха спустился с неба, оглядевшись, снял одежду бога и незаметно затесался среди людей.

«До сих пор ни бог не явился, ни я не ушла на небо», — думала сводня

на колонне. И не в силах больше удержаться наверху, слыша внизу голоса людей, она испуганно завопила: «Ой, ой! Я упаду!» Люди, собравшиеся перед божеством, услышали ее и, решив, что это чума падает, в смятении закричали: «О не падай! Не падай, богиня!»

Так провели эту ночь жители Матхуры, и старики, и дети, напуганные опасностью чумы. А на утро все горожане вместе с царем увидели на верху колонны сводню в таком виде и узнали ее. Тогда страх покинул горожан, и они стали смеяться. Услышав о происшедшем, пришла туда Рупаника и, со стыдом увидев свою мать на верху колонны, спустила ее вниз с помощью присутствующих горожан. И сводня, которую все стали с большим любопытством расспрашивать, рассказала все, как было.

Тогда, думая, что это дело сиддхов ¹²³¹¹ и им подобных, чье поведение вызывает изумление, все люди — купцы, брахманы, а также царь — сказали: «Пусть объявится тот, кто посмеялся над этой сводней, обманувшей не одного влюбленного, и мы наденем на него венок почета».

Услышав это, Лохаджангха объявил себя и, когда его спросили, рассказал всю историю с самого начала. Затем он поднес богу подаренные Вибхишаной раковину, диск и остальные вещи, повергшие людей в изумление.

Довольные горожане Матхуры тут же надели на него венок почета, а Рупаника по указу царя стала независимой. И Лохаджангха, обладатель огромного богатства, отомстив сводне за оскорбление, счастливо зажил со своей возлюбленной.

ИСТОРИЯ О ДЕВАСМИТЕ (II.5)

Перевод О. Ф. Волковой

Есть на земле город Тамралипти,^[232] в котором жил очень богатый купец, по имени Дханадатта. Будучи бездетен, он созвал к себе много брахманов и, поклонившись им, сказал: «Нельзя ли сделать так, чтобы у меня поскорее родился сын?» И брахманы ответили ему: «В этом нет ничего трудного. Дваждырожденные^[233] достигают всего в этом мире с помощью обрядов, предписанных ведами». Сказав так Дханадатте, брахманы совершили за определенную плату жертвоприношение, и у купца тогда родился сын. Мальчик, названный Гухасена, со временем вырос, и его отец Джанадатта стал подыскивать ему жену.

И вот отец, забрав сына, под предлогом торговли отправился на другой остров, чтобы подыскать невестку. Там он попросил для своего сына у купца Дхармагупты его дочь, по имени Девасмита. Но Дхармагупта, любивший свою дочь, не согласился на этот брак, считая, что Тамралипти находится слишком далеко. Девасмита же, увидев Гухасену, была покорена его достоинствами и преисполнилась решимости расстаться с родными. Договорившись через подругу о встрече с возлюбленным, она затем вместе с ним и его отцом покинула остров. По приезду в Тамралипти была отпразднована свадьба, и сердца молодых супругов связала взаимная любовь.

Но вот родственники вдруг стали уговаривать Гухасену поехать торговать на остров Катаха.^[234] Однако Девасмита не соглашалась на его отъезд из ревности, опасаясь, что он увлечется другой женщиной. Поэтому Гухасена совершенно разрывался между понуждавшими его близкими и несоглашавшейся женой и не знал, что ему делать. Тогда он отправился в храм и, надеясь, что бог укажет ему средство, исполнял там обет воздержания от еды. Его жена Девасмита вместе с ним соблюдала этот пост, и тогда супругам во сне явился Шива. Дав им два красных лотоса, бог сказал: «Пусть каждый из вас держит в руке этот лотос. И если в разлуке один из вас забудет о праведном поведении, то лотос в руке у другого обязательно завянет». Выслушав это и проснувшись, супруги увидели, что каждый держит в руке, словно сердце другого, красный лотос. Тогда Гухасена с лотосом отправился в путь, а Девасмита осталась дома, не спуская глаз с лотоса.

Гухасена быстро достиг острова Катаха и начал там торговлю

драгоценностями. И вот, видя всегда в его руке неувядающий лотос, четыре купеческих сына стали удивляться. Они под каким-то предлогом привели его к себе домой и, напоив изрядно вином, расспросили об истории лотоса, а он, опьянев, все рассказал им. Тогда, считая, что Гухасена будет еще долго занят торговлей драгоценностями, эти четыре купеческих сына сговорились и, снedaемые любопытством, быстро тайком отправились в Тамралипти с дурным желанием погубить праведное поведение его жены.

Измышляя способ, они пришли в буддийский монастырь к монахине, по имени Йогакарандика. «О госпожа! — обратились они к ней любезно, — если ты укажешь средство к достижению того, чего мы желаем, мы дадим тебе много денег». Она ответила: «Без сомнения, вы желаете какую-либо из здешних молодых женщин. Назовите ее и я вам помогу, но я не жажду денег. У меня есть ученица по имени Сиддхикари, очень умная, и благодаря ей я получила неисчислимое богатство». «Как же ты получила такое богатство по милости ученицы?» — спросили купеческие сыновья. И монахиня ответила им: «Если вам интересно, тогда, сынки, слушайте, я расскажу.

РАССКАЗ МОНАХИНИ

«Как-то сюда прибыл купец с севера. И когда он находился здесь, моя ученица, изменив свой вид, хитростью устроилась к нему в дом в служанки. Завоевав доверие купца, она украла все запасы золота у него и на рассвете тайком ушла из дома. Когда она вышла из города и пошла быстрее, опасаясь погони, ее увидел домба^[235] с барабаном в руках и, желая ее ограбить, погнался за ней. Достигнув подножия баньянового дерева^[236] и увидев приближающегося домбу, хитрая Сиддхикари, притворившись несчастной, сказала: «Поссорившись с мужем, я ушла из дому. Поэтому привяжи, пожалуйста, веревку, и я умру здесь!» «Зачем мне убивать эту женщину, если она сама умрет от петли?» — подумал домба и прикрепил веревку к дереву. Тогда Сиддхикари, будто бы совсем потеряв рассудок, сказала ему: «Покажи мне, пожалуйста, как нужно вешаться!» Тогда домба подставил барабан себе под ноги и со словами: «Вот как это делается!» — надел петлю себе на шею. А Сиддхикари внезапно ударом ноги выбила барабан, и домба умер в петле. Тем временем купец, отправившийся на поиски Сиддхикари, укравшей все его богатство, издали заметил ее возле этого дерева. А она, увидев, что он приближается к ней, незаметно забралась на дерево и спряталась там на ветке, укрывшись листьями. Подойдя к дереву вместе со слугами, купец увидел только веревочную

петлю и в ней домбу, но не Сиддхикари. «Не забралась ли она на дерево?» — сказал купец, и один из его слуг тотчас полез туда. «Я всегда любила только тебя, и именно ты забрался сюда! О прекрасный мой, это сокровище твое, иди сюда и насладись со мной!» С этими словами Сиддхикари, обнимая и целуя потерявшего рассудок слугу купца, откусила ему язык. Захлебываясь кровью, перепуганный, он упал с того дерева, бормоча что-то нечленораздельное. От этого зрелища купца охватил страх, и, думая, что на слугу напал злой дух, он вместе со слугами бросился бежать домой. Тогда, спустившись с верхушки дерева, также напуганная, монахиня Сиддхикари пришла домой, прихватив богатство. Вот такая у меня умная ученица! И вот как по ее милости, сынки, я получила большое богатство».

Рассказав все это купеческим сыновьям, монахиня представила им подошедшую тем временем свою ученицу и сказала: «А теперь, сынки, говорите всю правду, какую женщину вы желаете, и я вам быстро ее устрою». Они ответили: «Это жена купца Гухасены, по имени Девасмита, сведи нас с ней». Монахиня пообещала им это сделать и предоставила купеческим сыновьям приют в своем доме.

Так как она снискала уважение местных жителей вследствие щедрости в подавании пищи и прочих благодеяниях, она отправилась вместе с ученицей в дом Гухасены. Когда она подходила к дверям, ведущим в покои Девасмиты, ей преградила путь собака, не пускавшая незнакомых. Тогда Девасмита, увидев это, сама повелела провести ее, послав служанку и теряясь в догадках, зачем пришла монахиня. Войдя и выразив притворное почтение, греховная монахиня благословила добродетельную Девасмиту и сказала: «Всегда я жаждала встретиться с тобою, а сегодня опять видела тебя во сне и вот поэтому в нетерпении пришла навестить тебя. Сердце мое терзается, когда я вижу, как ты живешь без мужа. Ведь бесплодно проходит твоя молодость, лишенная наслаждений с любимым». Такими и подобными словами она долго уговаривала добродетельную Девасмиту и, попрощавшись, отправилась к себе домой.

На другой день, захватив кусок мяса, посыпанный перцем, она снова пришла в дом Девасмиты. Этот кусок мяса монахиня отдала собаке у дверей, и та быстро съела его вместе с перцем. Тогда от перца у нее потекло из носа и из глаз неудержимо полились слезы. А негодная монахиня тем временем вошла к Девасмите и, встреченная ею с почетом, стала рыдать.

На вопрос Девасмиты она с трудом промолвила: «Дочь моя! Посмотри сейчас на эту собаку, что рыдает во дворе. Она сегодня узнала меня, с

которой была связана в прошлом рождении, и начала плакать, а у меня от жалости тоже полились слезы». Услышав такое, Девасмита посмотрела на рыдающую во дворе собаку и подумала, что все это очень странно. Монахиня же сказала: «Дочь моя! В прошлом рождении она и я были женами некоего брахмана. Наш супруг постоянно уезжал по повелению царя далеко в различные страны с посольством. В его отсутствие я, сколько хотела, сходилась с мужчинами и тем самым не лишала наслаждений свое тело и свои органы чувств. Ведь непричинение вреда органам чувств считается высшей дхармой,^[237] и потому в этом рождении я наделена памятью о прошлых рождениях. Она же тогда по незнанию блюла свою добродетель и потому родилась собакой, хотя и помнящей прошлое рождение».

«Что же это за дхарма такая? Конечно, это все выдумки обманщицы», — подумала мудрая Девасмита и ответила ей: «О госпожа, как долго я не знала о такой дхарме! Поэтому сведи меня с каким-нибудь любовником». Тогда монахиня сказала: «Здесь остановились купеческие сыновья, приехавшие с другого острова, и я приведу их к тебе».

Так сказав, обрадованная, она отправилась домой, а Девасмита уверенно сказала своим служанкам: «Без сомнения, они увидели в руке моего мужа неувядающий лотос и от любопытства расспросили у него, пьяного, в чем дело. И чтобы погубить меня, эти негодяи, купеческие сыновья, приехали сюда с острова и воспользовались этой дурной монахиней. Поэтому принесите быстрее вино с подмешанным дурманом и закажите собачью лапу, сделанную из железа». Служанки сделали все, как велела Девасмита, и одна из них по ее просьбе переделалась в платье госпожи.

Между тем монахиня вместе с одним из купеческих сыновей пришла в дом Девасмиты и, приведя его, переодетого в платье своей ученицы, удалилась. Тогда служанка, переодетая Девасмитой, с почетом поднесла тому купеческому сыну вина с дурманом. От вина он утратил всякий рассудок, как теряют его от распушенности, и служанки, сняв с него платье, оставили его голым. Затем они поставили ему клеймо собачьей лапой на лбу и бросили ночью в канаву, полную нечистот. В конце ночи он пришел в сознание и увидел себя в канаве, будто в ад Авичи^[238] привели его грехи. Тогда, поднявшись, купеческий сын умылся, пощупал клеймо на лбу и голый пришел в дом монахини. «Пусть не я один буду посмешищем!» — подумал он и потому, придя, сказал своим друзьям, что его ограбили. Притворившись, что у него болит голова от бессонной ночи и обильного

питья, он утром обвязал клейменую голову куском материи.

И вот вечером другой купеческий сын отправился в дом Девасмиты и претерпел такое же унижение. Он также, придя голый, сказал: «Хотя я и оставил там свои драгоценности, но когда я вышел, меня ограбили разбойники». А утром он тоже под предлогом головной боли надел на голову повязку и закрыл клейменный лоб.

Так все купеческие сыновья, скрывая истину, по очереди были отмечены клеймом на лбу, лишились своих богатств и претерпели стыд и унижение. «Пусть и с ней будет то же самое!» С этой мыслью они скрыли свое унижение от монахини и уехали.

А монахиня на следующий день вместе со своей ученицей пришла в дом Девасмиты, радуясь, что достигла своей цели. Девасмита же, оказав ей почтение, напоила ее смешанным с дурманом вином, словно выражая свое удовлетворение. Затем эта добродетельная жена велела отрезать опьяневшей монахине и ее ученице уши и нос и тоже выбросить их в нечистоты.

Озабоченная мыслью, как бы купеческие сыновья, уехав, не убили ее мужа, Девасмита рассказала всю историю свекру. И свекор сказал ей: «Дочь моя, ты очень хорошо поступила. Но как бы не случилось что-нибудь дурное с моим сыном». Тогда Девасмита ответила: «Как Шактимати^[239] некогда спасла своей мудростью мужа, так и я спасу». «Расскажи же, дочь, как Шактимати спасла мужа», — попросил ее свекор, и Девасмита рассказала:

РАССКАЗ ДЕВАСМИТЫ

«В нашей стране, в городе, предками установлено почитание могучего великого якши Манибхадры. Местные жители, чтобы исполнилось то или другое желание их, приходят к нему с различными подношениями. И есть такое установление, что если какой-либо мужчина будет застигнут ночью с чужой женой, то его вместе с ней помещают в святилище этого якши. А утром его вместе с женщиной приводят в царское собрание, где нужно рассказать всю историю, после чего он получает наказание.

Однажды городской страж застал купца, по имени Самудрадатта, ночью с чужой женой. И вот купец был отведен и заперт на прочный засов в храме якши с этой женщиной. Тем временем мудрая и преданная мужу жена этого купца, по имени Шактимати, узнала о случившемся. Тогда эта умная женщина, переодевшись и взяв подношение, в сопровождении подруг ночью уверенно отправилась в храм якши. Когда она пришла туда, жрец из алчности разрешил ей войти и велел начальнику стражи открыть

дверь. Войдя и увидев пристыженного мужа с женщиной, она поменялась с этой женщиной платьем и велела ей уходить. Женщина вышла и ночью ушла в платье Шактимати, а Шактимати осталась там со своим мужем. Утром, когда пришли царские чиновники, все увидели, что с купцом находится его собственная жена. Узнав об этом, царь освободил купца из храма якши, словно от смерти, и наказал стражников. Так некогда Шактимати мудростью спасла своего мужа, и я тоже поеду и хитростью спасу своего мужа».

Сказав так наедине свекру, самоотверженная Девасмита переделалась вместе со своими служанками в купеческое платье. Сев на корабль, она отправилась будто бы для торговли на остров Катаха, где находился ее муж. Прибыв туда, она встретила на улице среди купцов своего мужа Гухасену, который был сама воплощенная верность. А он словно пожирал глазами ее, переодетую мужчиной, и недоумевал, кто этот купец, так похожий на его любимую жену.

И вот Девасмита пошла к царю и заявила, что ей надо сообщить ему нечто. Тогда царь созвал всех горожан и с любопытством спросил переодетую в платье купца Девасмиту: «Что же ты хочешь сообщить?» И Девасмита ответила: «Здесь находятся четыре моих беглых раба, пусть же государь отдаст их мне!» Царь сказал ей: «Здесь собрались все жители города. Если ты опознаешь своих рабов, забирай их!» И она забрала тех четырех купеческих сыновей с забинтованными головами, которых она раньше подвергла унижению в своем доме. «Они — купеческие сыновья. Как они могут быть твоими рабами?» — стали говорить ей возмущенные купцы. Тогда она возразила им: «Если вы не верите, то посмотрите на их лбы, которые я заклеила собачьей лапой». Купеческих сыновей заставили снять повязки, и все увидели на их лбах клеймо собачьей лапы. Так как позор пал на купеческое сословие, удивленный царь сам спросил Девасмиту, в чем тут дело. Она рассказала всю историю, и горожане стали смеяться, царь же сказал: «По справедливости, они — твои рабы, госпожа!» Тогда остальные купцы дали этой добродетельной жене большой выкуп для освобождения этих четырех от рабства, а царь наказал их.

И Девасмита, взяв деньги, вместе со своим супругом, провожаемая с почетом всеми горожанами, отправилась в родной город Тамралипти. И больше никогда она не расставалась с любимым супругом.

ИСТОРИЯ О ШИВЕ И МАДХАВЕ (V.1)

Перевод О. Ф. Волковой

Есть такой город Ратнапура, красота которого соответствует его названию.^[240] Там жили два мошенника, по имени Шива и Мадхава. С помощью целой свиты пособников эти двое, применяя различные уловки, обобрали до нитки богачей города.

Однажды мошенники стали держать между собой совет: «Этот город мы уже полностью обобрали. Потому давай теперь отправимся в Удджайини.^[241] Говорят, что главный жрец тамошнего царя, Шанкарасвамин, очень богат. Мы отберем у него каким-нибудь ловким приемом деньги, а уж тогда отведаем, каковы собой веселые женщины Малавы.^[242] Этот скряга, грозно сдвинув брови, отбирает половину платы за жертвоприношения, и дваждырожденные прозвали его «Сокровищницей семи кувшинов». Говорят также, что у него есть дочь — жемчужина, так и она нам заодно, без сомнения, достанется!»

Решив так и договорившись между собой, кому что нужно будет делать, мошенники Шива и Мадхава отправились из города. Когда они постепенно добрались до Удджайини, Мадхава, переодевшись царским сыном, со свитой помощников остался в одной деревне за городом. А Шива один совершенно спокойно вошел в город в одежде брахмачарина,^[243] придумав заранее хитрый план. Он остановился там в храме на самом берегу Сипры, где были разложены открыто глина, пучки священной травы, сосуды для подаяния и шкуры антилоп. Рано утром он густо намазал свое тело глиной и стал подобен тем, кто измазан грязью в аду Авичи. Он долго пребывал в воде, ныряя вниз головой, словно изучая таким образом свое будущее низкое состояние, причиной которого послужат его дурные деяния. Закончив купание, он обратился лицом к солнцу и долго стоял так, вытянувшись вертикально, как бы показывая, что ему весьма подошло бы быть посаженным на кол. Потом, приблизившись к божеству с пучком священной травы куша в руках и бормоча молитву, он уселся в позе «лотоса»,^[244] представляя из себя четырехликого Брахму. Затем он почтил врага Пуры^[245] — Шиву, лицемерно поднеся ему цветы, чистые как сердца святых. Совершив почитание, он снова сделал вид, что погружен в чтение молитв, и, сосредоточив все свои мысли на лжи и обмане, притворился, что предается созерцанию.

На другой день он надел шкуру черной антилопы и отправился бродить

по городу, выпрашивая милостыню и исподтишка высматривая, кого бы обмануть и одурачить. С посохом в руках, одетый в шкуру антилопы, соблюдая молчание, он трижды получил подаяние в домах дваждырожденных и тем словно трижды изрезал в куски истину. Одну часть он отдал воронам, другую — первому встречному, а третьей, добытой лицемерием, насытил свою утробу. Затем он долго притворно шептал молитвы и перебирал четки, словно подсчитывая все свои грехи. Ночь он провел один в храме, обдумывая даже мельчайшие возможные обстоятельства.

Таким образом он каждый день лицемерно предавался суровому подвижничеству, чем завоевал сердца обитателей города. «О, какой это необыкновенный подвижник, исполненный умиротворенности!» — такая слава пошла о нем повсюду среди людей, которые с почтительной преданностью склонялись перед ним.

Между тем и другой мошенник, его друг Мадхава, разузнав обо всем через своих соглядатаев, тоже пробрался в город. Поселившись там в одном далеко расположенном храме, Мадхава, переодетый царским сыном, пришел совершить омовение на берег Сипры. Совершив со всей свитой омовение, он увидел Шиву, погруженного в молитвы перед божеством, с величайшим смирением простерся у его ног и сказал в присутствии всех людей: «Ни разу не встречал я другого такого великого подвижника, хотя много странствовал по святым местам!» Шива же, хотя и видел его, в своем притворстве не повернул головы и остался в том же положении. Затем Мадхава ушел домой, а ночью они встретились наедине, наелись, напились и обсудили, что же теперь делать дальше.

В конце ночи Шива вернулся в свой храм, а Мадхава утром приказал одному из помощников: «Возьми эти одежды в качестве подношения, пойди с ними к главному жрецу Шанкарасвамину и почтительно скажи ему: «Изгнанный своими сородичами царский сын, по имени Мадхава, захватив большую часть богатства отцов своих, пришел из южной страны вместе с несколькими другими высокородными юношами и хочет здесь служить вашему царю. И вот он послал меня пред ваши очи, о сокровищница славы!»».

Получив такое приказание от Мадхавы, мошенник с подарком в руках отправился в дом жреца. Придя туда и уловив удобный момент, он отдал жрецу подарок и передал ему, как должно, послание Мадхавы. Жрец же, жадный до подношений, поверил во все и преисполнился надежд, ибо подарки — это самое привлекательное лекарство для того, кто одержим жаждой приобретения.

На следующий день Мадхава, воспользовавшись удобным случаем, сам отправился нанести визит жрецу. Послав вперед человека, дабы тот возвестил об их прибытии, Мадхава явился к жрецу в окружении своих людей, игравших роль знатных юношей, одетых как паломники, с посохами в руках. И жрец, выйдя к нему навстречу, принял его с большим почетом. Поговорив с ним некоторое время о том, о сем, обласканный им Мадхава вернулся к себе домой.

На следующий день он снова послал жрецу в качестве подарка одеяния и, опять придя к нему, сказал: «Мы хотим служить в свите и потому снова прибегаем к тебе с просьбой». Услышав об этом, жрец в надежде на дальнейшие подношения пообещал Мадхаве исполнить его желание и, тотчас отправившись к царю, изложил ему эту просьбу. Царь из уважения к жрецу ответил согласием. На другой день жрец привел Мадхаву вместе со свитой к царю и с большим почтением представил его. Царь же, увидев Мадхаву, который разыгрывал роль царского сына, обласкал его и назначил ему жалованье.

И вот Мадхава стал служить царю. Но каждую ночь он встречался для совета с Шивой. Жрец же, живущий на подношения, в корыстных целях упросил его жить у него в доме. И Мадхава вместе со своими людьми поселился у него — так мышь, поселившись на дереве, служит причиной его гибели.

И вот как-то Мадхава взял кувшин, полный украшений из фальшивых рубинов, поставил его в сокровищницу жреца и, будто случайно, между прочим показывая его ему, этими украшениями так же завлек его сердце, как привлекают скот побегами травы. Затем, когда жрец стал доверять ему, Мадхава, принимая очень немного пищи, похудел и притворился, что заболел. По прошествии нескольких дней этот царь мошенников сказал слабым голосом жрецу, находившемуся возле его ложа: «Что-то неладное творится с моим телом, поэтому приведи какого-нибудь выдающегося брахмана, о лучший из жрецов. Я отдам ему все, что у меня есть в этом мире, ради блаженства в том мире. Ведь разве мудрый станет заботиться о богатстве, если жизнь столь непрочна?» Выслушав это, жрец, живущий дарами, упал к его ногам и пообещал все исполнить. Но какого бы брахмана жрец ни приводил, Мадхава не доверял ему под предлогом своих особых требований. Видя это, один обманщик из свиты Мадхавы сказал: «Обыкновенный брахман для него не подходит. Но живет на берегу Сипры великий подвижник, по имени Шива, и надо сейчас же узнать, явит ли он свое могущество или нет». Услышав об этом, Мадхава, притворившийся больным, сказал жрецу: «О, пожалуйста, приведи его! Нет брахмана

подобного ему!» Тогда жрец отправился к Шиве и увидел его погруженным в притворное созерцание. Приблизившись к нему, он обошел вокруг него слева направо, и тогда обманщик медленно открыл глаза. Смиренно поклонившись ему, жрец сказал: «Если ты не разгневаешься, о господин, то разреши обратиться к тебе». Шива заметил его и движением губ дал разрешение, и тогда жрец сказал ему: «Здесь есть царский сын из южной страны, очень богатый; он болен и готов отдать все свое достояние. Если ты согласен, то он отдаст тебе все, что у него есть, все украшения, блистающие различными не имеющими цены драгоценными камнями». Выслушав это, Шива, нарушив обет молчания, медленно ответил: «О брахман, к чему мне, брахмачарину, питающемуся подаянием, богатство?» Тогда жрец опять обратился к нему: «Не говори так, о великий брахман! Разве тебе не известен порядок ашрам — ступеней жизни?^[246] Обретя жену, живя в своем доме и исполняя долг по отношению к богам, предкам и гостям, домохозяин, чья ступень жизни является наивысшей среди ашрам, достигает с помощью богатств трех целей жизни».^[247] Тогда Шива ответил: «Откуда мне взять жену? Ведь не женюсь же я на девушке из любого рода?» Услышав это и считая, что его богатством легко будет воспользоваться, жадный жрец, стремясь не упустить случая, сказал Шиве: «Есть у меня дочь, по имени Винаясвамини, очень красивая, и я отдаю ее тебе. А богатство, что ты получишь в дар от Мадхавы, я буду сохранять, и ты будешь наслаждаться состоянием домохозяина». Услышав это, Шива понял, что желанная цель достигнута, и сказал: «О брахман, если ты так настаиваешь, я сделаю, как ты говоришь. Но я ведь отшельник, ничего не понимающий в золоте и драгоценностях, и потому я буду поступать согласно твоим словам. Делай все, как знаешь». Услышав слова Шивы, обрадованный жрец согласился и, одураченный, привел его в свой дом.

И приведя его, называемого Шивой, но совсем не благоприятного^[248] для него, он поведал обо всем обрадованному Мадхаве. Затем он отдал Шиве свою дочь, словно богатство, которое с таким трудом собирают и по глупости теряют. Совершив бракосочетание, он привел его для получения дара к притворно больному Мадхаве. «Приветствую тебя, чьи подвиги превосходят воображение!» С этими словами, говоря сущую правду, Мадхава поднялся и, упав к ногам Шивы, отдал ему, как было условлено, принесенный из сокровищницы кувшин, полный украшений из фальшивых рубинов. Шива взял его и со словами: «Я ничего не понимаю в этом, ты же понимаешь» — передал в руки жреца. «Я ведь еще раньше пообещал тебе, так что тебе не о чем беспокоиться», — тотчас же ответил жрец и схватил

кувшин. Затем, благословив Шиву, который отправился в покой своей жены, он унес кувшин в сокровищницу и поставил его там. Мадхава же, оправившись на следующий день от своей притворной болезни, стал говорить, что он выздоровел благодаря щедрому даянию. А пришедшему к нему жрецу он сказал: «Я спасся от беды благодаря твоей благочестивой помощи». Мадхава завел теперь открытую дружбу с Шивой, прославляя его и восхваляя за то, что именно благодаря его могуществу он выздоровел. По прошествии нескольких дней Шива сказал жрецу: «До каких пор я буду жить в твоём доме? Почему бы тебе не выкупить это бесценное сокровище? Дай мне за него, сколько возможно». Услышав это и считая, что украшениям нет цены, жрец согласился и отдал в качестве выкупа Шиве все, что у него было. Для этого он заставил Шиву подписать расписку, и сам подписал, думая, что то сокровище больше, чем его богатство. Взяв эту расписку, жрец стал жить отдельно, а Шива тоже отдельно зажил жизнью домохозяина. Таким образом, Шива и Мадхава, пользуясь богатствами жреца, привольно зажили вместе.

Через некоторое время жрец пошел на рынок продать один браслет из этих украшений, желая получить за него высокую цену. Там купцы, знатоки драгоценностей, осмотрев его, сказали: «Да кто же не понимает, что браслет поддельный?! Ведь он сделан из кусочков разноцветного стекла, оправленных в медь. Нет здесь ни драгоценных камней, ни золота». Услышав такое, обеспокоенный жрец пошел домой и, принеся все украшения, показал их купцам. Те, рассмотрев их, сказали, что они поддельные, и словно громом поразили жреца. Тогда он, одураченный, сейчас же пошел к Шиве и сказал ему: «Забери свои украшения и отдай мои деньги». «Откуда сейчас в моем доме возьмутся деньги? За это время они все растрочены!» — ответил ему Шива. Тогда жрец и Шива в сопровождении Мадхавы, пререкаясь, отправились к царю. «О божественный! За груды украшений, сделанных из разноцветных кусочков стекла и кварца, оправленных в медь, этот Шива выманил у меня, ничего не подозревающего, все мои деньги», — так пожаловался жрец царю. Тогда Шива сказал: «О царь! Я с детства предавался аскетическим подвигам. А он упросил меня принять подношение. Тогда я по своей простоте сказал ему, что ничего не понимаю в драгоценностях и пусть он будет судьей в этих делах. «Я займусь этим для тебя», — ответил он, и я, приняв дар, все передал ему в руки, и он забрал у меня все за назначенную им же самим цену — это видно, о владыка, из нашей взаимной расписки. А теперь он рассчитывает на высокое покровительство владыки». Когда Шива закончил этими словами свою речь, в разговор вступил Мадхава:

«Не ссылайся на меня! Кроме тебя, никто не виноват, и причем тут я? Я ничего не брал ни у тебя, ни у Шивы. Лежало у меня наследственное богатство, накопленное за долгие годы. Я взял его и отдал дваждырожденному. А если правда, что это не золото и не драгоценные камни, то все равно результат достигнут, пусть даже подношением меди, стекла и кварца. И причиной моего избавления от тяжелой болезни я считаю то, что подаяние было сделано искренне и от чистого сердца». Когда Мадхава, не моргнув глазом, произнес эти слова, царь и его министры, очень довольные, стали смеяться. «Со стороны Мадхавы и Шивы нет ничего незаконного!» — так, смеясь, стали говорить все присутствующие в собрании. И жрец ушел пристыженный, потеряв все свое богатство. В какие только несчастья не впадает человек, чей разум помутило корыстолюбие!

А оба обманщика — Шива и Мадхава, обласканные царем, долго еще жили там, счастливо и спокойно.

Так из сотен нитей плетут языком свои сети обманщики и живут за счет этих сетей, как рыбаки за счет сетей, заброшенных в поток воды.

ИСТОРИЯ ОБ АШОКАДАТТЕ И КАПАЛАСПХОТЕ (V. 2)

Перевод О. Ф. Волковой

Жил когда-то в своей большой деревне, пожалованной ему царем, недалеко от реки Ямуны ^[249] уважаемый брахман, по имени Говиндасвамин. У него родились два сына, похожие друг на друга, наделенные всеми достоинствами, — Ашокадатта и Виджаядатта. По прошествии некоторого времени, когда они жили там, на страну обрушился ужасный голод, и Говиндасвамин сказал жене: «Всю страну разорил вконец этот ужасный голод, и я не в силах дольше смотреть на бедствия своих друзей и близких. Поэтому давай раздадим друзьям и родным все, что у нас есть из еды, кому сколько придется, уйдем из этой страны и вместе с семьей поселимся в Варанаси». Жена согласилась с его словами, и, раздав все припасы, Говиндасвамин с женой, сыновьями и слугами покинул страну, ибо люди высокой души не в состоянии смотреть на страдания своего народа.

В пути он встретил обросшего волосами и вымазанного пеплом аскета-шиваита с гирляндой черепов, похожего на самого Шиву с полумесяцем на голове. Приблизившись к этому аскету, наделенному высшим знанием, и почтительно склонившись перед ним, Говиндасвамин спросил о том дурном и хорошем, что ждет его сыновей, и подвижник ответил: «Твоих сыновей ожидает в будущем благо, о брахман, но с младшим, Виджаядаттой, предстоит тебе разлука. И соединитесь вы все снова с ним благодаря Ашокадатте». Выслушав слова наделенного высшим знанием подвижника, Говиндасвамин попрощался с ним и пошел дальше, подавленный неожиданно обрушившимися на него счастьем и горем.

Добравшись до Варанаси, они остановились за городом в храме Чандики ^[250] и провели там день, посвятив его почитанию богини и другим обрядам. А вечером Говиндасвамин с семьей устроился вместе с паломниками из других краев у подножия дерева.

И вот ночью, когда все паломники улеглись на свои лежа из листьев и заснули, утомленные пройденным путем, младший сын Говиндасвамина Виджаядатта проснулся от сильной лихорадки, бросавшей его то в жар, то в холод. Он вдруг стал беспокойно метаться в жару словно от страха предстоящей разлуки с родными и, наконец, измученный ознобом, разбудил отца и сказал ему: «Отец, меня мучает то сильный жар, то озноб. Принеси дров и разведи огонь, который согреет меня, иначе я не смогу

спокойно провести эту ночь». Обеспокоенный его болезнью Говиндасвамин ответил: «Откуда же, милый, я достану сейчас огня?» — «Вон, совсем недалеко отсюда виднеется пылающий огонь, почти рядом, почему бы мне не пойти туда и не погреться? Я весь дрожу, возьми меня за руку и отведи туда скорее!» — возразил сын, а отец тогда сказал: «Это ведь погребальный костер пылает на кладбище, как же ты, мальчик, пойдешь туда, ведь там полно ужасных пищачей^[251] и им подобных демонов». Но отважный Виджаядатта рассмеялся в ответ на проникнутые любовью слова отца и решительно заявил: «А что мне сделают эти жалкие пищачи, отец? Что я, трус какой-нибудь? Не бойся, отведи меня туда!» И отец повел рассуждающего так по неразумию сына туда. Чтобы согреться, юноша подошел поближе к пылающему костру, окутанному всклокоченной гривой дыма с языками пламени и поистине напоминавшему главную богиню ракшасов, схватившую тело человека. Придя через некоторое время в себя, мальчик спросил у отца: «А что это там виднеется в середине костра?» — «Это горит на погребальном костре человеческий череп», — ответил стоявший рядом отец. Тогда мальчик в своем безрассудстве схватил пылающую головню, ударил по черепу и расколол его. От этого брызнувший вверх мозг попал ему в рот, словно богиня ракшасов в облике погребального огня отметила его своим знаком. И мальчик, проглотив его, превратился в ракшасу с всклокоченными волосами, со страшными зубами и зазубренным мечом в руках. Схватив череп, он выпил мозг и облизал его своим языком, похожим на языки пламени, охватившие кости трупа. Затем, отбросив череп, он бросился на собственного отца Говиндасвамина с поднятым мечом, чтобы убить того. «Эй, Капаласпхота,^[252] разрушитель черепа, не убивай своего отца! Иди отсюда!» — раздался голос с кладбища. Услышав это и получив таким образом имя Капаласпхота, мальчик, превратившийся в ракшасу, отпустил отца и исчез. А его отец Говиндасвамин ушел, рыдая: «О сын мой, о славный, о Виджаядатта!»

Возвратясь в храм Чандики, он утром поведал жене и старшему сыну Ашокадатте о том, что произошло. Вместе с ними он был охвачен огнем скорби, поразившей их, как вспышка молнии среди чистого неба. И все жители Варанаси, которые приходили туда лицезреть богиню, переживали вместе с ними их горе.

И вот добродетельный богатый купец, по имени Самудрадатта, пришедший туда, чтобы почтить богиню, увидел Говиндасвамина в таком состоянии. Подойдя к нему, он стал ободрять брахмана, привел его с семьей в свой дом, где любезно оказал ему все услуги гостеприимства в

виде омовения и тому подобного. Ведь сострадание к тому, кто впал в беду, естественно для благородных. И Говиндасвамин вместе с женой воспрянули духом, а вспомнив слова подвижника, обрели надежду на встречу с сыном.

С тех пор они жили по приглашению этого купца в его доме в Варанаси. Вторым сыном Говиндасвамина Ашокадатта, достигнув юности, изучил науки и стал заниматься искусством борьбы. Постепенно он достиг в нем такого совершенства, что ни один противник на земле не мог его победить. Однажды во время религиозного праздника на состязание борцов явился один известный борец из южной страны. И он в присутствии царя Варанаси Пратапамукуты победил всех его борцов. Тогда царь повелел привести для схватки с ним знаменитого Ашокадатту. И вот борец, ударив Ашокадатту рукой в плечо, начал бой. Но Ашокадатта тем же приемом сбил его с ног. И звук падения борца на арену был подобен приветственному возгласу радующейся земли. Довольный царь одарил Ашокадатту, показавшего мужество, драгоценностями и сделал его своим приближенным. Со временем тот стал его любимцем и приобрел большое богатство, ибо для героя открыта сокровищница царя.

Однажды в четырнадцатую ночь лунного полумесяца царь выехал из города почтить установленную далеко за городом статую Шивы. Совершив почитание, он ночью проезжал мимо кладбища и услышал доносящийся оттуда голос: «О владыка, уже третий день как главный судья из ненависти вынес мне, безвинному, смертный приговор и посадил меня на кол! Но жизнь все не оставляет меня грешного! Меня мучает жажда, о божественный, вели дай мне воды!» Услышав это, царь из сострадания обратился к своему приближенному Ашокадатте: «Пошли к нему кого-нибудь с водой». — «Кто же пойдет ночью, о божественный? Лучше я сам схожу», — ответил Ашокадатта и, взяв воду, направился туда.

Когда царь тронулся по направлению к своей столице, наш герой вошел на кладбище, окутанное со всех сторон кромешной тьмой. Похожее на жилище черной ночи кладбище лишь кое-где было освещено огнем погребальных костров. Повсюду валялись куски жертвенного мяса, растащенного шакалами, и раздавались жуткие хлопки в ладоши, производимые ветами.^[253] «Кто просил у царя воду?» — громко закричал Ашокадатта и услышал в стороне голос: «Я просил!» Пойдя в направлении голоса к ближайшему погребальному костру, он увидел там посаженного на кол человека, а внизу необыкновенно прекрасную рыдающую женщину в богатых украшениях. Она была похожа на сияющую великолепием ночь, готовую взойти на погребальный костер, после того как скрылся ее

владыка-месяц, находящийся на ущербе. «Кто ты, женщина, и почему ты рыдаешь?» — спросил ее Ашокадатта. И женщина ответила: «Я — несчастная жена этого посаженного на кол! Я здесь потому, что твердо решила взойти с ним на костер! Я жду, пока жизнь покинет его, но сегодня уже третий день, а он еще жив. Каждую минуту он просит воды, и я принесла ее, но кол высок, и я не могу дотянуться до его рта, о друг!» Выслушав ее, отважный герой сказал: «Меня тоже царь прислал с водой для него. Поэтому встань мне ногами на спину и поднеси ему воду ко рту. Ведь не оскверняет прикосновение к женщине, если она в беде». Она согласилась и, когда он согнулся у основания кола, взобралась к нему на спину. В тот же момент на землю и на его спину вдруг упали капли крови, и Ашокадатта, подняв голову, увидел, что женщина быстро отрезает куски от человека, посаженного на кол, и поедает их. Тогда, поняв, что она призрак, он в гнев стащил ее на землю, чтоб растоптать, и схватил за ногу, украшенную звенящими браслетами. Но она быстро выдернула ногу и, стремительно взлетев в воздух, скрылась из вида. А у Ашокадатты в руках остался драгоценный браслет, упавший от толчка с ее ноги. Глядя на чудесный браслет в своей руке, он вспоминал, какой прекрасной женщина выглядела вначале, склонившись перед ним, и какой отвратительной в конце и как она исчезла, и испытывал при этом то изумление, то сожаление, то радость.

Потом, забрав солдат, он ушел домой и утром, совершив омовение, отправился в царский дворец. Когда царь спросил его, дал ли он посаженному на кол воды, Ашокадатта ответил утвердительно и преподнес царю браслет. «Откуда это?» — изумился царь, и Ашокадатта рассказал ему о своем необычайно ужасном ночном приключении. Тогда царь, увидев его правдивость, равной которой нет у других людей, хотя и так был доволен его выдающимися достоинствами, обрадовался еще более. Взяв браслет, он пошел к царице и, отдав его ей, с удовольствием рассказал, откуда он взялся. А та, узнав обо всем и глядя на чудесный драгоценный браслет, обрадовалась в душе и могла только похвалить Ашокадатту. Тогда царь сказал ей: «О божественная, Ашокадатта по своей учености, равной его высокому рождению, по своей правдивости и красоте благороднее всех благородных, и хорошо, если бы он стал мужем нашей прекрасной дочери Маданалекхи, — таково мое мнение. Нужно судить о женихе по его достоинствам, а не по богатству, столь быстро исчезающему! Поэтому я отдам этому выдающемуся герою свою дочь». Выслушав слова супруга, царица почтительно ответила: «Очень хорошо! Этот юноша будет достойным мужем нашей дочери. Да и она, увидев его в

весеннем саду, отдала ему свое сердце и теперь в рассеянности целыми днями ничего не слышит и не видит. Я узнала об этом от ее подруги и была очень обеспокоена. Когда я заснула на исходе ночи, мне во сне явилась женщина божественного вида и сказала: «О милая, никому другому не отдавай свою дочь Маданалекху, ибо она жена Ашокадатты, принадлежавшая ему в прошлом рождении». Проснувшись утром, я успокоилась и сама пошла с этой мыслью к дочери. Но ты, о благородный, теперь сам мне сказал об этом. Так пусть они соединятся, как лиана с деревом в свое время года». Выслушав это от жены, обрадованный царь устроил торжество и отдал Ашокадатте свою дочь. И вот брак дочери царя и сына брахмана — союз богатства и добродетели — принес благо обоим.

Однажды царица, показывая царю драгоценный браслет, принесенный Ашокадаттой, сказала: «О благородный, этот один браслет мне ни к чему. Повели изготовить к нему пару». И царь приказал ювелирам сделать второй браслет, похожий на этот. Но те, осмотрев его, сказали: «О божественный, другого такого изготовить нельзя. Здесь нужно искусство богов, а не людей. Большинство подобных драгоценностей даже не встречается на земле. Поэтому там, где взят один, надо искать и другой». Выслушав их, царь и царица огорчились, и тогда присутствовавший при этом Ашокадатта, видя это, неожиданно заявил: «Я принесу другой браслет!»

И хотя царь, опасавшийся безрассудного поступка, с любовью удерживал его, Ашокадатта не поколебался в своем решении и, взяв браслет, снова отправился на кладбище. В четырнадцатую ночь темной половины лунного месяца он пришел туда, где добыл браслет, и направился в обиталище ракшасов — «рощу предков», деревья которой, серые от дыма многочисленных погребальных костров, были увешаны трупами людей, привязанными веревками за шею или плечи. Не найдя там виденной им ранее женщины, он придумал средство получить от нее браслет в обмен на человеческое мясо. Сняв с дерева труп, он стал бродить по кладбищу и кричать: «Продается мясо, купите!» — «О великоблаженный, иди с ним сюда ко мне!» — раздался издалека женский голос. Услыша его, он ответил: «Иду». И, пойдя в этом направлении, издалека увидел под деревом женщину божественной красоты, блистающую драгоценными украшениями. Она сидела в окружении других женщин, и ее присутствие в таком месте казалось столь же необычным, как лотос в пустыне. Приблизившись к ней по ее зову, он сказал: «Я продаю человеческое мясо, купите!» — «О великоблаженный, по какой цене ты продаешь его?» — спросила тогда эта божественная женщина. Отважный

Ашокадатта, державший на плечах тело мертвеца, показал ей браслет и сказал: «Кто даст мне другой такой браслет, тому я отдам мясо. Если у тебя есть, тогда бери». И она ответила: «Есть у меня другой, ведь этот браслет ты отнял именно у меня. Я и есть та, которую ты видел возле посаженного на кол. Но я изменила свой облик, и ты не узнал меня сегодня. К чему говорить о мясе? Я отдам тебе свой второй такой же браслет, если ты сделаешь то, что я скажу». Выслушав ее, мужественный Ашокадатта ответил: «Я тотчас же сделаю все, что ты скажешь». Тогда она откровенно рассказала ему о своем желании: «О благородный, есть на вершине Гималаев город под названием Тригханта, где жил отважный владыка ракшасов Ламбаджихва. А я его жена Видьютшикха, изменяющая свой облик по желанию. После того как по воле судьбы у меня родилась дочь, мой супруг погиб в сражении на глазах у могучего Капаласпхоты. Тогда Капаласпхота отдал мне этот город, и теперь я живу там счастливо со своей дочерью. Моя дочь достигла зрелости, и моим сердцем овладела забота найти ей мужа-героя. И вот, когда я была здесь в ту четырнадцатую ночь и увидела тебя, проезжавшего вместе с царем по дороге, я подумала: «Этот молодой герой будет подходящим мужем для моей дочери, — неужели я не найду средства заполучить его?» С этой мыслью я попросила воды, подделавшись под голос посаженного на кол, и обманом завлекла тебя на кладбище. Но своей красотой, созданной волшебством, и притворной речью я обманула тебя только на мгновение. Поэтому, чтобы как-нибудь снова завлечь тебя, я оставила тебе тогда браслет и удалилась. И вот сегодня я, таким образом, заполучила тебя. Идем в наш дом, и там ты получишь мою дочь, а также забереешь другой браслет». Ответив согласием на слова демоницы, мужественный Ашокадатта вместе с ней волшебной силой был поднят в небо и полетел в ее город. Он увидел на вершине Гималаев золотой город, подобный диску солнца, остановившегося, чтоб отдохнуть от усталости на небесном пути. И там он получил в жены дочь царя ракшасов Видьютпрабху, словно воплощенную награду за свою отвагу. Он прожил некоторое время с женой, наслаждаясь счастьем благодаря могуществу своей тещи.

Затем он сказал теще: «Дай мне браслет, потому что теперь я должен вернуться в Варанаси. Ведь я сам поклялся царю принести другой браслет, такой же, как твой». В ответ на это она дала ему свой браслет, а также золотой лотос. Взяв браслет и лотос, Ашокадатта пообещал вернуться еще раз и покинул город. И теща своей волшебной силой доставила его по воздуху опять на кладбище, опустила у подножия дерева и сказала: «Я всегда прихожу сюда каждую четырнадцатую ночь темной половины

месяца. И когда бы ты ни пришел сюда ночью, ты найдешь меня у подножия баньянового дерева».

Попрощавшись с демоницей, Ашокадатта отправился в дом отца, обрадовав своим неожиданным приходом родителей, измученных горем разлуки со старшим сыном. И в то же мгновение, узнав об этом, туда прибыл царь, его тесть, который, дрожа от радости и пережитого волнения, обнял поклонившегося ему Ашокадатту. Словно воплощенная радость, Ашокадатта вместе с царем появился во дворце. Он отдал царю дивную пару браслетов, которые своим звоном прославляли его доблесть, а также вручил ему чудесный золотой лотос, подобный лотосу, который держит в руке богиня счастья и богатства. На полные любопытства расспросы царя и царицы он поведал им занимательную историю своих походов. «Разве не заслуживает безупречной славы отвага, столь дерзостная, что изумленный разум отказывается верить в описание удивительных приключений?» — так царь и царица, получившая второй браслет, восславили успех своего зятя. И звуки праздничной музыки, наполнявшие дворец, казалось, воспевали высокие достоинства Ашокадатты.

На следующий день царь установил золотой лотос наверху серебряной башни воздвигнутого им храма, и оба — светлая башня и золотисто-красный лотос — сияли, словно воплощая собой славу и могущество царя и Ашокадатты. Глядя на них широко раскрытыми от восторга глазами, царь в приливе преданности Шиве произнес: «О, как эта высокая башня с лотосом на ней похожа на натертого пеплом Шиву с золотисто-красным пучком волос на голове! Если бы был второй такой же золотой лотос, я установил бы его на другой башне». Услышав эти слова царя, Ашокадатта сказал: «О божественный, я принесу другой такой же лотос!» — «Не надо мне второго лотоса! Достаточно тебе проявлять свою отвагу!» — возразил ему царь.

И вот через некоторое время, в течение которого Ашокадатта томился желанием принести второй золотой лотос, снова наступил четырнадцатый день темной половины месяца. В этот день золотой лотос на озерной глади неба — солнце, будто узнав о желании Ашокадатты, в страхе скрылось в одно мгновение за вершину горы, высокомерно пожирая клочки облаков, освещенных блеском сумерек, и сразу же повсюду разбежались серые, как дым, ночные ракшасы. Вереница трепещущих огней казалась рядом страшных блестящих зубов в раскрытой ужасающей пасти ночи-демоницы. Ашокадатта потихоньку вышел из дома, где спала царская дочь, и пошел на кладбище. Там у подножия баньянового дерева он увидел пришедшую туда ракшаси, свою тещу, которая почтительно приветствовала его. Вместе

с ней он отправился снова в ее жилище на вершине Гималаев, где с нетерпением ожидала его жена. Проведя с ней некоторое время, он обратился к своей теще: «Дай мне второй золотой лотос!» Но она ответила ему: «Откуда я возьму другой лотос? Озеро, где растут такие лотосы, принадлежит нашему владыке Капаласпхоте, и лишь один лотос он с любовью подарил моему супругу». В ответ на ее слова Ашокадатта произнес: «Тогда отведи меня на это озеро, и я сам возьму там золотой лотос». — «Это невозможно! Его охраняют страшные ракшасы!» — так удерживала она его, но он не прекращал настаивать. И вот она отвела его туда, и Ашокадатта увидел издали чудесное озеро, окруженное высокой железной стеной с шипами. Оно было сплошь покрыто сияющими золотыми лотосами на вытянувшихся вверх стеблях, как будто озеро отражало непрерывно поглощаемые им солнечные лучи. Когда он подошел к нему и стал собирать лотосы, ужасные хранители-ракшасы хотели помешать ему, но он с оружием в руках убил одних, а другие обратились в бегство и, прибежав к Капаласпхоте, доложили своему владыке о случившемся. Царь ракшасов, узнав об этом, разгневался и, сам отправившись туда, увидел Ашокадату с похищенными лотосами. «Как? Ведь это явился сюда мой брат Ашокадатта!» — изумился ракшаса, мгновенно узнав брата. И, оставив оружие, со слезами радости на глазах он сразу бросился к нему, упал к его ногам и сказал: «Я — Виджаядатта, твой младший родной брат; мы оба с тобой — сыновья почтенного брахмана Говиндасвами. Волей судьбы я давно превратился в ракшасу, и, так как я расколол череп, меня прозвали Капаласпхота. Теперь при виде тебя я вспомнил свое брахманское происхождение и оставил состояние ракшасы, которое окутывало тьмою мой разум». Обняв Виджаядату, произносившего эти слова, Ашокадатта словно омыл слезами его тело, оскверненное пребыванием в облике ракшасы. И в это время с неба спустился один из учителей видьядхаров,⁽²⁵⁴⁾ по имени Праджняптикаушика. Приблизившись к братьям, учитель сказал: «Вы все — видьядхары, попавшие в это состояние из-за проклятия. Но сегодня кончилось действие проклятия, лежавшего на всех вас. Поэтому научитесь сейчас магическим знаниям, свойственным вашим сородичам, и идите к себе домой, где вас встретят ваши родные». Сказав так и научив их знаниям, учитель улетел в небо. Они же, став мудрыми видьядхарами, полетели по небу на вершину Гималаев, взяв с собой золотые лотосы. Когда Ашокадатта явился к своей жене, дочери владыки ракшасов, то она тоже избавилась от проклятия и стала видьядхари. И оба брата с этой красавицей в тот же момент отправились по небу в Варанаси. И там,

пролив нектар своим возвращением, они погасили огонь страдания из-за разлуки, который жег сердца их родителей. И не только родители, но и все люди радовались тому, что они, не покинув своей телесной оболочки, пережили второе удивительное рождение. Наконец-то исполнилось давнее желание отца, когда он крепко прижал Виджаядатту к своей груди.

Затем, узнав об этом, с великой радостью прибыл туда также тесть Ашокадатты, царь Пратапамукута, и обласканный им Ашокадатта с большим торжеством въехал вместе со своими родными в столицу, где его с нетерпением ждала жена. Он подарил царю много золотых лотосов, обрадовав его, так как тот получил больше, чем желал.

И вот в присутствии всех, Говиндасвамин попросил с изумлением и любопытством своего сына Виджаядатту: «Расскажи, о милый сын, все, что с тобой произошло после твоего превращения в ракшасу». И Виджаядатта ответил ему: «Отец, когда я по безрассудству расколол горящий череп в погребальном костре, то волею судьбы из-за кусочка мозга, попавшего мне в рот, превратился в ракшасу. И ты видел, как я впал в заблуждение. Другие ракшасы дали мне имя Капаласпхота, и, когда они позвали меня, я присоединился к ним. Они отвели меня к своему владыке, который, увидев меня, полюбил и назначил своим военачальником. И вот однажды владыка ракшасов в своей гордости напал на гандхарвов и был убит в бою врагами. Тогда мои слуги согласились, чтобы я был правителем, и я стал править царством ракшасов, поселившись в его городе. Там я вдруг увидел благородного Ашокадатту, пришедшего за золотыми лотосами, и благодаря этому я оставил свое состояние ракшасы. А как сразу же вслед за этим мы освободились от проклятия и обрели наши магические знания, вам расскажет благородный Ашокадатта». После того как Виджаядатта поведал это, Ашокадатта стал рассказывать обо всем с самого начала: «Когда-то давно, будучи видьядхарами, мы увидели с неба в обители Галавы купающихся в Ганге дочерей мудрого отшельника. Мы возжелали их, и они втайне нам ответили тем же. Их родственники, обладавшие чудесным зрением, узнав об этом, в гневе проклинали нас: «Вы оба грешника, родитесь в смертном лоне, и предстоит вам удивительная разлука. И если в далекой стране, недоступной для людей, один из вас узнает другого, пришедшего туда, тогда, освободившись от проклятия, вы снова станете видьядхарами, обретете магические знания от учителя и соединитесь со своими родными!» Проклятые, таким образом, мудрыми отшельниками, мы родились на земле, и вам хорошо известно, как произошла разлука. И вот я встретил своего младшего брата, когда благодаря волшебному могуществу своей тещи пришел в город владыки

ракшасов за лотосами. И там, обретя от учителя Праджняптикаушки волшебное знание, мы стали видьядхарами и вскоре прибыли сюда». Так Ашокадатта, радуясь освобождению от мрака проклятия, рассказал родителям и любимой дочери царя о своих удивительных приключениях. И затем те, с кем он поделился чудесным знанием, тоже сразу стали видьядхарами. Потом он попрощался с царем и вместе с родителями, братом и двумя женами поднялся в небо и полетел в свою столицу. Оба брата, молодые видьядхары, вместе с родными поселились в своем жилище на прекрасной горе Говиндакута. А царь Варанаси Пратапамукута, пораженный всем происшедшим, установил в своем храме на второй башне золотой лотос, а остальными полученными от братьев лотосами почитал Шиву, радуясь своему родству с братьями.

Так по некоторым причинам божественные существа рождаются в этом мире смертных, но своей отвагой и энергией они достигают даже труднейшей цели.

ИСТОРИЯ О КИРТИСЕНЕ (VI.3)

Перевод О. Ф. Волковой

В городе под названием Паталипутра жил один выдающийся своим богатством купец, которого и звали соответственно Дханапалита.^[255] У него родилась дочь Киртисена, красотой не имевшая себе равных, которую он любил больше жизни. И он отдал ее в жены такому же богатому купцу из страны Магадха,^[256] по имени Девасена. Но у добродетельного и благородного Девасены была очень зловредная мать, ставшая хозяйкой в доме после смерти мужа. Она, видя полное согласие между снохой и своим сыном, пылая гневом, стала терзать Киртисену за спиной ее мужа. Киртисена же ничего не смела сказать мужу об этом. Вот до чего горька участь женщины, зависящей от негодной свекрови!

Однажды муж Киртисены Девасена по настоянию родственников собрался поехать по торговым делам в город Валабхи.^[257] Тогда Киртисена обратилась к мужу: «Долго я тебе, о благородный, ничего не говорила! Твоя мать терзает меня, даже когда ты здесь. А если ты уедешь, то я не знаю, что она со мной сделает!» Услышав такое, Девасена растерялся, но из любви к жене он пошел к матери и, поклонившись, робко сказал ей: «О матушка, я уезжаю, и Киртисена остается с тобой. Относись к ней ласково, ведь она девушка из достойного рода!» В ответ на это свекровь позвала Киртисену и, выкатив глаза, обратилась к сыну: «Ну-ка, спроси ее, что я ей сделала! Это она подстрекает тебя, пытаясь посеять раздор в доме! А для меня, сынок, вы оба равны!» От этих слов сердце Девасены успокоилось, ибо кого не обманут речи матери, полные лживой любви. А Киртисена, горько улыбнувшись, промолчала.

На следующий день Девасена уехал в Валабхи. Тогда его мать постепенно отослала от Киртисены, тяжело переживавшей разлуку с мужем, всю прислугу. Затем, сговорившись со своей служанкой, она зазвала Киртисену в укромное место и там, сорвав с нее платье и вцепившись ей в волосы с криком: «Негодяйка! Ты у меня сына отбираешь!» — вместе со служанкой избивала ее ногами и изодрала ногтями и зубами. Потом они бросили ее в погреб с крепкой дверью и прочным засовом, из которого вынесли все находившиеся там вещи. И только раз в день к вечеру негодная свекровь ставила туда для Киртисены полмиски похлебки в надежде, что та в отсутствие мужа умрет, и, избавившись от нее, можно будет сказать, что она куда-то уехала.

А Киртисена, заслуживавшая только счастья, брошенная в таком состоянии злодейкой-свекровью в погреб, плакала и думала: «Богатый муж, рождение в достойной семье, красота, добродетельное поведение — все есть у меня, и все же какое несчастье — увы! — обрушилось на меня по милости свекрови! Вот почему, боясь ссор между свекровью и невесткой, родные недовольны рождением девочки и клянут это рождение за приносимые им страдания и беды». Пока Киртисена так горевала, она вдруг заметила лопату, которая могла извлечь ее из этого подземелья, как создатель Брахма извлекает болезненную занозу из сердца. Она стала копать этой железной лопатой подземный ход до тех пор, пока благодаря судьбе не вышла из своей темницы. И весь дом озарился, словно светильником, блеском ее немеркнувшей добродетели.

Забрав затем свои вещи и золото, она на исходе ночи потихоньку вышла из дома и направилась прочь из города. «Однако я не могу в таком виде явиться в отцовский дом! Что я скажу, и как встретят меня люди? Поэтому самое лучшее для меня отправиться к своему мужу, ибо для женщин добродетельного поведения и здесь и в том мире единственное прибежище — супруг!» Под влиянием таких мыслей Киртисена совершила омовение в воде озера и переоделась в одежду царского сына. Затем, отправившись на базар, она продала немного золота и остановилась на один день в доме некоего купца. На следующий день она познакомилась с купцом, по имени Самудрасена, который собирался отправиться в Валабхи. Вместе с ним в сопровождении слуг Киртисена, переодетая царским сыном, отправилась в Валабхи, чтобы найти там своего уехавшего мужа. А купцу она сказала, что ее изгнали сородичи и она едет к своим друзьям в Валабхи. Купец же, выслушав ее, по дороге с большим уважением оказывал ей услуги, не сомневаясь, что она действительно — царский сын.

Караван шел лесной дорогой — ее предпочитали другим путям в страхе перед большими поборами. Через несколько дней караван достиг опушки леса и вечером расположился на стоянку. И вот, словно вестник смерти, зловеще завыл шакал. И так как купцы считали, что вой шакала предвещает грабеж и прочие беды, они схватили в руки оружие, чтобы отразить врагов со всех сторон, как если бы на них во мраке ночи напала банда разбойников во главе со своим предводителем. Видя это, Киртисена, переодетая мужчиной, подумала: «Увы! Почему непрерывно растет зло, причиняемое дурными людьми? Подумать только, даже здесь я пожинаю плоды зла, причиненного мне моей свекровью! Сначала меня, словно смерть, сожрал гнев свекрови. Затем, словно в утробу, где растет зародыш, я попала в подземелье. Потом по воле судьбы я освободилась, как будто

снова на свет родилась. И вот теперь, придя сюда, я снова опасаюсь за свою жизнь. Если разбойники убьют меня, то мой враг-свекровь скажет мужу, что я убежала с кем-нибудь другим. А если кто-нибудь узнает, что я переодетая женщина, то уж лучше смерть, чем оскорбление моей чести! Поэтому мне нужно спасти самое себя, а не думать об этом купце. Ведь добродетельная женщина должна заботиться прежде всего об исполнении долга верной жены, а не о друзьях и тому подобном!»

Решив так, она отправилась на поиски и нашла дупло в дереве, подобное дому, ниспосланному ей из сострадания самим Вишну. Забравшись туда и закрывшись травой и листьями, она была одержима одним желанием — встретиться с мужем. Между тем ночью большая вооруженная банда разбойников напала внезапно на караван и окружила его. Как черная туча налетели разбойники, вспышками молний сверкало оружие, ливнем лилась кровь в этой битве, подобной грозе. Убив купца Самудрасену и его спутников, победившие разбойники удалились, прихватив много добра. И если Киртисена, слышавшая весь этот шум, не распрощалась с жизнью, тому причиной была только ее судьба.

Когда ночь прошла и взошло солнце, Киртисена выбралась из дупла дерева. Поистине, бог охраняет от беды добродетельных женщин, проявляющих с неиссякаемым рвением преданность своему мужу, ибо в этом безлюдном лесу даже лев пощадил ее. Более того, откуда-то вышел ей навстречу подвижник, который подбодрил обратившуюся к нему Киртисену, напоил ее водой из кувшина, указал дорогу и куда-то исчез. Утолив, словно амритой,^[258] свой голод и жажду, верная супругу жена пошла по дороге, указанной подвижником. Увидев, что солнце, опустившееся за гору Аста,^[259] словно говорит ей, протянув свои руки-лучи: «Отдохни эту ночь!», Киртисена забралась в дупло, похожее на дом, у корней большого лесного дерева и завалила вход другим стволом.

Поздним вечером она увидела через щель своей двери ужасную ракшаси, пришедшую сюда в сопровождении своих детей. «Опять я попала в беду, ведь съест она меня!» — подумала со страхом Киртисена, пока ракшаси усаживалась на дерево. Возбравшиеся вслед за ракшаси ее сыновья тотчас стали просить: «Матушка, дай же нам чего-нибудь поесть!» И ракшаси ответила сыновьям: «Дети, сегодня я даже на большом кладбище не добыла ничего съестного. Я просила у племени дакини,^[260] но они мне не дали ни куска. И тогда в отчаянии я обратилась с просьбой к грозному Шиве. Спросив о моем имени и роде, бог повелел мне: «О наводящая страх, ты рождена в знатном роде Кхары и Душаны!»^[261] Поэтому

иди в город Васудаттапура, что недалеко отсюда. Там живет великий и праведный царь Васудатта, который охраняет этот лес на границе своих владений: сам взимает пошлины и сам наказывает воров. Когда этот царь, утомленный охотой, заснул в лесу, ему в ухо незаметно заползла сороконожка. Со временем она произвела потомство у него в голове, и от этой болезни у царя теперь почти не осталось сил. Врачи не знают его болезни, и если никто другой не узнает, то через несколько дней царь этот умрет. После того как он умрет, ты с помощью своего волшебства съешь его и тогда будешь сыта шесть месяцев». Вот какой неопределенный дар, связанный лишь с надеждами на будущее, дал нам сегодня грозный Шива. Что же мне делать, сынки?» Выслушав рассказ ракшаси, сыновья тогда сказали ей: «А будет ли царь жить, если болезнь узнают и изгонят? Скажи нам также, как можно изгнать такую болезнь». В ответ на вопросы сыновей ракшаси рассказала: «Если болезнь будет определена и изгнана, то царь останется жить. И слушайте, как можно излечить такую тяжелую болезнь. Сначала надо смазать голову царя горячим растопленным маслом и посадить его надолго под невыносимо знойным полуденным солнцем. Затем нужно вставить в ушной проход полую трубку из бамбука, соединенную с отверстием в крышке кувшина с холодной водой. Тогда измученные жарой сороконожки выползут через ухо из головы, ползут по бамбуковой трубке и, ища прохлады, попадут в кувшин. Таким образом царь избавится от своей тяжелой болезни». Рассказав это своим сидящим на дереве сыновьям, ракшаси замолчала. И все это слышала спрятавшаяся в дупле Киртисена. Поэтому она подумала: «Если я выберусь отсюда, то пойду к этому царю и спасу ему жизнь. Живя на границе этого леса, он охраняет его, взимая очень небольшую пошлину, и поэтому все купцы едут именно этой дорогой. Так говорил мне покойный купец Самудрасена, и мой муж ведь будет возвращаться этой дорогой. Поэтому отправлюсь-ка я через лес в город Васудаттапура, спасу царя от болезни и буду там ждать возвращения мужа». В таких размышлениях она кое-как провела эту ночь и утром, когда ракшасы исчезли, выбралась из дупла.

Идя через лес, переодетая в мужскую одежду, она во второй половине дня встретила одного доброго пастуха, тронутого тем, что этот «юноша» столь хрупкий, видно, прошел долгий путь. Киртисена, подойдя к нему, спросила, что это за сторона. И пастух ответил ей: «Там впереди находится город царя Васудатты — Васудаттапура. Но царь этот, великий душой, болен и вот-вот умрет». Тогда Киртисена ответила пастуху: «Если кто-нибудь отведет меня к царю, я излечу его болезнь!» Пастух сказал: «Я сейчас иду в город, пойдем со мной, и я постараюсь все устроить!» И

пастух привел ответившую согласием переодетую Киртисену в город Васудаттапура. Там он тотчас поведал о таком благоприятном событии озабоченному стражнику и представил ему Киртисену. Стражник же доложил царю и по приказанию последнего привел добродетельную женщину к нему. И царь Васудатта, страдающий от болезни, увидев ее необыкновенную красоту, воспрянул духом, ибо сердце чувствует, где добро и где зло. «О счастливый! Если ты изгонишь мою болезнь, я отдам тебе полцарства! — сказал он переодетой мужчиною Киртисене. — Я видел во сне, что женщина сняла с меня черное одеяние, поэтому я верю, что ты снимешь мою болезнь!» И Киртисена ответила: «Сегодня уже день прошел, а завтра, о божественный, я избавлю тебя от болезни, потерпи немного!» С этими словами она помазала голову царя топленным коровьим маслом, и тогда утихла боль у царя, и он заснул. «Это бог в облике врача, явившийся к нам благодаря нашим святым заслугам!» — так стали все прославлять тогда Киртисену.

И вот на следующий день в полдень в присутствии министров и гарема Киртисена вывела из головы царя через ухо полторы сотни сороконожек тем необыкновенным способом, о котором говорила ракшаси. Когда все сороконожки оказались в кувшине, она дала царю отведать масла, молока и прочих жертвенных возлияний. И не было никого, кто, разглядывая этих тварей в кувшине, не изумлялся бы тому, как царь пришел в себя и избавился от болезни. А царь, увидев этих мерзких насекомых, вышедших из его головы, то пугался, вспоминая, то радовался, считая себя словно родившимся вновь. Совершив омовение и устроив торжество, он почтил Киртисену, отдав ей половину своего царства вместе с деревнями, слонами, лошадьми и золотом. А царица и министры одарили ее драгоценностями и одеждами, считая, что врач, возвративший жизнь их господину, заслуживает высокого почтения.

Киртисена же под предлогом, что она соблюдает некий обет, оставила все богатства на некоторое время в руках царя и стала ждать супруга. Так она еще несколько дней, почитаемая всеми, продолжала оставаться переодетой в мужскую одежду. И вот она услышала от людей, что из Валабхи пришел караван, а вместе с ним ее супруг Девасена. Узнав, что караван вошел в город, Киртисена отправилась туда и, увидев своего мужа, расцвела от радости, как павлин при появлении дождевых облаков. С сердцем, измученным долгим ожиданием, она бросилась к ногам мужа и омыла их, как почетным омовением гостеприимства, слезами радости. Хотя скрытая под чужой одеждой Киртисена была подобна воплощенному лунному свету, который днем делают невидимым лучи солнца, супруг

сразу узнал ее. И только чудом сердце Девасены, когда он увидел лицо ее, не разорвалось от радости, как растворяется лунный камень^[262] при свете луны.

Когда Киртисена, таким образом, объявила себя и ее пораженный супруг не мог понять, в чем дело, удивление охватило всех купцов, и сам царь Васудатта, полный любопытства, прибыл туда. Тогда Киртисена в ответ на расспросы поведала супругу о всех своих приключениях, причиной которых послужило дурное поведение свекрови. И ее муж Девасена, испытывая то чувство гнева, то прощения, то изумления, то радости, слушая ее рассказ, отвратился сердцем от своей матери. Все люди, находившиеся при этом, услышав о необыкновенном поведении Киртисены, стали говорить: «Вот так побеждают добродетельные женщины, чье оружие — мудрость, колесница — преданность супругу, доспехи — нравственное поведение и колесничий — праведный долг!» А царь сказал: «Эта женщина ради супруга перенесла такие мучения, что превзошла даже Ситу,^[263] терпевшую страдания ради Рамы, и потому она, подарившая мне жизнь, стала моей названной сестрой!»

В ответ на это Киртисена обратилась к царю: «О божественный! Те деревни, слоны, лошади и прочее, что ты с любовью подарил мне и что сейчас находятся у тебя, пусть будут переданы моему супругу». И царь отдал деревни и остальное ее мужу Девасене и, полный радости, надел на него венок почета.

И вот Девасена, ставший обладателем огромного состояния благодаря подаркам царя и богатствам, накопленным торговлей, оставил свою мать и, прославляя Киртисену, остался жить в этом городе. Киртисена же, прославившаяся своими необыкновенными подвигами, обрела счастье, избавившись от злой свекрови. Она жила вместе со своим супругом, наслаждаясь всеми благами и выпавшим на ее долю богатством, подобная воплощенному счастью награды за хорошие деяния.

Вот так, перенося удары враждебной судьбы и, словно богатство, храня в несчастьях свое достоинство, добродетельные женщины великим могуществом своей природы незаметно приносят благо и мужу и себе.

ИСТОРИЯ О НИШЧАЯДАТТЕ (VII. 3)

Перевод О. Ф. Волковой

Есть на земле известный всему миру город Удджайини. В нем жил когда-то купеческий сын, по имени Нишчаядатта. Играя в кости, он каждый день выигрывал много денег. И обладая возвышенным умом, он затем совершал омовение в воде Сипры и, почтив Махакалу,^[264] раздавал дары дваждырожденным, бедным и беззащитным, наделяя их в особенности ароматными притираниями, пищей, бетелем и тому подобным. Всегда до и после омовения он, отправившись на кладбище недалеко от храма Махакалы, натирал себя сандаловой пастой и прочими благовониями. Для этого он мазал благовонной пастой находившуюся там каменную колонну и затем терся об нее спиной, умащая себя. Так этот юноша в уединении проделывал каждый день. И от этого каменная колонна со временем с одной стороны очень хорошо отполировалась.

И вот однажды мимо проходил один художник вместе со скульптором. Увидев отполированную колонну, он нарисовал на ней Гаури.^[265] А скульптор в шутку вырезал изображение своим резцом. Когда они ушли, появилась, чтоб совершить поклонение Махакале, некая дочь видьядхари и увидела на колонне изображение богини. Считая это благоприятствующим предзнаменованием и оказав богине почитание, девушка спряталась в колонну, так что ее нельзя было увидеть.

Между тем туда явился купеческий сын Нишчаядатта и с удивлением увидел вырезанное на столбе изображение Умы.^[266] Омыв тело, он нанес благовонную мазь на другую сторону колонны и стал тереться об нее спиной. Глядя на это широко раскрытыми глазами, спрятавшаяся внутри столба видьядхари, чье сердце было покорено его красотой, подумала: «Такому красавцу некому умастить спину! Дай-ка я потру ее». С этой мыслью она высунула руку из столба и нежно стала натирать ему спину. Тотчас почувствовав прикосновение и услышав звон браслетов, сын купца схватил ее за руку.

«О превосходный! Чем я провинилась перед тобой? Отпусти мою руку!» — сказала тогда невидимая видьядхари из столба. «Появись и скажи, кто ты, тогда я отпущу твою руку!» — ответил ей Нишчаядатта. «Я покажусь тебе и все расскажу!» — поклялась видьядхари, и он тогда отпустил ее руку.

Тогда, выйдя из столба и явившись ему во всей своей красоте, она

подошла к Нишчаядатте и, не отрывая взгляда от его лица, сказала: «Есть на вершине Гималаев город Пушкаравати. В нем живет царь видьядхаров Виндхьяпара. А я его дочь Анурагапара. Я пришла сюда почитать Махакалу и сейчас отдыхала. Тем временем ты явился сюда и стал умащать спину, и я увидела тебя, подобного одной из стрел бога любви. Ты завладел сначала моим сердцем, взволнованным страстью, а затем рукой, когда я стала умащать тебе спину. Дальше тебе все известно. А теперь я уйду в дом своего отца!» Выслушав это, сын купца сказал: «Я-то могу согласиться с этим, о чанди, ^[267] но не сердце мое, похищенное тобой! Да и ты как можешь уйти, если твое сердце не соглашается отпустить тебя!» В ответ на это она, столь быстро охваченная страстью, сказала: «Я с радостью встречусь с тобой, если ты придешь в наш город. Ты легко можешь достичь его, о владыка, и тогда исполнится твое желание. Ибо нет ничего трудного в этом мире для тех, кто исполнен решимости».

Сказав так и поднявшись в небо, Анурагапара улетела, а Нишчаядатта, поглощенный мыслями о ней, отправился домой. Вспоминая ее руку, возникшую из колонны, словно росток из дерева, он с сожалением думал: «Увы, зачем я, схватив за руку, не удержал ее? Отправлюсь-ка я за ней, в город Пушкаравати. Или я расстанусь с жизнью, или судьба поможет мне».

В таких размышлениях он, охваченный воспоминаниями, провел эти сутки и утром отправился в путь на север. По дороге к нему присоединились три путника, купеческих сына, также державших путь на север. Проходя вместе с ними города, деревни, леса и реки, он постепенно достиг северной страны, густо населенной варварами. И там в пути его вместе со спутниками схватили персы, которые продали их другому персу. Последний же послал слуг отвести их в качестве подарка турку, по имени Муравара. Слуги, приведя Нишчаядатту вместе с тремя остальными к Мураваре и узнав, что он умер, передали их его сыну. «Этот подарок прислан моему отцу его другом. Поэтому завтра утром я брошу их в яму рядом с отцом». Так подумал турок-сын и сам заковал пленников на ночь в крепкие кандалы.

И вот ночью в темнице сын купца Нишчаядатта сказал своим товарищам, трясущимся от страха перед смертью: «Что толку от вашего отчаяния? Наберитесь мужества! Ведь все несчастья, словно испугавшись, уходят от тех, кто мужествен. Вспоминайте единственную владычицу Дургу, спасительницу от бед! — так подбодрял он их, вознося с преданностью хвалу богине. — Поклонение тебе, о великая богиня! Я поклоняюсь твоим ногам, подобным лотосам, измазанным в крови

сокрушенных асуров,^[268] словно окрашенным красной кошенилью. Ты, мощь Шивы, владычица над всей вселенной, победила три мира, и они движутся в соответствии с твоим дыханием! Ты спасла миры, о уничтожившая асура Махишу! О ласковая к преданным тебе, спаси же меня, прибегающего к твоему покровительству!»

Так Нишчаядатта вместе со своими спутниками прославлял богиню и, утомившись, быстро заснул. И богиня сказала ему и остальным во сне: «Встаньте, сыны мои! Идите, исчезла ваша тюрьма!» Тогда, проснувшись и увидев, что тюрьма сама собой куда-то исчезла, они обрадовались и ушли, рассказывая друг другу свой сон.

Пройдя далеко по дороге, на исходе ночи остальные купеческие сыновья, напуганные, сказали Нишчаядатте: «В этой стране очень много варваров, мы пойдем на юг, а ты, о друг, иди, куда задумал». После таких слов Нишчаядатта отпустил их идти как угодно, а сам продолжал путь на север.

Так, влекомый любовной страстью и не в силах ни о чем больше думать, он один настойчиво продолжал свой путь. Продвигаясь вперед, он встретился с четырьмя монахами-пашупатами^[269] и, достигнув реки Витаста,^[270] переправился через нее. Переправившись через реку и подкрепившись едой, когда солнце поцеловало гору Аста, он вместе с ними вошел в лес, тянувшийся вдоль дороги. Тогда встретившиеся им дровосеки спросили их: «Куда вы идете? Ведь день кончился! Впереди нет никакой деревни. Есть в этом лесу лишь заброшенный храм Шивы, и если кто-нибудь проведет там ночь снаружи или внутри, то якшини, по имени Шринготпадини, заклинаниями, от которых вырастают рога, превращает его в скота и съедает».

Услышав это, четыре спутника Нишчаядатты, пашупаты, сказали ему с презрением: «А что нам может сделать эта жалкая якшини? На каких только кладбищах мы не проводили свои ночи!» Услышав от них такие слова, Нишчаядатта вместе с ними отправился к храму Шивы и вошел в него провести ночь. Очертив золой во дворе большой магический круг, мудрый Нишчаядатта и пашупаты вошли в него и, разведя огонь из поленьев, расположились внутри, читая заклинания для защиты.

И вот ночью появилась та якшини Шринготпадини, играя на киннаре^[271] и танцуя. Приблизившись, она, танцуя за пределами круга, бросила взгляд на одного из четырех пашупатов и произнесла заклинание. Силой этого заклинания у него появились рога, и он, зачарованный, поднялся и, приплясывая, упал в пылающий огонь. Выхватив его из огня,

полуобгоревшего, обрадованная Шринготпадини съела его. Затем бросив взгляд на другого, она также прочла заклинание, от которого вырастают рога, и заставила его плясать. С рогами, выросшими от заклинания, он тоже стал плясать, упал в огонь и был съеден ею на глазах у остальных. Так постепенно по порядку якшини зачаровала всех пашупатов и ночью съела всех четырех вместе с рогами.

Когда она поела четвертого, опьяневшая от мяса и крови, то случайно уронила на землю киннару. Тогда мудрый Нишчаядатта быстро вскочил и схватил ее и, играя, танцуя и смеясь, прочел, устремив взор в лицо якшини, заклинание, от которого вырастают рога, так как он запомнил его, выслушав несколько раз. И якшини, потерявшая свою силу под влиянием этого заклинания, испугавшись смерти, чувствуя, что у нее вот-вот появятся рога, смиренно обратилась к Нишчаядатте: «О великосущный, не убивай меня, несчастную женщину. Ты теперь мое прибежище, я прибегаю к твоей защите, прекрати читать заклинание, защити меня! Я знаю все и исполню твое желание! Я доставлю тебя туда, где живет Анурагапара». Тогда мудрый Нишчаядатта, выслушав такие заверения, согласился и перестал читать заклинание и проделывать остальные действия. Затем по слову якшини он забрался к ней на плечо, и она понесла его по воздуху к возлюбленной.

Достигнув на исходе ночи некой горной рощи, якшини почтительно сказала Нишчаядатте: «Сейчас, с восходом солнца, я не могу лететь дальше, и потому, о повелитель, проводи день в этой прекрасной роще. Вкуси сладких плодов и испей чистой воды из источника. Я отправлюсь к себе и вернусь с наступлением ночи. Тогда я отнесу тебя к Анурагапаре, в город Пушкаравати, венец Гималаев».

Сказав так и получив разрешение, якшини спустила Нишчаядатту со своего плеча и удалилась, еще раз поклявшись вернуться. Когда она ушла, Нишчаядатта увидел бездонное озеро, полное яда внутри и холодно-прозрачное на поверхности. Освещенное солнцем, протянувшим к нему свои лучи, оно, казалось, имело форму красного сердца женщины. Определив по запаху, что оно ядовитое, Нишчаядатта, мучимый жаждой, пошел бродить по дивной горе в поисках воды. Блуждая, он увидел на бугорке земли как будто два сверкающих рубина и стал разрывать землю. Разбросав землю, он увидел, что это голова живой обезьяны, глаза которой были подобны рубинам. И пока он размышлял с изумлением, что бы это такое было, обезьяна сказала ему человеческим голосом: «Я — человек, брахман, превращенный в обезьяну! Спаси меня! Я расскажу тебе тогда всю свою историю, о добродетельный!» Услышав это, удивленный

Нишчаядатта разгреб землю и вытащил обезьяну из земли. Спасенная обезьяна упала к его ногам и сказала: «Ты даровал мне жизнь, спасая меня с таким трудом. Так идем. Ты устал, поэтому вкуси плодов и воды, и я тоже по твоей милости прекращу свой долгий пост». Сказав так, обезьяна повела его далеко на берег горной реки, где росли тенистые деревья, согнувшиеся от сладких плодов. Там, отведав воды и плодов, Нишчаядатта сказал, обратившись к обезьяне, окончившей свой завтрак: «Поведай мне, как это ты, человек, стал обезьяной». И обезьяна ответила: «Слушай же, что я расскажу тебе.

РАССКАЗ ОБЕЗЬЯНЫ

В Варанаси есть великий брахман, по имени Чандрасвамин. А я, о друг, — его сын, родившийся от добродетельной жены. Отец назвал меня Сомасвамин. Однажды, когда я ехал на обезумевшем от страсти слоне, неукротимом в течке, меня увидела издалека через окно дочь живущего в этом же городе купца Шригарбхи, по имени Бандхудатта, молодая жена купца из Матхуры Варахадатты, жившая в доме своего отца. При виде меня в сердце ее родилось волнение, и она, желая встретиться со мной, послала свою верную подругу разыскать меня. И та, узнав о слепой страсти подруги и о ее желании, тайком привела меня в свой дом. Устроив меня там, она пошла к Бандхудатте и незаметно привела и ее, забывшую всякий стыд. И придя, та бросилась мне на шею, ибо для женщин единственный герой — все превосходящий бог любви. Так день за днем, уходя из дома отца, Бандхудатта наслаждалась со мной в доме подруги.

Однажды за ней приехал из Матхуры ее супруг, знатный купец, чтобы забрать ее домой, так как она долго оставалась в доме отца. И вот, когда супруг хотел с согласия отца увезти ее, Бандхудатта сказала подруге, знавшей ее тайну: «О подруга, супруг увезет меня в Матхуру, и я, конечно, не смогу жить там без Сомасвамина. Дай же мне какое-нибудь средство!» И подруга Сукхашая, которая была колдуньей-йогини,¹²⁷²¹ сказала: «Я знаю два заклинания: первое из них, если повязать на шею шнурок, тотчас превращает человека в обезьяну. Второе же, если снять шнурок, снова делает его человеком, причем пребывание обезьяной не лишает человека его разума. Поэтому, если ты хочешь, о прекраснобедрая, и если тебе мил Сомасвамин, то я сейчас же превращу его в детеныша обезьяны. И ты якобы для игры возьми его с собой в Матхуру. А я научу тебя обоим заклинаниям. Благодаря этому ты будешь иметь его рядом с собой в облике обезьяны, а в укромном месте ты получишь возлюбленного мужчину».

Выслушав это от подруги, Бандхудатта пригласила меня в тайное место

и, полная любви, поведала мне об этом. Получив от меня согласие, ее подруга Сукхашая привязала мне на шею шнурок и мгновенно превратила меня в детеныша обезьяны. В таком виде Бандхуатта принесла меня к своему супругу и объяснила, что подруга подарила ей обезьяну для развлечения. Он очень был доволен, увидев такую игрушку. А я, будучи обезьяной, сохранял свой разум и членораздельную речь. «О сколь забавны проделки женщин!» — так смеялся я в душе, хотя сам был смешон в таком состоянии. Ведь любовь кого угодно сделает смешным!

На другой день, выучившись у подруги заклинаниям, Бандхуатта вместе с супругом уехала из дома отца в Матхуру. По дороге супруг Бандхуатты велел одному из слуг нести меня на плече, желая этим проявить любезность по отношению к ней. Так мы, путешествуя все вместе, через три дня достигли расположенного на половине пути леса, кишевшего обезьянами. При виде меня полчища обезьян напали на нас со всех сторон, радостными криками созывая друг друга. Сбежавшись, неугомонные обезьяны стали кусать слугу, на плече которого я сидел. Перепуганный, он в страхе сбросил меня с плеча на землю и спасся бегством, а обезьяны схватили меня. Бандхуатта из любви ко мне и вместе с ней ее супруг стали избивать обезьян камнями и палками, но не смогли с ними справиться. Тогда обезьяны, словно разгневанные дурным обращением, стали вырывать у меня, потерявшего сознание, волосы и изодрали меня всего когтями. Наконец, благодаря помощи волшебного шнура и призывам к милостивому Шиве я освободился от обезьян и убежал от них.

Забравшись в глухую чащу, я скрылся с их глаз и, постепенно переходя из одного леса в другой, добрался до этой рощи. «Вот тебе, погубленному Бандхуаттой, плод связи с чужой женой — состояние обезьяны уже в этом рождении!» Так думал я, ослепший от горя, блуждая в сезон дождей. И вот недовольный Брахман послал мне еще одно несчастье. На меня вдруг налетела слониха и, схватив хоботом, сунула меня в грязь размытого дождевой водой муравейника. Без сомнения это была богиня, посланная судьбой, так как, несмотря на все усилия, я не был в состоянии выбраться из грязи. Утешаясь тем, что не умер, я без устали размышлял о Шиве и тем обрел высокую мудрость. И до тех пор, о друг, я не ощущал голода и жажды, пока ты сегодня не извлек меня из кучи засохшей грязи. Но хотя я и обрел высшую мудрость, я не в силах освободиться от этого облика. Лишь тогда я стану человеком, когда какая-нибудь йогини снимет с меня вместе с заклинанием этот шнурок. Вот моя история.

А теперь ты мне расскажи, о друг, как ты попал в этот недоступный лес и зачем?»

И Нишчаядатта поведал в ответ свою историю брахману Сомасвамину в облике обезьяны, как он из-за видьядхари ушел из Удджайини и был принесен сюда ночью якшини, которую он одолел своим мужеством. Выслушав эту необыкновенную историю, мудрый Сомасвамин в облике обезьяны сказал тогда Нишчаядатте: «Ты, как и я, испытал много страданий из-за женщины, но ведь в этом мире не бывают верны ни богатства, ни женщины. Как сумерки, они мгновенно меняют свою окраску; извилист их путь, как реки; им нельзя доверять, как змеям; они изменчивы, как молнии. Так и твоя видьядхари Анурагапара, хоть и охваченная страстью на мгновение, разочаруется в тебе, человеке, если встретит кого-нибудь из своего племени. Перестань же прилагать усилия ради женщины, она ведь подобна незрелому плоду, который, созрев, остается невкусным. Не ходи в город видьядхаров Пушкаравати, а, взобравшись на плечо якшини, отправляйся в Удджайини. Послушайся меня, о друг! Некогда охваченный страстью, я не послушался своего друга и вот мучаюсь теперь. Когда я был влюблен в Бандхудатту, мой близкий друг брахман, по имени Бхавашарман, удерживая меня, сказал: «О друг, не поддавайся власти женщины, ведь их поступки непостижимы! Послушай, я расскажу тебе, что произошло со мной.

РАССКАЗ БХАВАШАРМАНА

В Варанаси жила одна молодая брахманка, по имени Сомада, очень красивая и легкомысленная, втайне занимавшаяся колдовством. Волей судьбы у меня была с ней тайная связь, и чем дольше я с ней встречался, тем сильнее становилась моя любовь. Как-то я в гневе, приревновав, избил ее, и она, скрыв свой гнев, все перенесла. На следующий день она под видом любовной игры одела мне на шею шнурок, и я в тот же момент превратился в послушного быка. Затем она продала меня по сходной цене одному человеку, который кормился за счет обвезженных быков. Однажды меня, измученного и тяжело нагруженного, увидела сострадательная йогини, по имени Бандхамочини. Зная благодаря своим сверхъестественным способностям, что меня превратила в быка Сомада, она, когда хозяин не видел, сняла с меня шнурок. Тогда я превратился в человека, а хозяин, увидев это, решил, что я сбежал, и стал бродить повсюду в поисках. Но волею судьбы, когда я уходил вместе с Бандхамочини, меня увидела встретившаяся нам Сомада. пылая гневом, она обратилась к всезнающей Бандхамочини: «Зачем ты спасла этого

грешника из состояния животного? За такое дурное дело ты получишь по заслугам: я завтра утром убью тебя вместе с этим грешником!» После того как она так сказала и удалилась, йогини Бандхамочини, чтобы противостоять ей, попросила меня: «Чтобы убить меня, она завтра явится ко мне в виде черной лошади, я же приму вид рыжей лошади. И когда начнется наша битва, ударь ее в спину мечом не знающей промаха рукой. Так мы ее убьем. Приходи для этого утром в мой дом». С этими словами она показала мне свой дом. Когда она вошла в свой дом, я отправился к себе, испытав, таким образом, в одном этом рождении небывалые события многих рождений. На утро я с мечом в руке пришел в тот дом, и вскоре появилась Сомада в облике черной лошади. Бандхамочини приняла вид рыжей лошади, и они стали драться зубами и копытами. И, получив от меня удар мечом, низкая шакини^[273] была затем убита Бандхамочини. А я, избавленный от опасности, освобожденный из дурного состояния животного, никогда больше не помышлял о связи с женщиной.

Легкомыслие, жестокость и всякое колдовство — вот три порока женщин, повергающие в страх три мира. Зачем же ты гонишься за подругой колдуньи Бандхудаттой? Если у нее нет любви к мужу, как она может любить тебя?»

Но несмотря на все сказанное, я не послушался своего друга Бхавашармана и вот попал в такое положение.

Поэтому я говорю тебе, не тянись ты к своей Анурагапаре; встретив кого-либо из своего рода, она тотчас бросит тебя. Как пчела стремится все к новому и новому цветку, так и женщина — все к новому мужчине. И потому я скорблю о тебе, друг». Но слова Сомасвамина в облике обезьяны не дошли до сердца Нишчаядатты, переполненного страстью, и он сказал обезьяне: «Нет, она не погрешит против меня, ведь она родилась в чистом роде владыки видьядхаров!»

Пока они так разговаривали, вечернее солнце закатилось за гору Аста, словно спешило соединить Нишчаядатту с возлюбленной. И затем, после того как спустилась ночь, словно посланный вперед вестник, появилась перед ними якшини Шринготпадини. Забравшись к ней на плечо, Нишчаядатта попрощался с Сомасвамином, который сказал: «Не забывай меня!», и отправился к своей возлюбленной. Ночью он достиг расположенной на Снежной горе Пушкаравати, столицы владыки видьядхаров, отца Анурагапары. А Анурагапара, узнав при помощи своих сверхъестественных способностей о его приближении, вышла из города. «Вот идет твоя возлюбленная, услаждающая взор, как луна ночью! Теперь

я могу уйти», — сказала якшини, указывая на Анурагапару, и, спустив Нишчаядатту с плеч, удалилась.

Анурагапара, долго томимая желанием, встретила возлюбленного радостными объятиями. И он, радуясь встрече, достигнутой после стольких мучений, обнял ее, и они словно слились в одно тело. Став его женой по способу гандхарвов, Анурагапара своей волшебной силой создала город. В нем Нишчаядатта пребывал вместе с ней, не замеченный ее родителями, которым она своим волшебством закрыла глаза. По ее просьбе он рассказал ей о всех мучениях в пути, и она за это подарила ему еще больше наслаждений. Затем он поведал видьядхари историю о Сомасвамине, ставшем обезьяной, и сказал: «Если ты каким-нибудь образом освободишь моего друга из состояния животного, то этим, любимая, совершишь добрый поступок». Анурагапара ответила ему на это, что ей недоступны заклинания, известные йогини, но все же она спасет его, попросив свою подругу йогини Бхадрарупу. Услышав это, купеческий сын обрадовался и сказал своей возлюбленной: «Тогда давай отправимся сейчас в гости к моему другу». Анурагапара согласилась, и на следующий день Нишчаядатта вместе с ней по воздуху отправился в лес, где был его друг. Там, увидев своего друга в облике обезьяны и подойдя к нему вместе с возлюбленной, он поклонился ему и спросил о его состоянии. «Сегодня я совершенно счастлив, поскольку вижу тебя вместе с Анурагапарой!» — ответил Сомасвамин, выразив ему почтение и благословив его возлюбленную. И все уселись на прекрасном холме. Разговаривая о том, о сем, Нишчаядатта и его возлюбленная прежде всего заботились о Сомасвамине. Затем, попрощавшись с ним, Нишчаядатта в объятиях своей возлюбленной взлетел в небо и направился в ее дом.

На следующий день он снова сказал Анурагапаре: «Давай на минуту опять проведем моего друга-обезьяну». Но она ответила ему: «Сегодня ты лети один, я только научу тебя, как подниматься в небо и как опускаться». Тогда, научившись этим двум чудесным знаниям, Нишчаядатта по небу отправился к своему другу-обезьяне.

Между тем, пока они там вели долгие беседы, Анурагапара вышла из дому в сад. Когда она там сидела, к ней приблизился некий юноша видьядхара, летевший по небу, куда ему хотелось. Увидев ее, он попал под власть любви и своим чудесным знанием узнал, что она видьядхари, а ее муж — смертный. Она же, увидев подошедшего к ней красавца, наклонила голову и тотчас спросила его с любопытством: «Кто ты? Зачем пришел сюда?» Он ответил ей: «Узнай, о прекрасная, я — видьядхара, по имени Раджабханджана, наделенный мудростью и знанием. Едва увидев тебя, я

был побежден богом любви, о газелеокая, и я весь отдаюсь тебе. Так зачем тебе, о богиня, услаждать смертного с земли? Пока твой отец не знает, избери меня, равного тебе». Пока он так говорил, непостоянная сердцем Анурагапара бросала на него искоса кокетливые взгляды и думала: «Да, он мне подходит!» И затем, преисполнившись желания, она стала его женой, ибо чего остается ждать богу любви, если двое единомысленны в своих мыслях? И вот, когда видьядхара удалился, возвратился после посещения Сомасвамина Нишчаядатта. Но Анурагапара под предлогом головной боли не встретила его, когда он вернулся, страстными объятиями и прочими ласками. Честный же Нишчаядатта, ослепленный любовью, не зная, что это притворство, и действительно считая это болезнью, переживал целый день. А утром он, охваченный унынием, снова отправился к своему другу обезьяне Сомасвамину, взлетев в небо при помощи волшебного знания.

Когда он улетел, к Анурагапаре, чья страсть возросла после ночи, проведенной в разлуке, снова пришел влюбленный видьядхара, прошедший без нее бессонную ночь. Он обнял ее, и после того, как они удовлетворили свою страсть, его, утомленного, одолел сон. Анурагапара силой магического знания скрыла его, заснувшего в ее объятиях, и сама заснула, так как бодрствовала всю ночь.

Между тем Нишчаядатта прилетел к своему другу обезьяне, и тот после приветствия спросил его: «Почему я сегодня вижу тебя таким удрученным? Расскажи мне!» И Нишчаядатта ответил ему: «О друг мой! Анурагапара очень больна, и потому я так терзаюсь, ведь она для меня дороже жизни!» Тогда мудрый Сомасвамин сказал ему: «Пойди и, заключив ее сейчас, спящую, в свои объятия, принеси с помощью дарованного тебе ею знания по воздуху сюда ко мне. А я тебе покажу нечто очень удивительное».

Послушавшись своего друга, Нишчаядатта отправился по воздуху к Анурагапаре и легко поднял ее, сонную, на руки. Но он не увидел спящего на его груди видьядхару, так как она скрыла его магическим знанием. Взлетев в небо, он в одно мгновение доставил Анурагапару к своему другу Сомасвамину. И обладавший чудесным зрением Сомасвамин указал ему волшебное средство, при помощи которого он увидел в ее объятиях видьядхару. Когда он это увидел и воскликнул: «Да что же это такое?!», знающий истину Сомасвамин объяснил ему, в чем дело. Нишчаядатту охватил гнев, а видьядхара, любовник его жены, проснулся и, поднявшись в воздух, исчез. Тотчас проснулась и Анурагапара и, увидев, что ее тайна раскрыта, от стыда опустила голову. И тогда Нишчаядатта спросил со слезами на глазах: «Как же ты, злая, могла обмануть меня, поверившего в

тебя? Даже подвижную ртуть можно удержать в сосуде, но не сердце женщины!». Пока он так говорил, Анурагапара, ничего не отвечая и рыдая, взлетела в небо и отправилась к себе домой. И тогда Сомасвамин сказал Нишчаядатте: «Ты стремился к ней, несмотря на то что я тебя удерживал, и вот теперь ты раскаиваешься, пожиная горький плод своей пламенной страсти. Разве можно верить богатствам, молниям и женщинам? Но перестань мучиться и успокойся. Что должно случиться, того сам создатель не в силах отворотить». Выслушав обезьяну, Нишчаядатта оставил свою печаль и, отказавшись от земных желаний, обратился душой к Шиве.

И вот как-то, когда он жил в лесу вместе со своим другом обезьяной, к ним волей судьбы пришла подвижница, по имени Мокшада.^[274] Он поклонился ей, и она, посмотрев на него, спросила: «Как странно, что ты — человек, а друг твой — эта обезьяна!» Тогда Нишчаядатта рассказал ей свою историю и историю своего друга и смиренно попросил: «О госпожа! Если ты знаешь средство и заклинание, то освободи моего доброго друга от облика обезьяны!» В ответ на это она сняла с заклинанием шнурок, повязанный на обезьяне, и Сомасвамин, оставив облик обезьяны, снова, как прежде, стал человеком. Затем она, обладающая божественным могуществом, завершив свой подвиг на земле, исчезла, блеснув, как молния. А оба брахмана — Нишчаядатта и Сомасвамин — со временем достигли высочайшей цели.

РАССКАЗЫ О ГЛУПЦАХ (X.5)

Перевод И. Д. Серебрякова

УЛИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ

Был когда-то у одного богатого купца сын, и звали его Мугдхабуддхи.^[275] Поехал однажды Мугдхабуддхи торговать на остров Катаха^[276] и нагрузил корабль помимо всего прочего изрядным грузом сандалового дерева. Вот все товары он уже продал, а на сандал нет покупателя и нет! Никто в той стране знать не знал, слыхом не слыхал, для чего сандал употребляют.

Проведал он, что тамошние люди у дровосеков уголь покупают. Тогда обращает глупец весь сандал в уголь, сбывает его по цене угля и торжествующий возвращается домой. Всюду растрезвонил он, как умно с делами управился, и доставил тем народу потеху немалую.

КАК СЕЯТЬ ЖАРЕННЫЙ КУНЖУТ

Жил когда-то деревенщина, землепашеством занимался. Случилось ему отведать жареных кунжутных семян — очень они ему понравились. Решил он, что если такие семена посеешь, то и урожай такими же соберешь. Изжарил семян великое множество, посеял, как должно было, да ничего у него не возшло — все семена пропали. Вот народ над ним потешался!

ПУСТЬ ОГОНЬ И ВОДА ВМЕСТЕ БУДУТ

Во времена давние жил некий муж, туговатый на размышления. Вот однажды ночью подумалось ему: «Каждое утро для жертвы богам приходится бегать мне то за огнем, то за водой. Ежели я их в одно место помещу, то мне легко будет управляться и с тем и с другим». Так подумав, сунул он огонь в горшок с водой. Поутру встал — и огонь, глядит, погас, и вода негодная. Долго люди над ним потешались!

ЧУЖОЙ НОС НИКОМУ НЕ ГОДИТСЯ

Некогда где-то жил глупец Мудхамати.^{[\[277\]](#)} У его жены нос был приплюснутый, лепешкой, а у наставника его — нос длинный и тонкий. Посмотрел однажды Мудхамати на них обоих, и пришло ему на ум, что хорошо было бы нос наставника жене приставить, а нос жены наставнику прилепить. Как подумал, так и сделал. Да вот беда — носы-то он отрубил, только наставников нос к жениному лицу не пристаёт, да и женин к наставникову тоже не прирастает. Так-то он и жену и наставника без носов оставил!

СЫНОЧКА БЫ ПОВИДАТЬ

Жил в стародавние времена в каком-то лесу скотовод. Был он отчаянно глуп и безмерно богат. Многие мошенники, притворяясь друзьями, выманивали у него деньги немалые. Как-то раз они ему и говорят: «У купца, что в городе живет, дочь есть, и мы сговорили ее за тебя». Возрадовался он такой вести и дал им денег, да еще прибавил. Прошло несколько дней, снова они к нему приходят и говорят: «Все для свадьбы готово!» Он на радостях еще больше денег им отвалил. Вот еще какое-то время миновало, и они снова с благой вестью к нему спешат: «Сын у тебя родился!» Он уж от радости из себя выходит и все свое достояние мошенникам раздает. Взгрустнулось ему на другой день: «Сыночка бы повидать!» Слыша такое, люди все над ним, мошенниками до нитки обобраным, потешались: «Ну и глуп же ты, отец! Видно, от скотины своей ума понабрался!»

ЧУЖОЕ ДОБРО НЕ ВПРОК

Пахал крестьянин однажды землю и наткнулся на клад, состоявший из великих сокровищ. А нужно сказать, что воры похитили те сокровища у царя и зарыли их на поле. Взял мужик украшения и там же сразу жену свою нарядил. На голову — венец, на бедра — опоясок из камней драгоценных, на руки — браслеты, в уши — серьги. Расхвастался он своей находкой, а люди смекнули: «Видно, у царя украшения-то унес». Дошло об этом известие до царя, забрал он у крестьянина сокровища, а его отпустил — ведь тот недалекого ума человек.

КАК ТОРГОВАТЬ ХЛОПКОМ

Пошел глупец однажды хлопок продавать. Никто у него хлопка не покупал, говорили, грязный, мол, хлопок-то. Увидел он, как некто пришел к золотых дел мастеру и попросил проверить, чистое ли золото куплено. Мастер бросил золото в огонь и сказал, что оно доподлинно чистое. Обрадовался торговец хлопком и, желая показать свой товар чистым, бросил весь хлопок, им привезенный, в огонь. Все люди, на базаре бывшие, смеялись над ним до упаду.

КАК ФИНИКИ СОБИРАТЬ

Собрали однажды советники царские со всей деревни глупцов и передали им волю повелителя — фиников тому захотелось. Видят многомудрые — сухая лежит финиковая пальма. С лежачей-то легче финики обирать. Вот повалили они все финиковые пальмы в деревне и обобрали финики до последнего. Стали они поднимать деревья, да ни одно расти не захотело. Когда смекнул царь в чем дело, то наказал глупцов по заслугам — и за финики, ими принесенные, и за то, что старались деревья снова поставить.

СОЛЬ ВСЕГО ВКУСНЕЕ

Жил во времена давние в глухой деревне некий глупец. Однажды пригласил его к себе в гости приятель, живший в городе, и попотчевал яствами разнообразными — и сладкими и солеными. Спрашивает друга деревенский житель: «Отчего они такие вкусные?» Отвечает ему друг: «Больше всего от соли». Он тогда восклицает радостно: «Вот ее-то я и поем!», хватает целую горсть мелкой соли, сыплет себе в рот и начинает жевать, обсыпая себе и губы и бороду. Посмеялись над ним люди, увидев, как его лицо побелело!

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ РАССКАЗОВ ВЕТАЛЫ

Рецензия Шивадасы

перевод Р. О. Шор (переводы стихов О. Б. Румера)

НЕВЕРНОСТЬ МУЖА И НЕВЕРНОСТЬ ЖЕНЫ (3)

И вот царь опять туда пошел; и когда он пошел по дороге, мертвеца на плечи взвалив, тот сказочку начал. Ветала сказал: «О царь, послушай! Сказку пока расскажу.

Есть город по имени Бхогавати. Там царь, по имени Рупасена. У него в белом дворце был попугай, по имени Видагдхачудамани. И царь его спросил: «О попугай, что ты знаешь?» Он сказал: «Божественный, все я знаю». Царь сказал: «Если знаешь, то скажи: где супруга мне по сердцу?» Попугай сказал: «О божественный, в стране Магадха — царь, по имени Магадхешвара. У него дочь, по имени Сурасундари. Она твоей супругой будет».

Дочь владыки Магадхи в своем тереме пребывала; сороку ⁽²⁷⁸⁾ свою, по имени Маданаманджари, она спросила: «Птица, скажи: где супруг мне по сердцу?» Сорока сказала: «О божественная, есть город по имени Бхогавати. Там — царь, по имени Рупасена. Он твоим супругом будет». Когда это услышала дева, зародилась в ней скорбь разлуки.

Пока это происходило, послы Рупасены к владыке Магадхи пришли его дочь сватать. Советник, ведающий союзами и войнами, в час царского приема к царю их ввел. Послы дочь его посватали. И он ее отдал. Тут, при благоприятном стечении созвездий, Рупасена, прибыв, взял ее в жены. С сорокой своей Маданаманджари она в его царство отправилась. Царь Рупасена самку в клетку попугая Видагдхачудамани посадил.

Видя сороку столь прекрасной, попугай, изнемогая от любви, сказал: «Ах, милая, насладимся любовью в пору быстротечной юности! В этой жизни для всех тварей это ведь лучшее наслаждение.

Цветок и плод милей, чем куст; чем сухари, милее жир;
Вкуснее масло молока; любовь ценней всех благ земных.

Уныло молодости дни текут, о скромница, у той,
Что не познала от мужей искусных сладости любви».

Сорока сказала: «Я желания мужчины не исполню». Попугай сказал: «По какой причине?» Сорока сказала: «Мужчины — женщин худшие обидчики». Попугай сказал: «А женщины — распутницы, лжеречивые, мужчин губительницы».

Нрав женский от природы лжив, стяжателен, притворен, пуст,
Всегда на дерзости готов, к распутству склонен и жесток».

Услышав их спор, царь молвил: «Эй, расскажите причину ссоры!» Сорока сказала: «Божественный, мужчины — худшие обидчики женщин. По той причине желания мужчины я не исполню. Божественный, к тому сказочка есть!

СКАЗКА СОРОКИ

Элапура^[279] по имени город. Там именитый купец, по имени Махадхана. У него сын, по имени Дханакшая.^[280] Он взял в жены дочь именитого купца в городе Пуньявардхана.^[281] Прошло время, и отец его умер. Дханакшая все добро и дом в кости проиграл. И он в дом тестя взять жену пошел.^[282] Несколько дней там провел и, взяв жену с ее украшениями, пошел по дороге в свой город.

Пройдя полпути, сказал: «Ах, милая, здесь очень опасно. Сними свои украшения и мне дай». Она украшения сняла и мужу вручила. А он ее украшения и одежду забрал, в заглохший колодец ее сбросил и ушел. Какие-то путники ее стоны слышали, к колодцу подошли и, плачущую увидя, из колодца ее вытащили и на дороге отпустили. А она пошла по дороге и, возвратясь, к дому отца пришла.

Родные ее спросили: «Почему ты вернулась?» Она сказала: «Моего мужа по дороге разбойники увели. И мои украшения они взяли. Потому, убежав, я вернулась». Эту речь услыша, тесть скорби предался; потом дочь утешать стал.

Когда несколько дней прошло, Дханакшая опять в дом тестя пришел. Когда он в дверь входил, жена его увидела. Ее увидел и подумал: «Ее я в колодец бросил, как же она здесь?» Страх овладел его мыслями. Супруга сказала: «Господин мой, не бойтесь». Так сказав, в дом его ввела. Тесть и вся семья ликовали. И празднество устроили. Проведя там несколько дней, жену, уснувшую на ложе, убил и, ее украшения захватив, в свой город пошел. Ах, царь, это своими глазами я видела! Нет в мужчинах никакого проку». Попугай молвил:

Средь вод, металлов и дерев, среди коней, среди слонов,
Средь тканей, женщин и мужчин разнообразие царит

Средь ткачей, женщин и мужчин разнообразие царит.

Это услыша, царь попугая спросил: «Эй, попугай, Расскажи-ка ты о пороках женщин!» Попугай сказал: «Слушай, великий царь!

СКАЗКА ПОПУГАЯ

Есть город, по имени Канчанапура. Там — именитый купец, по имени Сагарадатта. У него сын, по имени Шридатта. Он взял в жены дочь именитого купца Самудрадатты в городе Шрипура. Сочетавшись с ней браком, с ней в свой город отправился. Через несколько дней девушка в дом отца своего вернулась. А Шридатта продажные товары взял и торговать за море поехал. Там несколько времени оставался. А она в доме отца оставалась, созревшая и цветущая юностью. Сказано ведь:

И некрасивый в цвете лет не вовсе прелести лишен;
Ведь сладость даже нимбы ^[283] плод в себе хранит, когда созрел.

Она, сидя на кровле дома, смотрела на царскую дорогу. ^[284] Раз увидела молодого человека. Стали они бросать друг на друга любовные взгляды. Она своей подруге сказала: «Человека этого ко мне приведи». Это услыша, та, к нему пойдя, сказала: «Человече, эй, воплощение бога любви! Именитого купца Самудрадатты дочь с тобой наедине повидаться желает». Ответил он: «Ночью в твой дом приду».

Когда проходит, умощен, пред женщиной красивый муж,
Ее, как лотос на реке, желанья влага вдруг зальет.

Горшок кипящий — женский пол, горящий уголь — пол мужской:
Коль уголь попадет в горшок, тот перельется через край.

В доме плетельщицы венков — ее подруги — сошлись они вдвоем. Друг к другу любовью воспылали. На другой день законный муж навестить жену в дом тестя пришел. Увидя пришедшего супруга, она задумалась:

Что делать мне? Бежать куда? Защиты у кого искать?
Мне голод, жажда нипочем, мне зной и холод не страшны.

Все подруге рассказала:

Необузданность в людных сборищах, снисходительность супруга, с мужчинами вольное обращение, пребывание вдали от родного очага на чужбине, ссоры с мужем, дружба с распутницей, зависть — таковы причины гибели женщины.

Муж, поужинав, в спальне уснул. А ее мать силой к супругу привела.

Она пришла туда и, отвернувшись, заснула. Чем больше супруг ей ласковых слов говорит, тем больше ее зло берет. Так, отвернувшись, на ложе оставалась.

Ибо:

В ком страсть кипит, тот на шелках томится, сна не находя;
А тот, кто утолил ее, заснет на камне и шипах.

И вот она, зная, что супруга одолел сон, тихо-тихо с ложа встала и к месту свидания в полночь пошла. И когда она шла, ее вор увидел. И подумал вор: «Она в дорогом уборе куда идет?» Так подумав, за ней последовал.

Ибо:

Жену, которая спешит из дома мужа убежать,
Чтобы блудить на стороне, «распутницей» мы назовем.

Ту деву, что в урочный час не застает на месте
Любимого, который так изнемогал от страсти
И столько раз ее молил чрез вестницу о встрече,
Ученый Бхарата ⁽²⁸⁵⁾ зовет «отвергнутой влюбленной».

Ту деву, чей любовный пыл не ведает границ
И что, прихода вестницы не в силах ждать, бежит
Прильнуть, томясь желанием, к возлюбленным устам,
«Спешащей на свидание» назвали мудрецы.

А милого ее в месте свидания царские люди, решив: «Вор это», поразили, и он умер.

Коль сомневаешься, свиданье ли избрать, разлуку ли,
то избери разлуку:
В свиданье милая твоя одна с тобой; в разлуке ж — весь
троичный мир ⁽²⁸⁶⁾ нетленный.

А она, терзаемая разлукой, мертвого обняла. «Мертвый он», — того не ведает. Мастями, бетелем и прочим его одарила. Снова и снова нежно лицо его лобызает. А вор, стоя в отдалении, все случившееся видит. И подумал:

«У той, которую люблю, ко мне приязни нет;
Другой ей дорог, а того совсем к другой влечет;
Еще другая день и ночь тоскует обо мне;
Гром разрази обеих дев, его, меня, любовь!»

Пока это происходило, якша, взобравшийся на находившуюся там смоковницу, подумал: «Я в тело этого мертвеца вселюсь и ее любовь вкушу». Насладясь, ей нос зубами откусил и ушел злой дух. Она с членами, перепачканными кровью, к подруге пошла и все случившееся рассказала. Подруга сказала: «Пока солнце не взошло, к законному супругу пойдя, с тяжкими стонами рыдай и кричи: «Он меня так искалечил!» Это услыша, она тотчас туда пошла и с тяжкими стонами рыдать принялась. Этот стон услыша, родные сбежались; смотрят — ее с отрезанным носом видят. Они сказали: «Ах, бесстыжий злодей, ах, кровопийца, невинной дочери нашей зачем ты нос отрезал? Чем она провинилась?» Зять задумался. Он сказал:

Умней довериться змее, вооруженному врагу,
Словам того, кто волей слаб, чем нраву женщины любой.

Чего не сочинит поэт? Чего ворона не сожрет?
Чего не скажет тот, кто пьян? Чего не сделает жена?

Коней горячий бег и гром весенний,
Повадки женщин и пути судьбины,
Срок дней засушливых и грозных ливней
Богам загадочны, — подавно людям.

Они, на царский двор пойдя, зятя привели. Царские люди приговор вынесли: «Казнить этого человека». Когда на место казни его вели, вор пришел и сказал: «Ох, царские люди, не казните этого человека!» Так сказав, все случившееся им по правде рассказал. Блюстители закона, по справедливости рассудив, зятя отпустили.

Благонадежных защищать и злоумышленных карать —
Заслуга высшая царя на этом свете и на том.

Охраной подданных своих себе готовит счастье царь,
Пренебреженьем к ним себя на вечный обрекает ад.

Огня их мук не угасить, пока не будут сожжены
Дотла и жизнь, и род царя, и все сокровища его.

А женщину, на осла посадив, из родного города изгнали». Эту сказочку рассказав, Видагдхачудамани-попугай сказал: «О божественный, таковы женщины!»

Тут оба птичий облик свой внезапно сбросили с себя
И к дому тридцати богов, став видьядхарами, взвились».

Эту сказочку рассказав, Ветала молвил: «О царь, скажи: кто больше виноват?» Царь Викрамасена сказал:

«Считаю, что во всем винить должны мы женщин, не мужчин.
Мужчину на добро и зло подвигнет женщина всегда.

Больше зла в женщинах, а мужчина редко преступником бывает». Это услыша, исчез Ветала. И там на ветке дерева-шиншипа^[287] повис.

ВЕЛИКОДУШНЫЙ РАЗБОЙНИК (9)

И царь снова туда же пошел, с дерева-шиншипа мертвеца на плечи взвалил; и когда он по дороге пошел, тот сказку начал. Ветала сказал:

«Есть город по имени Маданапура, Там царь по имени Маданавира. Там и купец по имени Хираньядатта. У него дочь по имени Маданасена. И она весенней порой с подругами в рощу играть пошла. А туда купец, сын Сомадатты, по имени Дхармадатта, с другом пришел. Ее увидя, затрепетал он: «Ежели эта моей супругой станет, то моя жизнь плодоносна». Так, терзаясь скорбью разлуки, ночь провел; поутру туда же в рощу пришел и ее одну-одинешеньку там увидел. Ее схватив за правую руку, сказал: «Ежели ты моей супругой не станешь, то я из-за тебя жизни лишусь. Сказано ведь:

О девушка, твое чело сверкает молниями стрел.
Кому готовишь гибель ты, напрягши тетиву бровей?

Искусства Манматхи никто из лучников не превзошел:
Телам не нанося вреда, он дух разит, живущий в них».

Она сказала: «Сын Амадатты, купец, через четыре дня меня в жены возьмет». Он сказал: «Силой тобой овладею». Она сказала: «Не делай так! Девушка я, тебе грех будет.

Того, чего стыдится люд, что опозорить может род,
Не сделает достойный муж, хотя б в гортань вступила жизнь».

Он сказал:

«Нет разве в небе дивных дев, как лотос, синеоких,
Что полюбил великий бог отшельницу Ахалью?»^[288]

Когда от страсти шалашом соломенным пылает сердце, —
Что можно, что запрещено, неясно даже мудрым».

Она сказала: «Ежели так, то подожди. На пятый день моя свадьба

будет. Когда повенчана буду, сперва с тобой, к тебе придя, потом с супругом наслаждение любви вкушу. В этом клятву приношу». И он в свой дом пошел.

На пятый день свадьбу сыграли. Когда ее повенчали и ночью ее супруг обнять хотел, она его удержала. Муж сказал: «По какой причине ты меня не хочешь?» Она сказала: «Выслушай мое слово!» Все, что случилось, когда была девушкой, как помнила, так все супругу поведала. Супруг сказал: «Ежели справедливо это, то к нему ступай».

Когда она шла, то по пути ее разбойник увидел. Ее увидя, возликовал разбойник и подумал: «Ее украшения заберу». Разбойник сказал:

«Куда ты в полночь темную, красавица, спешишь?» —
«Туда, где ненаглядный мой возлюбленный живет», —
«Одна ты одинешенька, — как не боишься ты?» —
«Небесный лучник Мадана^[289] со мною путь вершит».

Разбойнику все случившееся она поведала. И разбойник ее отпустил: «Как ее любовную радость нарушу?»

Пришла она туда, где в опочивальне Дхармадатта спал. Он молвил:

Ты якшини иль гандхарви, аскета дочь иль дева гор,
Ночное ль наважденье ты иль Дурга^[290] светлая сама?
Земною женщиной на свет иль апсарой ты рождена?
Кто ты, чудесная, скажи! Откуда ты пришла сюда?

Она сказала: «Хираньядатты дочь, Маданасена я, та, которую ты в лесу силой захватил, которая клятву принесла, — это я, сегодня меня повенчали, и к тебе я пришла. Что тебе угодно, то делай». Он сказал: «То, что случилось, законному супругу поведала?» Она сказала: «Я все поведала». Он сказал:

«Соединенье без любви — без масла пища, без одежд
Все украшения земли или без голоса напев.

Но гибель женщины несут равно в любви и в нелюбви:
Любовь их разоряет нас, а холодность нам губит жизнь.

Все то, что непотребно, все, что безрассудно и грешно,
От женщин можно испытать. Где страх, там наслажденья нет.

Их внешность возбуждает страсть, внутри ж у них —
смертельный яд.

Они природою своей подобны ягодам гунджи.^[291]

С тобою говоря, они к другому обращают взор,
А третий на уме у них. Пойми тут, кто их сердцу мил.

Что на сердце, о том молчат, а что и выскажет язык,
Того не делают. Увы, загадочны повадки их!

Из этих демонов любой притворным трепетом ресниц
Ученого перехитрит, что посвящение получил.

Творец для нас установил четыре средства ^[292] иль пути,
Нет пятого, которым мы могли бы женщин побеждать.

Чего больше? Я чужую супругу не заставлю себе угождать». Это услыша, ушла она и разбойнику все случившееся поведала. А разбойник, похвалив ее, с украшениями отпустил; пошла она к супругу, все случившееся поведала, с нежностью его обняла. Сказано ведь:

У кокил ^[293] голос — красота, у женщин — верная любовь,
У некрасивых — знаний клад, а у аскета — сильный дух».

Эту сказочку рассказав, Ветала молвил:

«О царь, скажи! Из них троих кто более добродетельный?» Царь Викрамасена молвил: «Разбойник самый добродетельный». Ветала молвил: «По какой причине?» Царь молвил: «Узнав, что она о другом помышляет, отпустил ее муж. Из страха царева наказания отпустил ее чужой человек. А у разбойника никакого побуждения поступить хорошо нет. По той причине разбойник выше всех».

Это услыша, исчез Ветала и там же на ветви дерева-шиншипа повис.

ЧУДЕСНЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ (14)

И царь снова туда пошел, с дерева-шиншипа мертвеца снял, на плечи взвалил; и когда он по дороге пошел, тот сказочку начал: «О царь, послушай, сказочку пока расскажу».

Ветала молвил:

«Есть город по имени Кусумавати.^[294] Там — царь по имени Сувичара. У него дочь по имени Чандрапрабха. Она возраста невесты — юности достигла. Раз весенней порой в садовую рощу она с подругами цветы собирать пошла. А туда молодой брахман по имени Ваманасвамин пришел. Он ее увидел, она его увидала. Друг на друга стали украдкой любовные взгляды бросать. И дочь царя, скорбью разлуки терзаемая, с великим трудом в свое жилище пошла. А брахман, любовью плененный, там и упал. Себя не помнит.

В это время два мошенника, Шашин и Муладева, мимо проходили. Муладева упавшего брахмана увидел. Его увидя, Муладева молвил: «Эй, Шашин! Что такое с брахманом? Посмотри! Сказано ведь:

Ученый даже муж, чей дух наукой закален, невольно голову теряет,
Когда его пронзит стрела из глаз, подобных лотосам цветущим.

До той поры быть может муж и целомудренным и стойким,
Стоять на праведной стезе, свои обуздывая чувства.
Пока не полетят в него, как стрелы, взоры дев нескромных,
Сорвавшись с тетивы бровей из-под ресниц, густых и черных».

Муладева молвил: «Эй, брахман! Как ты в такое состояние впал? Причину того расскажи». Ваманасвамин молвил:

«Делиться горем надо с тем, кто от него избавить может.
Что поверять его тому, кто помощь оказать бессилен?

К чему же расспрашивать? Причина моего горя — большая причина. Ежели милость оказать желаешь, то дерева для погребального костра достань. Чего еще?» Муладева молвил: «О брахман, поспешно не поступай! Все же причину скорби мне поведай, твою скорбь уничтожу». Ваманасвамин молвил: «К царской дочери во мне любовь зародилась. Ежели с ней любовного наслаждения не вкушу, то в огонь брошусь». Муладева молвил: «Я тебе много золота дам. С царскою дочерью что делать будешь? Таких много женщин наберется. Так поступать не подобает!» Ваманасвамин молвил:

«Какую радость можешь ты с усладой женскою сравнить?
Всем вожделениям покой дает она в единый миг.

Средь яств прекрасней масла нет, а жертвенное выше всех.
Цель всякой жертвы — рай, а там нет лучше женщин ничего.

Ценнее женщин не найти богатств, сокровищ на земле,
Мы ради женщин жаждем благ; без них богатство — звук пустой.

О сладострастия сосуд, о наслаждения утес,
О полный нектара кувшин! Кто создал, женщина, тебя?

К достатку нас ведет добро, достаток к радостям ведет,
А радость высшую из всех дает нам женская любовь.

Кто никогда не обнимал красавицу, чей строен стан,
Чей взор — как шириши ^[295] цветок, чьи руки, словно пух, нежны,

Чей лотосу подобен лик, чьи груди круглые крепки,
Тот прожил даром эту жизнь, тому богатство ни к чему;

Кто не испил из милых уст напитка сладкого любви,
Тот может быть уподоблен тупому разумом скоту».

Муладева молвил: «Если так, то встань! Эй, брахман! Отдам я тебе царскую дочь». Муладева волшебный шарик в рот его сунул: двенадцатилетней чрезмерно прекрасной девой он стал. Второй шарик в свой рот сунул: старым брахманом он стал. Девушку за руку взяв, Муладева в царский дворец пошел. Царю пред очи он предстал. И царь ему сиденье предложил. Брахман благословение произнес:

«Кто миром сим троичным овладел, обличье карлика приняв,
Кто обезьянам мост из скал чрез море перекинуть повелел,
Кто для коровы укрепил на длани страшного владыку гор, —
Испытаннейший бог земли да охраняет жизнь твою всегда!» ^[296]

Царь молвил: «Эй, брахман, откуда пришел?» Брахман молвил: «Божественный! На берегу Ганга живу, там моя супруга осталась. Сын у нас один — шестнадцати лет. Тут моя супруга сказала: «О, брахман, сына жени». Тогда я к моим родным в дом девушку посватать пошел. Но сыну под стать девушки не нашел. И вот я, по далеким странам бродя, эту деву добыл и к сыну пришел. Тогда мой сын, придя, эту девушку в жены взял. Потом с ней вместе в свое селение пошел. Несколько дней там ее продержав, вернулся опять и жену в дом матери отослал. Когда прошли

четыре месяца, моя супруга сказала: «О брахман, по обычаю невестку приведи». Тогда я невестку привести пошел. Как я, невестку получив, в свой дом прихожу, — на селение набег был, моя супруга с сыном не знаю куда ушли. А селение все разорено. Тут: «Слишком красива сына жена, — молвил я, — никуда идти не могу». По той причине, пока супругу и сына искать буду, невестку усердно побереги; когда вернусь, ее отдай».

Царь подумал: «Если наставление брахмана не исполню, то проклянет он меня». Прекрасную деву видя, царь молвил: «Наставление ваше, господин мой, — приказ». Тогда брахман, невестку оставив, ушел. Царь, свою дочь призвав, молвил: «Дочь, эту невестку брахмана в своем дворце усердно стереги, при трапезе и на ложе от себя не отпускай». Это услыша, царская дочь невестку брахмана за руку взяла и в свой дворец повела. Ночью они оба, на одном ложе лежа, друг с другом беседу повели. Та, что носила образ девы, молвила: «Ах, царевна, подружка, почему пусто сердце твое, исхудали члены? В твоём сердце какая печаль?»

Царская дочь молвила:

«Где друга нам найти, чтоб можно было сердца скорбь ему поведать?
Уж к горлу поднялась она. И вот из горла вновь уходит в сердце.

Немного в мире добрых душ, которые о низших братьях помнят,
Пекутся о судьбе других и не чуждаются чужого горя.

Коль милого ты обретешь, исполненного нежности и ласки,
С ним вместе обретешь еще троих: владыку неба, друга, Гангу.

Мне жизни, Шива, не давай, а если дашь, то не в людском обличье,
А дашь в людском, то без любви, прошу; с любовью дашь, —
то без разлуки.

К чему говорить больше? Раз я с подругами в дворцовую рощу поиграть пошла. И там молодого брахмана, чрезвычайно прекрасного, подобного богу любви, я увидела. Стали мы бросать друг на друга украдкой любовные взгляды. Но города его и имени не знаю. С того дня тело мое такой вид приняло. Ежели он моим супругом будет, то я буду жить. По той причине пусто сердце мое и члены истощены». Это услыша, та, что носила образ девы, сказала: «Ежели я тебе твоего милого покажу, тогда что мне дашь?» Царская дочь сказала: «Всегда твоей рабой буду». Тогда он изо рта шарик вытащил и брахманом стал. Милого увидя, она застыдилась. С ним она любовью насладилась. Так каждую ночь, став мужчиной, он с ней любовью наслаждался, днем девушкой становился.

Когда шесть месяцев прошло, царская дочь затяжелела.

Однажды советник царя со свитой в свой дом пригласил. И царская дочь с той, что носила образ девы, трапезу разделить пришла. И там сын советника невестку брахмана увидел. Ее красоту увидя, сын советника молвил: «Ежели она моей супругой не будет, то я умру». Терзаемый разлукой, десятую ступень любовной страсти¹²⁹⁸¹ переживал, все приключившееся другу рассказал, друг советнику сообщил, советник царю поведал: «Божественный, эту невестку брахмана сыну моему отдай!» Царь молвил: «Такого закона нет, чтобы жену одного другому отдать!» Это услыша, другие знатные люди царю сказали: «Божественный, сын советника умереть решил, видно. Когда сын умрет, советник умрет. Когда советник умрет, царство погибнет. Божественный, непременно невестку брахмана отдай!» Это услыша, царь, невестку брахмана призвав, молвил: «Ты за сына советника замуж выходи». Она сказала: «Божественный, такого закона нет; уже повенчана я». Царь молвил: «Все же царство спаси, в дом сына советника ступай». Она молвила: «Божественный, если меня неизбежно сыну советника надлежит отдать, то пусть он мое слово исполнит: меня в жены взяв, длящееся шесть месяцев паломничество по святым водам пусть совершит, потом со мной любовью наслаждается». Обещал сын советника. Тогда ее замуж выдали. И вот сын советника первую супругу призвав, молвил: «Пока я паломничества по святым водам не совершу и не вернусь, вы обе на одном ложе оставайтесь, друг с другом дружбу водите, в чужой дом не ходите». Такое наставление дал и в паломничество ушел.

Ночью обе супруги, на одном ложе лежа, друг с другом совет держать стали. Первая супруга сказала: «Подруга, страсть меня томит, а из дому выйти не смею. А здесь мужчины нет. Молодость меня мучит. Подруга, а ты-то какой грех совершила, что волей судьбы ко мне приведена? Ты ведь сестра по несчастью будешь». Та, что носила образ женщины, молвила: «Если тебе угодно, то я, мужчиной став, тебе любви утеху дам». Та сказала: «Что ты меня обманываешь?» А эта изо рта шарик вынула, мужчиной стала, с нею любовью наслаждалась. Так днем девой была, ночью, мужчиной став, любовью наслаждалась. Меж ними приязнь зародилась.

Чего больше? Когда шесть месяцев прошли, сын советника вернулся. Жены друг с другом поразмыслили: «Пришел этот негодный советника сын. Как мы любовью утешаться станем?» Той, что образ жены носила, одна мысль пришла: «Пока люди заняты амулетами для празднества в честь возвращения сына советника, я мужчиной стану. К Муладеве пойду и

все приключившееся поведая». Так рассудив, мужчиной став, туда пошел, все приключившееся мошеннику Муладеве поведал. Это услышав, Муладева старого брахмана облик принял, а Шашина в шестнадцатилетнего юношу превратил. За руку взял его и в царский дворец пошел.

Царю пред очи он явился, благословение дал. А царь сидение приказал дать и о здоровье спросил. Тот молвил: «Милостью богов здоровы». Царь молвил: «О жрец, кто этот юный ученик?» Брахман сказал: «Божественный, мой сын это. Его жена в твою, господин, руку передана; ее отдай». Царь сказал: «Ох, брахман, мне милость окажи, выслушай!» Царь ранее приключившееся поведал. Брахман притворно разгневался: «Ох, царь! Разве подобное дело бывает? Как ты моего сына жену за другого выдал? На тебя заклятье наложу!» Царь молвил: «О брахман, не гневайся! Что ты ни прикажешь, тебе я дам». Тот сказал: «Ежели мое желание исполнишь, то дочь свою за моего сына выдашь». Тогда царь, с вельможами поразмыслив, из страха проклятия дочь свою брахману отдал. Шашин-мошенник при всем народе ее в жены взял. Царскую дочь взяв, Шашин и Муладева в свое жилище пошли.

Туда же Ваманасвамин-брахман пришел. Друг с другом ссору затеяли. Шашин-мошенник говорит: «Эта царевна моя супруга». Ваманасвамин-брахман говорит: «Она от меня тяжелая, по той причине моя жена это». Их спора Муладева разрешить не может».

Эту сказочку рассказав, Ветала молвил: «О царь, скажи! Она чья жена?» Царь Викрамасена молвил: «Шашина-мошенника жена она». Ветала молвил: «От брахмана тяжелая она. Как же она не брахмана жена?» Царь молвил: «Брахман под чужим обликом к ней проник. Шашин-мошенник ее в жены взял при всем народе. Сыном ли, дочерью ли она тяжелая, — Шашина-мошенника как предка рисовым пирогом и водой ^[299] дитя поминать будет».

Это услыша, ушел Ветала и на ветви дерева-шиншипа повис.

ЦАРЬ И СУПРУГА ЕГО ВОЕНАЧАЛЬНИКА (16)

И царь снова туда же пошел. С дерева-шиншипа мертвеца на плечи взвалил; и когда он по дороге пошел, тот сказочку начал. Ветала молвил: «О царь, послушай: сказку пока расскажу.

Есть город по имени Виджаяпура. ^[300] Там царь по имени Дхармашила ^[301] и именитый купец по имени Ратнадатта. У него — дочь, по имени Унмадини. ^[302] Кто ее увидит, тот от любви обезумеет. И та Унмадини юная

заневестилаась. Именитый купец царю поведал: «Божественный, в доме моем — дочь-сокровище. Ежели божественному угодно, пусть возьмет ее. Не то кому другому отдам». Это услыша, царь знатных людей — в приметах знатоков — послал, чтобы счастливые ее приметы обследовать. И вот они, придя, увидели ее. Ее красой все поражены.

Глаза ее отверсты, лик сияет ярче, чем луна.
Из ожерелия Любви два камня — уши у нее.

Цветку сезама тонкий нос подобен, луку Камы — бровь,
Красней коралла нежный рот, а зубы жемчугом горят.

Сплетение ее волос нарядно, как павлиний хвост,
Три ряда раковин блестят вокруг шеи дивной красоты.

Побеги крепкие лиан — две белые ее руки;
Как розы, алы кисти рук в оправе пурпурных ногтей.

Грудь — словно пара куполов, с ложбиной сладкой между них
Иль разделенная едва чертой пернатая чета.

Ты пальцами охватишь стан, так несравненно тонок он,
А что сказать о животе с округлой выемкой пупка?

От верхних складок живота тропой спускается пушок,
И словно лотос красотой сверкает между чресел дол.

Плод бимбы^{303} — каждое бедро, для Манматхи^{304} чудесный храм,
А икры — два платана, к ним все вожеления летят.

Две розоперстые ступни — цветы жасминовых кустов;
На каждой каплями росы сверкает по пяти ногтей.

Двух стройных ног не отличишь от пары лотосов прямых.
Так в этой женщине сошлись счастливые приметы все.

Подобную красоту увидя, они все друг с другом размышлять стали: «Ежели царь ее в жены возьмет, то к ней всеми помыслами прилепится, о царстве помышлять не станет». Так рассудив, к царю пошли и так поведали: «Божественный, нет счастливых примет у той девы, божественному она не пара». Это услыша, царь сказал: «Я дочери твоей в жены не возьму». Это выслушав, именитый купец за военачальника Баладхару дочь свою выдал. Тот, придя, ее в жены взял. А Унмадини в доме военачальника в гневе пребывала, помышляя: «Отверг меня царь, сказав: «Бессчастливая она»».

Вот однажды во дворцовый сад вышел царь, и царь по воле судьбы ее, стоявшую на кровле своего жилища, увидел. Ее увидя, затрепетал царь: «Это богиня или дочь человека?»

Когда размышлял так, под власть бога любви подпал. С великим трудом в сверкающий белизной дворец вернулся. И ночью в теле царя тяжкая боль зародилась. Тогда постельничий царский молвил: «Божественный, в твоём теле какая боль?» Царь молвил: «Ох, постельничий, сегодня, когда в дворцовый сад я вышел, на кровле чьего-то дома увидел богиню — или женщину, или видьядхари, или апсару, чрезмерно прекрасную. При виде ее любовное безумие мной овладело». Тогда постельничий молвил: «Божественный, то не богиня, то именитого купца Ратнадатты дочь, по имени Унмадини, которую божественный в жены не взял, промолвив: «Бессчастливая она». Она за военачальником Баладхарой замужем». Царь молвил: «Обманули меня знатоки примет, почтенные люди».

Царь их призвал. Молвил царь: «Эх, праведные люди, обманули вы, почтенные, меня. Бессчастной называли вы ту деву, а она блистает всеми членами, богиня из рая воплощенная. Среди дев земных подобной красоты не бывает». Это услышав, знатоки примет молвили: «Что божественный говорит, то правда. Но есть причина, что божественному ее бессчастной называли».

Тогда, узнав, что царем овладела любовь, Баладхара-военачальник, придя, царю поведал: «Божественного раб — я, а моя рабыня — та, из-за кого любовная страсть божественным овладела. Владыка, приказ отдай, чтобы ее привести». Это услыша, разгневанный царь молвил: «Есть ли закон для добродетельного — сходиться с чужой женой? Сказано ведь:

Кому добро чужое — прах, жена чужая — словно мать,
Чужие души — как своя, у тех не затуманен взор.

Наставник учит добрых, царь дает уроки злым, но тех,
Кто втайне совершает грех, лишь Яма^[305] может научить».

Военачальник молвил: «Я божественному рабыню отдал, как же она — чужая жена?» Царь молвил: «Что людям запрещено, того не подобает делать». Военачальник молвил: «Божественный, тогда в храм ее введу, блудницей сделаю и к тебе приведу». Царь сказал: «Если добродетельную супругу блудницей сделаешь, то я тебя накажу». Так сказав, царь, об Унмадини помышляя, от любви в десятую стадию впал. Сказано ведь:

Любовь через взоры, задумчивость, возникновение желания, утрата

сна, исхудание, отвращение от ощущаемого мира, утрата стыда, безумие, глухота и смерть — таковы десять ступеней любви.

А также:

Сперва рождается мечта, потом — желание узреть.

Потом — за вздохом тяжкий вздох, потом — как
в лихорадке бред.

Потом — все тело как в огне, потом — противно есть и пить,

Потом — охватывает дрожь, потом — безумие когтит,

Потом — бессилие и смерть. Вот десять ступеней любви.

После того царь дух испустил. Царя мертвым видя, военачальник духовного наставника спросил: «Ох, досточтимый! Когда такое дело случается, что надо делать?» Наставник молвил: «Солнцу жертву водой принеся, на костер взойти подобает». Это выслушав, тот на костер пошел. А Унмадини наставника спросила: «О досточтимый! Расскажи мне об обязанности жен». Наставник молвил:

«Жены, идущей кончить жизнь с супругом рядом на костре,
Богами будет каждый шаг сравнен с закланием коня.^[306]

Когда похищен смертью муж у добродетельной жены,
Ей божеский закон велит с ним вместе на костер взойти».

Это слово услыша, она омылась, раздачу милостыни и прочее совершила, костер с почтением с правой стороны обошла, к супругу подошла и так сказала: «О владыка, твоя рабыня я — из воплощения в воплощение!» Так сказав, на костер взошла и погибла она».

Эту сказку рассказав, Ветала молвил: «О царь, скажи! Из них троих кто самый добродетельный?» Царь Викрамасена молвил: «Царь — самый добродетельный». Ветала молвил: «По какой причине?» Царь сказал: «Когда военачальник отдавал супругу, он ее не взял, зная, что запрещено это законом. А слуги ради владыки жизнь покидают: для военачальника ведь это — закон, что ради владыки умер. Жена с супругом жизнь покинула: для жены это — закон. По той причине — царь самый добродетельный».

Это услыша, исчез Ветала и там же, на ветке дерева-шиншипа, повис.

Рецензия Джамбхаладатты

перевод И. Д. Серебрякова

111 ЖЕНАА (4)

Когда сызнова Веталу царь понес, тот ему новый рассказ рассказывает:

«Стоял когда-то на берегу Калинди¹³⁰⁷¹ город, имя которому было Брахмапура,¹³⁰⁸¹ и жил там брахман Агнисвамин, а у него была дочь красавица Мандаравати. И как-то раз три молодых брахмана, увидев эту красавицу, равной которой не было во всех трех мирах, пришли к Агнисвамину просить руки его дочери. А Агнисвамин им так сказал: «Вы и богаты, и собой пригожи, и родом из хороших семей, и прославились доблестью, но дочь-то у меня одна. Кому же я ее отдам?» Один сказал: «Следует отдать ее мне». А другой тогда возразил: «Отдать ее ему, так два других с жизнью расстанутся, тогда на почтенном будет грех убийства». И Агнисвамин, опасаясь этого, не решился отдать ее никому из брахманов.

А тем временем случилось так, что по воле судьбы Мандаравати ушла в другой мир. Когда ее сожгли, то один из брахманов тем пеплом свое тело посыпал, волосы в знак подвижничества в косу заплел и отправился странствовать. Другой брахман собрал ее кости и пошел по разным святым местам. Третий же на месте ее сожжения хижину построил и там, утративший счастье, жил.

Случилось однажды так, что брахман, ушедший в подвижничество, скитаясь, пришел в дом брахмана Рудрашармана и попросил есть. А тот сказал: «Жена, дай этому благородному брахману поесть». Когда же еда готовилась, заплакал ребенок, и Рудрашарман швырнул его в огонь. Подвижник увидел мертвого ребенка, отказался от еды и уже готов был уйти, но Рудрашарман заметил это, оживил мальчика особым заклятием, и тогда подвижник согласился остаться. Закончил он трапезу, взял книгу об оживлении и направился туда, где была сожжена Мандаравати. Другой брахман, посетив разные святы места и омыв ее кости в священных водах, тоже туда явился. А третий, карауливший место сожжения, и так был там. И вот второй и третий, собрав кости и прах, сделали тело Мандаравати, а подвижник прочел мантру¹³⁰⁹¹ из принесенной им книги и таким образом оживил ее. Как только увидели брахманы, что она вновь обрела жизнь, так все трое перессорились.

Скажи, о царь! Кто же по закону ей муж?»

«Слушай, Ветала! Тот, кто мантру прочел, отец для нее, так как он ее воссоздал. Тот, кто кости ее по святым местам носил, — ее сын, ибо выполнял он сыновний долг. Тот же, кто прах ее охранял, муж ее, так как он заботился о ней». И только успел царь так сказать, как Ветала сызнова повис на шиншипе.

ПЕРЕПУТАННЫЕ ГОЛОВЫ (8)

Тогда, в гневе схватив злодея, великий царь зашагал еще быстрее, а Ветала, взглянув на царя с любопытством, снова стал истории рассказывать:

«О царь, существовал в давние времена город Шобхавати и правил в нем царь Яшаскету, поклонявшийся богине Гаури. В этом городе, говорят, жила и сама богиня, и поэтому туда приходили помолиться ей из всех стран света. И особенно милостива она была к женщинам.

Случилось однажды, что Маданасундари, дочь царя Шуддхапаты, тоже пришла туда, окруженная многочисленными служанками, помолиться богине. И как раз в это время увидел ее царский сын Дхавала и, пораженный любовью к ней, так сказал отцу: «Отец, если Маданасундари, дочь царя Шуддхапаты, станет моей женой, то я буду жить». Услышав это, отец Дхавалы сказал Шуддхапате: «Царь, выдай свою дочь замуж за моего сына!» Тот же ему ответил, что Дхавала станет ее мужем, если будет на то согласие богини.

Отец Дхавалы был благочестив. И говорит он сыну так: «Если богиня согласится, то будешь ты мужем Маданасундари». Дхавала выслушал слова отца и начал всячески улаживать великую богиню. Возрадовалась богиня и с такими словами обратилась к нему: «Не спеши, сынок, будет Маданасундари твоей женой». И вот после этого царевич Дхавала обручился с Маданасундари, и стали они жить да наслаждаться всяческими любовными радостями. Однажды случилось, что сын Шуддхапаты Шветапата взял сестру свою Маданасундари и ее мужа Дхавалу и по велению отца отправился на родину. Когда же они ехали, Дхавала увидел храм Гаури и говорит: «Шветапата, ты побудь здесь вместе с Маданасундари, а я пойду помолюсь Гаури». Так сказал он, пошел в храм, поклонился богине и, отсекая по желанию богини мечом себе голову, принес ее в дар Гаури.

Шветапата видит, что время идет, а Дхавала не возвращается, пошел в храм и, увидев там мужа сестры, сотворившего над собой такое дело, сам тоже голову себе отсек и принес в жертву богине.

Ждет Маданасундари мужа и брата, а они все не идут. Пошла она тоже в храм, видит: оба лежат обезглавленные, и уж хотела от тяжкого горя себе голову отсечь, но в это время богиня и говорит ей: «Не спеши, дочка, я тобой довольна. Что хочешь, то и выбирай!» Маданасундари ответила ей на это: «Матушка, если милость мне оказываешь, то пусть они оба — муж мой и брат — снова живыми станут». Богиня говорит тогда ей: «Ты

быстренько приставь им к плечам головы!» Маданасундари впопыхах по ошибке на мужнины плечи посадила голову брата, а к братовым плечам приставила мужнину голову, и оба они по божьей милости ожили. Когда же Маданасундари увидела их живыми, то опечалилась.

Поведай, царь, кто же ей теперь муж, а кто брат?»

Царь говорит тогда: «Слушай же, Ветала, ведь из всех членов тела голова — главнейший. Поэтому, на чьих плечах голова мужа, тот ей муж, а другой — брат».

Услышав от царя разрешение сомнения, злодей дерзкий очень обрадовался, покинул царя и тотчас же быстро помчался и на дереве духов повис.

Тогда царь поспешил за ним и, быстро спустив его с дерева, снова на плечо взвалил и в путь отправился.

СЫН ТРЕХ ОТЦОВ (16)

Вот опять несет царь Веталу, а тот ему очередную историю рассказывает: «Некогда, о могучий, в городе Каркатапура правил царь, звавшийся Сурьяпрабха. Жил в его царстве купец, имя которому было Дханадатта. И родилась у его жены Хираньявати дочь, которую нарекли Дханавати. Как-то раз случилось так, что все богатство Дханадатты по воле судьбы погибло. Он же после разорения, наделав долгов и испытав всякие затруднения, ушел на тот свет. Тогда по навету займодавца жену и дочь Дханадатты посадили в тюрьму, и Хираньяваии так подумала: «Что же это, я так и буду жить в тюрьме? Возьму-ка я Дханавати да пойду жить к лучшему другу моего мужа. Он с любовью и почтением будет меня защищать». Так подумала она, взяла дочь и, дождавшись ночи, сбежала. И встретился ей на пути, когда никого кругом не было, вор, сидящий на колу. Увидев ее дочь, он так сказал: «Отдай мне, матушка, свою дочь! Вот великое богатство, возьми его, госпожа!»

Послушала она его снова и говорит: «Что ты, сынок, какой же тебе толк, осужденному, жениться?» Вор ей и отвечает: «На мои деньги, матушка, ты высватаешь почтенного человека, и дочь твоя с ним будет проводить дни в любовных забавах. Родившийся же от него сын сослужит мне, когда я буду на том свете, хорошую службу».

Все это Хираньявати выслушала, взяла у вора золото и прочие сокровища, о которых он говорил, и отдала ему в жены Дханавати. После того как сыграли свадьбу, вор отправился на тот свет.

Вот пришла Хираньявати с дочерью в дом мужнина друга, жившего в

Тамралиптике,^[310] а он, увидев жену своего приятеля с дочерью, всяческое почтение им выказал и поручил своей супруге заботиться о них. По велению мужа та отправила дочь торговать у городской стены.

Однажды увидел стоявшую там Дханавати некий брахман, звавшийся Сомасвамин, и влюбился в нее. Дханавати же, заметив этого красивого брахмана, терзаемая любовью, рассказала обо всем матери. Хираньявати помнила слова вора и, всяческое уважение выказав, уговорила брахмана продать свое семя, и после соития с ним у Дханавати родился сын.

Хираньявати же явилась во сне богиня Катьяяна^[311] и сказала: «Для того чтобы было мальчику благо, ты, почтенная, положив его к царским дверям, подойди к царю и так ему скажи: «Сын! Того ребенка, которого ты сегодня найдешь, сделай своим сыном»». И когда мальчик родился, как велела ей богиня насчет царских дверей, так она все и сделала.

Царь рано поутру нашел мальчика, сделал его своим сыном и отдал на попечение своей жене. И сын Дханавати рос и изучал всякие науки и политику, царь же дряхлел и, наконец, умер. Все советники согласились сделать сына Дханавати царем, ибо думали они, что это и есть сын царя. Однажды он совершил паломничество в Гая,^[312] и, когда совершал жертвоприношение, к жертве потянулись три руки: одна, помеченная знаками вора, другая — брахмана, третья — царя.

Стоял юноша, а сердце его раздирали сомнения: «Кому же отдать поминальную жертву?»

Скажи, о царь, кто же его отец: брахман, вор или царь?»

И так отвечал на это царь: «Знай, Ветала, вор и есть ему отец». И только вымолвил царь эти слова, как немедля Ветала повис на дереве-шиншипа.

ХИТРЕЦ И ГЕТЕРА (20)

Снова потащил царь Веталу, а тот ему новую сказку рассказывает:

«О могучий, правил в южном краю царь, которого звали Викрамабаху, и был в его царстве город Пушпавати. Жил там купец по имени Нидхипати,^[313] превзошедший богатством самого Куберу,^[314] и вел он караванную торговлю. Четыре жены у него было — Камасена, Васавадатта, Кшамавати и Чампавати, и родили они ему четырех сыновей: Ратнадатту, Манидатту, Кумарадатту, Канакадатту. Ратнадатта так изучил мудрость гандхарвов, что в то время на всем земном круге не было другого такого, как он, знатока музыки и танцев. Манидатта знал военное дело, и не было на всем земном круге большего, чем он, знатока воинского искусства. Кумарадатта одолел все науки, и никого на всем земном круге не было мудрей, чем он. Канакадатта же так изучил искусство политики и интриг, что никто не мог превзойти его. И вот они четверо, наделенные всеми добродетелями, красотой превзошедшие самого бога любви Манматху, покоряющие сердца прелестных женщин, повсеместно прославившиеся своим мужеством, счастливо жили со своими женами. Со временем скончался их отец, и тогда, хотя все четверо жили в полном согласии, по воле судьбы разошлись, ибо жены их перессорились. Все сокровища свои — они превосходили крору^[315] — разделили по-братски, но три драгоценности остались неподеленными. А Нидхипати перед смертью дал такой наказ: «Если вы разделитесь, то эти жемчужины достанутся тому, кому передаст их мой друг Викрамабаху».

Вспомнив отцовский наказ, все четверо явились к царю. Царь же, увидев сыновей друга, спросил: «О дети друга, чего ради вы сюда пришли?» Тогда они поведали царю о наказе отца. Царь же, увидев три необыкновенных прекрасных жемчужины, удивился и подумал: «Я отдам это сокровище из трех жемчужин тому из сыновей друга, кто самый умный». И сказал он им: «О дети друга, да не будет обязательно для вас решение мое насчет трех жемчужин!» Услышали они такие слова и говорят: «Как ты, могучий, повелишь, так и будет! У кого такая смелость появится, чтобы нарушить твой приказ?!» Царь тогда и говорит: «Пускай эти жемчужины здесь полежат.

Живет в городе Кусумапура^[316] красавица Рупавати,^[317] красота которой покоряет все три мира. За одну ночь, проведенную с мужчиной, она берет сто тысяч рупий, но и за тысячу лакхов^[318] она не проведет с тем же мужчиной вторую ночь. Вот если кто-нибудь из вас сумеет провести с ней

две ночи подряд, тому и достанутся жемчужины». Выслушали они эти слова и говорят: «Да повелит царь, кому идти первому». И царь ответил им, что следует идти по старшинству.

Тогда Ратнадатта, набрав всякого добра: и слонов, и лошадей, и жемчугов, и рубинов, и золота, пришел в Кусумапуру, прямо как Индра, и начал танцевать, петь и играть на разных музыкальных инструментах. Дал он одному ловкому человеку сто тысяч рупий и послал его к Рупавати разведать, нельзя ли с ней познакомиться.

Она же, увидев этого человека с такими богатыми дарами, удивилась и подумала: «Ни у кого еще такой страсти не было!» Приняла она его и обнадежила сладостной речью, а тот, выполнив поручение, сказал ей: «Не позабавишься ли ты ночку, Рупавати, с Ратнадаттой, подобным богу любви?» А Рупавати ему отвечает: «Благодарю его за внимание ко мне. Соболаговольи привести его с собой. Если я достойна с ним развлекаться, то пусть он проведет со мною ночь, отдав за это сто тысяч рупий». Тот сразу же отправился к Ратнадатте и передал слова Рупавати. Ратнадатта тогда обрадовался и, когда наступила ночь, отправился к Рупавати. Всю ночь он развлекался с ней, а под утро сказал, что хотел бы и другую ночь развлекаться также.

Заслышав музыку Ратнадатты, насладиться которой даже боги, гадхарвы и киннары ^[319] сошли на землю, Рупавати зарыдала. Тогда Ратнадатта и спрашивает ее: «О повелительница жизни моей, почему ты плачешь?» И в ответ на это она сказала: «Повелитель моей жизни, потому плачу я, что не могу вторую ночь развлекаться с таким достойным мужем, как ты». — «Почему это?» — удивился он, а она ему и говорит: «Я беру сто тысяч рупий и провожу только одну ночь!» Юноша возразил: «За вторую ночь я тебе дам триста тысяч драгоценных камней». Красавица же ему опять: «И за сто миллионов я вторую ночь с одним и тем же мужчиной не развлекаюсь. Таков мой обет». Никакие усилия Ратнадатте не помогли, и он впал в отчаяние. Вернулся он к царю Викрамабаху и сказал: «Нет такого мужа, с кем бы она согласилась провести вторую ночь».

Пошел затем Манидатта, взяв с собой множество всяческих драгоценностей, и, придя в Кусумапуру, явился к тамошнему царю, а тот принял его с большим почетом и долго с ним беседовал. В ту пору на царя Кусумапуры пошел войной царь Випакша и, одолев войско, состоящее из солдат, коней и слонов, победил и самого царя. Тогда Манидатта обратился к богу, чтобы тот помог ему справиться с царем Випакшей. После этого пошел он на бой с царем и одолел его. А в Кусумапуре никого и не осталось, чтобы этому порадоваться. Вот выказал он всяческое мужество и

с той красавицей предался любовным забавам. Но и такой муж не смог провести с ней в развлечениях вторую ночь. Жестоко огорчился он и поведал царю Викрамабаху обо всем, что случилось.

Тогда в Кусумапуру отправился Кумарадатта, чтобы попробовать, не удастся ли ему провести с ней вторую ночь, и объявил об этом, алчущий добиться трех жемчужин. Тем не менее и он, потерпев поражение, вернулся восвояси и рассказал все царю.

Подумал тогда Канакадатта: «Мужественны и красивы мои братья, но желание их осталось бесплодным. Что же мне придумать? Возьму я какую-нибудь вещь, стану слугой единственным и выполню ее желание». Подумав так, он отправился в Кусумапуру и очень хотел узнать насчет ее желаний. А в то время Рупавати, окруженная тысячей красавиц, шла по главной улице. Увидев ее, подобную небесной деве, Канакадатта спросил какую-то служанку, шедшую позади: «Скажи, кто это идет?» И та ответила: «Ее имя Рупавати». Тогда говорит Канакадатта: «Куда же идет достойная?» А та ему в ответ: «Есть в одном храме Шивы на окраине города подвижница-наставница, которую зовут Пуньяшарира, и она постоянно ей молится». Вот Канакадатта и подумал: «Дело-то мое будет успешное. Пойду-ка я за ней».

Когда же Рупавати ушла после поклонения домой, Канакадатта явился перед Пуньяшарирой и тоже поклонился ей. А та спрашивает: «Ты кто, почтенный?» И Канакадатта рассказал: «Я из другой страны царевич». Подвижница снова вопрошает: «Зачем ты пришел, сынок?» Он ей и говорит: «Пришел я, матушка, тебе послужить». Успокоила она его сладкими речами и отправила домой. Но всякий раз, когда приходила Рупавати, то приходил и он. Вот прошло так шесть месяцев, и она, довольная им, спросила: «Ты чего ради, сынок, так прилежно мне служишь? Очень ты меня этим порадовал. Если есть у тебя на сердце какое-нибудь желание, скажи. Я исполню его».

И было им сказано: «Матушка, я тебе это по секрету скажу». Тогда она всех, кто вокруг был, отослала подальше. «Ну, сынок, скажи, чего тебе хочется». Канакадатта ей и говорит: «Матушка, та самая Рупавати, которая всякий день ввечеру приходит тебе служить, берет сто тысяч рупий за то, чтобы провести с мужчиной одну ночь, и даже за сто миллионов рупий не соглашается на вторую ночь. Расскажи мне, в чем причина, а уж я тебе послужу». Подвижница тогда отвечает ему: «Что, она пришла? Я вот спрошу ее, а ты здесь где-нибудь в храме укройся и все сам услышишь из уст Рупавати». Очень довольна была подвижница Канакадаттой.

Вот приходит на другой день Рупавати в обитель подвижницы. Завидев

ее, Канакадатта тотчас же спрятался в каком-то уголке храма. Рупавати поклонилась Пуньяшарице, и потом они обе стали беседовать. Тогда, улучив подходящий момент, подвижница и спрашивает Рупавати: «Слышала я от людей, дочка, что ты даже с самым лучшим мужчиной только одну ночь проводишь, взяв с него сто тысяч рупий, и даже за сто миллионов вторую ночь с ним не проведешь. Хочу я услышать, что за причина этому. Ты непременно скажи мне. Только тогда я буду довольна». Рупавати на это ответила: «Не могу я, почтенная, рассказать тебе сокровенное». Подвижница тогда и говорит ей: «Если ты, дочка, не скажешь мне причину, я буду недовольна». И Рупавати согласилась: «Слушай, матушка!» Подвижница ей в ответ: «Рассказывай, почтенная, я внимательно слушаю». И сказала Рупавати: «Матушка, если я уж должна рассказать эту причину, то поступи по правде и никому нигде про нее не рассказывай». Подвижница на это и говорит ей: «Если я, дочка, где-нибудь и кому-нибудь причину открою, то пусть я буду сокрушительницей правды!» Тогда Рупавати ей говорит: «Слушай, матушка!» — «Слушаю, слушаю. Рассказывай, почтенная!» И Рупавати рассказала такую историю:

«В городе, которому люди дали имя Падмапура,¹³²⁰ жил царь Прачандасена. Был у него советник, ведавший делами мира и войны, а я была дочерью этого советника. Усердно молилась я богине Гаури, и она, обрадованная этим, так мне обещала: «Доченька, ты меня порадовала очень и потому будешь счастливой, получишь достойного мужа и будешь помнить свои прежние перерождения».

Тем временем отец отдал меня в жены сыну того царя Пратапасене, устроив как полагается свадьбу. От милости богини, даровавшей мне мужа, я возгордилась. Царь послал как-то раз моего мужа с ответом к царю Випакше. Муж не мог без меня и минуты прожить, поэтому я поехала с ним. После переговоров с могучим царем Випакшей мой муж перепугался и в тот же час покинул меня — меня-то, которая была ему дороже жизни! — и бежал в чужие земли. Тогда Випакша, ехавший на слонихе, схватил меня. И подумала я: «Тьфу на мужчин! Ведь покинул он меня, обладающую всеми женскими достоинствами! Меня, покоряющую своей красотой все три мира, усадив с собой, царь Випакша разве освободит? Что же будет со мной после утраты чести женской?» Поразмыслила я так и упала без памяти, думая о Пратапасене. В это время я увидела морду слонихи и по этой причине сама слонихой стала. Обратившись в слониху, я время провожу, тоскуя о Пратапасене. Бешеные слоны приходили забавляться со мной, а я всех их отваживала, никого к себе не допускала. Но вот однажды пришел Пратапасена, обращенный в бешеного слона, и я,

вспомнив прежнее рождение, допустила его до себя. С того времени начиная, я с ним и развлекалась.

И вот как-то раз повстречался нам охотник на слонов. Тогда Пратапасена в образе слона вдруг бросает меня и мчится в лес. Охотник же, поймав меня, отдал царю, который сделал меня своей главной слонихой. Поехал однажды царь на мне охотиться на газелей, и, думая о муже в образе слона, распаленного страстью, я испустила дух. В момент смерти я увидела газель. Поэтому я родилась газелью, и хотя я пришла в пору, но самцов к себе не допускала, все мечтая о нем. Блуждая по лесу, случилось мне увидеть самца, и благодаря добродетели своей я поняла — вот Пратапасена, сбросивший облик слона и ставший, как и я, газелью. Я отдалась ему, и с той поры стала я жить с ним счастливо. Но однажды случился в лесу пожар, и Пратапасена, покинув меня в пылающей чаще, сбежал. Я не могла убежать в другой лес и, думая о супруге, отдала душу. В смертный час на берегу озера увидела я чакраваку¹³²¹ и поэтому сама стала чакравакой. Превратившись же в чакраваку, снова никого не допускала к себе и жила, только думая о нем. По воле судьбы так получилось, что Пратапасена тоже потерял облик газели и, обратившись в чакраваку, пришел ко мне. И тогда стала я вкушать различные радости с ним. Однажды прилетели мы на пруд в Кусумапуре. И он, увидев множество охотников на птиц, покинул меня и сбежал, а меня поймал охотник, и я умерла, думая об одном лишь Пратапасене. В час своей смерти увидела я жившую в Кусумапуре красавицу-гетеру, купавшуюся в пруду, и поэтому сама родилась гетерой. Когда же достигла я зрелости, то подумала так: мужчины бессердечны и не знают, что такое любовь. Ведь в четырех рождениях Пратапасена бросал меня, преданную ему, заботясь только о своем спасении. И тогда в гневе дала я зарок — отдаваться каждому мужчине только на одну ночь и никому не отдаваться дважды. Вот в чем, матушка, причина».

Вот так поведала она свою тайну подвижнице, поклонилась ей и ушла домой, окруженная толпой красавиц.

Спустя некоторое время Канакадатта поблагодарил подвижницу и, переодевшись, стал ходить по домам гетер, чтобы найти Рупавати, но нисколько в этом не преуспел. Вот рассказывает он каждой гетере: «Я Пратапасена, сын царя Прачандасены, правителя Падмапуры. И была моей женой дочь Викрамадатты. Испугавшись врага, я бросил ту, что была мне дороже жизни, и бежал. Тогда она, умерев, возродилась слонихой. Я тоже помер, в слона обратился и предавался вместе с ней разным любовным забавам. Как-то раз, убоявшись попасть в руки охотника на слонов, я

бросил ее и бежал в другой лес, а она, хоть и поймал ее охотник, покинула жизнь с мыслью обо мне и обернулась тогда газелью. И я из-за ее горя принял облик самца газели и наслаждался с ней всяческим образом. Случилось так, что в страхе перед лесным пожаром я бежал в другой лес. Она же, думавшая только обо мне, обратилась в чакраваку. Тогда и я обратился в чакраваку и бесконечно забавлялся с нею. Однажды прилетел я вместе с ней на пруд в Кусумапуре, но, опасаясь попасть в сети охотника, улетел. А ее охотник поймал, и она умерла с мыслью обо мне и родилась, наконец, из человеческого лона. Тогда и я, сбросив облик чакраваки, стал человеком и жил только мыслью о ней. Записав все это на табличках и раздавая их всем гетерам, живу теперь в том же городе, что и она».

Вот Рупавати, услышав как-то от людей эту историю, позвала Канакадатту к себе домой. Обо всем расспросила его, кинулась ему на шею и громко зарыдала. Все люди были этим удивлены. И была у Канакадатты и Рупавати взаимная любовь. С той поры Канакадатта счастливо зажил с Рупавати, освободившейся от обета, и любовь ее к Пратапасене была совершенной. Когда же прошло какое-то время, Канакадатта сказал Рупавати: «О милая, родной мой город Пушпавати, так же как Индре — Амаравати.^[322] Пойдем туда, и заживу я с тобой, что мне дороже жизни, счастливо». И ответила ему на это Рупавати: «Все, что прикажешь, всегда исполню!». Тогда взял он с собой Рупавати со всей ее свитой, отправился к себе на родину и втайне рассказал всю эту историю царю Викрамабаху. Тот же все это выслушал и так про себя подумал: «Вот ведь диво какое! Многие хитрецы не могли с ней позабавиться вторую ночь, а он и сюда с нею пришел. Сделаю-ка я этого Канакадатту своим советником по делам мира и войны». Дал тогда царь Канакадатте три жемчужины, пожаловал большой дворец и сделал его при себе советником по делам мира и войны».

И говорит Ветала: «Скажи, о царь, почему Рупавати, зная своего мужа в каждом перерождении, не распознала Канакадатту? Уж не майя^[323] ли здесь преуспела?»

Царь так отвечал: «Слушай, Ветала, в каждом рождении она забавлялась со своим мужем. По причине этой добродетели она легко могла узнавать его. Когда же она родилась гетерой, то стала греховной и от общения с другими мужчинами, хотя и помнила о прежних рождениях, позабыла своего мужа». Так заставив царя нарушить молчание, Ветала снова повис на дереве-шиншипа.

НЕРАЗРЕШИМОЕ РОДСТВО (24)

Вот залез царь на дерево и стал подкарауливать Веталу, прыгавшего с ветки на ветку. Уже не мог царь, как прежде, тащить Веталу и поэтому срубил сук, взвалил его на плечо вместе с Веталой и снова направил свои стопы к Кшантишиле.^[324]

Тогда Ветала задал ему самый хитроумный вопрос: «Жил некогда в Декане, в южных краях, царь, звавшийся Дхармасена, жена которого Чандравати родила ему дочку Виласавати. Пошел как-то на него войной царь Цейлона Синхалешвара, и была у них жестокая битва. Потерпел в этой битве Дхармасена тяжелое поражение от могучего Синхалешвары, вскочил на коня и умчался в лес. Его жена, проведав о случившемся, взяла свою дочку Виласавати и тоже в лес бежала. А в тот лес пришел на охоту кшатрий по имени Прачандасинха вместе с сыном. Увидел он на грязной дороге следы двух женщин и так сказал сыну: «Смотри, сын, вот следы двух прекрасных женщин. Если захватим мы их обеих, то та, у которой длинней ступня, будет мне женой, а та, у которой ступня покороче, будет твоей женой». Сын на это согласился. Пошли они по их следам и по воле случая застали Чандравати и Виласавати на берегу озера. У которой длинная ступня, ту взял Прачандасинха, у которой ступня покороче — его сын.

Со временем у обеих родились сыновья. В каком родстве были эти мальчики? Не гневись, о могучий, и развея мои сомнения!»

Послушал это царь и притворился, будто не мог разрешить загадку о чудесном родстве. Он так подумал: «Если не знаешь, то нет греха в том, чтобы промолчать». И, храня молчание, продолжал свой путь к Кшантишиле.

ЖИЗНЬ ВИКРАМЫ, ИЛИ ТРИДЦАТЬ ДВЕ ИСТОРИИ ЦАРСКОГО ТРОНА

Перевод П. А. Гринцера

РАССКАЗ ВТОРОЙ СТАТУИ ЦАРЬ И ЖЕРТВОВАТЕЛЬ

Когда же царь Бходжа^{325} снова приблизился к трону и захотел на него сесть, другая статуя сказала: «О царь, если свойственно тебе великодушие Викрамы, тогда садись на этот трон». Царь Бходжа сказал: «Статуя, расскажи о великодушии этого Викрамы». Статуя сказала:

«О царь, слушай.

Однажды, когда Викрамадитья^{326} был царем, он призвал своих лазутчиков и сказал им: «Вестники, обойдите всю землю и, если где-нибудь увидите какую-либо любопытную вещь или замечательную святыню, доложите мне о ней, и я сам пойду в это место».

Прошло немного времени, и вот из чужеземных стран возвратился один из вестников и сказал царю: «О царь, вблизи горы Читракуты,^{327} в лесу для покаяния, есть прекрасный храм. С вершины горы струится там поток чистой воды. Кто искупается в нем, тот избавляется от всех грехов, даже самых тяжелых. Кроме того, если купается великий грешник, то вода с его тела стекает совершенно черной. Всякий, кто погружается в этот поток, становится добродетельным человеком. И еще: некий брахман разводит там большой костер и совершает на нем жертвоприношение; и никто не знает, сколько лет оно длится. Зола, которую он ежедневно выгребает из костра, составила уже целую гору. И ни с кем этот брахман не разговаривает. Вот самое удивительное место, какое я видел».

Услышав это, царь с одним лишь этим вестником пришел в то место и, ощутив великое блаженство, сказал: «Да, это место — свято. Воистину здесь живет Джагадамбика.^{328} Как только увидел я это место, совершенно очистилась душа моя». Сказав это, царь искупался в священной воде, почтил божество и, пойдя туда, где брахман совершал жертвоприношение, сказал ему: «Брахман, сколько лет прошло с тех пор, как ты начал жертвоприношение?» Брахман ответил: «Я начал жертвоприношение, когда созвездие Семи Мудрецов^{329} было в первой четверти лунного дома

Ревати; теперь же оно в лунном доме Ашвини.^[330] Сто лет прошло с тех пор. Однако богиня не смилостивилась надо мной». Услышав это, царь мысленно призвал богиню и сам бросил жертву в жертвенный огонь. Однако богиня и тут не смилостивилась. Тогда подумал царь: «Пожертвую-ка я своей собственной головой-лотосом». И он поднес меч к своему горлу. Но в этот момент богиня удержала его меч и сказала ему: «О царь, я довольна тобой, выбирай дар». Царь сказал: «Этот брахман так долго приносит тебе жертвы; почему ты неблагосклонна к нему? И чем я так быстро заслужил твою милость?» Богиня ответила: «О царь, он приносит жертвы, но в сердце его нет решимости. Поэтому он меня не умилиствовал. Сказано ведь:

Кто молится лишь кончиками пальцев, кто молится небрежно, кто молится с рассеянными мыслями, — у всех тех молитва бесплодна.

И так:

Ни в дереве нет бога, ни в камне, ни в глине. Ибо бог — в сердце. Поэтому сердце — всему основа.

И еще:

В молитве и в паломничестве, при общении с брахманом, богом, прорицателем, учителем и при приеме лекарства успех зависит от твердости духа».

Царь сказал: «Богиня, если ты довольна мной, исполни желание этого брахмана». Богиня сказала: «О царь, ты благодетельствуешь другим, подобно могучему дереву. Ты наносишь ущерб самому себе, но других избавляешь от забот. Сказано ведь:

Могучие деревья укрывают других в тени, а сами стоят на солнце; и плодоносят они для блага других, а не ради самих себя.

И так:

Для блага других текут реки, для блага других дают молоко коровы, для блага других плодоносят деревья, для блага других живут благородные люди».

Так восхвалив царя, богиня вслед за тем исполнила желание брахмана. А царь возвратился в свой город».

Рассказав этот рассказ, статуя сказала царю Бходже: «О царь, если свойственно тебе такое же великодушие, тогда садись на трон».

РАССКАЗ ПЯТОЙ СТАТУИ

ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ

Когда же царь снова хотел сесть на трон, другая статуя сказала: «Лишь тот может взойти на этот трон, кто наделен великодушием Викармы». Бходжа сказал: «Статуя, расскажи историю о великодушии этого Викармы». Статуя проговорила:

«О царь, слушай.

Однажды, когда Викамарка^[331] был царем, к нему явился один ювелир и вручил ему камень неслыханной ценности. Увидев этот сверкающий камень, царь позвал оценщиков и сказал им: «Эй, оценщики, что это за камень? Настоящий он или фальшивый? Определите-ка его стоимость». А те, рассмотрев этот камень, ответили: «О царь, этому камню цены нет. А если, не зная цены, мы все-таки купим его, то потерпим большой убыток». Выслушав их, царь дал ювелиру очень много денег и сказал ему: «Ювелир, нет ли у тебя другого такого же камня?» Тот ответил: «Божественный, я не взял их с собой, но у меня дома в городе есть десять точно таких же. Если они нужны тебе, заплати, сколько они стоят, и бери их». Тогда царь вместе с оценщиками установил за каждый камень цену в шесть коти^[332] золотом и отдал деньги этому ювелиру. Затем он послал вместе с ювелиром своего доверенного слугу, сказав ему при этом: «Принеси драгоценные камни; если ты возвратишься с ними в течение восьми дней, я награжу тебя по заслугам». Слуга сказал: «Божественный, через восемь дней я буду у твоих ног. В противном случае накажи меня».

Так сказав, слуга, которому поручили принести камни, отправился с ювелиром в город, где тот проживал, и получил от него десять камней.

Когда он вместе с ними возвращался домой, случился большой дождь. Из-за этого дождя одна река на его пути вышла из берегов, и он не мог переправиться на другую сторону. Тогда слуга сказал лодочнику, оказавшемуся на берегу: «Гребец, перевези меня через реку». Тот ответил: «Путник, сегодня река затопила берега; как же я смогу переправиться? Кроме того: мудрый человек избегает переправ через большие реки. Так ведь сказано:

Следует решительно избегать переправ через большие реки, вражды с могущественными людьми и споров с толпой.

И так:

Не доверяй поведению женщины, переправе через полноводную

реку, привязанности царя, дружбе змеи, благосклонности купца».

Слуга, который нес камни, сказал: «Гребец, ты говоришь верно, но у меня очень важное дело, а исключение больше значит, чем правило. Так ведь сказано:

Исключение, конечно, важнее правила; иначе говоря, первое обычно берет верх над вторым.

Для меня переправа через реку — вещь обычная, царское дело — важнее». Гребец спросил: «А что это за важное царское дело?» Слуга, несший камни, ответил: «Если я сегодня не принесу десять драгоценных камней, царь накажет меня за нарушение приказа». Лодочник сказал: «Дай мне пять камней из десяти, и я перевезу тебя через реку».

Слуга дал лодочнику пять камней, переправился через реку, пришел к царю и вручил ему оставшиеся пять камней. Царь спросил: «Слуга, почему ты принес только пять камней? Что случилось с остальными пятью?» Человек, принесший камни, отвечал: «Божественный, слушай, я объясню тебе. Я покинул этот город вместе с ювелиром, пришел к нему в город, и он дал мне десять камней. Когда я взял их и шел оттуда домой, по дороге меня застиг сильнейший ливень. Из-за него одна река вышла из берегов и потекла по новому руслу. «На восьмой день я должен быть у ног моего господина», — подумал я и отдал пять камней лодочнику, чтобы он перевез меня через реку, а остальные пять я принес. Если бы я не вернулся в течение восьми дней, господин был бы недоволен, что я нарушил его приказ. Сказано ведь:

Говорят, что нарушать приказы царей, не оказывать уважения брахманам, спать отдельно от жены — все равно что убить безоружного.

Вот что я подумал, когда отдавал камни».

Выслушав это объяснение, царь остался им очень доволен и отдал слуге, принесшему драгоценности, оставшиеся пять камней».

Рассказав этот рассказ, статуя сказала царю Бходже: «О царь, Викрамадитья — первый из людей по своему великодушию. Если тебе свойственно такое же великодушие, садись на этот трон». Царь Бходжа молчал.

РАССКАЗ ШЕСТОЙ СТАТУИ

ЩЕДРЫЙ ДАР

Когда же царь снова хотел сесть на трон, другая статуя произнесла: «О царь, лишь тот, кто великодушен, как Викрама, достоин взойти на этот трон». Бходжа сказал: «Расскажи историю о его великодушии». Статуя сказала:

«Слушай, царь.

Однажды во время своего царствования, в месяце чайтра,^[333] в праздник весны, отправился Викрамадитья вместе со всеми женами из своего гарема в рощу любви, чтобы насладиться любовью.

В том лесу

Повсюду провозглашали: «Манговые деревья одно за другим дают пушистые побеги и непрерывно сочатся цветочным соком; их шелест сливается с жужжанием слетевшихся пчел, которые снуют взад и вперед; в их листве слышатся песни кукушек, кукующих в самозабвенной радости: настало время великого праздника чайтры».

А также:

Легкий ветер с сандаловых деревьев поднимает в воздух цветочную пыльцу, и она застилает небо; молодые ветви манговых деревьев с их нежными побегами, дрожащими от прикосновений пчел, повсюду рождают веселье.

В этом лесу, славящемся самыми разнообразными деревьями и цветами, в доме любви, полном различных благовонных курений, с двориком, выложенным восхитительным лунным камнем, и стенами, сверкающими сапфирами, царь долгое время наслаждался любовью с красавицами всех четырех видов, начиная с женщин-лотосов,^[334] которых украшали прекрасные одежды, бетель, цветы и драгоценности.

Вблизи этого же леса был храм Чандики. Там жил один брахман, изучающий веды и давший обет воздержания. Узнав, что в лесу находится царь, он подумал: «Понапрасну трачу я свою жизнь, соблюдая обет воздержания; даже во сне не испытывал я никакого счастья. Что пользы в рассуждении: «Всю жизнь проживешь в нужде, зато после смерти насладишься плодами своего покаяния»? Другие говорят: «Чувственное наслаждение чревато страданием, умный человек должен избегать его», но и это рассуждение — глупое. Сказано ведь:

Мысль, что люди должны избегать чувственных удовольствий, потому что они связаны со страданием, — глупа; разве тот, кто заботится о своем благе, выбросит белые спелые зерна риса, если среди

них попадаетея и шелуха?

Даже ценой большого страдания следует насладиться счастьем женской любви — лучшим, что есть в круговороте жизни. Сказано ведь:

В этом бессмысленном круговороте жизни нет ничего лучше женщин с глазами ланей, ради них люди стремятся к богатству, а если их избегать, что толку в богатстве?

В этом бессмысленном круговороте жизни самое лучшее — женщины с прекрасными бедрами. Именно так думал Шамбху, когда он посадил любимую к себе на колени.

Царь Викрамарка пришел сюда. Попрошу-ка я у него немного земли, женюсь на какой-нибудь девушке и вкушу земного счастья».

Так подумав, он пришел к царю и благословил его:

Пусть хранит тебя косой взгляд Мридани,^[335] взгляд, который рождает иллюзию, будто пчелы жадно снуют по цветочным веточкам, украшающим ее уши, в то время как тысячи лучей отражаются от дрожащих ногтей на ее руках, а пальцы полусогнуты, как если бы они натягивали тетиву лука.

Тогда царь пригласил его сесть и спросил: «Брахман, откуда ты пришел?» Тот ответил: «Я живу здесь, совершая службу в честь Джагадамбики. Прошло уже пятьдесят лет с тех пор, как я начал служить ей. Я брахман-ученик^[336] и дал обет воздержания. Сегодня во второй половине ночи мне явилась во сне богиня и сказала: «Брахман, много времени ты нес службу в мою честь и этим подверг себя большим лишениям. Я довольна тобой. Поэтому стань теперь домохозяином, произведи на свет сына, а затем сосредоточь мысли на спасении души. Иначе ты не достигнешь неба. Сказано ведь:

Лишь после выполнения трех священных обязанностей^[337] думай о спасении; кто, не выполнив их, ищет спасения, попадет в ад.

А также: ученик пусть станет домохозяином, домохозяин — отшельником, отшельник — нищим аскетом. И еще: я все сказала царю Викраме, когда он спал; он исполнит твои желания». Вот что мне говорила во сне богиня. И теперь я пришел к тебе». Так он лгал царю.

Выслушав его, царь подумал: «Богиня ничего мне во сне не говорила. Он обманывает меня. Но пусть даже так; все-таки он страдает, и его желания непременно нужно исполнить. Сказано ведь:

Царь, который дарит подарки несчастным, чтит идолов, которыми пренебрегают, и всегда покровительствует подданным, пожнет плоды жертвоприношения коня».

Так рассудив, он приказал в том месте выстроить город, помазал брахмана на царство и посадил его царем в этом городе, подарил ему сто прекрасных девушек, дал ему пятьдесят слонов, пятьдесят лошадей, сорок колесниц и пять тысяч воинов. Город же был назван Чандикапура. А брахман, чьи желания были исполнены, благословил царя и пожелал ему счастья. Затем царь возвратился в свой город».

Рассказав этот рассказ, статуя сказала царю: «О царь, если свойственно тебе такое же великодушие, тогда садись на этот трон». Царь молчал.

РАССКАЗ ДЕСЯТОЙ СТАТУИ

ВОЛШЕБНЫЙ ПЛОД

Когда же царь снова хотел сесть на трон, другая статуя произнесла: «О царь, тот достоин сесть на этот трон, кто наделен великодушием и другими добродетелями Викрамы». Царь попросил: «Статуя, расскажи историю о его великодушии». Статуя сказала:

«Слушай, царь.

Когда Викрама был царем, пришел в Удджайини один аскет. Он был сведущ в ведах, в шастрах, в медицине, в астрономии, в математике, в искусстве Бхараты ¹³³⁸¹ и во всех остальных областях знания. К чему столько слов? Равного ему не было и нет, он был воплощенное знание. Однажды царь Викрама, услышав о его славе, послал своего домашнего жреца пригласить его к себе. Тот пришел к аскету и, поклонившись ему, сказал: «Господин, царь приглашает тебя к себе, пойдем к нему». Аскет ответил: «Почтенный, зачем мне видеться с царем?

Мы питаемся за счет милостыни, на нас нет другой одежды, кроме воздуха, мы спим на голой земле. Что за дела могут быть у нас с царями?

И еще:

Тот, кто свободен от желаний, никому не служит; кто свободен от любви, не нуждается в украшениях; неумный человек не может быть красноречивым, а тот, кто говорит просто, — лжецом».

Услышав эти слова аскета, жрец ушел и все передал царю. Тогда сам царь отправился повидать аскета, почтил его поклоном и сел с ним рядом.

Они разговаривали друг с другом, и о чем бы царь его ни спрашивал, аскет на все давал ответ. Царь был очень доволен, приходил к нему после этого каждый день и вел с ним разнообразные беседы об Атмане.^[339]

Однажды он спросил его: «Господин мой, сколько тебе лет?» Аскет ответил: «О царь, к чему об этом спрашивать? Человек благовоспитанный не должен говорить о своем возрасте. Девять вещей нужно скрывать:

Девять вещей следует держать в тайне: возраст, богатство, щель в доме, молитву, состав лекарства, любовную связь, подарок, почет и бесчестие.

И еще: тот поистине великий аскет, кто обманывает время и живет очень долго.

О царь, если ты способен сделать то, что я скажу, я научу тебя магическому заклинанию».

Царь спросил: «А какая мне будет выгода, если я его выучу?» Аскет ответил: «При помощи этого заклинания ты избавишься от старости и смерти». Царь сказал: «Тогда научи меня заклинанию. Я сделаю все, что нужно». И вот аскет обучил его заклинанию и говорит: «О царь, это заклинание повторяй в течение года, ведя при этом воздержанный образ жизни, затем соверши жертвоприношение в десяти частях с помощью травы дурвы.^[340] В конце жертвоприношения из жертвенного огня выйдет некий человек с плодом в руке и даст этот плод тебе. Съешь его, и ты избавишься от старости и смерти, а тело твое станет неуязвимым». И, научив царя заклинанию, этот аскет ушел к себе.

А царь в течение одного года жил вне города, вел воздержанный образ жизни, повторял заклинание и совершил с помощью травы дурвы жертвоприношение на огне в десяти частях. Когда он окончил жертвоприношение, из огня вышел человек и дал царю божественный плод. Царь взял этот плод и пошел в город. Когда он шел по большой дороге, некий брахман, все тело которого было изъедено проказой, благословил его и сказал: «О царь, поистине царь заменяет мать с отцом для всех брахманов. Сказано ведь:

Царь — родственник для тех, кто не имеет родственников; царь — зрение для слепых; царь — и отец и мать; царь — наставник, избавляющий от горя.

Так и ты избавляешь всех от горя. От этой болезни гибнет мое тело. А раз гибнет тело, гибнет мой долг. Ведь тело необходимо для любого религиозного деяния. Сказано ведь:

Для жертвоприношения легко достать дрова и траву кушу;^{341} достаточно вокруг тебя воды для омовений; в твоих собственных силах стать аскетом; но чтобы исполнить религиозный долг, прежде всего необходимо тело.

Сделай так, чтобы мое тело стало здоровым и способным выполнять свой долг». Выслушав просьбу брахмана, царь дал ему свой плод. Брахман был очень обрадован и пошел домой. Царь же возвратился к себе во дворец».

Рассказав этот рассказ, статуя сказала царю Бходже: «О царь, если свойственно тебе такое великодушие, тогда садись на этот трон». Услышав рассказ, царь молчал.

РАССКАЗ ОДИННАДЦАТОЙ СТАТУИ

ЦАРЬ И АПСАРА

Когда же царь снова хотел сесть на трон, другая статуя говорит: «О царь, лишь тот, кто подобен Викраме, достоин сесть на этот трон, и никто иной». Царь сказал: «Статуя, расскажи историю о его великодушии». Статуя сказала:

«Слушай, царь!

Когда Викрама царствовал, был у него домашний жрец Васумитра. Васумитра считался красавцем, знатоком всех искусств, ближайшим другом царя, он всегда помогал другим людям, его любил народ, у него было большое состояние. И вот однажды он стал размышлять: «Только купанием в Ганге можно избавиться от последствий совершенных дурных дел.

Сказано ведь:

Нет лучшего очищения, чем купание в святом месте.

Если человек не может добиться успеха ни покаянием, ни аскетизмом, ни жертвоприношениями, ни дарами, он должен пойти к Гангу.

Те люди, которые, смирив свои страсти, купаются в чистых водах Ганга, добиваются такой участи, которой не дадут им и сотни принесенных жертв.

Как солнце, которое восходит и очищает мир от глубокого мрака, так сияет человек, искупавшийся в водах Ганга и очистившийся от всякого

зла.

Как пучок травы тотчас сгорает, если его бросить в огонь, так гибнет от воды Ганга все злое.

Тот, кто возьмет воды из Ганга, согретой лучами солнца, и выпьет ее, смешав с молоком коровы и соблюдая все предписания, тот очистится от зла.

Кто очистит свое тело, тысячу раз совершив чандраяну, ^{342} и тот, кто просто выпьет воды из Ганга, оба равны друг другу.

Для всех тех, кто хочет освободиться от страданий, угнетающих душу, нет к освобождению пути лучшего, чем Ганг.

Многие из тех, чьи сердца разбиты, кто измучен своими же великими грехами и обречен на пребывание в страшном аду, спасутся, если побывают на Ганге.

Тот, кто увидит Ганг, выпьет воды из него и искупается в нем, тем самым навеки спасет семь поколений предков, семь поколений своего потомства, да и те поколения, что последуют за ними.

Во сто крат, в тысячу крат счастливее других тот человек, кто видел Ганг, касался его воды, размышлял о нем, повторял его имя.

Те, кто могли видеть Ганг, очищающий от зла, но не видели его, подобны слепорожденным или просто диким зверям и скотам».

Так подумав, он пошел в Варанаси, повидал Вишвешвару ^{343} и почтил его, затем в месяце магха ^{344} совершил омовение в Праяге, ^{345} принес жертвы в честь умерших в Гайе ^{346} и направился обратно к себе на родину.

По дороге он зашел в один город. В этом городе царствовала небесная дева, над которой тяготело проклятие. У нее не было супруга. В городе имелся большой храм Лакшми и Нараяны, рядом с храмом — свадебный павильон, а у дверей храма в большом медном котле кипело масло. И люди, стоящие тут же, так говорили всем приходящим чужеземцам: «Если какой-нибудь герой бросится в кипящее масло, апсара по имени Манматхасамдживини наденет ему на шею венок». ^{347}

Увидев все это, Васумитра возвратился к себе в город. Он повидался со всеми родственниками, и они порадовались его благополучному прибытию. Наутро он отправился во дворец повидать царя, передал ему немного воды из Ганга и благословение Вишвешвары и сел рядом с царем.

Затем царь спросил: «Васумитра, успешно ли ты совершил паломничество?» — «Господин мой, — ответил Васумитра, — по твоей милости я посетил священные места и благополучно вернулся». — «Что чудесного ты увидел на чужбине?» — спросил царь, и Васумитра рассказал ему о небесной деве и кипящем масле. Тогда царь отправился вместе с ним в то место, совершил омовение и, почтив Лакшми и Нараяну, бросился в кипящее масло. Тут все люди, бывшие рядом, в ужасе закричали, а тело царя превратилось в ком мяса. Услышав крик, Манматхасамдживини принесла амриту^[348] и окропила ею ком мяса. Тут же царь превратился в юношу божественной красоты. Когда вслед за этим Манматхасамдживини хотела надеть на шею царя венок, он сказал ей: «Манматхасамдживини, если ты теперь моя, послушай, что я скажу». Она ответила: «Господин мой, приказывай; все, что ни скажешь, я непременно исполню». Царь сказал: «Если ты сделаешь, как я скажу, то возьми себе в мужа вот этого моего жреца». — «Да будет так!» — ответила Манматхасамдживини и возложила венок на шею жреца. А царь, устроив их свадьбу, помазал Васумитру на царство и возвратился в свой город».

Рассказав этот рассказ, статуя сказала царю: «Царь, если есть у тебя такое великодушие и мужество, тогда садись на этот трон».

РАССКАЗ ВОСЕМНАДЦАТОЙ СТАТУИ

ДВА КОЛЬЦА

Когда же царь снова хотел сесть на трон, другая статуя проговорила: «О царь, лишь тот, кто наделен великодушием и другими добродетелями Викрамы, может сесть на этот трон». Царь сказал: «Расскажи историю о его великодушии».

Статуя сказала:

«О царь, слушай. Во время своего царствования Викрамарка не нарушал законы нити,^[349] а также не изменял добродетели». Царь сказал: «Расскажи мне о законах нити». Тогда статуя говорит:

«О царь, слушай. В городе Манипура^[350] есть брахман Говиндашарман. Он знаток законов нити и каждый день объясняет их своему сыну. Я поведаю тебе то, что я у него однажды услышала». Царь сказал: «Говори!» Статуя начала:

«Слушай, царь.

Умный человек не должен иметь ничего общего с дурными людьми, ибо в этом источник длинного ряда тяжких несчастий.

Сказано ведь:

Для добродетельных общение с дурными людьми — источник бесконечных несчастий. Скажу, что знаю: Владыка Ланки похитил супругу сына Дашаратхи, а вслед за этим оказался связанным Южный океан. ^[351]

Вот почему следует поддерживать знакомство с людьми праведными. Ничто в мире так не полезно, как общение с добродетельными. Сказано ведь:

Общение с добродетельными наполняет нас блаженством: в сравнении с ним оказываются посрамленными очарование легкого ветерка, и луны, и сандалового дерева; оно веселит усталые сердца и дарует высшее счастье.

И еще: ни с кем нельзя враждовать; не причиняй другим горя; без вины не наказывай слуг; не прогоняй жену, если нет за ней тяжкого греха. Иначе твой удел — вечный ад.

Тот, кто прогонит послушную, добродетельную, ласковую, безгрешную жену, мать своих детей, попадет в вечный ад.

Не следует думать, что счастье постоянно; оно изменчиво, как вода. Говорят:

Наслаждайся и раздавай деньги, чтить достойных почета и люби добродетельных; счастье непостоянно, как пламя в светильнике, когда его колеблет сильный и суровый ветер.

Не делись секретами с женщинами; не заботься о будущем; думай только хорошее даже о врагах; не проводи ни одного дня бесплодно, не раздав милостыню, без учения или других добрых дел; чтить родителей; не беседуй с ворами; никогда не отвечай грубо; ради малого не пренебрегай большим.

Сказано ведь:

Умному человеку не следует, занимаясь ничтожным делом, губить важное; ведь в этом и состоит мудрость: заботиться о важном за счет ничтожного.

Будь щедр к бедным; утвердись в добродетели, помогай другим мыслью, делом и словом. Вот чему учат всех людей законы нити.

Царь Викрама в силу самой своей натуры был знатоком всех этих

законов. Однажды во время его царствования явился некий чужеземец и, придя к царю, сел рядом с ним. «Девадатта,¹³⁵²¹ — спросил его царь, — где твой дом?» — «О царь, — ответил тот, — я чужеземец; нет у меня своего дома, и я постоянно в странствиях». Царь спросил: «А что чудесного ты видел, странствуя по земле?» Тот ответил: «О царь, я видел великое чудо». — «Какое? Расскажи», — попросил царь. «На горе Удаячала,¹³⁵³¹ — сказал чужеземец, — есть большой храм Солнца. Рядом течет Ганг, и на берегу Ганга есть храм Шивы, называемый Папавинашанам.¹³⁵⁴¹ Из вод Ганга поднимается там золотая колонна. На ней имеется трон, украшенный девятью видами драгоценных камней. На восходе солнца эта золотая колонна появляется над землей, в полдень достигает пределов солнца, а когда солнце заходит, опускается и погружается в воды Ганга. И это бывает там каждый день. Вот великое чудо, которое я видел».

Выслушав это, царь Викрама отправился с чужеземцем в то место и ночью лег там спать. На утро, когда восходило солнце, из вод Ганга начала подниматься золотая колонна с драгоценным тронem. Тут царь по собственной охоте сел на эту колонну. Когда же колонна, поднимаясь по направлению к солнцу, оказалась в его близости, лучи солнца, подобно огненным искрам, сожгли тело царя, и оно превратилось в ком мяса. В этом виде царь достиг поверхности солнца и почтил его, так восхваляя:

«Слава Савитару,¹³⁵⁵¹ единственному светочу мира, источнику рождения, жизни и смерти для всего живого, покоящемуся на трех ведах,¹³⁵⁶¹ воплощающему три гуны,¹³⁵⁷¹ соединяющему в себе Виринчи, Нараяну и Шанкару».¹³⁵⁸¹

Тогда Солнце окропило его амритой, и царь возродился в божественном по красоте теле. «Я счастлив», — сказал царь. Солнце сказало: «О царь, ты первый из героев; ты достиг моих пределов, до сих пор недоступных ни для кого. Поэтому я доволен тобой, выбирай дар». Царь ответил: «Бог Солнца, какой еще дар мне нужен? Я достиг твоего жилища, недоступного даже для великих мудрецов. По твоей милости у меня есть все». В высшей степени довольное его словами, Солнце подарило ему два своих кольца, усыпанных девятью видами драгоценных камней, и сказало: «О царь, эти два кольца ежедневно будут давать тебе множество золота». Тогда царь взял эти два кольца, еще раз восхвалил Солнце и спустился на землю.

Когда он возвращался в Удджайини, по дороге ему встретился некий брахман.

«Пусть тот, кого в ведантах^[359] зовут Экапурушей,^[360] пронизывающим и небо и землю; тот, которому каждым своим звуком соответствует имя Ишвара,^[361] не принадлежащее никому другому; тот, кого ищут внутри себя задержкой дыхания^[362] и другими средствами люди, стремящиеся к освобождению; тот, кого легко найти усердным поклонением и йогой, — пусть, он, Стхану,^[363] будет для тебя залогом счастья».

Так он благословил царя и сказал: «О щедрый даритель, я брахман, отец большого семейства, но бедняк; повсюду и брожу и нищенствую, но не могу насытить свой желудок». Услышав это, царь дал ему два кольца и промолвил: «Брахман, эти два кольца всегда будут давать тебе множество золота». Тут брахман, исполненный радости, восславил царя и пошел к себе домой. А царь направился в Удджайини».

Рассказав этот рассказ, статуя сказала царю Бходже: «О царь, если есть у тебя такое великодушие, тогда садись на этот трон». Царь молчал.

РАССКАЗ ДЕВЯТНАДЦАТОЙ СТАТУИ ВОЛШЕБНАЯ ВОДА И ЭЛИКСИР ЖИЗНИ

Когда же царь снова хотел сесть на трон, другая статуя произнесла: «О царь, если есть у тебя великодушие и другие добродетели Викрамы, тогда садись на этот трон». Царь сказал: «Статуя, расскажи историю о его великодушии». Статуя сказала:

«О царь, слушай.

Когда Викрама правил землей, сердца всех людей были исполнены радости; брахманы ревностно исполняли шесть своих обязанностей;^[364] жены были верны мужьям; люди жили по сто лет; деревья плодоносили круглый год; дожди шли, лишь когда они были желанны; земля всегда изобиловала плодами; люди питали отвращение к злу, были гостеприимны, милосердны ко всему живому, почтительны к старшим, щедры к тем, кто достоин щедрости. Таковы были нравы царских подданных.

Однажды царь восседал на троне. В тронном зале находились все вассальные царицы.^[365] Некоторые из них заставляли поэтов петь хвалебные гимны; некоторые самодовольно славил силу своих рук; некоторые, уже бородатые юнцы, сведущие в применении двадцати шести видов наступательного оружия, насмехались друг над другом; некоторые оказывали покровительство просителям; некоторые думали о потустороннем мире; некоторые посвящали себя заботам о добродетели. Таковы были царицы, которые окружали Викраму.

В это время вошел некий охотник и, склонившись перед царем, сказал: «Божественный, в лесу появился огромный кабан величиной с гору Анджану. Поди и посмотри на него».

Услышав его слова, царь вместе со всеми царевичами отправился в лес. Там он увидел кабана, который бродил в кустарнике, растущем на берегу реки. Услышав крики людей, кабан выбежал из кустарника. Тут все царевичи, стремясь показать ловкость рук и состязаясь друг с другом, стали метать в него двадцать шесть видов оружия. Но кабан, не обратив внимания на оружие, ускользнул от всех царевичей и скрылся в пещере, уходящей в глубь горы. Подошел к горе и царь, который преследовал кабана по пятам. Когда он увидел в этой горе вход в пещеру, он через этот вход проник в нее и некоторое время шел в полной темноте. Наконец, перед ним засиял ослепительный свет, и невдалеке он увидел великолепный город. Его стены были сделаны из золота; повсюду блистали замечательные дворцы, доходящие до облаков, виднелись храмы, рощицы; его украшали рынки, ломящиеся от всякого рода товаров; в нем жили богатые люди и красавицы-женщины на любой вкус.

Царь вошел в город и, проходя по рынку, увидел замечательный царский дворец, красотой подобный солнечному диску. В нем царствовал Бали,^[366] сын Вирочаны. Царь вошел во дворец и тотчас был представлен Бали, восседавшему на троне. Тот обнял его, усадил на великолепный трон и спросил: «Господин, зачем изволили вы прийти?» — «Я пришел, — ответил Викрама, — ради чести лицезреть вас». Бали сказал: «Сегодня я счастлив; сегодня очистился от грехов мой род, и судьба моя дала добрые всходы, ибо за многие мои заслуги мне дарован ваш приход в мой дом. Сегодня счастлив весь мой род.

Сегодня, спустя долгие годы, наконец-то благословен мой дом: его осчастливило прикосновение твоей ноги-лотоса».

Викрама сказал: «О царь, и так твое сердце чисто, а род твой благословен, ведь сам Нараяна, лев Вайкунтхи,^[367] приходил просителем в твой дом. А что я по сравнению с ним?» — «Господин, — спросил Бали, — в чем цель твоего прихода?» — «О владыка данавов,^[368] — ответил Викрама, — я пришел лишь для того, чтобы увидеть тебя; нет у меня иной цели». Бали сказал: «Раз господин пришел выказать мне свою дружбу, то пусть он окажет мне услугу и о чем-нибудь меня попросит». — «Мне ничего не нужно, — ответил Викрама. — По твоей милости у меня все уже есть». Бали сказал: «Господин, разве я говорю, что вы в чем-нибудь нуждаетесь? Я предложил это из дружбы к вам. Ведь говорят, что дар —

это признак дружбы. Сказано ведь:

Давать и брать, рассказывать и выслушивать секреты, угощаться и угощать — вот шесть признаков дружбы.

Не оказав услуги, нельзя завоевать чьей-либо дружбы; ведь даже боги исполняют желания просителей лишь в ответ на их дары.

А также:

В этом мире дружба длится до тех пор, пока не иссякнут дары; теленок, видя, что уже нет молока, покидает собственную мать.

И еще:

Мне кажется, что даже для животных, лишенных разума, дар, как правило, дороже собственного ребенка; смотри: буйволица, хотя бы у нее были дети, всегда отдает все молоко тому, кто кормит ее жмыхами».

Так сказав, Бали дал царю Викраме волшебную воду и эликсир жизни.

Затем царь попрощался с Бали, выбрался из пещеры, сел на коня и поехал по большой дороге. Навстречу ему попался терзаемый заботами, измученный бедностью старый брахман со своим сыном. Благословив царя, брахман сказал ему: «Щедрый человек, я брахман, измученный жестокой нуждой, и у меня большая семья. Дай мне денег, чтобы я сегодня на них купил немного еды для себя и своей семьи. Сильный голод терзает нас». Царь сказал: «Брахман, нет у меня сейчас никаких денег, зато есть две вещи: волшебная вода и эликсир жизни. Семь минералов, если смочить их этой водой, превращаются в золото, а тот, кто вкусит эликсир жизни, освободится от старости и смерти. Возьми же одно из двух». Тут отец сказал: «Дай эликсир жизни, который спасает от старости и смерти». Сын сказал: «Зачем нужен этот эликсир жизни? Даже если мы освободимся от старости и смерти, все равно снова будем жить в нужде. Возьмем волшебную воду, от соприкосновения с которой камни превращаются в золото». Так они начали друг с другом спорить. Тогда царь, услышав их спор, отдал им и волшебную воду и эликсир жизни. Вслед за тем они, прославляя царя, пошли к себе домой, а царь возвратился в Удджайини».

Рассказав этот рассказ, статуя сказала царю: «О царь, если свойственно тебе такое же великодушие, тогда садись на этот трон». Царь молчал.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ СТАТУИ

КОРОВА ЖЕЛАНИЙ

Когда же царь снова хотел сесть на трон, другая статуя промолвила: «О царь, лишь тот достоин сесть на этот трон, у кого есть великодушие и другие добродетели Викрамы». Царь попросил: «Статуя, расскажи историю о его великодушии». Статуя сказала:

«О царь, слушай.

Нет царя равного Викрамадитье по решительности, великодушию, милосердию, мудрости, мужеству и другим добродетелям. И еще: его поступки соответствуют его словам; что у него на уме, то он и говорит; а что вытекает из его слов, то именно он и делает; поэтому он — добродетельный человек. Сказано ведь:

Какова мысль, таково слово; каково слово, таково и дело; у добродетельных мысль, слово и дело едины.

Быть услужливым, любезно говорить, выказывать искреннее дружелюбие — такова натура добродетельных людей; разве месяц прохладен не по самой своей природе?

Однажды в городе бессмертных богов^[369] на троне восседал Индра. Рядом с ним сидели восемьдесят восемь тысяч мудрецов, тридцать три коти божеств, восемь хранителей мира,^[370] сорок девять марутов,^[371] двенадцать адитьев,^[372] Луна, Нарада,^[373] Тумбуру,^[374] небесные девы, в том числе Урваши, Рамбха, Менака, Тилоттама, Мишракеша, Гхритачи, Манджугхоса, Приядаршана и прочие и все гандхарвы. И сказал тогда Нарада: «Во всем мире нет столь прославленного, великодушного и мужественного царя, как Викрама». Услышав эти слова, все боги были весьма поражены. Но Камадхену^[375] сказала: «К чему здесь сомнения? Не стоит даже удивляться.

Сказано ведь:

Щедрости, аскетизму, мужеству, знанию, воспитанности и жизненной мудрости не следует удивляться: земля богата сокровищами.

А также:

Между различными видами коней, слонов, металлов, деревьев, камней, одежд, женщин, мужчин и вод существует большая разница».

Вслед за тем Индра сказал Сурабхи:^[376] «Пойди в мир смертных, испытай милосердие, великодушие и другие добродетели Викрамы и потом расскажи обо всем мне».

И вот Сурабхи, в облике очень больной и слабой коровы, отправилась в

мир смертных. Когда Викрамарка шел по дороге, она забралась в непролазную трясину и, увидев царя, испустила жалобный крик. Царь подошел к ней поближе и увидел, что она завязла в глубокой и непролазной трясине, а рядом с ней разлегся какой-то тигр. Царь попробовал вытащить корову, но не смог ее поднять. Между тем зашло солнце, и ночью полил дождь. Но царь никуда не уходил, охраняя беспомощную корову.

Наконец взошло солнце. Корова убедилась в милосердии, великодушии и других добродетелях царя, поднялась сама и сказала ему: «О царь, я, корова Сурабхи, сошла с неба, чтобы проверить твое милосердие и другие добродетели. Теперь я убеждена в них; нет на земле другого такого милосердного царя, как ты. Я довольна; выбирай дар». Царь сказал: «По твоей милости я ни в чем не нуждаюсь. Чего же мне еще желать?» — «Разве может мое слово остаться бесплодным? — сказала Сурабхи. — В таком случае я останусь с тобой». И она пошла вместе с царем.

Когда царь вместе с ней проходил по большой дороге, к нему подошел некий брахман:

Пусть всегда охраняют вас покачивания головы Ганеши,^[377] когда он ревет во время танца Шулапани^[378] и все стороны света оглашаются жужжанием мириад пчел, слетающих с его щек; при этом Пханипати^[379] вползает в его ноздрю и сжимается там в кольцо, испуганный павлином Кумары,^[380] которого позвал Нанди,^[381] радостно ударив в барабан.

Так благословив царя, он сказал: «О царь, бедность сделала меня волшебником, ибо я вижу всех людей, а меня никто не видит. Сказано ведь:

Слава тебе, бедность! Благодаря тебе я стал волшебником.

Ведь я вижу всех, а меня никто не замечает.

У того, кто отмечен печатью бедности, дом всегда осквернен рождением ребенка.^[382]

«Я странник, дай мне поесть, милая!» — «Увы, увy, ты просишь понапрасну». — «Отчего? Скажи». — «Друг, этот дом осквернен рождением ребенка». — «Разве не истек срок скверны?» — «Он будет длиться всю жизнь; других детей у меня не будет; и все это из-за могущества моей дочери. Ты спросишь: кого же я родила, что погибло все мое добро? Дочь по имени Бедность».

Царь сказал: «Брахман, чего ты просишь?» Брахман ответил: «О царь, ты — дерево желаний для своих слуг. Сделай так, чтобы я не был беден в течение всей моей жизни». Царь сказал: «Вот корова желаний, она даст тебе все, что ни пожелаешь. Возьми ее». И он передал ему корову желаний. Брахман, радостный, как если бы он получил небесное блаженство, взял корову желаний и пошел к себе домой. А царь возвратился в свой город».

Рассказав этот рассказ, статуя сказала царю Бходже: «О царь, если свойственно тебе такое же великодушие, тогда садись на этот трон». Услышав рассказ, царь молчал.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ СТАТУИ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВЫ

Когда же царь снова хотел сесть на трон, другая статуя проговорила: «О царь, на этот трон достоин сесть лишь тот, кто, как Викрама, наделен великодушием и другими добродетелями». Бходжа попросил: «Статуя, расскажи историю о его великодушии и других добродетелях». Статуя сказала:

«Слушай, царь:

Царь Викрамадितья, отправившись странствовать по земле, пришел в один город. Рядом с этим городом текла река с прозрачной водой. На берегу реки был лес, украшенный всевозможными цветами и плодами, а посреди него — великолепный храм. Царь выкупался в речной воде, почтил бога и вошел в храм. В то же время туда вошли четверо странников и сели возле царя. Тогда царь спросил их: «Откуда вы пришли?»

Один из странников ответил: «Мы пришли с востока». Царь сказал: «Что необычного вы там видели?» Странник сказал: «Господин, мы видели удивительную вещь, такую, что ушли, чуть не распrostившись с жизнью». — «Что же именно?» — спросил царь. Странник сказал: «Есть там город по названию Веталапури,^[383] в котором живет богиня Шонитаприя.^[384] Местные жители и царь, чтобы исполнились их желания, ежегодно приносят этой богине человеческие жертвы. Если в определенный день явится какой-нибудь чужестранец, его убивают и как жертвенное животное предлагают богине. Как раз в такой день мы по пути зашли в этот город, и его жители собрались, чтобы убить нас. Узнав об этом, мы убежали, спасая свою жизнь. Вот какова та удивительная вещь, которую мы видели».

Услышав такое, царь Викрама отправился в тот город, увидел

внушающий ужас храм и, склонившись перед богиней, восславил ее:

Брахмани, чье лицо чарует подобно цветку месяца, прелестная Махешвари, Каумари, попирающая гордость врагов, вооруженная диском Вайшнави, Варахи, чей смех звучит гулко и грозно, Айндри с ваджрой в руке, Чамунда, единая с Гананатхой и Рудрой,^[385] — все вы, богини-матери, храните меня.

Так восхвалив богиню, он сел в павильоне для торжественных представлений. В это время туда же под аккомпанемент музыки в сопровождении толпы народа вошел некий человек с несчастным лицом. Увидев его, царь подумал: «Вот тот самый человек, которого привел народ, чтобы принести в жертву богине. Поэтому у него такое несчастное лицо. Если я теперь же пожертвую своим телом, то освобожу его. Пусть мое тело проживет хоть сто лет, все равно оно не избежит гибели. Поэтому должно снискать славу и добродетель даже ценой гибели собственного тела. Сказано ведь:

Преходяще счастье, преходяща жизнь, преходящи тело и юность, трижды преходящ круг бытия; но добродетель и слава вечны.

И еще:

Не вечно тело, преходяще богатство, только смерть всегда рядом; следует копить лишь сокровища добродетели.

И так:

Богатство подобно пыли под ногами, юность — стремительному бегу горных рек, человеческое бытие легковесно и мгновенно, как капля воды, жизнь — пена. Если человек не отдает все свои помыслы добродетели, отпирающей засовы неба, его в старости терзают укоры совести и жжет огонь сожалений».

Так подумав, царь сказал пришедшей толпе: «Люди добрые, куда ведете вы этого человека с несчастным лицом?» Те ответили: «Мы принесем его в жертву богине». — «Зачем?» — спросил царь. Те сказали: «Богиня будет довольна человеческой жертвой и исполнит наши желания». Царь сказал: «Люди добрые, этот человек крайне щедущ телом и к тому же перепуган. Что за удовольствие получит богиня от приношения его тела? Поэтому отпустите его. Я сам отдаю свое тело в жертву. У меня цветущее тело, и богиня будет довольна, получив мое мясо. Так убейте же меня и совершите жертвоприношение». Так сказав, он освободил

несчастную жертву, подошел сам к богине и поднес к шее свой меч.

Тогда богиня схватила меч и сказала: «Герой, я довольна твоим мужеством и самоотверженностью; выбирай дар». Царь сказал: «Богиня, если ты довольна мною, то откажись с сегодняшнего дня от человеческих жертв». — «Да будет так!» — ответила богиня.

Люди вокруг сказали царю: «О царь, подобно большим деревьям, ты не думаешь о собственном благе и несешь тяготы ради других. Так:

Ты не думаешь о собственном благе и ежедневно терпишь страдания ради других людей, но такова твоя природа. Ведь и деревья принимают невыносимый жар на свои верхушки, но спасают от него тех, кто укрылся в их тени».

Тут царь, простившись с ними, возвратился в свой город». Рассказав этот рассказ, статуя сказала царю: «О царь, если свойственно тебе такое же мужество и великодушие, тогда садись на этот трон». Услышав рассказ, царь молчал.

РАССКАЗ ТРИДЦАТОЙ СТАТУИ

ЦАРЬ И ФОКУСНИК

Когда же царь снова хотел сесть на трон, другая статуя промолвила: «О царь, пусть тот сядет на этот трон, кто, как Викрама, наделен великодушием и другими добродетелями». Царь попросил: «Статуя, расскажи историю о его великодушии». Статуя сказала:

«Слушай, царь.

Однажды царь Викрама в окружении всех вассальных царевичей восседал на троне. В это самое время явился некий фокусник и, пожелав царю жить столько же лет, сколько живет Брахман, сказал: «Божественный, ты знаток всех искусств. Много фокусников приходило к тебе и показывало свою ловкость. Так будь же милостив и ко мне и взгляни теперь на мое искусство». Царь ответил: «Сегодня нет у нас подходящего времени: пришел час омовения и еды. Мы посмотрим тебя завтра утром».

На следующее утро фокусник явился в царскую залу. Он был необычайно высокого роста, с большой бородой и лицом, излучавшим сияние, в руке он держал меч, и его сопровождала женщина исключительной красоты. Когда он склонился перед царем, придворные, видя его величие, с изумлением спросили: «Герой, кто ты? Откуда пришел?» Он сказал: «Я слуга великого Индры; некогда мой господин проклял меня, и я был низвергнут на землю. Вот моя жена. Сегодня началась великая битва между богами и ¹³⁸⁶дайтьями. Так вот, я пойду и приму в ней участие. Ты, царь Викрамадитья, для чужих жен — заботливый брат. Я оставлю у тебя свою жену, а сам пойду на битву». Выслушав его, царь пришел в великое удивление. А он, оставив жену и поручив ее царю, с мечом в руке взлетел к небу.

Тут же в воздухе раздались громкие и страшные крики: «Эй, эй! Убивай, убивай! Бей, бей!» При этом все сидящие в зале с изумлением стали смотреть вверх. Через некоторое время в царскую залу с неба упала чья-то рука, измазанная кровью, а в ней меч. Увидев ее, все стали говорить: «Увы, этот великий герой убит в сражении с врагами; это упала его рука с мечом». Когда сидящие в зале так говорили, упала еще голова, а затем и туловище. Видя это, жена героя сказала: «Божественный, мой муж убит врагами на поле битвы. Это упали его голова, рука с мечом и туловище. И поскольку на моего супруга не пал выбор небесных дев, я пойду к нему. Пусть приготовят для меня костер». Услышав ее слова, царь сказал: «Дочь

моя, зачем тебе идти на костер? Я буду заботиться о тебе, как о собственной дочери. Сохрани свое тело». Она ответила: «Божественный, зачем ты так говоришь? Тот, для кого это тело существовало, мой повелитель, пал от руки врагов на поле битвы. Ради чего же теперь мне беречь свое тело? И еще: тебе не следовало этого говорить, ибо даже глупцам известно, что жены должны следовать за мужьями. Ведь так:

Вместе с луной прекращается лунный свет, вместе с тучей исчезает и молния, жены уходят вслед за мужьями — это признают даже глупцы.

Таков ведь обычай:

Жена, которая после смерти мужа бросается в огонь, поступает, как Арундхати,^[387] и вкушает блаженство на небесах.

Пока после смерти мужа жена не сожжет себя на костре, она не может стать свободной от тела.

Та, которая следует за своим мужем, очищает от грехов три рода: род матери, род отца и род, в который она была отдана при замужестве.

И так еще сказано:

Тридцать пять миллионов волос у человека; столько же лет проживет на небе та, которая последует за своим супругом.

Как охотник за змеями силою извлекает змею из норы, так жена увлекает ввысь своего супруга и блаженствует вместе с ним на небе.

Жена, исполнившая свой долг, спасает супруга, дурен он был или хорош или даже виновен во всех грехах.

И еще. Царь, для женщины, лишившейся мужа, нет смысла в жизни. Сказано ведь:

Что толку жить несчастной женщине, лишившейся своего мужа? Тело ее никому не нужно, как баньяновое дерево^[388] на кладбище.

Свою меру дает отец, свою меру — брат, свою меру — сын; но как же не чтить женщине мужа, который дает ей неизмеримое?

И еще:

Пусть у женщины много родственников и сыновей, пусть она наделена добродетелями; все равно, она несчастна и заслуживает жалости, если у нее нет мужа.

И так:

Зачем вдове духи, цветы, благовонные курения, всевозможные украшения, платье и удобное ложе?

Лютня не звучит без струн, повозка не движется без колес, жена не может быть счастливой без мужа, даже если у нее сотня родственников.

Муж — единственная опора для женщины, даже если он беден, неудачлив, стар, болен, слаб, отвержен, несчастен.

Нет родственника ближе, чем муж; нет друга лучшего, чем муж; нет такого покровителя, как муж; нет такой опоры, как муж.

Для женщин нет другого такого несчастья, как вдовство; среди жен счастливица та, которая умирает раньше мужа».

Так сказав, она упала в ноги царю и молила его о костре. Когда царь выслушал ее, его сердце омыла волна сострадания, он приказал соорудить костер из сандалового и иного дерева и разрешил ей взойти на него. И она бросилась в погребальный огонь своего супруга.

Вскоре зашло солнце. На следующий день, когда царь исполнил все свои утренние обязанности и сидел на троне, окруженный вассальными царевичами и другими придворными, вошел тот же самый воин, как и в первый раз, с мечом в руке, высокого роста, и тело его излучало сияние. Он надел на шею царю венок, сплетенный из цветов с древа желаний, на котором было множество пчел, привлеченных его благоуханием, передал царю благословение Индры и начал подробно рассказывать о битве. Видя его возвращение, все собравшиеся пришли в изумление. Изумился и сам царь. А воин сказал: «О царь, отсюда я отправился на небо. У великого Индры там была жестокая битва с дайтьями. В этой битве многие демоны были убиты, а другие бежали. Когда кончилась битва, бог Индра милостиво сказал мне: «Воитель, давно я не видел тебя. Где ты был столько времени?» Тогда я ответил: «Из-за проклятия моего господина я все это время жил на земле. Узнав, что сегодня у моего господина происходит битва с дайтьями, я пришел, чтобы помочь ему». Тогда смилостивилось сердце великого Индры, и он сказал мне: «Воитель, теперь тебе не нужно возвращаться на землю; пришел конец твоему проклятию. Я доволен тобой; возьми этот золотой браслет с девятью драгоценными камнями». И, сняв браслет со своей руки, он сам надел его на мою руку. Тогда я сказал: «Господин, отправляясь сюда, я оставил у Викрамарки свою жену. Я возьму ее и тотчас вернусь обратно». Так сказав Пурандаре,

^[389] я явился сюда. Ты — заботливый брат для чужих жен; верни мою жену, вместе с ней я возвращусь на небо». Выслушав его, пораженный царь молчал. Воин снова сказал: «О царь, почему ты сидишь и молчишь?» Те, кто были рядом с царем, ответили: «Твоя жена бросилась в огонь». Он спросил: «Отчего?» Они не были в состоянии ответить и промолчали. Тогда он сказал: «О царь, лучший из царей, заботливый брат для чужих жен, древо желаний для всех просителей, владыка доблести, живи столько же, сколько Брахма. Я фокусник, и я показал тебе образец моего искусства». Царь был изумлен.

В этот момент вошел хранитель сокровищницы и сказал: «О государь, царь пандьев ^[390] прислал тебе, повелитель, дань». — «Что же он прислал?» — спросил царь. Тот сказал: «Господин, слушай и будь внимателен:

Восемь коти золота, девяносто три тулы ^[391] жемчуга, пятьдесят рабочих слонов, чей сладкий пот привлекает пчел, триста лошадей, сто гетер, сведущих в разных искусствах, — все это, великий царь Викрама, послано тебе царем пандьев».

Тогда царь сказал: «Казначей, все это отдай фокуснику». И тот все отдал ему».

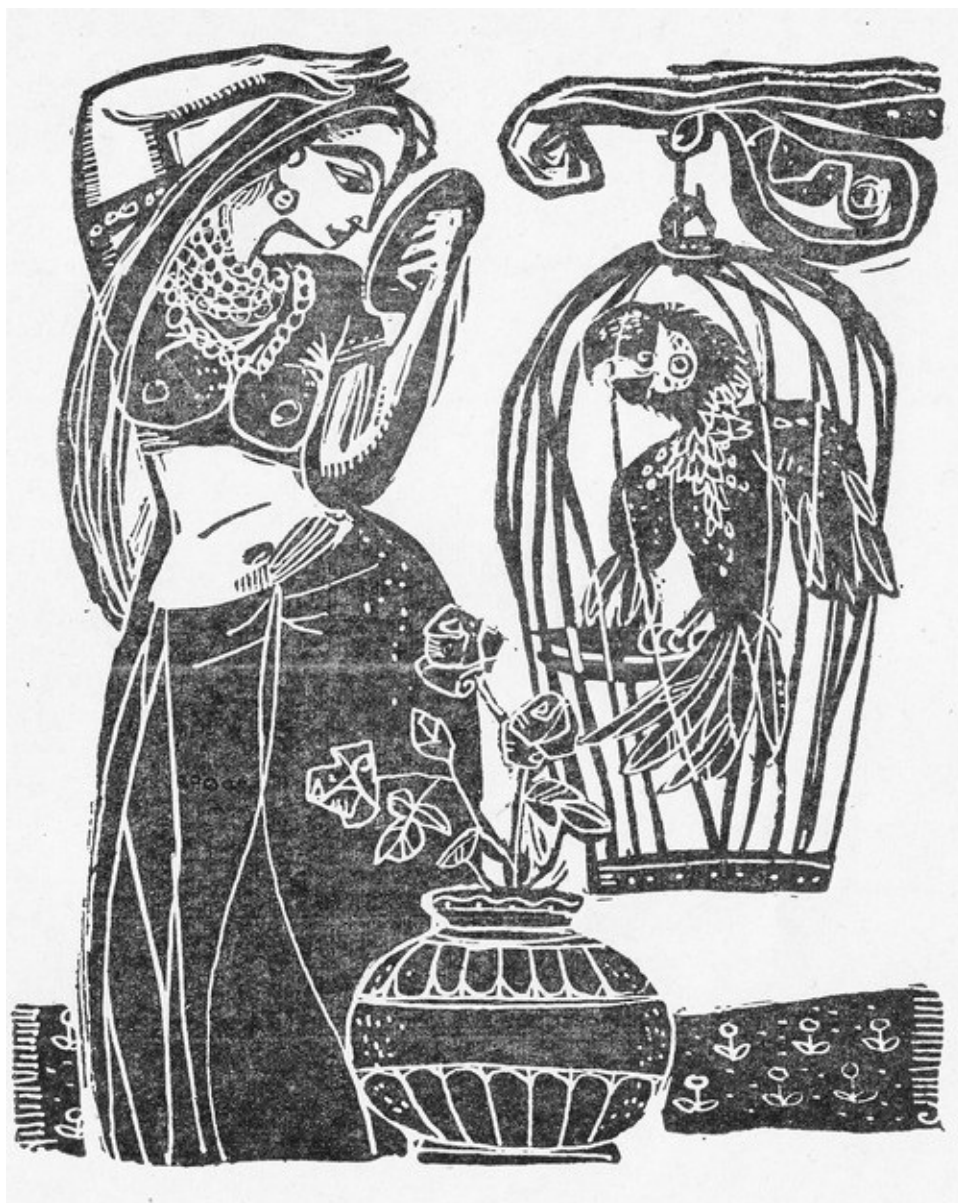
Рассказав этот рассказ, статуя сказала царю Бходже: «О царь, если свойственно тебе такое же великодушие, тогда садись на этот трон». Царь молчал.

СЕМЬДЕСЯТ РАССКАЗОВ ПОПУГАЯ

Слава Ганеше!

Прославив богиню Шараду,^[392] владеющую божественными знаниями, рассказываю избранные повести попугая, чтобы развлечь людей.

Перевод М. А. Ширяева

Есть город Чандрапура.^[393] Там правил царь Викрамасена. И жил в этом городе знатный купец Харидатта с женой Шрингарасундари и сыном Маданавинодой.^[394] Сын был женат на Прабхавати,^[395] дочери богатого купца Сомадатты. Маданавинода предавался чувственным удовольствиям, был дурным сыном и не слушал наставлений отца. Он чрезвычайно увлекался игрой в кости, охотой, гетерами, вином и прочим. Видя, что сын идет по дурному пути, Харидатта и его жена сильно горевали.

Сочувствуя горю Харидатты, скорбевшему о своем дурном сыне, друг его, брахман Тривикрама, принес ему из своего дома попугая, искусенного в житейской мудрости, а также ворону-прорицательницу и сказал: «Друг Харидатта, береги, как сына, этого попугая и его супругу. Если будешь его беречь, то горе твое исчезнет». Харидатта, взяв попугая, передал его сыну Маданавиноде. Маданавинода посадил попугая в золотую клетку, поставил ее в спальне и стал кормить эту птицу. Однажды попугай тайком сказал Мадане: «Друг!

Слезы твоих несчастных родителей, исторгнутые горем, падают на землю. От грехов своих ты, милый, пропадешь, как Девашарман».

Мадана спросил: «А что с ним было?»

Попугай рассказал:

РАССКАЗ ПОПУГАЯ

«Есть город Панчапура. Жил в нем брахман Сатьяшарман. Имя его жены было Дхармашила, а сына — Девашарман. Пройдя обучение, сын, не спрося у родителей, ушел в чужую страну, к берегам реки Бхагиратхи,^[396] намереваясь жить отшельником. Однажды этот подвижник уселся на берегу Ганга для чтения молитв. В это время пролетевшая цапля уронила

на него свой помет. И когда подвижник взглянул вверх гневным взором, то увидел, что цапля эта превратилась в пепел от огня его гнева и упала на землю. Спалив, таким образом, цаплю, он пошел к дому брахмана Нараяны за подаванием. Жена брахмана, поглощенная в это время услужением мужу, сказала рассерженному и обиженному ожиданием милостыни убийце невинной птицы: «Не сердись, я тебе не цапля». Отшельник был испуган и удивлен тем, что она знает о его тайном преступлении, и спросил, как достигается знание сокрытого. Тогда жена брахмана послала его к охотнику Дхармавьядхе в город Варанаси. Девашарман увидел там этого охотника, занятого продажей мяса, с окровавленными руками, похожего на Яму, и предстал пред ним. Охотник после приветствий привел его к себе домой, почтительно предложил пищу своим родителям, а потом и ему. После того Девашарман спросил охотника, как приобрела знание та женщина: «Как узнает обо всем она, и как узнаешь ты?» Охотник сказал:

«Кто старательно соблюдает закон, завещанный кастой, тот избегает высших, средних и мелких грехов.

Тот настоящий хозяин дома, тот настоящий святой, праведник, подвижник и благочестивый, кто слушает родителей и всегда справедлив.

Вот мы — я и та женщина — владеем знанием, а ты, покинувший родителей, скитающийся, недостойн даже разговаривать с такими, как я. Говорю с тобой только потому, что считаю тебя гостем».

После того как это было сказано, брахман Девашарман еще порасспросил его смиренно. Тот сказал:

«Не почитающие почтенных и не уважающие уважаемых живут, терпя порицания, и по смерти не попадают в рай».

Вразумленный этим охотником, брахман пошел к себе на родину. И он был прославлен на этом свете и на том тоже стал вместилищем славы.

Поэтому помни о законах, приличествующих семье купца, и будь послушен родителям».

После того как попугай рассказал это, Маданавинода, поклонившись родителям, получив их позволение и попрощавшись с женой, сел на корабль и отправился в чужие страны. Тогда его жена, проведя несколько дней в скуке, пожелала, побуждаемая легкомысленными подругами, вступить в связь с неким мужчиной. Они говорили об этом так:

«До тех пор отец, до тех пор родственник, пока человек жив. А как

узнают, что умер, так любовь мгновенно исчезает.

Поэтому раз тебе муж теперь недоступен, то пользуйся недолго длящейся молодостью твоего тела и срывай плоды удовольствий, сойдясь с другим мужчиной».

И вот, когда Прабхавати, жена Маданы, согласившись на их уговоры, надела наряды и собралась идти, чтобы встретиться с чужим мужчиной, имя которого было Гуначандра, вещая ворона стала ее бранить, говоря: «Не ходи». Прабхавати хотела ее убить, открутив голову, но та вспорхнула и улетела.

Женщина постояла с минуту, помянула про себя своего бога-хранителя, взяла бетель,¹³⁹⁷¹ но когда пошла, попугай сказал: «В добрый час!» И спросил: «Куда идешь?» Прабхавати, приняв эти слова попугая за добрый знак, усмехнулась и сказала: «О царь попугаев, я собралась отведать вкус чужого мужчины».

Попугай ответил: «Дело подходящее, хотя и опасное и пристойными женщинами порицаемое. Что же? Следует идти, если в случае неприятности будешь умна. А не будешь умной — испытаешь унижение. Потому что:

Когда случается несчастье, то дурные люди всегда ищут в нем что-либо интересное для себя, как искала одна сводня, когда купеческий сын был схвачен за волосы».

Тогда Прабхавати вместе со своими подругами, любительницами мужчин, стала почтительно расспрашивать попугая. Она сказала с живостью: «Что это ты говоришь, попугай?»

Тот отвечал: «Если ты, прекраснوبرовая, желаешь идти туда, куда тебя так манит, то иди, красавица.

Этот замечательный рассказ тебе надо будет выслушать после, когда ты успокоишься».

И когда она, выслушав эти слова попугая и снедаемая любопытством, осталась дома, попугай начал рассказ.

МУЖ-ЛЮБОВНИК (1)

«Есть город Чандравати.¹³⁹⁸¹ В нем правил царь Бхима. И там некто Судхана, сын богатого купца Моханы, пожелал насладиться с Лакшми, женой тамошнего жителя Харидатты. Но она не соглашалась. Тогда он пошел к сводне, по имени Пурна, дал ей много денег и, когда Харидатта уехал из города, послал ее в дом Лакшми для переговоров. Пурна

льстивыми словами расположила к себе Лакшми. «Сделаю все, о чем попросишь», — сказала восхищенная Лакшми. Пурна ответила: «Так прими мужчину, которого я имею в виду». Та сказала: «Пристойным женщинам не подобает это дело, но раз я дала тебе обещание, то сделаю. Говорится ведь:

Хорошим людям, когда они выполняют обещанное, все нипочем: пусть им хоть голову отрубают или запирают их куда угодно, или лишают всякого счастья.

А также:

У хорошего человека узы взятого на себя долга крепче железных цепей и всяческих пут лошадиных.

И по сей день ведь не выпускает из себя Хара^[399] проглоченный им яд калакута;^[400] и черепаха все еще носит на спине землю.^[401]

И океан носит в себе тяжкий огонь Вадава.^[402] Обещанное мудрые люди исполняют».

На это Пурна сказала с радостью: «Вот именно». И, подготовив таким образом Лакшми, вечером привела ее к себе домой, чтобы она встретилась с Гуначандрой.^[403] Но любовник, занятый какими-то делами, не пришел в назначенное время. Тогда возбужденная желанием Лакшми сказала: «Приведи любого мужчину». И глупая Пурна привела к ней ее же мужа. Теперь скажи ты, Прабхавати, или твои приятельницы пусть скажут, как быть этой Лакшми, когда пришел ее муж, как ей попасть домой?»

Женщины сказали: «Не знаем, говори сам». Попугай отвечал: «Если ты, Прабхавати, не пойдешь, то расскажу». Прабхавати отвечала: «Не пойду». Тогда попугай продолжал:

«Лакшми, видя, что пришел ее муж, схватила его за волосы и закричала: «Ах, обманщик, ты всегда болтал передо мною, что будто бы, кроме меня, у тебя нет другой возлюбленной. Теперь я тебя испытала и узнала». Так разгневалась Лакшми. Муж с трудом успокоил ее нежными словами и отвел домой».

Выслушав это рассказанное попугаем повествование, возбуждающее страх и удивление, возлюбленная купца улеглась спать вместе со своими ветренными подругами.

Таков первый рассказ из книги «Шукасаптари».

ХИТРАЯ СВОДНЯ (2)

На другой день вечером Прабхавати и ее подруги простились с попугаем. Прабхавати хотела идти, но попугай сказал ей следующее:

«Иди, куда хочешь, прекраснобедрая, если сумеешь найти выход из надвинувшейся беды, как Яшодevi избавилась от опасности».

Прабхавати спросила: «Какая Яшодevi? Когда, из какой опасности и какой выход она нашла?» Попугай отвечал: «Если стану рассказывать о том, что мешает любви, то ты в гневе убьешь меня». Та сказала: «От друзей надо выслушивать и приятное и неприятное». Ободренный этими словами, попугай заговорил:

«Есть город Нанданам. В нем правил царь Нандана. И был у него сын Раджашекхара, женатый на Шашипрабхе. Эту Шашипрабху увидел некто Вира, сын Дханасены, и так возжелал ее, что заболел лихорадкой, не ел и не пил. Спрошенный матерью, которую звали Яшодevi, о причине недуга, он рассказал ей, запинаясь, все. Эту дочь царя трудно заполучить. Как теперь жить ему на свете?»

Такой вопрос предложил попугай. Прабхавати сказала: «Отвечай сам». Попугай произнес: «Если сегодня не уйдешь, то отвечу». Та на эти слова промолвила: «Говори». И попугай рассказал.

«Эта Яшодevi приучила к себе кормом и прочим суку, надела на нее украшения, пришла с нею к Шашипрабхе и наедине сказала со слезами этой женщине: «Я, ты и эта собака были сестрами до того, как родились на земле. Я безбоязненно удовлетворяла свою склонность к чужим мужчинам, а ты с опаской. Эта же собака совсем этим не занималась. Поэтому, будучи столь скромной, она сохранила воспоминание лишь о своем прежнем бытии, а не об удовольствиях и родилась сукой. А ты, наслаждавшаяся несвободно, ничего не помнишь о прежнем рождении. У меня же сохранилась память о прежнем рождении и о свободной жизни в нем, так как я без помех предавалась удовольствиям. Я, движимая состраданием, опасаясь, как бы ты в будущей жизни не родилась сукой, пришла рассказать тебе об этом, когда увидела эту сучку и тебя. Так что ты должна уступать желаниям тех, кто тебя о чем-либо просит. Кто щедр на дары, тот вместилище всего благого. Говорится ведь:

Собирающие подаяние не просят, а возвещают в каждом доме вот что: «Просящим всегда нужно давать. Судьба недающего будет подобна нашей».

Тогда Шашипрабха с рыданием бросилась на шею Яшодevi, говоря: «Милая, сведи меня с чужим мужчиной». И Яшодevi, добившись своего,

привела ее с ведома своего мужа к себе в дом и свела со своим сыном. Раджашекхара, муж Шашипрабхи, удовлетворившись тем, что ему дали денег, сказал: «Приходила подруга жены», — и не мешал.

Так, о госпожа, обманув царского сына и царскую дочь, многомудрая Яшодевы обделала свое дело.

Если у тебя столько же ума, то иди, прекраснотроветая, к другому. А нет, так ложись спать, большеглазая, и не подвергай себя осмеянию».

Выслушав этот рассказ попугая, Прабхавати уснула.

Таков второй рассказ из книги «Шукасаптати».

ЛЮБОВНИК НА АКАЦИИ (12)

На другой день Прабхавати приготовилась идти. Попугай проговорил:

«Иди, если сумеешь дать ответ в затруднительном случае, как сумела дать Шобхика, когда ее любовник взобрался на акацию.

В деревне Налауда жил богатый горшечник. Его жена Шобхика была очень распутна, жадна до мужчин. Однажды, когда ее муж куда-то ушел, она дома забавлялась с любовником. И вот при таких обстоятельствах муж вернулся домой. Спрашивается: как тут ей быть?». И попугай продолжал: «Завидя приближающегося мужа, Шобхика сказала любовнику: «Лезь на акацию». Тот сейчас же сделал, что ему было сказано. Но когда он лез на дерево, с него упала одежда, и он вскарабкался голым. Видя его взобравшимся на дерево, муж спросил: «Что это такое?» Жена сказала: «Он от врагов своих залез на акацию, даже одежду уронил». Муж подошел, дал ему спуститься потихоньку с дерева и отправил его домой. Любовник и обманщица смеялись себе в кулак».

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.

Таков двенадцатый рассказ из книги «Шукасаптати».

БОЖИЙ СУД (15)

На следующий день Прабхавати снова собралась идти.

Попугай со смехом проговорил: «Иди, если сумеешь отвечать так, как ответила раз Шриядеви, когда у нее сняли с ноги браслет.

Есть город Шалипура, в нем жил купец Шалига с женой Джаликой. У них был сын Гунакара, женатый на Шриядеви. А Шриядеви состояла в связи с купцом Субуддхи. Несмотря на то, что об этом уже появился слух в

народе, влюбленный в нее муж ничего слушать не хотел. Говорится ведь:

Люди, расположенные к хорошему, видят только хорошее, дурные видят только плохое. Беспристрастные люди видят как дурное, так и хорошее.

А также:

Даже разумные мужчины, влюбившись в женщину, о себе не заботятся. А для женщин иные мужчины как вода в руке.

Однажды свекор застал Шриядеви спящей с любовником. Она почувствовала, что свекор снял с ее ноги браслет. Тогда она отпустила любовника, привела мужа и легла спать с ним. Потом она разбудила мужа и сказала: «Твой отец снял у меня с ноги браслет и унес». Муж ответил: «Завтра сам у отца возьму его и верну!» Гунакара, ругаясь, потребовал у отца браслет. Отец сказал: «Я взял браслет, потому что увидел твою жену спящей с чужим мужчиной». Жена возразила: «Я спала с твоим сыном. Готова хоть божьему суду подвергнуться. Тут в северной части деревни есть изваяние якши. Я пройду между его ног. Известно, что, кто прав, тот может пройти между ног статуи». Свекор согласился.

Неверная жена еще до наступления дня отправилась к любовнику и сказала ему: «Милый, сегодня утром я по божьему суду буду проходить между ног статуи якши. Ты приди к статуе, изобрази помешательство и бросься обнимать меня». Тот согласился, и она вернулась домой.

Утром она собрала весь народ, взяла цветов, невыколосившихся злаков и прочее, пошла к храму якши, совершила омовение в ближайшей реке, и, когда пришла совершить моление, ее любовник по уговору, как одержимый бесом, охватил ее за шею руками. «Ах, что же это такое?» — вскричала она и пошла опять омываться. Люди схватили бесноватого за горло и удалили оттуда. Жена, омывшись, подошла к статуе якши, принесла в жертву цветы, благовония и прочее и сказала во всеуслышание: «О досточтимый якша! Если ко мне когда-нибудь прикасается какой-либо мужчина, кроме моего мужа и этого бесноватого, то пусть не пройду я между твоих ног». С этими словами она на глазах всего народа прошла между ног якши. И якша стоял неподвижно, одобряя про себя такую сметливость. Все стали ее хвалить, говоря: «Вот верная жена». И она пошла домой. Так что, если ты, Прабхавати, сумеешь сделать так, как Шриядеви, то иди».

Выслушав это, Прабхавати уснула.

Таков пятнадцатый рассказ из книги «Шукасаптати».

ЧУДЕСНОЕ ДЕРЕВО (28)

На следующий день Прабхавати стала отпрашиваться у попугая. Тот сказал:

«Сегодня иди, статная, если умеешь говорить так, как говорила когда-то Девика, которую застали с любовником.

Есть село под названием Кухада. Там жил крестьянин Джараса, непроходимый глупец. Жена его Девика бегала за мужчинами. С нею в поле в укромном месте, у дерева вибхитака,^[404] с удовольствием предавался любви брахман Прабхакара. Услышав от людей о таком дурном деле, муж сам пошел туда посмотреть. Он влез на дерево, увидел оттуда все, что было, и закричал с дерева: «Обманщица, долго я тебя ловил, но сегодня поймал!» «Как теперь, после таких слов, жене показаться мужу?» — опросил попугай. Прабхавати отвечала: «Не знаю, говори сам». — «Скажу, если не пойдешь». Та пообещала не идти, и попугай продолжал:

«Жена услала любовника, и, когда муж, сойдя с дерева, подошел к ней и стал ее ругать, она сказала: «Что ты, милый? Ведь это такое дерево: кто на него взберется, тому пара кажется». Муж ответил: «Ну влезь сама, посмотри». Жена повиновалась. Взобравшись на дерево, она закричала: «Вот вижу, что ты уже давно ходишь к другой женщине». Дурак подумал: «А ведь верно!» Успокоил жену и отвел ее домой».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков двадцать восьмой рассказ из книги «Шукасаптати».

СУД МУЛАДЕВЫ (30)

На следующий день Прабхавати стала отпрашиваться. Попугай сказал:

«Иди, госпожа, не думаю препятствовать твоему уходу, если только ты сумеешь в опасности дать такой ответ, какой дал Муладева.^[405]

Есть на земле место сожжения трупов, называемое Бхутаваса.^[406] И жили там два бхуты — Карала и Уттала. Жену одного из них звали Дхумапрабха, а другого — Мегхапрабха. Оба бхуты все спорили, чья жена лучше. Однажды они, гуляя со своими женами, увидели человека по имени Муладева, схватили его за руки и спросили: «Какая из этих двух женщин прекраснее? Если скажешь неправду, убьем тебя». А обе бабы были безобразные ведьмы, страшные, старые. Если сказать мужьям правду, то сожрут. Как же ответить! Муладева сказал:

«Для всякого на свете прекрасна только его возлюбленная и никакая другая». Когда царь хитрецов это сказал, его сейчас же отпустили».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков тридцатый рассказ из книги «Шукасаптати».

ЧЕТЫРЕ ЛЮБОВНИКА (33)

На следующий день Прабхавати, желая идти, спросила разрешение у попугая. Попугай проговорил:

«Что же за беда? Иди, госпожа, если умеешь так поступать в опасности, как поступила плетельщица венков Рамбхика в присутствии мужа».

«В чем здесь дело?» — спросила Прабхавати. Попугай рассказал:

«Есть город Шанкхапура. В нем проживал богатый плетельщик венков Шанкара. Его жена Рамбхика любила забавляться со многими мужчинами, отличалась изяществом и красотой и была женою многих.

Однажды в доме Шанкары справляли праздник поминания предков. К этому дню ею были приглашены четыре любовника. Она приглашала их каждого отдельно на перекрестках, когда вышла продавать цветы: позвала деревенского старосту, сына купца, стражника и военачальника, и каждый из них думал, что приглашен он один. «Приходи завтра ко мне в дом», — говорила она.

Когда на другой день муж ее ушел в сад, явился сын купца, чтобы, омывшись и поев, позабавиться любовью. Но не успел он омыться, как у двери дома показался староста. Не окончивший омовения купец очень испугался и был спрятан в измазанный маслянистым жмыхом амбар, плетенный из бамбука. Когда совершал омовение староста, на дворе появился стражник. При виде его староста был введен в тот же амбар; цветочница сказала ему: «Внизу там змея с детенышами, от нее надо укрыться». Не кончил и стражник омовения, как он был спрятан там же за горшками при появлении военачальника. И туда же Рамбхика втокнула не успевшего омыться военачальника, когда показался муж, цветочник. Тогда этот плетельщик венков и его домочадцы стали вволю угощаться поминальной трапезой.

Затем жена дала вкуснейшую пищу четверем приглашенным, которые не видели друг друга, — каждому отдельно. Купец стал сильно сопеть за едой. Находившийся недалеко от него староста вообразил, что тут змея, и со страха испустил мочу. Купец же подумал, что это льется масло у него с

блюда, поднял блюдо и толкнул им старосту в лицо. Тот перепугался. «Схватила меня, схватила!» — закричал он, выскакивая из амбара. Остальные трое, встревоженные криком «схватила», тоже выбежали из амбара, измазанные масляной гущей. Увидев их, Шанкара и его гости пришли в изумление. Как быть жене? Ответ: Когда муж спросил у нее, что это такое, она сказала:

«Ты нынче без веры поминал предков, милый; вот предки, не евши, и вышли, томимые голодом».

Тогда муж опять устроил поминание. По слову Рамбхики, те уже не приходили».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков тридцать третий рассказ из книги «Шукасаптати»

ОДЕЖДА БРАХМАНА (34)

На следующий день Прабхавати спросила у попугая, можно ли идти. Попугай ответил:

«Иди, госпожа, если ты умеешь так хитро говорить, как говорил когда-то Шамбху, отдав свою одежду девушке».

Прабхавати спросила: «Как это было?» Попугай рассказал:

«Жил когда-то в некоем городе брахман, по имени Шамбху. Он бродил по разным странам, предаваясь азартным играм. Однажды, идя по дороге, он увидел красивую девушку, сторожившую поля, и, дав ей бетелю, сказал приветливо: «Сойдись здесь со мной, вот тебе моя одежда за это». Та доставила ему блаженство. И он сейчас же, как только это свершилось, захотел взять свое платье назад. Как он его получил? Ответ: Когда он попросил у девицы одежду, она пошла домой. Брахман сорвал пять колосьев и пошел за ней следом. Когда дошли до деревни, он стал кричать: «Эй, начальники, смотрите! Небывалое дело в этой деревне! Вот она отобрала у меня одежду за то, что я сорвал пять колосков». Крестьяне вернули ему одежду. А девица ничего не сказала, боясь позора».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков тридцать четвертый рассказ из книги «Шукасаптати».

НАХОДЧИВЫЙ РАБОТНИК (37)

На следующий день Прабхавати спросила попугая, идти ли ей. И попугай сказал:

«Иди, куда желаешь, красавица, не будет тебе никакого вреда, если умеешь давать такой ответ, какой дал некий работник».

«Как это было?» — спросила Прабхавати. Попугай рассказал:

«В деревне Сангама жил семьянин Шура и держал работника, которого звали Пурнапала. Работник смотрел за всем у своего хозяина: за домом, полем, за гумном. Когда он работал в поле, то всегда обед ему носила дочь Шуры, которую звали Субхага. Работник спал с нею в укромном месте поля, не боясь хозяина. «Нехорошее это дело», — думали соседские работники и рассказали обо всем хозяину Шуру. Раз пошел этот Шура в поле, чтобы своими глазами увидеть, действительно ли работник связался с его дочерью. Он притаился около их убежища и увидел, чем забавлялась эта пара. Спрашивается: что мог ответить работник?»

И попугай продолжал:

«Окончив то, что делал, он встал и заметил хозяина. «Фу, ну и работа моя! — сказал он со вздохом. — И за плугом ходи и за этой расслабленной. Хоть бы в ад провалиться от этого и от другого. Я и за плугом хожу и еще должен суставы расправлять этой девице. И чего ради тружусь я на этого Шуру? Ведь тут пропадешь». При этих словах Шура подумал: «Нет, он не виноват», — не придавал значения словам людей и со стыдом отправился домой».

Прабхавати, выслушав рассказанную попугаем историю, улеглась спать.

Таков тридцать седьмой рассказ из книги «Шукасаптати».

ЛЕСТНИЦА (40)

На следующий день Прабхавати спросила попугая, можно ли ей идти. Попугай отвечал:

«Ступай! Хорошо по земле идти тому, кто желает идти. Иди, если умеешь говорить о сделанном и несделанном так, как Субуддхи».

Прабхавати спросила: «В чем дело?» Попугай рассказал:

«В местечке Нагара жили два всем известных приятеля — Субуддхи и Кубуддхи.^[407] Однажды Субуддхи уехал в иное место, и Кубуддхи стал жить с его женой. Но вот Субуддхи вернулся из чужой земли, добыв там денег. Кубуддхи тогда притворился, будто любит его по-прежнему. Здороваясь с Субуддхи, он спросил его: «Ну, видел ли ты что-либо любопытное?» Тот ответил: «В деревне Манорама, что на берегу реки Сарасвати,^[408] видел я в колодце плод манго, плавающий там с

незапамятных времен». Кубуддхи сказал: «Это вранье». Субуддхи возразил: «Нет, правда». — «Если это правда, — сказал Кубуддхи, — тогда возьми из моего дома все, что можешь захватить обеими руками. А коли неправда, то я возьму что-либо из твоего дома». Когда они так договорились, Кубуддхи ночью пошел и украл тот плод из колодца. Плода нет — Субуддхи проиграл. Кубуддхи, желая забрать себе его жену, стал требовать выполнения условий договора. К какому же способу прибег Субуддхи, чтобы уберечь жену? Вот вопрос». И попугай дал ответ: «Субуддхи, заподозрив дурное, взял и поместил все, что было в доме, и жену тоже, на чердак, а лестницу положил наземь. Явился Кубуддхи. «Ну бери из моего дома, что хочешь», — сказал Субуддхи. Тот, чтобы унести жену, взял обеими руками лестницу. Тогда Субуддхи проговорил: «Заранее было мною сказано: чтохватишь обеими руками, то твое. И только». Кубуддхи с позором удалился, и все над ним смеялись».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков сороковой рассказ из книги «Шукасаптари».

УБИЙЦА ТИГРА (42)

На другой день Прабхавати спросила попугая, идти ли ей. Попугай ответил:

«Хорошее дело — наслаждаться счастьем, красавица. Иди, если умеешь отвечать так, как отвечала вягхрамари».^[409]

Услышав это, Прабхавати сказала: «Наслаждение счастьем — это лучше всего на свете! Попугай, расскажи историю». И попугай рассказал:

«Есть деревня Деула; жил в ней раджпут,^[410] по имени Раджасинха. Его жену люди звали Калахаприя.^[411] Однажды, поссорившись с мужем, она забрала с собою обоих своих детей и пошла к отцу. Она прошла, охваченная злобой, много городов, много лесов и пришла в большой лес, расположенный на побережье Малай.^[412] Какой он был?

Заросший сандаловыми деревьями и семилистником, затененный ветвями прекрасных высоких сосен. Тут манговые деревья, на которых жужжат опьяневшие от нектара пчелы и порхают птицы.

Там на опушке деревья шелу и пилу, увешанные плодами, сочные бадара,^[413] много тамариндов. Ветер доносил аромат померанцев и лесных яблок.

Зайдя в такие дебри, эта самая Калахаприя увидела тигра. Заметив ее и

детей, он ударил хвостом по земле и стал подкрадываться. Как ей быть? Вот вопрос». И попугай продолжал: «Ответ такой: видя, что тигр приближается, Калахаприя нашлепала ладонью обоих сыновей своих и сказала: «Чего ссоритесь? И одному и другому хочется съесть тигра? Разделите пока этого одного и съешьте, а потом, может быть, и другой где-нибудь попадется». Услышав это, тигр подумал: «Это, должно быть, вягхрамари». И он в ужасе скрылся.

Вот как, красавица, благодаря своему уму Калахаприя избавилась от тигра. Так на свете и всякий другой разумный человек избавится от большой опасности».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.
Таков сорок второй рассказ из книги «Шукасаптари».

ТИГР И ШАКАЛ (43)

На следующий день влюбленная опять стала отпрашиваться. Попугай сказал:

«Иди, госпожа. Не будет ничего плохого, о ты, обладающая походкой слона, если у тебя разум тверд, как у той вягхрамари».

Прабхавати спросила: «В чем дело?

Расскажи теперь о том, как вягхрамари еще раз проявила свой ум. Очень мне это хочется знать, о приятноговорящий».

Попугай рассказал:

«Увидев в лесу убегающего в страхе тигра, шакал со смехом произнес: «Что это тигр так испуганно бежит?»

Тигр ответил: «Беги, беги и ты, шакал, куда-нибудь в укромное место. Меня собралась убить та самая вягхрамари, о которой говорится в шастре, но я схватил свою жизнь в лапы и быстро убежал от нее». Шакал проговорил: «Тигр, ты поведал нечто удивительное. Испугался человека, простой груды мяса?» — «Я своими глазами видел, — ответил тигр, — как она отшлепала своих двух сыновей, ссорившихся из-за того, что каждому из них хотелось меня съесть». Шакал сказал: «Господин, пойдем туда, где находится эта обманщица. Когда, о тигр, ты подойдешь и она будет перед тобой, я вместо тебя на нее прыгну». — «А если ты, шакал, меня бросишь и убежишь? — спросил тигр. — Придется тогда прыгать не на нее, а от нее». На это шакал возразил: «Если боишься, что сбегу, то привяжи меня к своей

шее и иди скорей». Тигр так и сделал, пошел в лес и разыскал ту вягхрамари с ее сыновьями. Как же спастись ей от тигра теперь, когда его так ободрил шакал? Вот вопрос». И попугай продолжал: «Вягхрамари сообразила, что тигра привел шакал, поэтому она стала ругать этого шакала и грозить ему пальцем, говоря:

«Ах ты, обманщик! Раньше ты доставлял мне по три тигра. Говори: почему сегодня привел только одного?»

С этими словами, ужасная вягхрамари стремительно бросилась на тигра. Но тигр быстро исчез вместе с привязанным к его шее шакалом.

Опять благодаря своему уму спаслась она от тигра. Сильный ум, о нежная, всюду нужен, во всяком деле».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати легла спать.

Таков сорок третий рассказ из книги «Шукасаптари».

ХИТРОСТЬ ШАКАЛА (44)

На другой день, перед вечером, Прабхавати попросила у попугая разрешение идти. Попугай сказал:

«Иди, госпожа, если знаешь, как спасти себя от опасности, подобно спасшемуся от опасности шакалу.

Итак, тигр, который из страха перед вягхрамари хотел уйти в иное место, тащил шакала. Шакал, привязанный к его шее, стер себе лапы и спину, из шеи у него текла кровь, он был чуть жив. Как ему спастись от великой беды? Вот вопрос». И попугай дал ответ: «Тигр быстро мчался через реки, леса, вверх и вниз по горам. Шакалу очень хотелось спастись. Он смотрел, смотрел и вдруг, невзирая на мучения, громко засмеялся. Тигр сказал: «Как ты можешь смеяться?» Тот отвечал: «Господин, вижу, что эта плутовка, действительно, вягхрамари. По твоей милости я теперь от нее далеко и остался жив. Но если эта негодница нападет на мой кровавый след и пойдет за нами по пятам, то нам не сдобровать. Вот я и усмехнулся. Господин тигр, найди в себе мужество и подумай об этом». Тигру его слова пришлись по душе. «Ладно», — сказал он и, отвязав шакала, быстро скрылся. Шакал был рад-радешенек.

Нужен ум, о прекраснобедрая, тем, кто ищет богатства, почета, счастья. У кого нет ума, те, о стройная, горе себе добывают.

Силой неумного пользуются другие, как телом слона, подобным вершине горы».

Выслушав этот рассказ и дивясь словам попугая, Прабхавати уснула. Таков сорок четвертый рассказ из книги «Шукасаптати».

НЕУТОМИМЫЙ БРАХМАН (45)

На следующий день, в сумерках, влюбленная стала отпрашиваться у попугая, говоря: «Я пойду». Попугай промолвил:

«Ныне, госпожа, как раз время тебе наслаждаться счастьем с возлюбленным, если только ты в случае обмана сумеешь поступить так, как поступил когда-то Вишну».

Прабхавати спросила: «В чем дело?» Попугай рассказал:

«Есть город Виласапура, в котором правил царь Ариндама. И жил в нем брахман по имени Вишну, человек похотливый, которого покинула семья. В городе о нем было известно, что он по своему любострастию был невыносим для женщин. Его не могли укротить даже гетеры, что же говорить об обычных женщинах? В этом городе проживала ганика,^[414] по имени Ратиприя.^[415] (Есть много видов ганик, как и прочих гетер. Но наиболее известны пять групп, в которые входят все они. Эти пять групп следующие: ганика, виласини, рупаджива, артхавриттика и дарика.^[416] Из них по положению выше всех ганика.) Она согласилась взять шестнадцать драмм^[417] и принять у себя этого брахмана. Когда тот пришел, она повела с ним любезную речь. Но мысли брахмана были заняты только одним любострастием, и он стал наслаждаться с нею и состязаться в выносливости. Гетера состязалась много часов,^[418] желая одержать победу и сохранить деньги. Но ночью она, сойдя в нижний этаж дома, сказала сводне: «Этот брахман невыносим. Отдай ему деньги и удали его. Жива буду — завтра же всего много будет». Сводня ответила: «В нашем доме еще ни один посетитель не побеждал гетеру и не брал назад денег. Поэтому удержи его до тех пор, пока я не прогоню его обманом. Я возьму два веера, влезу на фиговое дерево и захлопаю ими как крыльями, издавая крик петуха. Ты тогда скажи брахману: «Уже утро», — и прогони его». Проговорив это, сводня велела ганике идти опять наверх. А сама сделала все, о чем говорила. И когда все было сделано, гетера сказала брахману: «Уже утро», — и выдворила его.

Но когда он был за дверью, то глянул на небо: стояла ночь. Как перенести среди людей позор поражения брахману, которого одолела сводня? Вот вопрос». И попугай продолжал: «Когда брахман посмотрел туда, откуда шел петуший крик, то увидел сводню с двумя веерами в

руках. Он сбил ее комком земли с дерева, она упала, и женщины над ней смеялись. Брахман этот взял тут денег вдвое больше своего залога, ушел и стал высмеивать в городе гетеру».

Выслушав рассказ, Прабхавати легла спать.

Таков сорок пятый рассказ из книги «Шукасаптари».

ЖЕНА САПОЖНИКА (53)

На следующий день Прабхавати опять стала отпрашиваться у попугая. Попугай проговорил:

«Иди, стройнобедрая, стоит пойти, если, находясь в опасности, ты сумеешь ответить так, как отвечала жена сапожника».

Прабхавати спросила: «В чем дело?» Попугай поведал:

«На берегу реки Чарманвати^[419] есть деревня Чармакута. В ней жил сапожник, по имени Дохада. Его жена Девика была большая охотница до мужчин. Когда однажды этот сапожник ушел купить кожи, она привела в дом любовника. Но когда они вдвоем забавлялись, на дворе появился муж с кожей. Как быть любовнику и ей? Вот вопрос». Прабхавати спросила о дальнейшем, и попугай продолжал: «Заметив приближающегося мужа, она быстро выбежала вон, произнося:

«Рухам чучухунчукараунхнанааучалиханнаваханмадрам уваипа у чалияупхириякханлигаваха».

Услышав такую речь, глупец-муж в страхе стал бегать по деревне, разыскивая закливателя, а жена тем временем удалила любовника, и он пошел домой. Так что если у тебя найдется ответ в случае опасности, то иди. А нет — так ложись спать».

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.

Таков пятьдесят третий рассказ из книги «Шукасаптари».

ЗОЛА В ПОДАРОК (54)

Также и на следующий день Прабхавати, желая идти, попросила разрешение у попугая. Тот проговорил:

«Что же тут плохого, госпожа? Иди, если умеешь говорить так, как говорил гонец властителю, оказавшись в опасности».

Прабхавати спросила: «Как это было?» Попугай рассказал:

«Есть город Шакравати. Там правил царь Дхармадатта, отличавшийся справедливостью и другими добродетелями. У него был министр, по имени

Сушила. Сын Сушилы Вишну был ранее министром по делам войны и мира. Уйдя с этой должности и оставшись без денег, он, однако, думал, что унаследует должность министра от отца, и поэтому держался гордо и был суров. Однако царь не говорил о нем ни слова. Однажды министр, его отец, сказал царю: «Господин, почему этот Вишну в немилости?» Царь, не любивший Вишну, ничего не ответил. Министр опять сказал: «Господин, этот Вишну — человек верный и преданный тебе, он сведущ в делах посольских. Испытай его, государь, пошли куда-нибудь». Тогда царь, выслушав эту речь и будучи несогласен с нею, вручил Вишну запечатанную посылку, состоящую из золы, и велел отнести ее в подарок царю Шатрудамане в город Видиша. Тот пошел и, не зная, что подарок состоит из золы, положил запечатанную посылку перед царем. Когда этот приносящий несчастье дар был развернут, царь пришел в ярость. Как теперь обезопасить себя послу, принесшему такой подарок? Вот вопрос». И попугай дал ответ: «Вишну, видя, что царь разгневался, умно сказал: «Господин, мой государь принес в жертву коня и в знак почтения к тебе передал мне для тебя священную золу из жертвенной ямы, происшедшую от трех огней, благотворную, устранившую дурное. Ведь говорится:

Есть слоны, есть кони, есть разное добро, но трудно достать жертвенную золу для меня и для тебя».

С этими словами он поспешно встал, взял золу и подал ее царю. Царь, очень довольный его речью, оказал ему почет и отослал его повелителю ценный ответный подарок. Вишну был отпущен с почестями. Так что если и ты, госпожа, знаешь, как надо отвечать в случае опасности, то иди. А нет — оставайся дома».

Выслушав эту историю, Прабхавати легла спать.

Таков пятьдесят четвертый рассказ из книги «Шукасаптари».

ПОЦЕЛУЙ (58)

На другой день, вечером, Прабхавати, приготовившись идти, опять попросила разрешение у попугая. Попугай ответил:

«Сегодня, о ты, ищущая соединения, сойди с любовником, если сумеешь в нужное время поступить так, как поступил муж Духшилы ^[420] перед лицом бога Ганапати».^[421]

Прабхавати спросила: «Как было дело?» Попугай рассказал:

«Есть город Лохапури; жил в нем некий ничтожный человек, по имени

Раджада. Его жена Духшила увлекалась мужчинами. Пошла она однажды с приятельницами продавать пряжу в город Падмавати.¹⁴²²¹ У деревни женщины стали высказывать свои желания богу Ганапати, статуя которого здесь находилась. И эта Духшила, в тело которой вселился Мадана, пожелала себе поцелуев. Бог Ганапати послал всем большую удачу. Тогда на обратном пути каждая женщина стала наделять бога Ганешу тем, что получила за свою молитву. И Духшила, раздевшись догола, наделила статую поцелуем. Проказливый бог взял и накрепко присосал ее губы к своим. Так она и осталась там стоять, как курица. Подруги, хихикая, рассказали обо всем случившемся ее мужу, с тем чтобы он освободил ее. Выслушав их, муж пошел к статуе. Когда он увидел жену в таком положении, то призадумался. Как освободить ее? Вот вопрос». И попугай продолжал: «Видя жену стоящую таким образом, муж, исполнившись страсти, стал забавляться, подражая ослу. При таком зрелище Ганапати рассмеялся. От смеха губы его разомкнулись. Освободившаяся Духшила поклонилась богу и пошла домой, браня мужа.

Он, госпожа, совершил такое дело в нужное время, его поступок освободил эту Духшиту от бога, устранителя препятствий.

Искусник, начинающий дело при подходящем случае, всегда будет иметь удачу. Того, кто знает свое время, хвалят».

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.

Таков пятьдесят восьмой рассказ из книги «Шукасаптати».

МНИМЫЙ ЛЕКАРЬ (61)

На другой день Прабхавати опять стала отпрашиваться у попугая. Попугай проговорил:

«Иди, госпожа, если пойдешь и сумеешь насладиться любовью с твоим милым, как насладилась когда-то Теджука со своим любовником, к которому давно стремилась».

Прабхавати спросила: «Как было дело?» Попугай рассказал:

«Есть деревня Кхорасама, Там жил молодой купец по имени Паршванага. Его жена Теджука была женщина красивая, похотливая, распутная. Однажды она с приятельницами пошла посмотреть религиозную процессию, увидела красивого мужчину и стала думать о том, как бы с ним сойтись. Ведь говорится:

На свадьбах, во время процессий, в доме царя, в опасности, в чужих

домах и при ссорах, госпожа, женщинам погибель.

И еще сказано:

В доме, в лесу и в храме, при жертвоприношениях, при хождении по святым местам, у прудов, на свадьбах и праздниках и в домах плетельщиц венков,

Во время процессий, при скоплении женщин, там, где много народу, и там, где нет людей, и в городе, и в деревне своевольная женщина, с любопытством смотрящая на приход и уход царя, стоит у дверей погибели.

На гумне и в поле, на чужбине, в пути, в доме, на перекрестке, в соседском доме, в пустыне, в доме прачки и швеи, днем и ночью, в сумерках, в плохую погоду, на дворцовой площади и при несчастье с мужем — своевольная женщина всегда погибает.

Увидев того мужчину, Теджука подозвала его к себе движением бровей и сказала: «Я в тебя влюбилась, но мой муж — несносный, жестокий человек, и я не могу уходить из дома. Выберем день: я брошу скорпиона в кувшин, стоящий у двери нашего дома, и потом дам ему выскочить. Он будто бы укусит меня. А ты будь у двери под видом лекаря». Уговорившись таким образом, они разошлись по своим домам. Мужчина так и сделал — пришел. А Теджука, бросив кувшин на подушку, закричала: «Меня укусил скорпион, сидевший в кувшине».

Мужчина появился за дверью под видом врача. «Ушибы лечу, животы растираю, колики прекращаю, яд удаляю», — забормотал он. Тогда Теджука сказала мужу:

«Готовь дрова для меня, милый, я, конечно, умру. Или зови заклинателей, лекарей, лечи меня».

Муж позвал того человека, что стоял снаружи у дома. Врачеватель этот осмотрел женщину и сказал мужу: «Ее укусила черная змея. Счастлив ты будешь, если она выживет, да и я стану знаменит». Купец проговорил: «О лекарь, сделай милость, вылечи ее от яда». Тогда лекарь помазал губы своей возлюбленной каким-то горьким снадобьем и сказал ее мужу: «Ну, купец, сильнее всех ядов человеческий яд. Яд — средство против яда, знай это; оближи ей губы». Купец стал лизать, но так как губы жены были вымазаны горьким лекарством, то он сейчас же почувствовал во рту горечь. «Нет, уж облизывай ты», — сказал он лекарю, отступая. У купца возник страх перед ядом, и он ушел, а лекарь вволю позабавился с

влюбленною. Обманщица сейчас же после этого выздоровела. Купец тоже сразу оправился. Он осыпал врача любезностями, поклонился ему в ноги и сказал: «Я весь твой». Этот лжеврач потом постоянно ходил к жене, когда мужа не было дома.

Так что если и ты, госпожа, умеешь так делать и говорить, то иди.

Проказница, умеющая так делать и говорить, пускай так делает, пусть идет добиваться счастья и наслаждаться им».

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.

Таков шестьдесят первый рассказ из книги «Шукасаптати».

ОБЕЗЬЯНА И ДЕЛЬФИН (67)

На другой день, собравшись уходить, Прабхавати опять попросила разрешение у попугая. Попугай проговорил:

«Если ты, заболев любовью, хочешь идти, то иди, робкая, коли умеешь говорить себе на пользу так, как говорила некая обезьяна.

Есть лес под названием Пушпакара. В нем жила маленькая обезьяна по имени Банаприя.^[423] Она однажды увидела, как в море у самого берега барахтается дельфин, и сказала ему: «Друг, что это ты сегодня лезешь на берег? Жить тебе что ли надоело?» Услышав эти слова, дельфин ответил:

«Душа каждого рада тому месту, которое ему указано, и той награде, которая ему дана. Так, а не иначе, о обезьяна!

И сказано:

Не нравится мне, о Лакшмана,^[424] город Ланка, весь золотой. Но радует Айодхья, исхоженная ногами наших отцов, хоть и бедная.

Люди неохотно оставляют родину, общение с друзьями, жизнь, надежду на богатство, возлюбленных, которые спят, отвернувшись.

Счастлив я, что родился и увидел тебя. Сказано ведь:

Благо, когда хорошие люди друг с другом встречаются. Хорошие люди — как святая вода. Но святая вода помогает не сразу, а встреча с добрым человеком — сейчас же.

Поэтому счастливы земные твари там, где живут такие, как ты, говорящие по-дружески».

На это обезьяна сказала: «Дельфин, с этого дня ты мне друг, и друг дороже жизни. Ты произнес поистине слова приязни. Ведь сказано:

Мудрые говорят, что у хороших людей дружба возникает, едва они успеют пройти вместе семь шагов».

После этого обезьяна продолжала: «Друг, будь сегодня нашим гостем». С этими словами она дала дельфину спелых плодов, вкусом подобных амрите.^[425] И потом она каждый день давала ему бананов, а он угощал ими свою супругу. Супруга спросила мужа, откуда у него эти плоды, и дельфин рассказал, как было дело.

Она, будучи беременной, подумала: «Эта обезьяна всегда питается такими плодами, поэтому мясо ее груди, наверное, вкусно, как амрита». Подумав так, она сказала мужу: «Я беременна, и у меня прихоти, свойственные беременным. Хочу отведать сердца обезьяны. Если исполнишь мое желание, я буду жить, а если нет, то мне смерть — это несомненно». Выслушав эти слова своей возлюбленной, дельфин подчинился ее настоятельной просьбе, отправился к берегу моря и сказал обезьяне: «Друг, возлюбленная брата твоего зовет тебя в гости. Изведай гостеприимство в нашем доме». Сказав так и уговорив обезьяну, он посадил ее себе на спину и поплыл. По дороге обезьяна с беспокойством спросила у дельфина: «Что я буду делать у вас, когда приеду?» При этих словах дельфин подумал: «Скажу обезьяне правду. Я ее уже далеко отвез от берега и ей не уйти». Подумав так, он все ей рассказал. Как быть теперь обезьяне? Вот вопрос». И попугай продолжал: «Обезьяна сказала: «Ну, дельфин, тогда ты напрасно везешь меня туда. Я без сердца. Сердца при мне нет». Дельфин спросил: «Где же ты его оставила?» — «Друг, — ответила обезьяна, — неужели ты не слыхал, что

Мое сердце находится всегда на дереве удумбара,^[426] а душа — на фиговом дереве. Я возьму сердце и опять приду к воде».

Тогда глупый дельфин повернул к берегу. У берега обезьяна спрыгнула с его спины и, взобравшись на дерево, сказала: «Ступай! Ступай прочь! Тут уж меня не могут схватить такие, как ты.

У водяных тварей, ходящих всегда путями водными, нет крепкой дружбы с тварями, живущими на суше. Так сказал один мудрец».

Так, обруганный обезьяной, дельфин отправился восвояси. Вот и говорится:

Кто не теряет разума в делах, требующих хитрости, тот всегда уйдет от беды, как обезьяна ушла из воды».

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.
Таков шестьдесят седьмой рассказ из книги «Шукасаптати».

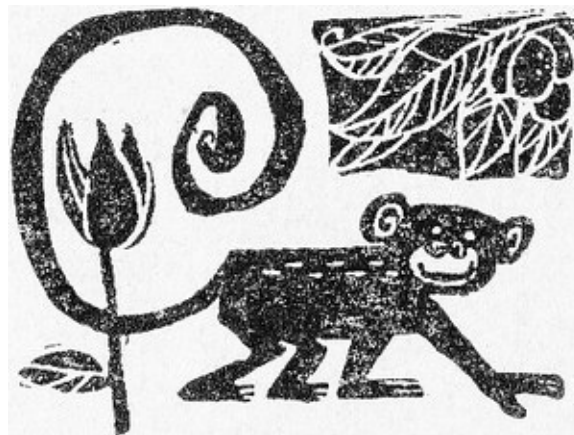
ПРИВЫЧКА (68)

На следующий день Прабхавати опять обратилась к попугаю. Попугай сказал:

«Иди, госпожа, наслаждайся счастьем, если у тебя, о красавица, на случай опасности найдется такой друг, как Витарка.^[427]»

Есть брахманская деревня под названием Видьястхана. В ней жил брахман Кешава. Пошел он однажды купаться и у пруда увидел прелестную купеческую дочь. Ему захотелось вступить с ней в связь. Однажды, когда он выходил из воды, она сказала ему: «Подними мне на голову второй кувшин». Он поднял и поцеловал ее в губы. А ее муж увидел это и повел его к царю. Как спастись брахману? Вот вопрос». И попугай дал ответ: «У брахмана был друг, по имени Витарка. Этот Витарка подошел к нему и шепнул: «Друг, когда придешь во дворец царя, все время чмокай губами и ничего не говори». Брахман так и поступил. Министр сказал: «Никакого преступления этот человек не совершил. Это у него от рождения привычка такая». Так и оправдался брахман перед людьми благодаря спасительной мудрости Витарки. Если и ты так сообразительна, то иди».

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.
Таков шестьдесят восьмой рассказ из книги «Шукасаптати».

Харибхадра
ПОВЕСТЬ О ПЛУТАХ

Перевод И. Д. Серебрякова

ВСТУПЛЕНИЕ

Есть в стране индийской, в земле Аванти,^[428] город радостный и цветущий, ни в какой мере грехами не оскверненный, граду небесному подобный. Называется тот город Удджайини, и посетить его достойно всяческой похвалы. В северной его части есть богатый сад, полный, как девственный лес, пальм фиговых и пальмировых, деревьев манговых и всяких других. Чудится, будто все они под ветром пляшут, ибо он колеблет их ветви и развевает свисающие с них гирлянды цветов. И полон этот сад разнообразных плодов, чарующих видом и достойных того, чтобы их отведать.

Случилось однажды так, что в том саду собралось великое множество шельмецов, пройдох, плутов и прочих отменнейших мастеров подобного рода. И кого только не надували они притворством своим, умильно жалостливыми лицами, масками и многими-многими другими способами!

И было среди них пятеро самых отменных, слывших вожаками, — Муладева, Кандарика, Элашадха, Шаша и Кхандапана, девка пронырливая; с каждым из мужчин было по пятьсот таких же мошенников, а с Кхандапаной пятьсот распутных и хитрых девок. Затянулись в ту пору дожди, и было душно, и тяжелые тучи закрыли небо над всем царством. Целыми неделями шли дожди не переставая, и вся земля покрылась грязью и слякотью.

Голод и холод одолевали шельмецов, и они приставали друг к другу, нет ли чего поесть и не даст ли им кто какой-нибудь пищи. И сказал тогда Муладева то, что пришло ему на ум: «Пусть каждый перед всей братией расскажет, что с ним доподлинно в жизни случилось, и если кто не поверит в правдивость его слов, то придется тому накормить всех собравшихся здесь. Если же кто сможет доказать Сказанием о Бхаратах, пуранами, Рамаяной^[429] и прочими священными книгами, что все сказанное истинно, тот — украшение шельмецов и никого не кормит».

I. РАССКАЗ МУЛАДЕВЫ

Так сказал Муладева, и сам первый вызвался рассказать о том, что с ним было в жизни. Вот что он рассказал.

«Послушайте, что я расскажу вам о днях своей молодости. Был я совсем юным, когда отправился искать удачи. Взял тыкву для воды, зонтик в руку, через плечо одеяло перекинул, пошел и увидел блистающий золотом храм Сканды,^[430] бога войны. Вдруг откуда ни возьмись мчится бешеный от течи слон, подобный ревущему повелителю бурь Парджанье,^[431] орошающий землю потоками пота, как тот орошает ее медвяными дождями. Испугался я отчаянно при виде разъяренного слона. Осмотрелся — деваться некуда, гибель грозит неизбежная. Бросился я со страха в тыкву.

В ярости кинулся слон, злобно трубя, по моим следам и гонялся за мною в тыкве целых шесть месяцев. «Что же это он от меня не отстает?» — подумал я в ужасе и выскочил из тыквы, словно из ада. Слепой от гнева слон бросился за мной, да зацепился волосками хвоста, выбираясь из тыквы.

Вновь я увидел небесную реку, подобную женщине, груди которой полны молока, переправился через ее поток, словно через коровий след перешагнул, и добрался, наконец, до храма Сканды. Нагой, голодный, мучимый жаждой, стоял я там целых полгода, принимая на свою голову низвергавшийся с небесной тверди Ганг. Затем совершил я поклонение шестиглавному Сканде и пришел сюда, в Удджайини, и радостно встретился с вами, почтенными повелителями мошенников.

Если все это вымысел недостойный, то придется неверящему для всех прочих устроить угощение».

Возразил ему тогда Кандарика: «Кто ж посмеет упрекнуть тебя во лжи? Кто сведущ в пуранах, кто знает Сказание о Бхаратах и Рамаяну, тот подтвердит, что все это истинная правда. Поведал ты нам, что с тобою и слоном приключилось в тыкве. А вот послушай, что жрецы рассказывают. «Из уст творца родились брахманы, из дланей — кшатрии, из бедер — вайшьи, из ног — шудры».^[432] Уж если из живота Брахмы весь род людской вышел, то почему же ты не мог со слоном играть в прятки внутри тыквы? Или вот рассказывают, что Брахма и Вишну бежали тысячу божественных лет, но так и не могли достичь конечности мужской силы Хары, умещавшейся, однако, в чреслах Умы.^[433] Кто же посмеет упрекнуть тебя во лжи, когда ты рассказываешь о своем приключении со слоном в тыкве?

А что рассказывает нам почтенный Вьяса^[434] о рождении ста кичаков?^[435]

Вот послушай, что в шастрах и Сказании о Бхаратах говорится. Пошла старшая жена царя Вираты поклониться риши^[436] Гагали, ибо не было у нее сына. Дал ей Гагали каши из ячменя, риса и пшеницы и так ей сказал: «Если съешь ты это в беседке, то родится у тебя сто сыновей». Пошла она туда, куда велено было, съела кашу и ушла домой. Гагали же продолжал свои великие подвиги. Случилось ему однажды увидеть, как небесные девы купаются, сбросив свои одежды, и поразили его стрелы Камы, бога любви. Вспыхнуло в нем желание, и изверг он семя, и от первой капли, упавшей на землю, родился Кичака, мощный телом и наделенный мужеством из семени, извергнутого им при виде небесных дев, от капель, в бамбук попавших, родились сто кичаков. Спрятал риши их в колено бамбука, и когда передано было оно царице, то все они стали ее сыновьями. Если сто кичаков ушли в колено бамбука, то никого не удивишь тем, что вы со слоном целый месяц друг за другом гонялись в тыкве! Если Ганг тысячу лет не мог выбраться из волос Шивы,^[437] то что это в сравнении с какими-то шестью месяцами, когда ты обманывал слона, спасаясь от него в тыкве?! Выбегая из нее, слон зацепился волосками хвоста; спросишь ты, как это могло случиться? Послушай, брат, что в пуранах говорится.

Во времена потопа все сущее погибло в океане, и лишь один Вишну возлежал на его ложе, и когда начал он творить мир, то из пупа его сначала вырос лотос, а на лотосе появился затем Брахма, в руках держащий палицу и тыкву. Так что ж удивительного в том, что ты и слон вышли из тыквы,? А если слон и зацепился волосками, выбираясь из тыквы, так что же? Послушай-ка, о чем Сказание о Бхаратах рассказывает.

Великий творец Брахма затеял подвижничество сроком на целую тысячу божественных лет. Обуяла богов зависть, и стали они думать, как бы им нарушить это подвижничество.^[438]

«К женщинам страсть — вот вернейшее средство! — сказал Индра. — Ведь даже Шива, когда справлялась его свадьба с Гаури и свершалась жертва огню, заметил Уму и так распалился, что изверглось у него семя, упала капля этого семени в горшок, и из нее родился наставник Дрона.^[439] Страсть эта поражает всех риши, богов и царей и даже таких могучих повелителей мира, как Хари и Хара. Разве только величайший герой устоит перед соблазном! Даже те, кто наложил на себя жесточайшие обеты, кто совершает неимоверно тяжкие аскетические подвиги, не могут противостоять этой страсти! Кого только не обращают женщины своими чарами в покорных рабов, пораженных стрелами бога любви! Пошлем же к

Брахме, прародителю нашему, Тилоттаму,^[440] превзошедшую всех богинь красотой. На том и конец его подвигам!»

Тотчас же по велению Индры в прекрасных одеждах пошла Тилоттама и стала распутывать перед творцом нить танца. И чем больше она танцевала в чудесных нарядах, тем сильнее трепетал он телом своим. Бросил творец все свои дела и не в силах оторвать от необычайно красивого ее тела взор любовался ею. Когда она это почувствовала, то, подобная реке, полной нектара и прелести, прошла в танце направо от него. Он же, очарованный ее красотой и преисполненный пылом любовным, чтобы непрестанно любоваться ее прелестью, сотворил себе другой лик, глядящий к югу, третий, на запад смотрящий, и четвертый, обращенный на север. Когда же проносила она в прыжке над его головою, создал он себе и пятый лик, направленный кверху. Рудра,^[441] однако, отсек ему своим ногтем, как острым топором, пятый лик. Тогда ужасно разгневался Брахма и в ярости создал Ситакундалина, для того чтобы убить Рудру, супруга Гаури.

Рудра в ужасе кинулся в обитель Бадарика^[442] и там попросил у Хари, занимавшегося трудными аскетическими упражнениями: «Поддай мне милостыню!» В ответ на это изверг Хари из лба своего поток крови, а Рудра подставил под него череп Брахмы, и не мог этот череп наполниться целые тысячи божественных лет. Поболтал в крови пальцем Хара, и родился от этого могучий богатырь, которого звали Рактакундалин.

По велению Рудры начал Рактакундалин биться с Ситакундалином, и шла битва у них целую тысячу лет, и была она угодна богам. Об одном говорили, что Бхаскара^[443] ему покровительствует, о другом — что благодетельствует ему Рави.^[444] В то время сошелся бог солнца Рави с Кунти,^[445] и зачала она мужа и вскоре родила его, и звали его Карна,^[446] ибо родила она его из уха, и был он уже в доспехах и готов к бою, — совсем так, как ты выскочил из горловины тыквы, он родился из уха».

Тогда спросил Муладева: «А как же сумел переправиться я на другой берег Ганга?»

«Проще простого, дружище! — ответил Кандарика. — Вот как говорит Рамаяна: Повелел Рагхава^[447] Хануману^[448] узнать верна ли по-прежнему Сита. Хануман с помощью рук пересек океан и оказался в столице Ланки. Разыскал он Ситу и передал ей послание, и была она обрадована вестью от супруга. Потом спросила она Ханумана: «Как ты перебрался через океан?» Он ответил ей на это так: «Твоею милостью, и милостью твоего супруга, и милостью святого наставника я пронесся через бурный океан». Если смог

он достичь берега, пересекши великий океан, то почему же ты, о лучший из людей, не смог бы перебраться через Ганг? А если ты шесть месяцев принимал поток на свою голову, то вот что брахманы рассказывают: по просьбе богов ради блага людей сошел Ганг с неба на землю. И спросила река: «Кто из вас меня, падающую, примет?» — «Я!» — ответил Ишвара^[449] и стоял тысячу божественных лет, принимая на свою голову ее бурный поток. Что же удивительного в том, что ты удерживал ее поток какие-то шесть месяцев?!»

Нечего было Муладеве возразить, и сказал он так: «Что же, Кандарика, расскажи нам о чем-нибудь, с тобой случившемся».

II. РАССКАЗ КАНДАРИКИ

Стал Кандарика рассказывать: «Был я в детстве отчаянно озорным, и прогнали меня родители из дому за недостойное поведение. Скитаясь по разным странам, пришел я в деревню, сверкающую лотосовыми зарослями, доставляющими наслаждение, с колодцем, богатую и коровами и буйволицами. Там постоянно всяческими жертвами люди почитали якшу. Кто не почитает подателя желанного плода?! Из любопытства я, поклонившись якше, смешался с деревенскими жителями. Пока забавлялись все всяческими играми, напали на деревню свирепые разбойники, одетые в доспехи, с разнообразным оружием в руках. Тогда все деревенские жители с женами, с детьми малыми и стариками старыми, со скотом и жильем мгновенно скрылись в огурце. Смотрят разбойники, словно ослепшие внезапно, и не видят деревни — пропала деревня да и только! — будто ее и не было! Так и ушли разъяренные.

Приплелось на то место стадо, и коза из того стада сожрала огурец. Не успела она слопать огурец, как ее проглотил удав, а удава склонул орел, усевшийся после этого на дерево вата.^[450] Шел царь с войском и остановился под тем деревом. Погонщик слонов привязал слона к столбу. А тот столб — лапа орлиная! Вздумалось орлу взлететь, и, видя, как слон устремляется в небо, заорали погонщики слонов, что кто-то слона похищает. Услышав эти крики и встревожившись от такого известия, кинулись туда лучшие воины и осыпали орла стрелами. Вот падает он наземь, с головой, отсеченной бесконечным потоком стрел, и звук его падения напомнил удар грома.

Повелел царь рассечь туловище птицы, и оттуда вывалился удав, а из него козу извлекли, а из нее огурец, а уж из огурца все деревенские с их семьями и пожитками появились целы-целехоньки. Все они царю

поклонились и разошлись со своими пожитками каждый на свое место, а я тотчас же сюда отправился. Все, что я рассказал, со мною самим приключилось. Кто из вас, плутов, не верит, пусть устраивает угощение!» Элашадха тогда так ему возражал: «Даже и тени сомнения нету у нас». Кандарика его спрашивает: «Да как же это целая деревня могла войти в огурец?» Усмехнулся на это Элашадха. «Видно не доводилось тебе, брат, слышать о таких же случаях, о которых в Вишнупуране^[451] и Сказании о Бхаратах рассказано!

Говорят, что в начале начал, когда еще не существовало пяти первичных элементов,^[452] был только один беспредельный океан, а в нем плавало яйцо, мерно качавшееся на волнах. Расколосось оно, и вышел из него тройной мир — небо, где Индра с богами обитает, земля, людьми, животными и рыбами населенная, и подземные страны, где правит Яма. Если все это в одном яйце уместилось, то почему одной деревне не поместиться в огурце?

Послушай теперь, о чем рассказывал мудрый старец Маркандея^[453] сыну Дхармы.^[454] Говорят, во время оно, когда одна вода покрывала все безбрежным океаном и волны сплетались гирляндами, среди пустынных вод узрел Маркандея в безлюдном мире одиноко возвышавшееся над водной гладью дерево вата. Рассмотрел Маркандея на его ветвях укрепленное ложе; сидел на нем юноша, прекрасный телом и сверкающий красотой облика своего, будто солнце. Распростер мудрец руки под деревом и сказал: «Смотри, сынок, не свались, не то смерть настанет!» Увидел риши у него в животе целый мир. Пошел туда, вовнутрь, и целую тысячу божественных лет скитался там среди лесов и гор, но, так и не добравшись до конца, вышел, наконец, наружу. Уж если целый мир с горами и лесами мог поместиться в животе юноши, то, подумай, Кандарика, неужели не уйти целой деревне в огурец? Ты спросишь, как это могло быть, что в утробе птицы поместился удав, в утробе удава коза, в утробе козы огурец со всем прочим? Так узнай, что брахманы твердят, — я тебе об этом расскажу.

Когда все три мира были в животе у Вишну, он сам еще был в утробе Деваки,^[455] стройной, тонкой в поясе. Если справедливо об этом пураны рассказывают, то что же неверного в том, что деревня со всеми жителями и всем, что только в ней было, убралась в огурец?»

«Но как же не умерли все, кто был в огурце, попавшем в желудок козы, попавшей в удава, попавшего в орла?» — так спросил Кандарика, а Элашадха ответил: «Они ведь там всего лишь один день пробыли. Мы же

не удивлялись тому, что три мира находились в животе Вишну и все, кто там был, продолжали торговать, заниматься ремеслами и хлебопашеством, справлять праздники и свадьбы и вести войны, да и все прочее, что делаем и мы.

Как может быть, спросишь ты, что весь мир попал в живот? Послушай! Во время оно шла ссора между Кешавой^[456] и Брахмой. Брахма многоликий сказал Хари: «От меня и весь мир начался и четыре варны пошли!» Возразил ему на это Вишну: «Эх, совсем позабыл ты приличия! Хватит речей несуразных! Как не стыдишься ты, слуга, такое мне говорить! Язык в устах моих — океан, а рот — как твердь земная и небесная. Войди в уста мои и смотри на весь мир живой и неживой! Ведь мною, покоившимся на ложе океана, ты, Брахма, рожден был из лотоса, выросшего из моего пупа. Не хвались же старшинством!»

Сказал тогда Кандарика: «Да сказано ли где в пуранах о том, что птица может столько сожрать?» Напомнил ему тогда Элашадха: «В ту пору, когда Драупади^[457] выбирала жениха, обычный лук вместил в себя и землю с горами, и огонь, и змей. Был у великого царя Друпасы лук, богами охраняемый, и огласил царь такое условие, что ежели кто тот лук подымет и поразит цель, то он, царь, тому богатырю отдаст в жены свою смуглую дочь. Прослышав про это, собрались там могучие цари и князья, но кто из них ни пытался поднять лук, всякий падал. Потешался над ними люд. Вот выходит заносчивый Шишупала,^[458] земли повелитель, и начал уже лук от земли отрывать, как Кешава подбросил луку для тяжести вершину Меру, горы священной, свою дубину, плуг, змей, раковину, гром, диск, утес Мандары,^[459] вдобавок луну, огонь всемирный и землю с горами и холмами. Из-за великой тяжести и на полпальца поднять его нельзя было. Из-за обмана упал повелитель чеди^[460] Шишупала. Даже земля не могла вынести тяжести этого лука. Тогда поднялся, чтобы лук натянуть, Арджуна, и, пока держал Бхима^[461] сам лук за дерево, оттянул Арджуна тетиву и поразил цель. Вот так добыл он славу и взял Драупади в жены.

Уж коли все вместиться в лук могло, то уж в орла-то и удав и все прочее вполне могло влезть.

Да то ли еще в Рамаяне найти можно! Послушай-ка! Славнейшая из птиц Джатау^[462] с Раваной дралась, когда тот Ситу похищал. Десятиликий, разъяренный, сверкающим мечом отсек, смеясь, птице оба крыла. Джатау на землю пал, будто гора свалилась. Сказала Сита: «Да отрастут пусть крылья у тебя, когда ты увидишь посланца Рамы!»

Вот наступает день, проходит другой, и сын Дашаратхи^[463] посылает

Ханумана, тревожась о чистоте своей супруги. Тот, скитаясь по земле, дошел до места, где лежал Джатаю, и говорит: «Вот так гора! Высокая, крутая! Коль заберусь туда, весь круг земной я разом увижу!» Тогда спросил его Джатаю: «Кто ты будешь?» И Хануман ответил: «Посланец Рамы я! О здоровье Ситы пришел узнать!» На это Джатаю отвечал: «Победа Раме! Сита похищена десятиглавым. По этой дороге он увез ее в Ланку! Что ты здесь без толку бродишь? Ступай отсюда, Хануман, скорее и Раме доложи то, что я сказал, — сражался я с Раваной подлым. Своим мечом отсек он мне оба крыла и вот в каком я нынче положении». На это сын ветра ^[464] ответил: «Коль пострадал ты от борьбы с Раваной, да будет тебе благо, друг!»

Услыша речь посланца Рамы, Джатаю, вновь обретший крылья, взвился и путем небесным улетел на гору Меру, убежище богов. Уж если Джатаю-коршун был горе подобен, то почему бы и твоей птице не быть такой же крупной телом?!»

III. РАССКАЗ ЭЛАШАДХИ

Пришла очередь Элашадхе рассказывать, и вот о чем он поведал.

«Был я в молодости небывало жаден и искал секрет превращения металлов в золото, странствуя по разным странам в поисках волшебного эликсира. Ради знаний пересекал я необозримые пространства, и каждый шаг мой был равен ста йоджанам.^[465] Пришел я однажды в такое место, где стояла скала длиной в йоджану. Приподнял я ее, зачерпнул нужный сок из пруда золотого, под ней скрывавшегося, и поставил скалу на место.

С помощью того сока достиг я несметного богатства и стал хозяином беспредельных владений. Слуги ждали моих повелений, поэты слагали в мою честь хвалебные гимны, а юные девы плясали и пели вокруг меня. Всем, кто был в беде и нужде, раздавал я богатые дары.

Прослышав о моих сокровищах, шайка разбойников, вооруженных до зубов, осадила однажды мой дворец. Я решил, что нужно защищать честно добытое богатство. С луком в руках кинулся я в схватку и многих убил, но оставшиеся в живых разом навалились на меня, отсеки мне голову, зашвырнули ее на дерево бадара и ушли, расхитив все мое достояние. Голова же моя питалась плодами дерева бадара, и многие люди приходили по утрам смотреть, как она ест. Решили добрые люди, что жива она еще, собрали все мои члены и благодаря этому стою я нынче перед вами. Кто не верит в мои похождения, пусть устраивает угощение».

Но не согласился с ним Шаша и так ему возразил:

«Кто же смеет сомневаться в твоей правоте? Все, что с тобой случилось, подтверждается старинными сказаниями, ведами и Рамаяной. Вот к примеру. Давным-давно жил риши, которого звали Джамадагни, и была у него жена Ренука,^[466] столь добродетельная и целомудренная, что деревья склоняли к ее ногам вершины, усыпанные цветами. Случилось однажды ей увидеть юного царя Ашвапахриту, прекрасного телом, и вспылала она к нему страстной любовью. Заметил Джамадагни, что не склоняются больше перед ней деревья, поразмыслил и тотчас же приказал своему сыну Парашураме: «Отсеки ты топором голову матери твоей, ибо согрешила она!» Тотчас сын исполнил отцовское повеление. Обрадованный его послушанием, отец ему и говорит: «Рад я! Проси какую хочешь награду!» Парашурама попросил его: «Пусть моя мать оживет». — «Да сбудется!» — согласился Джамадагни, и в тот же миг Ренука ожила. Все это такая же правда, как и то, что ты, братец, жив.

А так ли еще бывало! Жил во времена стародавние царь Джарасандха,

^[467] составленный нянькой из двух частей, и о нем рассказывается в Сказании о Бхаратах, что повелевал он тысячами царей.

Слыхали мы и истории о Сунде и Нисунде,^[468] двух братьях демонах, восставших против богов и неотвратимых, как смерть. Удручены были их рождением боги, крепко задумались, посоветовались, и, чтобы их сгубить, отдал каждый по кусочку своего тела. И вот из всего этого они создали прекраснейшую из нимф Тилоттаму. И была она прекрасна и телом и лицом, и никто не мог бы в этом усомниться. Поклонилась красавица богам и спросила их медоточивым голосом: «Скажите, о боги могучие, что я должна сделать!» Повелели они ей: «Избавь нас от Сунды и Нисунды!»

Возложила она приказ богов себе на голову и пошла туда, где обитали братья. Убранная всяческими украшениями, ожерельями и золотыми цепочками, браслетами на руках и ногах, с подведенными глазами, с обнаженными грудями, круглыми, как луна в полнолуние, приблизилась она к братьям, бросая на них кокетливые взгляды. Оба сразу же были побеждены обаянием ее чар и начали драться из-за того, кому из них ею обладать. В драке они убили друг друга. Да, брат! Кого только женщины не сгубили!

Потому ведь и говорят: женщины порождают раздоры среди братьев, женщины — корень разрушения дружбы. Не только царские семьи, но и целые царства гибнут из-за женщин! Если Тилоттама могла быть создана из кусочков божественных тел, то почему же нельзя было собрать воедино и оживить твоё тело, расчлененное ворами?

Говорят о Ханумане, что однажды спросил он свою мать Анджану:^[469] «Если проголодаюсь я, то что мне можно съесть?» Ответила она ему на это, что все красные плоды годны в пищу. Запомнил он ее слова и, по ошибке приняв восходящее солнце за красное яблоко, прыгнул, чтобы сорвать его. Солнце же разъярилось и разнесло тело Ханумана на мелкие-мелкие крупички. Увидела Анджана случившееся и горько запричитала, заливаясь слезами. Отец Ханумана Ваю, бог ветров, видя горькую участь сына и слыша рыдания безутешной Анджаны, скрылся в Паталу,^[470] подземное царство, и в отчаянии ушел от всех мирских дел.

По этой причине смолкли все ветры на земле, и не только люди, но и демоны стали задыхаться и мучиться от удушья, доводившего их чуть ли не до смерти. Со скорбящими лицами пошли боги утешать Ваю, собрали по частичке бездыханное тело Ханумана и вдохнули в него жизнь. Не смогли, однако, боги найти подбородок Ханумана, хотя искали они очень старательно. Ханумана поэтому и зовут «дитя без подбородка». Если сын

бога ветра мог быть собран из мелких кусочков, то что же, брат Элашадха, странного в твоём рассказе? Все мы согласны с тобой и считаем твой рассказ правдивым.

В Рамаяне рассказывается о том, что, когда супруга Рамы Сита была похищена, Рама пересек океан и вступил на Ланку. Ужасная битва разгорелась между Рамой и Раваной и их воинами. Воины Раваны низвергали настоящий ливень стрел и копий, метательных дисков и прочих видов оружия, и воины-обезьяны терпели увечья, а Лакшмана, брат Рамы, упал без памяти, сраженный метательным копьем. Все воздушное пространство оглашалось стонами и воплями Рамы и его воинов по этому герою, и сын бога ветра Хануман принес с горы Дрона волшебную траву вишалья,^[471] извлекающую стрелы и всякие прочие орудия из тела. И тогда копье извлекли из груди Лакшманы. Разорванные на куски тела воинов обезьян тоже были собраны, и вернулись они к жизни и стали двигаться, как прежде. Если уж обезьяньи тела могли вернуться к жизни, то почему бы не могло ожить твоё тело?! Ты жив, здоров и цел и стоишь перед нами, и это самое лучшее доказательство истинности твоих слов.

Всему миру известно, как родился Карттикея,^[472] бог битв. Ты не слышал этой истории? А она тоже ведь изложена в священных книгах.

Где-то в глубине Гималаев Шива наслаждался любовью со своей супругой Парвати в течение тысячи божественных лет. В ту пору демон Тарака^[473] поверг в страх и трепет всех богов. Не могли они с ним справиться и собрались на совет.

«Только потомство от семени Шанкары^[474] может сразить этого демона, а Шамбху^[475] занят любовными играми на Гималайских вершинах. Никто в такое время не может приблизиться к нему, кроме Агни, бога огня!» Пошли они тогда к Агни и взмолились: «О добросердечный и благосклонный Агни! Ты помогаешь каждому в беде. Неужели ты откажешься помочь в деле, сулящем благо всем богам? Только ты, о Агни, можешь приблизиться к Шамбху ради исполнения долга, на благо всем богам, низвергнутым в пучину горя тиранией ракшасы Тараки. Молим мы тебя предстать перед носящим трезубец, когда он оторвется от соития и сможет выслушать о нашем горе».

Агни, возноситель жертв, неохотно отвечал богам: «Кто же может предстать перед Шамбху, шестируким копьеносцем, украшенным гирляндой из человеческих черепов, обитающим на месте погребальных костров? Никто, если хочет себе счастья! Кто посмеет предстать перед ним, ужасным, если желает сохранить жизнь? Кто дерзнет взглянуть в лицо

Шивы, когда мчится он в бешеной пляске, размахивая ваджрой?^[476] Индра и то трепещет перед ним! Если этот бог-копьеносец убьет меня как раз при входе в пещеру, какова будет моя горькая судьбина? Поэтому не просите, о боги, чтобы я к нему пошел!»

Так отвечали ему на это боги. «Не бойся! Он полностью во власти Парвати — ведь весь мир находится под властью женщин. Недаром говорится: лошадь можно объездить за месяц, дикого слона за год, но мужчину женщина может внудить немедля. Шива делает все, что доставляет удовольствие его супруге Гаури. Разве не замечал ты, о Анала,^[477] что Шива постоянно носит ее в половине своего тела и изображают его наполовину женщиной, наполовину мужчиной?! Не страшись же гнева Хары, ибо он будет стремиться доставить Гаури наслаждение».

«Ладно!» — сказал Агни и пошел в пещеру Гималаев, где находился Шива. Он увидел его, сокрушителя Трипуры,^[478] в тот самый момент, когда завершалось его и Парвати соитие. Заметил Шива, что Агни входит в пещеру, пришел в ярость и, несмотря на уговоры Парвати, кинулся к нему с криком «Открой рот и проглоти семя!», заставив Агни таким образом проглотить его семя, пламенеющее, как солнечные лучи. Запылали от проглоченного семени все внутренности Агни, добрался он кое-как до океана и, только извергнув семя, почувствовал облегчение. Люди думают, что от семени Шивы произошли таинственно мерцающие молочно-белые жемчужины.

Очистился Агни, наконец, извергнув остатки семени Шивы в океан, сверкающий как лотос, и почувствовал себя спокойно. И случилось потом так, что криттики,^[479] девы небесные, весело плескались в том месте океана и частицы семени проникли в их лона. Было их шестеро, и, когда прошло положенное время, каждая из них родила по одной части человеческого тела: одна — голову, две другие — по руке, четвертая — торс и две последние — по ноге. Когда каждая из них показала подругам, что она родила, то все части немедля соединились воедино, и получилось дитя, имя которому Карттикея, то есть рожденный криттиками. Он вел постоянно целомудренную жизнь и одолел ракшаса Тараку. Живет он теперь в южных краях. Если члены Карттикеи, рожденные из разных чресел, могли быть соединены, почему же твои не могли бы соединиться?»

Сказал тогда Элашадха: «Скажи-ка мне, догадливый мудрец, как это отрубленная голова может есть плоды?»

«А разве неизвестно тебе, — отвечал на это Шаша, — как Чакрин^[480] отсек диском голову ракшасе Раху^[481] и она до сих пор кочует по небу и

глотает то луну, то солнце? И потом, что удивительного в том, что ты одним шагом покрыл сто йоджан и достиг горы? Вовсе ничего, ибо известно, что Вишну однажды прикинулся карликом, попросил у царя Бали земли и в три прыжка отмерил себе во владение всю землю с горами и лесами. Итак, если Вишну мог преодолеть в три прыжка всю землю, как же ты за один прыжок не одолел всего ста йоджан?

А что до того, что ты удерживал на своих плечах скалу длиною в йоджану, то разве не слышим мы, когда читают Рамаяну, повествования о том, как был сражен Лакшмана ⁽⁴⁸²⁾ во время битвы между Рамой и Раваной ударом копья?! Хануман взвился тогда в поднебесье и тотчас принес кусок высокой горы Дрона со всеми растениями и травами, необходимыми для извлечения копья. Если обезьяна могла поднять высокую гору, то почему бы ты не поднял скалу длиной лишь в одну йоджану?»

Вот так-то пришлось Элашадхе замолчать под градом вопросов и ответов. «Что же, — обратился он к Шаше, — настала твоя очередь рассказать, с чем в жизни пришлось встречаться!»

IV. РАССКАЗ ШАШИ

Тогда повел речь Шаша.

«Случилось так, что жил я в деревне вместе со своей семьей, занимался, когда наступали дожди, землепашеством, как надлежит всякому крестьянину. Приближалось холодное время, и пошел я посмотреть поле, находившееся у подножия холма. Шел я медленно, и было у меня хорошо на душе. Внезапно дикий слон, подобный горе, несется с холма прямо на меня, и в глазах его горит огонь бешенства. Насмерть перепугавшись и трепеща всем телом, метался я во все стороны, пытаюсь найти спасение. Увидел я дерево кунжутное величиной с холм и мигом вскарабкался на него. Видя, как карабкаюсь я на ветки дерева, и будучи не в силах поймать меня, слон тряс дерево со страшной силой, как трясет его хозяин, собирая плоды. От этакого встряхивания тучи кунжутного семени падали на землю, и оттого что слон топтал его, как опытный маслобой, скоро под деревом потекла река из кунжутного масла, и волны на ней вздымались не меньшие, чем волны океана. Грозный слон, ясное дело, захлебнулся в грязи и масле и издох, как червь без пищи. Избежав, таким образом, страшной опасности и чувствуя себя заново родившимся, слез я утром с кунжутного дерева, содрал со слона шкуру и сделал из нее бурдюк, в который собрал все натекшее масло. От голода начал я есть кунжутные отруби, а чтобы утолить жажду, пил масло десятками ведер. Когда бурдюк был доверху наполнен маслом, взвалил я его на плечи и потащил легко, как соломинку. Перевалил я через холм и добрался наконец до дому. Придя домой, я послал сына притащить бурдюк, который оставил под деревом. Деревя этого я не видел, но отметил его.

Вырвал сын дерево целиком с корнями и бурдюком, висевшим на нем, и принес слоновий бурдюк полный масла на глазах у всей деревни домой. Я только что прибежал сюда из дому. Если я лгу, устраивайте угощение».

Возразила ему на это пронырливая девка Кхандапана: «Все, что ты рассказал о своей жизни, полностью подтверждают и славная Рамаяна и Сказание о Бхаратах».

Перебил ее тогда Шаша: «Да где же там говорится о кунжутном дереве?» Но Кхандапана остановила его прыть вопросом: «А разве не знаешь ты, что в городе Паталипутра ^[483] громадный барабан был вырезан из маленького кустика маши? ^[484] Если это истинно, то почему бы кунжутному дереву не быть такой высоты, как ты рассказываешь?! И почему бы не течь под ним масляной реке? Ведь Сказание о Бхаратах дает моим мыслям

надежную опору. Рассказывается в нем, что слоновий пот тек, словно бурная река. Градом пот катился со слонов, в бою уставших, разливался он бурной рекой, волнами покрытой, рекой, что смывает в половодье лошадей, колесницы и слонов в тяжелой сбруе.

Если уж из пота могла получиться такая река, то почему бы не получиться ей из масла и не смывать на своем пути деревья?

Ты рассказывал нам, как от голода ты ел кунжутные отруби, а для утоления жажды пил масло. И это полностью подтверждает нам славное Сказание о Бхаратах.

Изгнанный из царства Бхима пошел в город Экачакра,^[485] убил в гневе ракшасу Баку и выпил тысячу кувшинов вина и сожрал семнадцать выюков еды, которые были приготовлены горожанами для ракшасы. Если Бхима мог поглотить такое количество напитков и пищи, то тебе-то нетрудно было съесть столько отрубей и выпить столько масла! Да что там! Ведь мог же Кумбхакарна,^[486] брат Раваны, поглощать тысячи сосудов с водой и вином! Что в сравнении с этим выпитые тобой десять горшков масла! Никого ты этим не удивишь!

А пураны? Там рассказывается о том, как риши Агастья, для того чтобы сокрушить демонов, выпил весь горький от соли океан!^[487] Кроме этого, знаем мы и то, что Ганг, стекая по сплетенным волосам Хары на землю, донес свои волны до обители риши Джахну, выпившего всю реку без остатка, и — дивитесь! — он продержал ее в себе тысячу лет. Когда же он, наконец, изверг ее из себя, то дали ей имя Джахнави.^[488] Уж если, дружище, могли эти риши выпить один — океан, а другой — целую реку, то кто же не поверит тебе насчет жалких десяти горшков масла?

Что же касается того, что ты своими руками донес слоновий бурдюк с маслом до деревни, я напомним тебе историю Гаруды.^[489] Слушай же!

Две жены были у риши Кашьяпы — Кадру и Вината. Такое было между ними условие, что если кто из них двоих проиграет, то проигравшая навечно останется рабой выигравшей или же, чтоб откупиться, должна будет добыть амриту. Случилось так, что выиграла Кадру, а проиграла Вината, и стала она рабыней у Кадру, и каждый день приходилось ей переносить издевательства и оскорбления. Скорбь одолела Винату из-за жизни в рабстве. Тем временем забеременела она и снесла три яйца. Сильно хотелось ей освободить себя от рабства, и, возлагая все свои надежды на потомство, в нетерпении разбила она одно из яиц. Из него выбежал скорпион, и при виде его загрустила она еще больше. «Если я столь несчастна, — думала она, опечаленная, — что моим потомством

может быть только скорпион, то как преодолею я океан рабства?»

Миновало некоторое время, и разбила она другое яйцо, а была она в ту пору в унынии великом и отчаянии и надеялась на лучшее. Родилось из того яйца безногое дитя, горько упрекнувшее мать: «Зачем в тревоге и беспокойстве разбила ты это яйцо? Не разбей ты его преждевременно, не родись я безногим, мог бы осуществить все твои надежды, спас бы я тебя от рабства. Поэтому, матушка, побереги третье яйцо, дай ему вызреть. Сын, который родится из него, устранил все твои горести и избавит тебя от рабства». Потом бог солнца сделал этого безногого возникшим на своей колеснице.^[490]

Дотерпела Вината, пока вызреет третье яйцо, разбила его и тогда вышел на свет Гаруда, луна смелых надежд для безбрежного, как океан, сердца Винаты и беспощадный враг змеиного племени, порожденного Кадру.^[491] Заскорбела Кадру, видя, как, играючи, Гаруда уничтожает ее потомство, и стала еще пуще мучить и унижать Винату.

Увидел Гаруда материнские слезы, падавшие на землю, и спросил ее, о чем она плачет. Отвечала ему печальная Вината, что ввергнута она в рабство на всю жизнь и должна день и ночь выполнять приказы Кадру. Услышал те слова Гаруда Вайнатея и спросил, есть ли какой путь к освобождению от рабства. Сказала ему Вината: «Коли достанешь ты амриту, живую воду, то снова могла бы я стать свободной». — «Где она и как найти мне ее?» — спросил Гаруда у Винаты. «Обо всем знает твой отец, находящийся сейчас в обители Бадарика, где свершает он самые трудные подвиги».

Поклонился Гаруда матери и отправился в отцовскую обитель. Склонился сын к ногам отцовским, и дряхлый Кашьяпа при первом же прикосновении узнал своего сына. Попросил Гаруда отца: «Батюшка, мучает меня страшный голод! Дай мне чего-нибудь поесть».

Так отвечал ему Кашьяпа: «Есть недалеко озеро, заросшее лотосом, и живут на нем громадный слон и черепаха двенадцати йоджан в поперечнике. Оба они часто дерутся и словно движущиеся горы мутят озеро. Убей их и утоли свой голод». Пошел Гаруда на озеро, сделал так и наелся. Насытившись этими двумя существами, Гаруда увидел смоковницу, на которой во множестве сидели птицы. Они шумели, словно наступила кончина мира. Под тем же деревом жило множество валакхильев — святых, родившихся из семени Брахмана и предававшихся подвигам. Только Гаруда садится на дерево, как оно трещит и ломается, и он, опасаясь как бы при падении дерево не убило миллионы святых, унес

дерево в своем клюве, повергая богов и ракшас в изумление. Величественно парил он в поднебесье на распростертых крыльях, неся в клюве своем смоковницу. В конце концов уронил он ее на лесистый остров среди океана. Люди считают, что дерево это украсило нынешнюю Ланку, где когда-то была столица Раваны.

Снова прилетел Гаруда к отцу в Гималаи и сказал ему, что голод его остался неутоленным, после того как съел он слона и черепаху. Ответил ему Кашьяпа: «Съешь нищадов».^[492] Съел Гаруда нищадов и снова спрашивает отца: «Скажи мне: где скрыта амрита?»

Дряхлый Кашьяпа рассказал ему: «Амрита скрыта в седьмом подземном царстве, в пруду, полыхающем свистящим и палящим пламенем, сторожат его все боги, и поэтому, сын мой, не так-то легко добыть амриту».

Тогда спросил его Гаруда: «Ведь есть же наверное способ добыть ее?» И услышал такой ответ: «Добыть можно, если совершишь для этого жертвоприношение огню из большого количества масла, пахты, меда и воды. Но и при этом сомнительно, добудешь ли ты амриту. Если же заполучишь, то придется тебе преодолеть еще немало препятствий».

Сделал Гаруда так, как советовал отец, и смиростивившийся бог огня показал Гаруде пруд с амритой, и тот похитил оттуда заветный горшок. Удивительно все-таки, как это птица сумела похитить горшок, так бдительно охранявшийся богами и ракшасами! Когда же заметили они похищение, то страшно переполошились и кинулись за птицей, вооруженные всеми видами оружия. Бешеные от ярости, со всех сторон мчались они за Гарудой с проклятиями и воплями: «Режь его на куски!», «Бей его!», «Не выпускай живым!» Тридцать три миллиона богов и ракшасов толпой преследовали его и кричали: «Ах ты, похититель амриты! Как ты смеешь убежать от нас?!»

И начал тогда Гаруда битву, в которой, с одной стороны, был весь мир небожителей, а с другой — одинокая птица. Своими могучими крыльями сбивал он миллионы богов и посылал в обитель смерти. Эта битва из-за амриты между Гарудой и богами была поразительна, удивительна и разрушительна для всех миров. Сражавшийся в одиночку Гаруда Вайнатая поразил всех богов. Во все стороны разбегались в страхе перед ним боги. Тогда, видя, как удирают боги, потерпевшие поражение, их повелитель Индра метнул в Гаруду пылавшую тысячами огней ужасную громовую стрелу. Но сильнейшее из оружия только пробilo Гаруде перья крыльев. Повезло Гаруде, что не разнесло его на тысячи кусков. Посмеялся Гаруда над богами: «Чего же вы достигли, о боги? Хотели вырвать мне крылья?

Ничего у вас не вышло!» И он вырвал клювом несколько перьев из крыльев и помахал ими.

Прослышал о бегстве богов Вишну и пришел в ярость и кинулся, исполненный гнева, на выручку богам. Схватил он свой диск метательный, сверкавший как двенадцать солнц, и замахнулся на птицу. Видя, что Вишну собрался пустить в ход столь страшное оружие, все риши и отшельники кинулись к нему с криком: «Что ты делаешь, о могучий Вишну? Ты же разрушишь весь мир! Ведь ты же повелитель всего мира богов и небожителей! — уговаривали они Вишну. — Что же ты, как низкороджденный, гонишься за птицей?» И им удалось его успокоить, наконец, словами: «Ведь Гаруда тебе родственник. Не гневайся, Вишну. Не разрушай, подобно низкороджденному, свое потомство!»

Прислушался Вишну к словам риши, глубоко поразмыслил над ними и молвил: «Да, чуть было не свершил я тяжкого промаха. Ведь мог я погубить своего родича Гаруду!»

Справедливо говорится: мудрец во гневе забывает о своем долге и нуждается в совете богов и здравомыслящих людей. Было тогда заключено перемирие у Вишну с Гарудой, и изображение Гаруды было помещено даже на знамени Вишну. Отдал Гаруда амриту Винате, матери своей, и спас таким образом ее от пожизненного рабства.

Так вот, если Гаруда мог поднять и убить слона и черепаху, если мог он нести смоковницу в клюве, кто ж не поверит, что ты содрал шкуру со слона?

Если мог Кришна во время дождей поднять гору Говардхана и нести ее целых семь дней, то, дорогой мой, почему бы ты не смог нести бурдюк слоновий, полный масла?.. Да кроме того, уж если верят истории Ханумана, вырвавшего с корнем дерево ашока,^[493] под которым Равана спрятал Ситу, то кто ж не поверит тебе, о превосходнейший из плутов, что твой сын принес слоновий бурдюк с маслом вместе с вырванным сезамовым деревом?»

V. РАССКАЗ КХАНДАПАНЫ

После того как доказала Кхандапана правдивость слов Шаши, умолк он и потом обратился к ней со словами: «Ну, мошенница, пришел тебе черед рассказывать о своих похождениях!»

Отвечала она на это, что расскажет обо всем, ничего утаивать не будет про то, что с ней случилось, и устроит им пир, — пусть только они склонятся к ее ногам и признают ее вождем.

Тогда все собравшиеся возразили ей: «Как же это мы, мужчины, да склонимся к твоим ногам? Мы и сами мошенники немалые. Чем же ты нас превзошла, шлюха?» Ухмыльнулась она в ответ на это и проговорила: «Слушайте же меня внимательно. Вот что я вам расскажу.

Когда достигла я девичества, то стала необычайно красивой и весьма привлекательной и возбуждала страсть, как Рати,^[494] супруга бога любви Маданы. И вдруг в эту пору я стала вдовой. Однажды, очистившись после месячных, спала я под чистой лавкой и наслаждалась любовью с самим богом ветра, самым страстным мужчиной. Тотчас же после этого родился у меня сын, который заставил меня разрешить ему уйти и покинул меня, как сон. Теперь скажите мне, высокомудрые, мог ли сын родиться у меня так, как я вам рассказала. Если это правда, достойные, то никогда ни одна женщина не могла бы стать вдовой!»

«А что ж, — отвечал ей Муладева, — все это доподлинная правда. Ведь известно, как рассказывается в священном писании, что таким же образом родила Кунти Бхиму, а Анджана — Ханумана.^[495] Сочинитель Сказания о Бхаратах Вьяса^[496] также был рожден девушкой-рыбачкой благодаря ее союзу с великим риши Парашарой.^[497] Только-только появившись на свет, сын оставил ее и ушел в лес, наказав, чтобы вспомнила о нем в случае нужды. По милости риши Парашары эта девушка-рыбачка снова стала девственницей, и была она любимой женой царя Сантану^[498] и родила от него Вичитравирью. Но Вичитравирья помер, не дождавшись потомства, и было это горе великое, и Йоджанагандха^[499] вспомнила о словах Вьясы, и сын явился перед ней. И тогда сказала она ему так: «Род Куру угаснет без потомства. Сделай так, сын мой, чтоб он продолжался и процветал». Вьяса создал Панду, Дхритараштру^[500] и Видуру, и, таким образом, род Куру не угас. А для этого сошелся он со всеми тремя женами Вичитравирьи и, став отцом, сказал своим чадам: «Ах вы, негодные! Это вы заставили меня согрешить, и вот поэтому я потерял все то, чего достиг своими

подвигами!»

Истинно говорят: «Человек, святой и чистый в севе, в пище, в соитии и всех других делах, никогда не согрешит, даже если попадет в отчаянное положение». Так вот, если рождение Бхимы, сына Анджаны и Вьясы, подтверждено древними шастрами, как можем мы сомневаться в том, что твой сын родился от бога ветра?»

Согласилась Кхандапана с Муладевой и протянула дальше нить своего рассказа: «Однажды крепко подружилась я с Гаури, и доверила она мне мантру,^[501] с помощью которой я могла бы по своему желанию вызывать разных богов. С помощью мантры приворожила я яркое, палящее лучами солнце и вскоре понесла от него сына. Вот и скажите теперь: как это солнце, в восемьдесят шесть тысяч раз превосходящее землю, не спалило моего тела своим прикосновением?»

Кандарика возразил ей: «Если царица Кунти могла не сгореть от соития с богом солнца, когда понесла от него Карну, то почему же ты, несчастная вдовица, могла бы сгореть от его объятий?»

И снова продолжила Кхандапана свою историю. «Затем соблазнила я бога Агни и зачала от него сына. Объясните: почему Агни не спалил меня в своих объятиях? Ведь все знают, что солнце палит издалека, а огонь — лишь только пальцем прикоснешься».

Опроверг ее Элашадха: «Нечему здесь удивляться! Разве не знаешь ты стародавней истории о том, как Дхуморна, супруга Ямы, каждодневно свершая жертвоприношения Агни, сходилась с ним? И случилось так, что желание овладело Ямой как раз в то время, когда не завершилось еще ее соитие с Агни. Никак не могла она освободиться от его объятий и проглотила его, как воду. Не успела она оправить на себе одежду, как явился Яма, проглотил ее и пошел на собрание богов. С насмешкой приветствовали собравшиеся боги Яму: «Привет тебе, о триединый!» Немедля Яма изрыгнул Дхуморну, а она извергла проглоченного ею Агни. Тотчас же бросился Яма за Агни, а тот укрылся в лесу, спасаясь от Ямы. Спросил бог смерти у слонов, куда укрылся Агни, но не сумели они ему ответить, и за это Яма откусил им языки. Почему же должна была сгореть ты, если не сгорела от объятий Агни супруга Ямы, которая даже проглотила его?»

И снова Кхандапана заговорила: «Потом приманила я Индру, гарцующего на Айравате,^[502] и тоже зачала от него сына. Как же так случилось, что предпочел он меня всем небесным нимфам?»

Сказал ей на это Шаша: «Что же ты этому дивишься? Разве не овладел

Индра также Ахальей, супругой мудреца Гаутамы?^[503] Когда увидал риши свою жену в объятиях незнакомца, то разгневался и, создав на теле Индры тысячи женских органов, велел ученикам изнасиловать его. Вот так-то претерпел бог богов Индра тяжкие унижения от диких и безумных учеников, воспламененных похотью. Взмолились тогда все боги с величайшим почтением и усердием риши Гаутаме, и согласился он превратить всю эту тысячу женских органов в один глаз.

Царица Кунти родила Арджуну от соития с Индрой.^[504] Никто из тех, кто сведущ в шастрах, не может усомниться в том, что ты понесла от Индры сына».

Тогда задала вопрос Кхандапана: «А известны ли вам мой род-племя, богатство мое и все прочее?»

«Родилась ты в Паталипутре у брахмана Нагашармана от его супруги Сомашри из рода Гаутамы, а нарекли тебя Кхандой», — ответил на это Муладева.

«Думаю я, что здесь что-то не так, — проговорила Кхандапана. — Видно, тебя смутила красота моя и изящество фигуры. На деле я дочь царской прачки и подлинное мое имя Дагдхика. Дом мой был полон всяким добром, и имела я коляски и колесницы, запрягавшиеся лошадьми и слонами. Хотя и не очень почетна наша каста, но мой дом был подобен дворцу, достойному царя, сверкающему необычайным процветанием, пышностью и блеском. Я постоянно занималась стиркой белья для всей царской семьи и всех приближенных к ней людей и прочего городского и ремесленного люда. Стирала я одежд неслыханное множество. Однажды велела я погрузить всяческие одежды на вереницы телег и в сопровождении тысяч помощников отправилась на сверкавшую рябью реку, а там слуги мои принялись стирать одежды, и по всей реке разносилось чоп-чоп, шлёп-шлёп.

Случилось так, что разостлали они для просушки на земле одежды, и вдруг свирепый порыв ветра унес невесть куда все стиранное. Тогда велела я всем слугам моим поспрятаться, ибо только я, как хозяйка, отвечаю за потерю, и все они мгновенно повиновались.

Опасаясь гнева царя, обратилась я в ослицу и пошла пастись в городской сад, где тень от деревьев была гуще ночной тьмы. Пока я развлекалась там на просторе, на исходе последней четверти ночи меня одолело беспокойство, как бы кто-нибудь из горожан не польстился на мою шкуру и мясо, и тогда я смертельно испугалась. Одолеваемая страхом, металась я по саду. Кому смерть не страшна?

Избавилась я от обличья ослицы и обратилась в манговое дерево, стоявшее около покрытой красными цветами ашоки.^[505] Вскоре исчез темный покров ночи, подобно покровам страстной женщины. Скрылась ночь, и возшло на небесную твердь солнце, чьи лучи заставляют раскрываться лотосы.

Дошло до царя, что одежды унесло буйным ветром, и велел он под удары литавр объявить о своем высоком покровительстве прачкам и о том, что нечего им бояться. Услышала я, как провозгласили под удары литавр это царское повеление, и было оно для моих ушей подобно мёду на устах, и сбросила я облик манго и вновь стала такой же прекрасной, как и была.

Обнаружила я, что под покровом ночи шакалы, собаки и парии сожрали полностью всю ременную упряжь. Удалось отцу моему после долгих поисков раздобыть мышиный хвост, из которого мы нарезали упряжи для всех телег и повозок.

Скажите, добродетельные, похоже ли все это на правду?»

И ответил ей на это Шаша: «Что же в этом удивительного? Разве не слышали мы о том, что у Брахмы и Вишну столь велика мужская сила, что ей конца-края не было?! Из Рамаяны нам читали, что Хануман обладал столь длинным хвостом, что, покрыв его пылающей тканью, он окружил и поджог всю Ланку. Если у сына ветра мог быть такой длинный хвост, то почему бы вам не нарезать упряжь из мышинного хвоста?! Священные книги рассказывают нам, как царь Гандхарикавара превратился из человека в дерево курабака.^[506] Царь Нагхуша,^[507] настолько смелый и доблестный, что сам Индра-громовержец бежал как трус от него в битве, был проклят наставником богов Брихаспати и превратился в удава неслыханных размеров.

Когда пандавы были изгнаны и отправились в лес, этот удав проглотил Бхиму, второго из пандавов. Услышав об этом Юдхиштхира, старший из них, пошел к удаву и должен был удовлетворительно ответить на семь вопросов, прежде чем удав согласился вернуть Бхиму. Так спасся Бхима, а Нагхуша освободился от проклятия, сбросил шкуру удава, вновь обрел человеческий облик и снова обратился в великого царя, правившего всем миром. И коль скоро все это истина, о Кханда, все твои рассказы о превращении в ослицу, манговое дерево и снова в красавицу никого не могут поразить!»

Тогда снова повела речь Кханда: «О вы, повелители плутов, если вы согласитесь с моими словами и соответственно признаете, что я одолела вас, я готова устроить вам отменное угощение. Подумайте на этот счет как

следует, ибо победила я вас остроумием».

Заносчиво и хвастливо отвечали ей плуты: «Что ты болтаешь, будто ты нас одолела! Нас не могут одолеть даже верховные боги, такие как Брахман, Вишну и Шива!»

«Хорошо, умные мои господа! — продолжала Кханда, — слушайте дальше. После того как человеческий облик вновь вернулся ко мне, спросила я у царя разрешения разыскать одежду и слуг моих, где бы они ни были. Раздумывая, где бы мне сыскать моих четырех умнейших слуг, пришла я сюда поздно, когда все вы уже собрались здесь. Теперь слушайте: четверо моих верных слуг — это вы, Шаша, Муладева, Элашадха и Кандарика. Разве вы не украли ту одежду, что на вас одета? Если вы отрицаете это, то, как мы условились, устройте мне угощение!» Так унизила и посрамила она четырех славных мошенников, превзойдя их своим умом.

Пришлось им признать: «Только ты одна нанесла нам поражение, нам, мошенникам, прославившимся по всему миру! О распрекрасная Кханда! Ты во всей земле Бхаратов самая способная и опытная мошенница, поразившая нас, мужчин, гордящихся своей мудростью. Поскольку нанесла ты нам поражение своим врожденным умом и проницательностью, просим мы тебя добыть для всех нас еду и питье». Довольна была Кхандапана, что сбила с них мужскую спесь. Согласилась она на их просьбу и сказала, что угостит их подлинно царским пиром.

Пошла она после этого на кладбище, где собрались все роды злых духов, выли шакалы, ухали и стонали совы. Мерзостная слизь, смешанная с кровью, сочилась из трупов, высоко взметались языки пламени от погребальных костров, коршуны и стервятники выпускали душераздирающие крики. Отправилась Кханда в этот лес мертвецов, где тела были пронзены и разодраны, внутренности вывалились и ужасающий смрад отравлял воздух. Ей удалось найти труп младенца, недавно оставленного родителями на кладбище. Она обмыла тельце, обернула его по всем правилам в пеленки и, держа его, как будто он живой, пошла в дом самого богатого купца Удджайини и увидела его восседающего, как всемогущий Индра, и окруженного другими купцами. Взмолилась она: «Я дочь почтенного брахмана и пришла к тебе из-за горя, низвергнутого на мою голову судьбой. Я чужестранка, и нет никого, кто бы помог мне, все меня покинули. Умоляю тебя, дай мне денег, чтобы прокормить мое дитя!»

Очень был занят купец, и было ему недосуг. Рассердился он на ее непрекращающиеся мольбы и требования и велел слугам выгнать ее. Хотя просьбы и мольбы ее были и жалобны и деликатны, тем не менее слуги

купца схватили ее и выставили. Тотчас же упала она на землю и начала кричать еще жалостнее и громче: «О сын мой, сын мой! Ты убит этими жестокими людьми, а я надеялась, что дитя станет поддержкой мне в старости! О подлый купец! Как бешеный слон ломает неможное деревцо, так ты убил мою дорогую крошку! О люди, взгляните на этого богатого купца, убившего дитя чистокровной брахманки!» И она била себя в грудь и раздирала одежды и жалобно причитала: «Этот купец разбил чашу для подаяния!» И кричала все громче и громче. Тогда кинулся к ней со всеми своими слугами купец и стал упрашивать ее не шуметь и говорил ей: «Добрая женщина, возьми вот эту мою серьгу! Успокойся и не предавайся так горю! Я дал тебе достаточные средства, и их хватит тебе надолго».

Получив серьгу, Кхандапана немедленно покинула дом купца, унося с собой ребенка, а купец также немедленно почувствовал облегчение, предотвратив с помощью даяния несчастье.

Кхандапана была довольна тем, как она обстряпала это дельце и, бросив младенца на кладбище, отправилась на базар, в ряды золотых дел мастеров и предложила им полученную ею серьгу, усыпанную драгоценными камнями. Радостно распростилась она с серьгой, накупила всяческих яств и наконец, устроила пир для всех собравшихся плутов и мошенников, как устраивают для брахманов богатое поминальное угощение.

Нажрались все мошенники до отвала и дружно восхваляли ее: «О Кханда, только ты и преуспеваешь в жизни. Благодаря твоему умению ты одолела в споре опытных и хитроумных мошенников и накормила всех разными прекрасными и обильными яствами и кушаньями».

Истинно сказано: «Высокоученные и мудрые люди не могут сказать столь умное, как иной раз невежественные женщины скажут без всякой подготовки». И правильно сказано еще: «Даже прочитав все шастры и тщательно разобрав их, мужчина не скажет того, что женщина скажет безо всякой подготовки».

На том и конец «Повести о плутах».

ТРИДЦАТЬ ДВЕ ИСТОРИИ О МОНАХАХ

Перевод Р. О. Шор

МОНАШЕСКИЙ ПОСТ (1)

В беде ж защиты не ищи; так было с Дханадой-купцом.
Пока в беду не попадешь, все за тебя стоят горой.

Здесь, в Индии, в священном городе Шрипура, был царь Махипати. И жил там именитый купец по имени Дханада, превзошедший бога Дханаду^[508] своим богатством, самый видный человек во всем городе. У него была жена по имени Сурупа,^[509] превзошедшая красотой красоту всех Мудрых Жен;^[510] и именитый купец ее особенно нежно любил.

Однажды в дом этого купца пришел за подаянием монах по имени Джхагатака. И когда Сурупа подавала ему милостыню, монах при виде ее необычайной красоты от изумления широко раскрыл глаза и на нее уставился. Это увидя, именитый купец в гневе сказал: «Ай, дурак, негодный попрошайка, бесстыдник! Зачем ты так долга на мою жену глядишь?» Тогда и тот разгневался и ответил: «Эй, купец, коли ты так ревнив, что бранишь меня за нечаянный взгляд, так вот: уйду из твоего дома, только взяв твою жену, — хотя бы силой, — не иначе». Так сказал и, сев в доме, начал поститься. И хотя купец его бранил и поносил, с места не двигался. Так постился он много дней.

Тогда купец, смеясь, поведал о том, как монах добивается его жены, своему другу, царскому надсмотрщику, царскому советнику и царю. Тогда все они сказали: «Ох, купец, во всяком случае тебе невозможно отдать твою жену. Этот дурак где-нибудь на ветру лежал; потому он и болтает вздор». Купец сказал: «Он от поста умрет. Тогда что?» Друг и остальные сказали: «Пусть он хоть и сейчас умрет. В том, почтенный, нет твоей вины. Кто же это так раздает своих жен, кому попало, только его попросят?» Это услышав, купец порадовался.

Но потом, испугавшись долгого поста, купец подумал: «Если бы он умер, поддержали бы меня мой друг и остальные хотя бы одним словом или нет? Посмотрю-ка. Ибо:

Тот счастлив, кто о будущем печется

Горька участь, кто о будущем не думает,
Несчастлив, кто о будущем не мыслит;
Всю жизнь до старости в лесу я прожил,
Но не видал пещеры говорящей».^[511]

Так, чтобы разузнать, купец сперва другу сказал: «Ох, друг, долгокосый-то^[512] с голоду умер. Что делать? Пойдем со мной, царскому надсмотрщику поведаем». Тогда друг сказал: «Ох, купец, ты неподобное сделал. Почему ты ему дал умереть? Почему не поколебал его каким-нибудь способом? В этом, почтенный, твоя великая вина. Если царь об этом узнает, то тебе грозит большая беда». Купец сказал: «Я, почтенный, тебе раньше говорил: «Что, если он от поста умрет?» А ты, почтенный, мне сказал: «Если умрет, так пусть умирает». Так по твоему совету я его не трогал. Поэтому пойди со мной. Все как было царскому надсмотрщику и другим поведаю. Не то они от людей об этом деле узнают и меня осудят». Тогда друг подумал: «Так как он совершил преступление, а я его поддерживал, то и мне грозит пеня или что другое. Так лучше я сейчас убегу». Так рассудив, сказал: «Ох, купец, ступай вперед! А я за тобой пойду». Но когда купец пошел, он убежал.

Тогда купец подумал: «Ахти мне, пришла беда! Друг мне недругом стал». И вот купец рассказал то же самое царскому надсмотрщику и советнику. И они тоже купца очень порицали. Тогда он царю рассказал. Тогда и царь сказал: «Ох, купец, в моем городе ты ведь первый среди почитающих законы, пользуешься большим почетом, — как же ты беззаконие совершаешь? Тогда кто же законы соблюдать будет? Ведь ты наверное сам его из корысти в свой дом заманил и уморил. А передо мной подымаешь притворный вопль. Не иначе. Разве кто-нибудь станет добиваться чужой жены? Посему ты достоин наказания». Тогда царь своим воинам сказал: «Эй, воины, свяжите этого негодного купца, злодея, убийцу монаха. Все, что есть лучшего в его доме, сюда принесите».

Тогда купец в унынии подумал: «Ах, и они мне раньше тоже говорили. А теперь обратное тому говорят, о своей выгоде заботятся и чужому несчастьем радуются. Все ведь люди себялюбивы, в счастье сопутствуют другому, а не в беде. Ибо:

Пусть на словах их дружба слаще меда,
Но ни один в несчастье не поможет.
Жизнь беззаботную избрав аскета,
Зависимости мудрый избегает».

Тогда купец царю сказал: «Ох, владыка, повремени немного! Еще раз

домой пойду и хорошенько посмотрю. Если случайно он жив еще, то окажу ему почести и постараюсь его поколебать. Он еще дышал, когда я его оставил». Так купец, не видя другого исхода, в свой дом пошел и уговорил монаха встать, припав к его ногам и говоря ему вежливые речи. И сказал: «Ох, возьми мою жену, украшенную лучшими драгоценностями. И вкуси пищи. Возьми и денег и прочее». Тогда монах, впивая нектар этих вежливых речей, встав, купцу сказал: «Ох, мне нет никакой нужды в жене и деньгах! Я храню обет целомудрия, чужд желаний, питаюсь подаянием. Только твоими, почтенный, речами оскорбленный, решился я поститься». Потом он вкусил пищи и пошел к себе домой. Был счастлив купец. А царь и остальные восхищались его умом.

Это — первая история.

СОН ДУРАКА (2)

Кто поступает наяву согласно виденному сну, —

Глуп, как монашек Дурмати,⁴⁵¹³ увидевший во сне еду.

В деревне Нанди жил монах по имени Дурмати; жил он, побираясь у людей. Раз он осенью пришел за подаянием в дом одного земледельца. И жена хозяина дала ему вволю очень холодной простокваши за помин душ предков. Поэтому он ночью очень крепко заснул. И вот во сне он видит: вся его келья полным-полна различными готовыми яствами, закусками, напитками, сочными и прочим. Тогда, пробудясь, он подумал: «Келья моя вся полна едой. Один, что я сделаю со всей этой едой? Как бы не пропало все зря! Так сегодня всех моих щедрых радетелей приглашу на пир и угощу даром».

И вот встал, келью запер и созвал на пир всех жителей с их семьями. По всей деревне, во всех домах все очаги залили водой. И вот в полдень весь люд собрался, желая поесть. Приготовили сиденья. Сели рядом.

Тогда монах, открыв дверь кельи, смотрит и ничего не видит. Пустая ведь келья. Тогда он, хлопая глазами, ищет там и тут, по всем углам. Но ничего не находит. Тогда в спальне одеяло постелил и заснул, чтобы увидеть сон.

А весь люд, умирая с голоду, зовет его подавать обед. И говорят: «Почему ты спишь? Почему не подаешь обед?» Он отвечает: «Ох, люди, подождите, пока не увижу во сне кельи, полной разными готовыми яствами и прочим; тогда принесу всю еду и вас угощу».

От его слов пришли в гнев люди, проклиная его глупость, по своим

домам разошлись; и с трудом пообедали в последнюю стражу ночи. — Разумному не подобает поступать на основании виденного во сне.

Это — вторая история.

В ОБЪЯТИЯХ ОБЕЗЬЯНЫ (3)

Обмана должен избегать разумный в поисках добра;
Обманом девушку достал лишь на беду себе монах.

На берегу Ганга — город по имени Бхимапура. Выше его по реке — город Суварнапура. Там жил купец по имени Сулочана, очень богатый и почитавший монахов. У него — жена Падмини. В наслаждениях они проводили жизнь; и после семи сыновей родилась у них долгожданная дочь, которую называли Рукмини. Она понемногу подрастала, постигая шестьдесят четыре указанных женщине искусства; и, одаренная всеми счастливыми приметами, стала любимицей отца и остальных.

По другую сторону Бхимапуры, на расстоянии примерно пяти верст была обитель монахов. Там жил долгокосый, по имени Даманака, сосуд хитростей, окруженный множеством учеников. Он толковал знамения того, что уже прошло, и тому подобное, и народ его очень почитал.

Однажды Сулочана купец пригласил его на пир в свой дом. Сел он вкушать превосходную по вкусу и обилию трапезу. А перед ним стояла Рукмини, овеявая его драгоценным опахалом, которое она держала в своих руках. Ее украшали звенящие кольца на руках и ногах и другие драгоценности; юность придавала больший блеск ее красоте; она была одета в шуршащие драгоценные ткани, голову ее окутывало цветное покрывало, а одежду на груди унизывали жемчуга.

И вот, когда долгокосый увидел ее, блистающую прелестью всех членов, он забыл о вкусной трапезе, терзаемый страстью, и начал размышлять: «Если среди людей бывают подобные прекрасные женщины, так что же будет в раю? А ведь это первый плод аскетических подвигов. Ибо:

О милая с очами куропатки, что без тебя небесное
блаженство?

О милая, когда тебя не будет, что без тебя небесное
блаженство?

Если Хари и Хару,^[514] и Месяц и Солнце, и остальных богов наслаждение любовью не лишало божественности, если Васишту и Гаутаму^[515] и остальных подвижников общение с женщинами не лишало

святости, то и я сохраню святость, обладая ею. Но если я к ней посватаюсь, то он за меня ее не выдаст. Если же я ею буду обладать, то и остальное приложится. Поэтому только хитрость мне поможет. Без хитрости ничего не удастся». И он стал приводить задуманное в исполнение.

В размышлениях о том, как бы ею овладеть, он забыл о еде и всем прочем и сидел, вздыхая, словно погруженный в печальную думу. Купец его спросил: «Почему, ваша милость, погружаясь в печальные размышления, вы не кушаете?»

Тот, притворяясь, отвечает: «Ох, купец, как можно есть, когда в доме моего радателя находится дочь, подобная этой, носительница дурных примет, губительница рода? Тотчас при виде ее дурных примет пища моя как бы ядом стала. Вижу это и тотчас, встав, удаляюсь».

Тогда купец сказал: «Отец мой духовный, с ее рождения наш род преуспевает во всех отношениях. Как же, ваша милость, вы, столь всеведущий, предсказываете такое несчастье?»

Опять тот говорит: «До тех пор счастлив твой род, пока замуж ее не выдашь. Тогда и твоему роду и роду свекра она принесет погибель».

Тогда тупоумный купец, вполне доверявший его речам, пришел в ужас и говорит: «Ваша милость, ведь вы всезнающий! Духовный отец нашего рода, дайте мне нужное наставление, как мне должно поступить?»

Тогда тот говорит: «Мне, обладателю сокровища покорения плоти, блюдущему обет целомудрия, что за дело до этой беседы?» Тогда купец стал умолять его, обнимая его ноги; он сказал: «Я скажу тебе средство, но ваша милость его не исполнит».

Купец сказал: «Что вы говорите? Вашей милости благожелательное слово разве не является для меня приказом?»

Так и иначе он его крепко уговаривал; тогда тот сказал: «Купец, тогда выслушай средство. Положите ее со всеми украшениями, с членами, умощенными сандалом, камфарой и прочими драгоценными мастьями, в деревянный ящик и пустите посредине Ганга на исходе ночи перед новолунием. А дома принесите жертву масла. Если будет так сделано, то она принесет несчастье другому дому, а не роду вашей милости».

Все приготовив для этого дня, долгокосый пошел в свой монастырь и сказал своим ученикам: «Эй, ученики, в день перед новолунием я овладею волшебным заклинанием. Зато умиловленная моей любовью богиня Ганга пошлет мне полный даров ящик ко времени солнечного восхода. Посему, когда он приплывет, вы его бережно из волн Ганга извлеките. С печатями поставьте в келье». Это и другие наставления дал им и в ночь перед этим днем пошел в дом купца для жертвоприношения и

искупительных обрядов. А ученики встали на берегу реки.

И вот купец со своими семьей сыновьями, скорбя и горюя, быстро собрались с мужеством и исполнили все, что сказал духовный отец. Пустил посреди Ганга купец тот ящик на исходе ночи. И пошел купец с семьей своей домой и предавался скорби.

И вот к рассвету тот ящик приплыл к городу Бхимапура. Воины владыки того города, царя Пуньясары, для очищения зубов к Гангу пришли; увидели ящик и отнесли его царю. Когда царь сдвинул крышку, то увидел девушку, как она описана выше. В изумлении советника своего спросил: «Ох, советник, что это?» Тогда советник девушку спросил: «Кто ты? Чья дочь? Как попала сюда?» Она, стыдливо отведя лицо, сказала: «Я любимая дочь именитого купца Сулочаны, жителя города Суварнапуры. После одного совещания с духовным отцом нашего рода — монахом Даманакой, отец меня сюда положил и пустил по Гангу. Больше я ничего не знаю». Тогда мудрый советник все, как было, понял и царю поведал. И вот царь девушку взял, а в ящик обезьяну-самку посадил; так же печать приложил, и царские люди пустили ящик посредине Ганга. И, прячась, царские люди пошли за ним.

И вот ученики монаха, следуя полученному ранее наставлению, вытащили ящик. И с печатями поставили в келье. И вот к вечеру долгокосый, помышляя о соединении с ней, с членами, лоснящимися от веселия и радости, совершил очищение, нарядился в чистые одежды и другие украшения и приказал своим ученикам: «Эй! Эту ночь я проведу в келье, чтобы овладеть волшебным заклинанием. И тут произойдет великая борьба... Посему, почтенные, отойдя подальше от кельи, предайтесь благочестивому вниманию. Двери же кельи не открывайте». Это и подобное им приказал. А сам, желая насладиться, вошел внутрь кельи.

Но только сдвинул он крышку ящика, как терзаемая голодом и разозленная заключением обезьяна вцепилась в монаха, раздирая ему уши, нос и все остальное. Тогда монах изнутри кельи стал вопить, призывая на помощь учеников. Но ученики не приходили, послушные прежнему приказанию. Тогда он с великим трудом сам открыл дверь и выбежал. Тогда царские люди связали его и к царю привели; тот его из страны изгнал.

А девушка, преисполненная всех достоинств, стала первой супругой царя. Благодаря ее счастливым свойствам царство царя процветало. Потом она посетила отца. Во всей семье — блаженство.

Это — третья история.

ВЫПРЯМЛЕНИЕ НАСТАВНИКА (4)

Кто, объяснения не спросив, берет с другого образец,
Посмешище тот для людей, как тупоумный ученик.

В городе Вардхаманапура^[516] — монах Шрибхата. Его ученик, по имени Дхиджада,^[517] — очень глупый. Однажды он в город за милостыней пошел. И там, в доме одного плотника, увидел, как плотник выпрямлял очень кривую палку: сперва намазывал маслом, а потом грел на огне. Увидя, что он так поступает, Дхиджада плотника спросил, что такое он делает. Тогда тот сказал: «Выпрямяю кривую палку». Тогда ученик думает: «Это ведь будет лекарство для моего наставника, которого скрючил прострел. Во всех случаях пригоден ведь этот способ для выпрямления».

И вот Дхиджада, придя в келейку своего наставника, сперва натер его маслом и на огне стал поджаривать. А несчастный наставник, страдая от жара, стал вопить. Услыша этот вопль, много народа сбегалось и останавливают его: «Эй, дурак, не мучь своего учителя! От такого обращения старик дух испустит!» Брань людей услыша, он отвечает так вот: «Почтенные, сами вы дураки, и отцы ваши дураки! А я моего скрюченного наставника выпрямляю. Вам, почтенные, какая от того боль?» Тогда люди, сильно его браня, силой наставника освободили. Так разумным поступать не подобает.

Это — четвертая история.

КАК ДУРАК ПАДАЛ С КРЫШИ (6)

Коль вздумаешь свою беду расписывать на смех другим,
Боль испытаешь, как монах, когда веревку он тянул.

В деревне Виката монашек Сомака жил. Раз он перед дождем покрывал свою келейку соломой; и когда он поверх нее веревку завязывал, вниз головой он полетел и сильно расшибся. На теле его даже ссадины были.

Вот, чтобы потешить разбившегося беседой, к нему люди приходят и спрашивают: «Ох, что случилось? И как ты расшибся?»

Он, глупый, вставал и, все проделывая, людям показывал: «Так, мол, я упал и расшибся». Так перед каждым он проделывал и так расшибся, что и встать больше не мог. Опять его кто-то спрашивает; он говорит: «Почтенные, чтоб ваш родитель это показал!» Тогда люди, смеясь над ним, по домам разошлись.

Это — шестая история.

ПРОЖОРЛИВЫЙ УЧЕНИК (7)

В ученики себе глупца наставник мудрый не возьмет;
Учителя обманет он, как мальчик, съевший пирожки.

В деревне Катерака — долгокосый Лунтхака.^[518] У него ученик, по имени Кунтхака,^[519] очень глупый и прожорливый. Тот однажды в доме радетеля, при наступлении какого-то праздника, получил милостыню — тридцать два жаренных в масле пирожка. И вот, когда он в келейку возвращался, дорогой стал его голод донимать; и он размыслил: «Из этих пирожков наставник мне половину даст. Так я сейчас мою долю съем». Так рассудив, шестнадцать пирожков он съел. И опять размышляет: «Из этих пирожков половину ведь даст мне наставник; так я свою долю — восемь штук — съем». Так рассудил, так восемь штук и съел. Только половину пирожков оставил ученик и своему наставнику их выложил. Наставник сказал: «Ох, что это? Тебе радетель восемь пирожков дал или ты что-нибудь съел?» Тот говорит: «Тридцать два пирожка дал мне радетель, только я остальные съел». Наставник сказал: «Как?» Тогда ученик оставшиеся пирожки на глазах наставника в рот сунул и объясняет: «Так я их съел». А сам наставник голодным остался. Люди, о том узнав, подивились.

Это — седьмая история.

МОНАХ НА ПРЕДСТАВЛЕНИИ (9)

Со страха выболтать готов проступок тайный свой глупец;
Так о проступке рассказал монах — почетный жрец царя.

В городе Супрабха был царь Рипумардана. Там же жил очень бедный монах по имени Дхаратака. Раз он в поисках счастья ушел на чужбину. И в городе Варанаси однажды бродил целый день в поисках пищи. Но пищи нигде не нашел. И вот, когда наступала ночь, умирая с голоду, он в дом некоего красильщика зашел. Там его хозяин пригласил на пир по случаю поминовения мертвых или по какому другому случаю. И так как никто другой не пришел, он наелся по горло. Потом через некоторое время он вернулся в свой город. И по милости судьбы он стал дворцовым жрецом, почитаемый царем, осыпаемый царскими милостями.

Однажды в тот город из чужой страны пришла труппа отличных актеров. Они перед царем показали свое искусство. И чрезмерно восхищенный царь дал им много даров. И вот на другой день труппа

актеров стала ночью давать представление в доме дворцового жреца, так как царь его особенно почитал. И много народу сошлось туда, желая посмотреть. И вот в течение трех страж^[520] труппа актеров давала представление, полное разнообразных красот, как песни в различном вкусе, грациозные телодвижения, изящные жесты и тому подобное. Но у дворцового жреца, глупого, как колода, ничто не вызывало удивления. И он ничего им не дал.

Тогда директор труппы, не зная, что делать, подумал: «Конечно, он слишком глуп и совсем неспособен оценить изысканный вкус фабулы. Так я ему прочитаю пролог, посвященный Шиве, который предназначен услаждать глупый народ и вызывать его изумление; слушая его, он будет доволен и даст нам дар».

Так рассудив, он начал читать стихи:

«Скажу вам, что свершил аскет великий!»^[521]

Это услыша, монах испугался: «Наверно, этот директор знает о том, что я ел в Варанаси, в доме красильщика.^[522] Этого он не должен рассказывать при всем народе». По этой причине он дал ему много даров — золота, драгоценных украшений, шелковых тканей и прочего. А директор, думая, что он нашел средство ему угодить, тот же стих второй раз прочитал. Монах ему опять дает подарок. То же в третий раз. Но в четвертый раз монах пришел в ярость и сам рассказал свой постыдный поступок, воскликнув: «Ай, директор! Зачем ты опять и опять говоришь: «Скажу вам, что свершил аскет великий!» — «Ну, продолжай, рассказывай!» — «Я в Варанаси, умирая с голоду, поел в доме красильщика. Это ведь ты рассказывал. Так рассказывай! Только ничего тебе больше не дам». Это услыша, все люди пришли в изумление. Представление кончилось.

Это — девятая история.

ДОЕНИЕ БЫКА (10)

Тот, кто делам житейским чужд, не может славою блистать;
Посмешище он для людей, как долгокосые с быком.

В деревне Суствита жило много монахов. Однажды они пошли побираться; и им в доме одного земледельца подали рисовую молочную кашу, приправленную маслом и сахаром. Они ее съели. И она им пришлась по вкусу. Тогда монахи у милостивцев своих спросили о способе ее приготовления. Те им объяснили способ. И вот они купили себе корову,

только что отелившуюся и слабую. Тогда другие монахи сказали: «Ох, глупцы, зачем вы купили эту слабую корову? К тому же у нее маленькое вымя. Так она и будет давать совсем мало молока. Потому ее надо обменять на другую корову, жирную, с большим выменем».

Тогда пять или шесть долгокосых, взяв корову, пошли и на скотный двор пришли. И владельцу скотного двора сказали: «Возьми эту и дай нам другую корову». Тогда он сказал: «Ах, ваша милость, выберите из них ту, которая вам понравится». Тогда эти отменные глупцы всех коров пересмотрели и всех за слабость забраковали, а взяли жирного быка, почитая его за корову. И вот, когда они привели его домой, и все монахи принялись его доить, — ни капли молока не идет. Тогда они с большим усердием продолжали доить; и вот, когда они стали крепко ему досаждают, он брыкнул их и подпрыгнул кверху. Тогда они в недоумении стали рассуждать: «Почему молоко не идет?» Тогда один старый монах, особенно умный, сказал: «Ах, монахи, вы причины не постигаете!» Тогда они сказали: «Ох, какая причина?» И умоляли, припадая к его ногам. Тогда он сказал: «У этой коровы нет в вымени отверстия. Потому и молоко не течет». Остальные сказали: «Воистину! Ах! Воистину!»

И вот они связали передние ноги быка косами одного монаха, а косами другого — его задние ноги. Когда они это сделали, один из монахов попробовал иглой сделать отверстие (в том, что они почитали выменем). Тогда бык вскочил, подпрыгнул и пустился бежать. У монахов оторвались косы. Народ с криком сбежался, стал смеяться и издеваться над монахами. А монахи бежали за быком, крича: «Наша корова уходит! Наша корова уходит!» Но бык на глазах у них ушел в лес.

Тогда все монахи, сойдясь, стали держать совет: «Эта корова не годилась! Купим новую». Так рассудили. Взяв пятьсот драхм,¹⁵²³¹ один из монахов отправился с попутным караваном в другую деревню, чтобы купить самую лучшую корову. На ночь он с пятью или шестью купцами лег где-то в храме. Посреди ночи, когда остальные погрузились в сон, а монах еще не спал, пришли воры. И увидев его в разорванной, поношенной одежде, похожего на грязное привидение, они сказали: «Ох, что с него взять? Это какой-нибудь нищий лежит. Пойдем-ка в другое место». Эту речь услыша, монах говорит: «Сами вы, почтенные, нищие. И отец ваш — нищий. Я — богач: у меня есть пятьсот драхм». Так сказав, побренчал узлом и показал его. «А если вы мне не верите, то спросите этих купцов». Тогда воры вернулись назад и сперва его ограбили, а потом и всех ограбили. А когда купцы его выругали, монах в голове почесал и пошел домой.

Так поступать не подобает.
Это — десятая история.

ЗАКОЧЕНЕВШИЙ МОНАХ (11)

Не в меру кто сонлив и глуп, понять не в силах слов чужих,
Тот, верно, испытает боль, как в ночь холодную монах.

В деревне Курада был монах по имени Дхарада; у него был ученик, глупый и очень сонливый. Раз зимой, когда наступили большие холода, монах этот за малой нуждой вышел из кельи. Сделал то, что собирался, и тут же в дремоте, не разбирая, улегся, полагая спросонья, что это — его ложе.

Но в последнюю стражу ночи холод стал так его донимать, что он вскрикнул и ученика спросил: «Эй, ученик, что я — на ложе в келье или нет?»

Услышав голос издалека, ученик, также сонный, продолжая лежать, стал ощупывать рукой ложе своего наставника. И там нащупал он рукой хвост забравшейся на ложе собаки. Тогда ученик говорит: «Эй, отец духовный, есть у тебя хвост или нет?»

Тот, это услыша, рукой ощупал позади конец своей набедренной повязки говорит: «Ох, есть у меня хвост».

Тогда ученик сказал: «Так ты — в келье, на ложе».

Монах по своей глупости поверил этому и остался там лежать и так окоченел, что стал словно мертвый.

На заре народ сошелся. Видя, как он лежит, люди спрашивают: «Ох, что случилось?» Ученик говорит: «Я не знаю».

Потом, когда солнечные лучи его коснулись, к монаху вернулось сознание, и он встал. А народ пришел в изумление.

Это — одиннадцатая история.

СРЕДСТВО ОТ ГЛУХОТЫ (14)

Кто смысла слова не поняв, берет с другого образец.
Тот осрамится, как монах, когда ученый сына бил.

В деревне Корантака жил старый глухой монах. Его ученик горевал о глухоте учителя и искал средства его от нее излечить. Раз он пришел за подаванием в дом одного ученого лекаря. А в доме того ученого отец в первый раз посылал в школу восьмилетнего сына. Но хотя отец в гневе на

него кричал, сын не двигался с места.

Тогда отец сказал: «Ох, разве ты не слышишь?»

Тот ничего не говорит.

Тогда, очень разгневавшись, отец его к столбу крепко привязал и побил. Побитый тотчас говорит: «Батюшка, слышу, слышу».

Стоя в дверях, монах услышал это и подумал: «Это — лекарство, как избавиться от глухоты. Так я сделаю с моим учителем». Пришел в келью и так и сделал.

Тогда люди у ученика силой учителя отняли и сказали: «Ах, дурак, скверный ученик, почему дряхлого своего наставника бьешь?»

Тогда он говорит: «Вы — дураки. Что вы понимаете? Я лечу моего наставника от глухоты. Почтенные, вам-то какое дело?»

Люди сказали: «Малый, кто же тебе указал это лекарство?»

Он сказал: «Я сегодня пришел в дом ученого лекаря, видел, как ученый так сына своего лечил. И тотчас мальчик излечился». Тут люди его хорошенько выбрали.

Так разумным не подобает поступать.

Это — четырнадцатая история.

ПОКУПАТЕЛЬ МАСЛА (16)

Последствия поступка мысль глупца не в силах охватить;

Пример — как масло наливал монах в свою кадильницу.

В городе Лакшмипура был долгокосый Дхакката. У него — ученик Модхака,^[524] очень глупый. Раз наставник послал его на рынок за коровьим и деревянным маслом. Он для того взял с собой одну только кадильницу. На рынке с купцом сторговался и налил коровьего масла в одно отделение. Потом перевернул кадильницу и во второе отделение налил деревянного масла.^[525]

Так пришел в келью, наставнику показал и сказал:

«Я принес коровьего и деревянного масла».

Наставник спросил: «Где?»

Он показал: «Это — деревянное масло».

Наставник спросил: «А где коровье масло?»

Ученик кадильницу опять повернул и показывает:

«Вот коровье масло». Тут и деревянное масло по земле разлилось. Так они и остались и без того и без другого.

Так поступать не подобает.

Это — шестнадцатая история.

ДЛИТЕЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ (17)

И долгим размышлением глупец до правды не дойдет;

Пример — монах, что голову просунул меж рогов быка.

В деревне Манга был долгокосый, по имени Сувичара.¹⁵²⁶¹ Он за подаянием ходил в чей-то дом. Видит около дома быка жирного, с загнутыми рогами.

Тут стал он размышлять день за днем: «Что, уместится моя голова между рогами этого быка или нет?» И тому подобное.

Прошло так шесть месяцев. Тогда он подумал: «Сегодня я суну голову. Ведь пока я размышлял, шесть месяцев прошло. То, что делают после долгого размышления, бывает хорошо сделано».

Так рассудив, сунул голову. Тогда бык, разорвав веревку, пустился бежать и стал метаться посреди города. А монах, повиснув на его морде, вопил.

Тут много народу сбежалось. С большим трудом его освободили. И сказали тут люди: «Эх, дурак, несообразное дело ты сделал».

Он говорит: «Почтенные, сами вы дураки и несообразные. Я это дело, прежде чем сделать, шесть месяцев обдумывал». Тут люди его выругали.

Так разумные не поступают.

Это — семнадцатая история.

МОНАХ-РАБОТНИК (23)

Коль смысла слова не поймешь, приказ исполнить не спеши,

Как у крестьянина монах — любитель сладких пирожков.

В городе Виджаяпура — монах по имени Лолайя. Случилось как-то, что он на третий день праздника пришел за подаянием в дом одного землепашца. Тут получил он милостыню — пшеничную лепешку, замешанную на патоке. Съел ее долгокосый. Пришлась ему по вкусу.

И вот на другой день за ней опять пришел в дом того же землепашца. Подали ему милостыню, но лепешки там нет. Он ее не берет.

Тут хозяин его спросил: «Ох, чего ты добиваешься?» Он, не зная названия, стоит молча. Потом, спустя много времени, сам говорит: «Дай вчерашнего».

Опять и опять так говорит; тогда хозяин сказал: «Вчерашнего не будет.

Оно бывает после большой работы». Тогда монах говорит: «Если бывает, так надо поработать».

Тут хозяин подумал: «Почему мне не взять этого здорового малого к себе?» И сказал хозяин: «Пойдем со мной добывать вчерашнее».

И вот землепашец взвалил себе на голову плуг, а монаху на голову поставил горшок с холодной едой. И когда они шли, дорогой хозяин сказал монаху: «Эй, что я тебе скажу, то ты и должен делать». А тому по глупости показалось, что он говорит: «Что я сделаю, то и ты должен делать».

И вот пришли они оба на поле. Тут хозяин, утомленный тяжелой ношей, сбросил плуг и воткнул его в землю. А монах стоявший на голове его горшок также сбросил.

Тут у хозяина глаза налились кровью от злости, и он стал его осыпать бранью. А тот то же повторяет.

Тогда хозяин вне себя от гнева схватил стрекало и бросился его бить. А тот, вырвав плуг, бросился бить хозяина.

Хозяин, испугавшись, бросился бежать домой, сжав кулаки. А долгокосый побежал за ним, чтобы получить вчерашнее.

Тут у бежавшего впереди нижняя одежда зацепилась за колючий кустарник; со страху он ее не поднял. А монах, следуя за ним, свою одежду стащил и там оставил.

Вот, когда в деревню прибежал хозяин, жена одного землепашца, шедшая за едой, дала хозяину свое покрывало. Он завернулся в него и домой пошел. Тогда монах, идя за ним, стащил с нее нижнюю одежду и взял себе; и не отставал от того ни на шаг.

А она взяла себе одежды, оставшиеся в колючем кустарнике.

Хозяин прибежал домой и, дрожа от страха, забрался в чулан. Следуя за ним по пятам, монах точно так же забрался в другой чулан. И стоя там, часа через два или более монах говорит: «Что, вчерашнее готово или нет?»

Тут хозяин вышел, перестав бояться. Вытащил монаха. Дал ему еще сладких лепешек, обнял его ноги и, отведя к келье, сказал: «Ох, не приходи сюда больше!»

Таковы глупцы.

Это — двадцать третья история.

МНИМЫЙ МЕРТВЕЦ (25)

То, что другие говорят, почтет за истину глупец.

Посмешище он для людей, как подрубивший сук монах.

В городе Элака^[527] жило много монахов. Там однажды перед порой дождей один монах, по имени Дандака, пошел в лес, чтобы принести в свою келью столб для подпорки крыши. Увидел там у одного дерева очень прямой сук; полез на дерево срубить его.

Вот монах принялся рубить у основания сук, на который влез. Увидели путники, проходившие дорогой, что он делает, и сказали ему: «Ох, монашек, царь всех глупцов! Не руби сука, на котором сидишь. Если так будешь продолжать, то, подрубив сук, полетишь и убьешься».

Так сказав, путники своей дорогой пошли. А монах слова их не послушался и остался. Подрубил сук, тот упал, и он с ним вместе упал. И подумал: «Путники — мудрецы и прорицатели. Как они сказали, так и случилось; стало быть, я мертв».

И вот тот монашек, словно мертвый, упав на землю, остался. Не говорит, не встает, не дышит. Люди, бывшие поблизости, поднимают его — он не стоит; говорят с ним — он не отвечает. Тогда другим монахам эти люди сказали: «Почтенные, ваш монах Дандака лежит, словно мертвый».

Пришло много монахов. Подумали: «Умер Дандака». Понесли его на костер и по дороге к перекрестку пришли. Тут одни говорят: «Налево пойдем». А другие: «Направо». Так все они спорят. И ни с места.

Тогда лежавший на носилках сказал: «Ох, не спорьте! Когда я, смиренный, был жив, то по левой дороге ходил». Тут некоторые сказали: «Ах, он всегда был правдивым! Все, что он говорил, всегда было правдой. Поэтому пойдем по левой дороге». Тогда все монахи туда пошли.

И вот бывшие там путники сказали: «Ох, монахи, вы — большие глупцы! Его живого вы сжигать идете».

Те сказали: «Он умер».

Путники сказали: «Он не умер, раз он говорит».

Тогда они носилки на землю поставили; и он, лежа на них, на вопросы рассказал о всеведении путников и прочем, подтвердив это клятвой.

Тут другие монахи все еще сомневались. И путники с великим трудом им втолковали. Тогда они домой пошли. И Дандака встал и домой пошел; а люди над ним смеялись.

Это — двадцать пятая история.

«ЗАДЕРЖКА» (29)

Со страху выболтать готов глупец задуманный обман:

Так «о задержке» рассказал монашек глупый кузнецу.

В селении Вардхана жил долгокосый, по имени Сомы. Раз пришел он в дом своего радателя-кузнеца за милостыней. И вот — в доме никого не было — заметил он валявшийся железный обруч; оглянувшись, взял его и в свою келью вернулся.

Теперь он из страха никогда в тот дом не приходит за милостыней. А радатель долго проискал обруч и, не найдя его, другой сделал.

Так много дней прошло, и радатель подумал: «Почему мой духовный отец за милостыней не приходит?» И вот, когда монах проходил дорогой, радатель его приглашал: «Ох, почтенный, почему вы в мой дом не приходите за милостыней? Разве у вас задержка?»

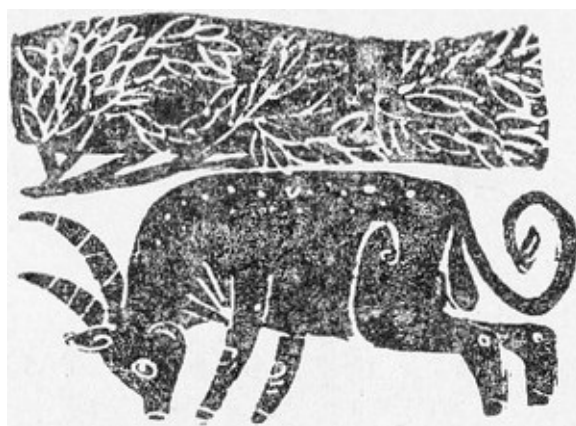
Когда он много раз так говорил, монах подумал: «Ну, конечно, та вещь, которую я в его доме забрал, называется задержкой. И он это знает. Потому он, когда приходит, так говорит: «Почтенный, мол, разве у вас задержка?» Стало быть, пока он ее не получит обратно, он от меня не отвяжется».

И вот однажды он ему сказал: «Ох, эта задержка, что вы, почтенный, намеренны разыскивали, я не знал, что она ваша! Потому и взял ее. Если она ваша, то возьмите ее».

Тут радатель понял, что тот — мошенник. «Тот железный обруч, что у меня пропал, он его стянул. Так я его отберу». Так он и отобрал. Когда он, бранясь, его уносил, люди над монахом смеялись.

Так поступать не подобает.

Это — двадцать девятая история.

ПРИМЕЧАНИЯ

В примечания включены лишь самые необходимые разъяснения исторических, географических, культурных реалий, встречающихся в тексте (где они отмечены звездочкой). Сведения текстологического, литературно-критического характера, а также сюжетные параллели, как правило, не приводятся. Переводы собственных имен, обычно этимологически ясных, даются лишь там, где значение их тесно связано с сюжетом или нравоучением рассказа. Географические названия, отождествление которых затруднительно, не комментируются. При составлении пояснений были использованы примечания к отдельным изданным переводам.

ДЖАТАКИ

Перевод сделан с издания: «*The Jātaka, being tales of the anterior births of Gotama Buddha*», ed. in the original pali by V. Fausböll, vol. I, II, London, 1877, 1879.

Арья Шура. ГИРЛЯНДА ДЖАТАК

Перевод сделан с издания: «*The Jātaka-Mālā or Bodhisattvāvadāna-Mālā by Arya-Śura*», ed. by H. Kern, Boston, 1891. Опубликовано в книге: Арья Шура, Гирлянда Джатак, пер. с санскрита А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой, статья и комментарии О. Ф. Волковой, М., 1962.

ПАНЧАТАНТРА

Перевод сделан с издания: «*The Panchatantra, Text of Purnabhadra*», ed. J. Hertel, Cambridge, Mass., 1908. (Панчатантра, Перевод с санскрита и примечания А. Я. Сыркина, статья В. В. Иванова, М., 1958).

ХИТОПАДЕША

Перевод сделан с издания: «*Handbooks for the study of Sanskrit*», ed. by M. Müller... *The Hitopadeśa*, vol. I–II, London, 1865.

Сомадева. ОКЕАН СКАЗАНИЙ

Перевод сделан с издания: *The Kathāsaritsāgara of Somadevabhattacharya*, ed. by Pandit Durgāprasād and Kāśināth Pāndurang Parab, 3 ed., Bombay, 1915.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ РАССКАЗОВ ВЕТАЛЫ

Перевод версии Шивадасы сделан по изданию: «*Die*

Vetālapañcaviṇśatika in der Recension des Śivadāsa und eines Ungenannten», hrsg. v. H. Uhle, Leipzig, 1881. (Двадцать пять рассказов Веталы, пер. с санскрита, статья и комм. Р. О. Шор. Перевод стихов О. Б. Румера, Л., 1939).

Перевод версии Джамбхаладатты: «*Vetālapañcaviṇśati*», ed. by Jivananda Vidyassagara. Calcutta, 1873.

(Двадцать пять рассказов Веталы. Пер. с санскрита, вступ. статья и прим. И. Д. Серебрякова, М., 1958).

ЖИЗНЬ ВИКРАМЫ, ИЛИ ТРИДЦАТЬ ДВЕ ИСТОРИИ ЦАРСКОГО ТРОНА

Перевод сделан с Южной Рецензии сборника в издании: «*Vikrama's adventures or the Thirty-two tales of the throne*», ed. by F. Edgerton, Cambridge, Mass., vol. I–II, 1926. (Жизнь Викрамы, или 32 истории царского трона. Пер. с санскрита, предисл. и прим. П. А. Гринцера, М., 1960).

СЕМЬДЕСЯТ РАССКАЗОВ ПОПУГАЯ

Перевод сделан с сокращенной версии памятника в издании «*Die Śukasaptati. Textus simplicior*». Hrsg. v. R. Schmidt, Leipzig, 1893 (Шукасантати, Семьдесят рассказов попугая. Пер. с санскрита М. А. Ширяева, предисл. и прим. В. И. Кальянова, М., 1960).

ПОВЕСТЬ О ПЛУТАХ

В основу перевода положена санскритская версия памятника в издании: «*Dhūrtākhyāna of Haribhadra Suri*», ed. by Śrī Jina Vijaya Muni, Bombay, 1944.

ТРИДЦАТЬ ДВЕ ИСТОРИИ О МОНАХАХ

Перевод сделан с издания: «*Bharaṭakadvātrimśikā. The thirty-two bharataka stories*». ed. by J. Hertel, Leipzig, 1921 (Р. Шор, Из сборника «Тридцать две истории о монахах», — «Восточные сборники», вып. 1, М., 1924; Р. О. Шор, Народные анекдоты о глупцах в индийской дидактической литературе, — «Художественный фольклор», IV–V, М., 1929).

Примечания

1

Из обширной литературы об индийской обрамленной повести см. соответствующие главы в исследованиях по истории древнеиндийской литературы: М. Winternitz, *Geschichte der indischen Litteratur*, Bd II, 1920, S. 89 sq.; Bd III, 1922, S. 265 sq.; А. В. Keith, *A history of Sanskrit literature*, Oxford, 1928, p. 242 sq.; S. N. Dasgupta, *A history of Sanskrit literature*, vol. I, Calcutta, 1947, p. 83 sq. и др. На русском языке см. об отдельных памятниках сопроводительные статьи в соответствующих изданиях: Арья Шура, *Гирлянда джатак или сказания о подвигах Бодхисаттвы*, пер. с санскрита А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой, предисловие О. Ф. Волковой, М., 1962 (Памятники литературы народов Востока), стр. 5 и сл.; *Панчатантра. Избранные рассказы*, пер. с древнеиндийского, предисловие и примечания Р. О. Шор, М., 1930, стр. 7 и сл.; *Панчатантра*, пер. с санскрита и примечания А. Я. Сыркина, статья В. В. Иванова, М., 1958 (Литературные памятники), стр. 307 и сл.; *Панчатантра*, пер. с санскрита, предисловие и примечания А. Я. Сыркина, М., 1962, стр. 5 и сл.; *Хитопадеша. Полезное наставление*, пер. с санскрита с примечаниями М. И. Орлова, ч. I–II, СПб., 1911, стр. 3 и сл.; *Двадцать пять рассказов Веталы*, пер. с санскрита, статья и комментарии Р. О. Шор, Л., 1939, стр. III и сл.; *Двадцать пять рассказов Веталы*, пер. с санскрита, статья и примечания И. Д. Серебрякова, М., 1958, стр. 5 и сл.; *Жизнь Викрамы, или тридцать две истории царского трона*, пер. с санскрита, предисловие и примечания П. А. Гринцера, М., 1960, стр. 5 и сл.; *Шукасантати. Семьдесят рассказов попугая*, пер. с санскрита М. А. Ширяева, предисловие и примечания В. И. Кальянова, М., 1960, стр. 5 и сл.; Р. Шор, *Новые труды по санскритологии. Из сборника «Тридцать две истории о монахах»*, — «Восточные сборники», вып. 1, М., 1924, стр. 171 и сл.; *Тридцать два рассказа о монахах*, пер. с санскрита и примечания И. Д. Серебрякова, послесловие А. М. Пятигорского, М., 1962, стр. 96 и сл.; см. также П. А. Гринцер, *Древнеиндийская проза*, М., 1963. В этих работах указана и литература вопроса.

Комментарии

1

Джетавана — монастырь близ Шравасти (древней столицы североиндийского государства Кошалы — совр. Аудх — в северной части долины Ганга), любимое убежище Будды, где, согласно традиции, была рассказана большая часть джатак.

2

Бхикиу — буддийский монах, оставивший дом, принявший посвящение и живущий подаянием.

Индрия джатака — 423-я джатака настоящего сборника.

4

Магадха — область в Восточной Индии на территории совр. Южного Бихара.

5

Раджагриха — древняя столица Магадхи, совр. Раджгир.

6

Бодхисаттва — «тот, чья сущность — совершенное знание», название святого, идущего через ряд рождений к просветлению, но еще не достигшего высшего совершенства (*нирваны*, состояния Будды). Здесь употребляется как наименование Будды в его предыдущих рождениях.

7

Пять видов уз — страсть, ненависть, ослепление, гордыня, ложные воззрения.

8

Гатха — здесь название метрической части буддийского канонического текста.

Дхарма — «установление», «закон», «добродетель»; здесь, по-видимому, употребляется в более узком значении буддийского закона.

Первый путь — имеется в виду первая из четырех ступеней на пути к высшему совершенству и конечному освобождению, т. е. *нирване*. Эти четыре ступени следующие: 1) путь «вхождения в поток», избавляющий от рождения в «дурном» состоянии — т. е. в виде *преты* (см. прим. к стр. 65), животного или в аду; 2) путь «возвращающегося однажды», т. е. того, кому предстоит еще лишь один раз родиться человеком; 3) путь «невозвращающегося», т. е. последний раз родившегося человеком и близкого к совершенству; 4) путь *архата*, т. е. достигшего совершенства.

Велувана (букв. «бамбуковая роща») — местность близ Раджагрихи, где, по преданиям, часто останавливался Будда.

12

Девадатта — родич Будды, принадлежавший к тому же племени (шакьев) и, согласно легендам, враждовавший с ним.

13

Варанаси — один из древнейших священных городов Индии на западном берегу Ганга, совр. Бенарес.

Брахмадатта (букв. «данный Брахманом») — имя некоторых царей Варанаси — возможно, их династическое прозвище.

Четыре качества — правдивость, мудрость, терпенье, верность долгу.

Брахманы — члены жреческого сословия, высшего из четырех сословий (варн) древней Индии. Другие три сословия: *кшатрии* — воины; *вайшьи* — торговцы, землевладельцы, ремесленники и наиболее бесправные *шудры* — зависимые земледельцы, поденщики и т. п.

Чинча — отшельница одной из сект, соперничавших с буддистами. Согласно легендам, она безуспешно пыталась оклеветать Будду, за что была поглощена адским огнем.

Четыре необходимых предмета — одежда, пища, ночлег и лекарство.

Карма — в индуизме и буддизме совокупность всех добрых и злых дел, совершенных в предыдущих существованиях; определяет судьбу существа в последующих рожденьях.

Гаясиса — название горы близ Гая (город к юго-востоку от Бенареса, известный как центр паломничества), где одно время жил Будда со своими учениками и где проповедовал Девадатта.

Готама — имя Будды.

Сангха — буддийская община.

Упосахта — название дней, связанных с четырьмя фазами роста и убывания луны, предшествующих 1-й, 8-й, 15-й и 23-й ночам лунного месяца. Дни эти, своего рода «буддийские субботы», были связаны с определенными церемониями и считались праздничными. Разногласия в буддийской общине были, в частности, связаны с соблюдением отдельных таких дней.

Якши (женск. *якшини*) — полубожественные существа; согласно легендам, они служат богу богатств Кубере и способны принимать любой облик. По буддийским воззрениям, якши подвержены *карме* и способны достигать *нирваны*.

Каршанапа — название монеты.

Адживики — небуддийская монашеская секта, члены которой практиковали жестокое самоистязание, осуждавшееся Буддой.

Пять видов огня — имеется в виду определенное самоистязание.

Касина — система упражнений, ведущих к состоянию созерцания и отрешенности.

Брахман — бог-творец, отец богов, первый из членов индуистской триады (Брахман — Вишну — Шива). Мир Брахмана — небесный мир, согласно индуизму, достигаемый благочестивыми подвигами в земном существовании.

Три веды (веда — букв. «знание», «священное знание») — сборники, составляющие древнейшие памятники индийской религиозной литературы: *Ригведа* — собрание гимнов, *Самаведа* — песнопения, *Яджурведа* — жертвенные формулы. Несколько позже к ним присоединяется четвертая веда — *Атхарваведа* — сборник магических формул, заклинаний. Оформление этих текстов, (*самхиты*), по-видимому, завершилось к середине I тысячелетия до н. э.

Агни — бог огня, почитавшийся одним из восьми хранителей мира, царем юго-востока.

Джатаведа — «владеющий всем сотворенным» (другое толкование — «знающий все сотворенное» или «известный всему»), эпитет Агни.

Саваттхи — то же, что Шравасти (см. прим. к стр. 18).

Тхера — название старших буддийских монахов, а также монахов, отличающихся определенными достоинствами.

Зал дхармы — помещение в монастыре, предназначенное для благочестивых бесед.

Наги (букв. «змеи») — полубоги, с человеческой головой и змеиным телом, обитающие в преисподней.

Каттика (санскр. *карттिका* — праздник, справлявшийся в день полнолуния одноименного месяца (октябрь — ноябрь), последнего месяца в сезоне дождей, когда луна находится в созвездии Плеяд (также «*каттика*»).

Сафлор (*Carthamus Tinctorius*) — травянистое растение ярко-красного цвета, употребляется как краситель.

Ракиаса (женск. *ракиаси*) — популярный персонаж сказок; злой дух, преследующий и поедаящий людей.

Варана — приток Ганга, впадающий в Ганг около Варанаси.

Три состояния — состояние желания («*кама*»), телесное состояние («*рупа*») и нетелесное состояние («*арупа*»).

Четыре благородные истины — следующие положению Будды, составляющие основу буддийского учения: 1) в мире есть зло и страдания; 2) зло и страдания имеют причину; 3) если устранить причину, то исчезнут зло и страдания; 4) прекращение их достигается благородным восьмеричным путем (правильные взгляды, намерение, речь, поступки, жизнь, усилие, память и сосредоточенное размышление).

Ананда — один из главных и наиболее преданных учеников Будды, фигурирующий во многих буддийских текстах.

Джатака о Сакете — название 68-й и 237-й джатак.

Паччекабудда — «обособленный» Будда, достигший совершенства и познавший истину, но не возвещающий ее людям.

Чандала — человек, родившийся от запрещенной связи шудры с брахманкой, член наиболее бесправной касты, одно приближение которого считается оскверняющим.

Кокалика — монах, один из приверженцев Девадатты (см. прим. к стр. 19)

Апсары — небесные девы, воплощение женской красоты; почитались как служанки царя богов Индры и жены гандхарвов (см. прим. к стр. 78).

Киннари — мифическое существо в виде птицы с женской головой.

Шакра — «могучий»; прозвище Индры — бога-воителя, почитавшегося владыкой богов.

Ануруддха — родич и один из виднейших учеников Будды.

Мать Рахулы — жена Будды, известная в буддийских текстах под разными именами (Яшодхара, Бимбадева и т. д.); мать сына Будды, Рахулы.

Якишани — см. прим. к стр. 23.

Тамбапанни — древнее название Цейлона, согласно легендам населенного первоначально якшами.

Кальяни — река на Цейлоне; район ее устья по преданию посетил Будда, и здесь был выстроен буддийский монастырь.

Нагадина — область на севере Цейлона (совр. Джафна).

Мунджа — вид тростника (Saccharum Sara или Munja).

Четыре посмертных состояния — период между смертью человека и очередным его человеческим воплощением состоит из рождений: 1) в чистилище, 2) в виде животных, 3) в виде духов, 4) в виде асуров (демоны, враги богов).

Три счастливых состояния — рождение в мире людей, в мире богов и состояние *нирваны*.

Шесть небес и двадцать миров — имеются в виду миры, составляющие *Камалоку* (мир чувственных ощущений), куда помимо пяти миров живых существ входят шесть низших божественных миров, и *Брахмалоку* (мир, свободный от чувственных ощущений), куда входит шестнадцать миров, обусловленных формой, и четыре мира, лишенных формы.

Каши — древнее царство, соседнее с Кошалой, со столицей в Варанаси; также одно из названий этого города.

Сарипутта — последователь Будды, почитавшийся самым мудрым из его учеников.

Моггалана — другой ближайший ученик Будды.

Потали — город, бывший одно время столицей царства Каши.

Пять высших знаний — пять сверхъестественных способностей: творить чудеса, слышать на любом расстоянии, видеть на любом расстоянии, читать чужие мысли и помнить о прошлых рождениях.

Восемь достижений — способность сделаться сколь угодно малым или большим, сколь угодно легким или тяжелым, доставать материальные предметы, подчинять себе любое живое существо, обладать абсолютной волей, абсолютным могуществом.

Махатаккария или *Таккария* — 481-я джатака.

Артха — см. предисловие, стр. 5.

Читтакута — отождествляется с горой Камптанатхгири в совр. Бунделкханде.

Джунха — 456-я джатака.

Такшашила (Таксила) — древняя столица царства Гандхара в Северо-Западной Индии, крупный центр науки и образования.

Синдх — долина нижнего Инда (древнее название Инда — Синдху).

Джатака об Унмадаянти. Сюжет этот, по-видимому, весьма популярный в древнеиндийской литературе, вошел с некоторыми вариациями и измененной концовкой в «Двадцать пять рассказов Веталы». Чтобы дать читателю представление о характере подобных обработок одного сюжета, в данный сборник включены оба варианта (ср. стр. 177 и сл.).

Шибийцы — древняя народность Западной Индии; согласно некоторым преданиям, происходит от легендарного царя Шиби, прославленного за свою самоотверженность.

75

Лакими — богиня счастья и красоты.

Rati (букв. «наслаждение») — супруга бога любви Камы.

Ансары — см. прим. к стр. 35.

Унмадаянти — «сводящая с ума».

Муни — аскет, отшельник, принявший обет молчания.

Каумуди (букв. «лунный свет») — имя супруги бога луны Чандры. Так назывался праздничный день полнолуния в месяце карттика (см. прим. к стр. 28).

Дайты — демоны-полубоги, названные так по имени своей прародительницы Дити. Легенды рисуют их постоянными соперниками богов.

Звон — имеются в виду удары литавр, отбивавших время.

Якша — см. прим. к стр. 23.

Йогин (женск. — *йогини*) — отшельник, предающийся *йоге* (букв. «соединению») — определенным умственным и физическим упражнениям, цель которых — достижение блаженства, сверхъестественных способностей, состояния транса.

Прибегая к аллегории, советник сравнивает царя с жертвенным огнем, а свою жену — с подношением на этом огне.

В мире том — т. е. на небесах, в мире богов. Переводчиком принято здесь толкование Дж. Шпейера.

Три цели жизни: 1) закон добродетель (*дхарма*); 2) выгода (*артха*); 3) чувственные удовольствия (*кама*). См. предисловие, стр. 5, 13.

Брихаспати — древнее ведийское божество. Почитался великим мудрецом, наставником богов, советником Индры.

Видьядхары (женск. — *видьядхари*) — «наделенные (волшебным) знанием», сверхъестественные существа; согласно легендам, живут в Гималаях и сопровождают Шиву (см. прим. к стр. 84).

Юга — название мирового периода. Индийская мифология различает четыре *юги*: золотой век, серебряный век, медный век и железный век (последний начался в 3102 г. до н. э. и продолжается по сей день). Четыре *юги* составляют одну «великую *югу*», или *махаяугу*, а 1000 *махаяуг* — 1 *кальпу*, длящуюся одни сутки Брахмы, или 4 320 000 000 земных лет. В конце каждой *кальпы* семь светил сжигают миры, которые возрождаются затем в новой *кальпе*, и т. д.

Тиндуки — *Diospyros Embryopteris*, вечнозеленое дерево, приносящее съедобные кислые плоды.

Закон для черных дней — согласно древним законам, в дни определенных бедствий (вражеского вторжения, голода и др.) дозволяются поступки, запрещенные в другое время.

Преты — в индийских верованиях — тени умерших; они живут в нечистотах и кормятся пищей, которую подают им живые. Преты изображаются в виде скелетов.

Пишача — разновидность демонов. Пишачи питаются человеческим мясом. *Папман* (букв. «зло») — злой дух, воплощение греха. *Путана* — еще одна разновидность злых духов.

Татхагата — «пришедший в такое же (как предшествующие ему Будды) состояние»; эпитет Готамы Будды.

Видула — растение Calamus Rotang.

Здесь перечисляются отличительные признаки аскетов отдельных монашеских сект.

Rishi — название, прилагавшееся к древним поэтам, отшельникам, творцам ведийских гимнов.

Анджана — *Xanthochymus Pictorius*, тропическое дерево.

Кхадира — *Acacia Catechu*, вид акации.

Вардхамана — совр. Бардван в Бенгале.

Нарада — легендарный мудрец и заклинатель. Почитался сыном Брахмана и посредником между богами и людьми.

Пара одежды — нижнее и верхнее платье.

Здесь непоследовательность: выше шла речь о царском советнике.

Вишну — один из величайших богов индийского пантеона, член триады Брахман — Вишну — Шива, почитавшийся хранителем всего живого.

Гауды — жители страны Гауда на территории совр. Восточного Бенгала; здесь же находился город Пундхравардхана (также — Пундраварддхана).

Бетель — род перца, употребляющийся в Индии для жевания; окрашивает губы и десны в темно-красный цвет.

Манасиджа (букв. «родившийся в сердце») — эпитет бога любви Камы. Согласно легендам, Кама вооружен тростниковым луком с тетивой из пчел и пятью стрелами из цветов.

Бимба — Momordica Monodelpha, растение, приносящее красные плоды; в индийской поэзии они часто сравниваются с губами.

Имеются в виду лобные пазухи слона, набухающие во время течки.

Нараяна — имя Вишну.

Закон запрещает *вайшье* жениться на *кшатрийке*, так как жену следует брать только из своей или из более низкой варны (см. прим. к стр. 21).

Гаруда (букв. «крылатый») — мифический царь птиц, на котором ездит Вишну.

Мадана (букв. «опьяняющий») — эпитет бога любви.

Вайнатейя — прозвище Гаруды, мать которого звалась Винатой.

Гандхарвы (женск. — *гандхарви*) — низшие божества; почитались небесными музыкантами, услаждающими богов. Так называемый брак по обряду *гандхарвов* — одна из восьми форм брака, существовавших в древней Индии. Он заключался без согласия родителей, по взаимному согласию жениха и невесты.

Вайкунтха — «сын Викунтхи», одно из имен Вишну; также назывался и рай Вишну, где, согласно легендам, блаженствуют поклонявшиеся ему люди.

Сударшана — «прекрасная».

Кританта (букв. «приносящий конец») — эпитет Ямы, бога смерти и справедливости, одного из хранителей мира, царя юга.

Волоски поднялись на ее теле — поднявшиеся на теле волосы — очень распространенное в санскритской литературе выражение для описания любви, восторга и т. д.

Раковина, диск, палица — атрибуты Вишну.

Дорога богов — эвфемистическое название зада.

Войско из четырех частей — пехота, конница, колесницы и слоны.

Меру — мифическая золотая гора в Гималаях, охраняемая Индрой.

Шакра — см. прим. к стр. 37.

Хираньякашину, Мадху, Кайтабха — демоны-даитьи (см. прим. к стр. 56), враждовавшие с Вишну и убитые им. *Канса* — легендарный царь Матхуры (одного из священных городов Индии на правом берегу реки Джамны), в которого воплотился враг Вишну демон Каланеми; он также был убит Вишну.

Васудева (букв. «благодетельный бог») — эпитет Вишну.

Аскеты с тремя палками — санньясины («отрекшиеся от мира») — нищенствующие брахманы, носившие в правой руке три связанных вместе палки.

Горочана — ароматное вещество желтого цвета; служит благовонием, лекарством, краской для нанесения кастового знака.

Панчаджанья — раковина-труба Вишну, которую он взял у убитого им морского демона Панчаджаны.

Девараджа (букв. «царь богов») — эпитет Индры.

Нагари (букв. «царь змей») — прозвище Гаруды, согласно легендам, находившегося в вечной вражде со змеями.

Хари — одно из имен Вишну.

Супративарман — царь, тесть ткача.

Мандависартини — «медленно ползущая».

Джахнави (букв. «дочь Джахну») — название Ганга. Имеется в виду легенда, согласно которой великий отшельник Джахну выпил эту реку и затем снова выпустил ее.

Дваждырожденный — эпитет брахмана, иногда — *кшатрия* или *вайшьи*; обозначает человека, приобщившегося к знаниям и тем самым как бы родившегося вторично.

Ветры, желчь и флегма — согласно древнеиндийской медицине, три основных элемента человеческого организма.

Три приправы — имбирь, черный перец и длинный перец.

Карнису́та — автор книги о воровстве.

Муладева — популярный образ плута, выступающий во многих индийских сказках.

Девадатта (букв. «данный богом») — имя, часто употребляющееся для обозначения какого-либо определенного человека (ср. «имярек»). Здесь имеется в виду женщина.

Шамбху (букв. «дающий счастье») — эпитет Шивы, члена индийской божественной триады (см. прим. к стр. 75), почитавшегося богом-разрушителем.

Оба мира — земля (мир людей) и небо (мир богов).

Йогин — см. прим. к стр. 58.

147

Пала — мера веса, ок. 92 г.

Рупия — золотая монета.

Кусумабана — «обладающий цветочной стрелой», эпитет бога любви Камы (см. прим. к стр. 76).

Манобхава (букв. «рождающийся в сердце») — другое имя Камы.

Праламбавришана — «с висящими ядрами».

Пралобхика — «жадный».

Чатака — *Cuculus Melanoleucus*, пестрая индийская кукушка; образ ее очень популярен в индийской поэзии.

Пураны — «сказания о древности», эпические поэмы, созданные, по-видимому в IV–XIV вв. н. э. и почитающиеся священными книгами индуизма.

Ману — легендарный мудрец, прародитель людей, которому приписывается известный древнеиндийский законодательный сборник («Законы Ману»).

Сети Индры — метафорическое обозначение всего обманчивого, иллюзорного.

Это рассуждение построено на игре слов: *ajas* («козы») означает также «народившиеся» («не дающие всходов»).

Магха — месяц индийского календаря, примерно соответствующий январю — февралю.

Парджанья (букв. «грозовое облако») — прозвище Индры, почитавшегося богом грозы и грома.

Чандала — см. прим. к стр. 31.

Пять продуктов коров — смесь молока, сыворотки, масла, помета и мочи коровы. Корова почитается у индуистов священным животным.

Чандраяна — «лунный пост»; заключается в том, что постящийся, начиная с полнолуния, постепенно уменьшает количество принимаемой пищи, ничего не ест в новолуние, а затем вплоть до полнолуния увеличивает порции пищи.

Каматура — «больной от любви».

Возле колодцев, которыми пользуется «оскверняющий» *чандала* (см. прим. к стр. 31), кладутся для отметки кости животных, также считающихся нечистыми (например, осла, верблюда).

Шастры — древние книги, основанные на ведах и излагавшие различные обязанности индийцев.

Яйцо Брахмана — золотое яйцо, из которого, согласно легенде, вышел на свет Брахман; при этом две половины его скорлупы образовали небо и землю. Служит метафорическим обозначением вселенной.

Чандика (букв. «грозная») — эпитет Дурги (также — Парвати и др.), супруги Шивы, почитаемой как богиня-мстительница.

Дурва — *Panicum* (или *Cynodon*) *Dactylon*, вид травы, служащей кормом для скота и употребляющейся при жертвоприношениях.

Мантматха — «смущающий сердце», эпитет бога любви.

Макара — фантастическое морское чудовище. Его изображали на знамени бога любви, так как последний, согласно легенде, жил некоторое время во чреве макары.

Здесь перечисляются характерные признаки отдельных монашеских сект. Так, члены одной шиваитской секты («*капалики*») носили при себе соединенные гирляндой человеческие черепа, из которых они ели и пили.

Уддхата — «тщеславный».

Raga — мелодическое построение, образованное определенной последовательностью звуков и служащее основой для музыкальной импровизации.

Сонлив, так шкур не похищай. — Вор может заснуть на украденной им шкуре и быть пойманным.

Согласно древнеиндийским работам по теории музыки, *свара* — одна из семи основных ступеней октавы (*грамы*). Этих октав насчитывается три. От *свар* может быть образован в общей сложности 21 звукоряд — семиступенная диатоническая гамма (*мурчхана*). Звукоряды могут состоять и из пяти или шести тонов (где две или одна ступень опускается) — они называются *тана*; таких *тан* из 6 тонов — 49. Три *матры* — меры длительности: малая, большая и увеличенная (относящиеся как 1:2: 3). Три *лайи* — быстрый, средний и медленный темпы. Три *яти* — характеры движения: ровное движение, ускоренное и замедленное; *бхаши* и *варны* — определенные последовательности звуков, образующие *раги* (см. выше). Шесть органов речи — горло, мозг, нёбо, зубы, губы, нос. Девять настроений — чувства, возникающие под влиянием художественных произведений: любовь, смех, сострадание, гнев, мужество, страх, отвращение, изумление и спокойствие. Иногда сюда добавляют десятое — нежность.

Равана — могучий демон, мифический царь Ланки (совр. Цейлона).

Иша (букв. «повелитель») — эпитет Шивы.

Свабхавакрипана — «скупой по своей природе».

Дом с четырьмя покаями — т. е. дом, состоящий из четырех помещений, расположенных четырехугольником вокруг внутреннего дворика.

Ракиаса — см. прим. к стр. 28.

Чандакарман — «совершающий жестокие дела».

Место в санскритском тексте не вполне ясное. Принято чтение И. Хертеля.

Коснемся этого барабана, т. е. «выразим свое согласие».

Рассказчик — царь голубей, предостерегающий своих подданных от приманки охотника.

Куша — Роа *Cynosuroides*, трава, употребляемая при религиозных церемониях и почитаемая священной.

Убийство коровы считалось одним из самых тяжелых преступлений (ср. прим. к стр. 97).

Панду — легендарный царь, отец пяти «пандавов» (Юдхиштхиры, Бхимы, Арджуны, Накулы и Сахадевы) — героев великого древнеиндийского эпоса *Махабхарата*, приписываемого легендарному мудрецу Вьясе.

Кунти — жена Панду, мать трех старших *пандавов* (см. предыдущее прим.). Здесь имеется в виду Юдхистхира.

Раху — демон, который согласно легендам время от времени проглатывает луну, что служит причиной лунных затмений.

Это басня — вставка в рассказ I книги; ворон рассказывает ее газели и шакалу.

Бхагиратхи — Ганг, названный так по имени древнего царя и мудреца, который по преданию свел эту реку с небес на землю.

Гридракута (букв. «коршуновая вершина») — название горы близ Раджагрихи (см. прим. к стр. 18).

Паркати — Ficus Infectoria, вид смоковницы.

Чандраяна — см. прим. к стр. 97.

Даманака и *Каратака* — два шакала, герои обрамляющего рассказа II книги *Хитопадешы*.

Арбудашикхара — гора на западе Индии, служащая местом джайнского паломничества.

197

Виравара — «лучший герой».

Рассказчик — царь гусей, желающий показать, что пришельцы могут принести пользу.

Раджапутра — раджпут, воин-наемник из Варны кшатриев.

200

Лакими — см. прим. к стр. 54.

Сарвамангала (букв. «всеблагая») — эпитет Дурги (см. прим. к стр. 100).

Карната — область в Центральной Индии, совр. Карнатак (Южнобомбейский Декан, Майсур).

Имеется в виду советник царя гусей.

Айодхья — совр. Аудх; древний город, бывший столицей Кошалы (см. прим. к стр. 18).

Имеется в виду Шива, один из атрибутов которого описан здесь.

Повелитель якией — бог богатства Кубера (см. прим. к стр. 23).

Это вставка в рассказ о трех рыбах, известный и из *Панчатантры*. Ядбхавишья (букв. «будь что будет») полагается на судьбу и гибнет, а разумные Пратьютпаннаматри (букв. «сохраняющий присутствие духа») и Анагатавидхатар (букв. «заботящийся о будущем») спасаются от рыбаков.

Эту басню рассказывает советник царя павлинов Читраварны.

Piiii — см. прим. к стр. 69.

Махатана — «предающийся великой аскезе».

211

Дайтъи — см. прим. к стр. 56.

Сарасвати — богиня красноречия, покровительница наук и искусств.

Парвати (букв. «горная»), согласно одной легенде, произошла от царя Гималаев.

Матхура — см. прим. к стр. 81.

Враг Кансы — имеется в виду Кришна, почитаемый вишнуитами как одно из божественных воплощений Вишну. Согласно легендам, воплотившись в образе Кришны, Вишну убил множество демонов, в том числе Каланеми, воплотившегося в Кансу (см. прим. к стр. 81).

Рупаника — «прекрасная».

Ракиаса — см. прим. к стр. 28.

Рама — один из популярнейших героев индийского эпоса, почитавшийся воплощением Вишну. Его подвигам посвящена знаменитая эпическая поэма *Рамаяна*.

Ланка — древнее название Цейлона.

Нараяна — см. прим. к стр. 77.

221

Хари — см. прим. к стр. 82.

Гаруда — см. прим. к стр. 78.

223

Наги — см. прим. к стр. 26 и 82.

Судха — напиток бессмертия.

Калтаврикиша — одно из пяти волшебных деревьев, растущих в раю Индры, способное выполнить любое желание.

Валакхилы — мифические риши, величиной с большой палец; согласно легендам, они созданы в количестве шестидесяти тысяч из тела Брахмана и окружают колесницу солнца.

Йоджана — мера длины — согласно некоторым источникам 15 или 17 км.

Экадаши — одиннадцатый день лунного месяца, когда исполнение отдельных обрядов считается особенно действенным.

Ганы — разряд низших божеств, прислуживающих Шиве.

Шамбху — см. прим. к стр. 84.

231

Сиддхи — разряд полубожественных существ, согласно легендам, наделенных сверхъестественными способностями и живущих в воздухе.

Тамралипти (*Тамлук*) — древняя столица одноименной области, лежащей у западного устья Ганга.

Дваждырожденные — см. прим. к стр. 83.

Катаха — возможно, Китай.

Домба — член одной из низших каст, зарабатывающий на жизнь пением и игрой на инструментах.

Баньян — Ficus Indica, индийское фиговое дерево.

Дхарма — см. прим. к стр. 19.

Авичи — одна из разновидностей ада в индийской мифологии, где, согласно легендам, грешников палят огнем, пронзают шипами и т. д.

Шактимати — «наделенная умением».

Ратнапура — «город-сокровище».

Удджайини (иначе Аванти) — совр. Уджайн на территории Раджастхана, один из древних священных городов Индии на берегу реки Сипры.

Малави — совр. Малва в Раджастхане.

Брахмачарин — молодой брахман, изучающий священные тексты, ведущий воздержанный образ жизни.

Поза «лотоса» — определенная поза человека, предающегося религиозному созерцанию; в ней часто изображаются отдельные боги.

Пура — демон, убитый Шивой.

Ашрамы — четыре ступени жизни, предписываемые брахману: 1) состояние ученика (*брахмачарина*), в котором будто бы пребывает герой сказки; 2) состояние домохозяина, живущего с женой и исполняющего все положенные обряды; 3) состояние отшельника, удалившегося в лес, и 4) состояние странствующего аскета, отрекшегося от всего земного.

Три цели — закон, выгода, любовь (см. предисл. стр. 13).

Имя Шивы толкуется как «благоприятный».

Ямуна — совр. Джамна, река, берущая начало в Гималаях и впадающая в Ганг около Аллахабада.

250

Чандика — см. прим. к стр. 100.

Пишачи — см. прим. к стр. 65.

Капаласпхота — «раскалывающий черепа».

Ветала — см. предисловие, стр. 9.

Видьядхары — см. прим. к стр. 61.

Дханапалита — «Сохраненное богатство».

256

Магадха — см. прим, к стр. 18.

Валабхи — древний город в Западной Индии, на территории совр. Саураштры.

258

Амрита — напиток бессмертия.

Аста (букв. «закат») — мифическая гора на западе, за которую, согласно легендам, заходит солнце.

Дакини — разновидность демонов женского пола, пожирающих человеческое мясо.

Кхара и *Душана* — могучие демоны; первый — брат, а второй — полководец царя Ланки демона Раваны; оба были убиты Рамой. См. прим. к стр. 123.

Лунный камень — камень, по преданию образовавшийся из лучей луны и связанный с ними своими свойствами.

Сита — легендарная супруга Рамы, разлученная и вновь соединившаяся с ним.

Махакала — имя Шивы.

Гаури (букв. «белая») — эпитет Парвати, супруги Шивы.

Ума — другое имя Парвати.

Чанди — название демонов женского пола.

Асуры — демоны, враги богов; многие из них были убиты супругой Шивы Дургой.

Пашупаты — монахи — поклонники Шивы (по эпитету его — Пашупати — букв. «владыка животных»).

Витаста — река в Пенджабе (совр. Джелам).

Киннара — музыкальный инструмент.

Йогини — см. прим. к стр. 58.

Шакини — разновидность демонов женского пола, прислуживающих супруге Шивы Дурге.

Мокшада — «дарующая освобождение».

Мугдхабуддхи — «глупец».

276

Катаха — см. прим. к стр. 127.

Мудхамати — «тугодум».

Сорока — условный перевод «*сарика*» — *Eulabes Religiosus*, птица из семейства скворцов.

Элапура — город в Западной Индии; возможно, тождествен совр. Элlore в Махараштре.

Дханакиша — «губитель богатства».

Пуньявардхана — город этот, возможно, тождествен Пундхравардхане (см. прим. к стр. 75).

Древнее законодательство предписывало выдавать девушку замуж в возрасте от 7 до 12 лет, и после свадебных обрядов новобрачная часто оставалась в доме родителей до наступления зрелости.

Нимба — *Azadirachta Latifolia*, дерево с горькими плодами.

Царская дорога — название главной улицы города.

Бхарата — легендарный автор трактата по драматическому искусству. Здесь перечисляются женские типы, встречающиеся в классической индийской драме.

троичный мир — земля, небо и воздушное пространство.

Шиншина (также *шиншана*) — *Dalbergia Sisu*, высокое дерево с густой кроной; отличается чрезвычайно крепкой древесиной красного цвета.

Ахалья — отшельница, супруга великого *риши* Гаутамы. Согласно легенде, влюбленный в нее Индра овладел ею, приняв облик ее мужа. За это разгневанный Гаутама превратил Ахалью в камень.

Мадана — см. прим. к стр. 78.

290

Дурга — см. прим. к стр. 100.

Гунджа — *Arbus Precatorius*, кустарник, приносящий ядовитые темно-красные ягоды.

Четыре средства — дружба, подкуп, сеяние раздора, насилие.

Кокила — Cuculus Indicus, индийская кукушка.

Кусумавати (букв. «цветочный») — название города Паталипутры (совр. Патна в Бихаре).

Ширша — *Acacia Sirisa*, вид акации, белые цветы которой — излюбленный образ индийской поэзии.

Здесь перечисляются подвиги, совершенные Вишну в разных его воплощениях. Воплотившись в виде карлика, он хитростью отнял у царя демонов-*дайтьев* Бали небо и землю, оставив ему преисподнюю. В образе Рамы (см. прим. к стр. 123) он с помощью обезьян победил царя Ланки демона Равану. В образе Кришны (см. прим. к стр. 122) он на ладони поднял над пастухами и коровами Говардхану (гору близ Матхуры), чтобы оградить их от громов Индры.

Ганг на санскрите — женского рода (Ганга).

В древнеиндийских трактатах различалось десять ступеней страсти (см. стр. 179).

Рисовый пирог и вода — пища, которую приносили в дар предкам.

Виджаяпура — в древности под этим названием было известно несколько городов.

Дхармашила — «добронравный».

Унмадини — см. прим. к стр. 54.

Бимба — см. прим. к стр. 76.

Манматха — см. прим. к стр. 102.

Яма — см. прим. к стр. 79.

Заклание коня — имеется в виду жертвоприношение коня (*ашвамедха*), одна из самых торжественных церемоний индуистского ритуала. Она совершалась царем и длилась в течение года; исполнивший *ашвамедху* провозглашался владыкой земли.

Калинди — название реки Ямуны (Джамны), берущей начало с горы Калинда.

Брахмапура — возможно, имеется в виду город в северо-западной части долины Ганга, где находилась одноименная область. Название это («город Брахмана») служило также эпитетом Варанаси.

Мантры — формулы, взятые из священных текстов и употреблявшиеся при различных обрядах, заклинаниях и т. п.; им приписывалась магическая сила.

Тамралиптика — см. прим. к стр. 126.

Катъяяна — одно из имен Дурги.

Гая — см. прим. к стр. 22.

Нидхипати — «владыка клада».

Кубера — бог богатства, один из хранителей мира, царь севера.

315

Крора — десять миллионов.

Кусуманура — (букв. «цветочный город») — название Паталипутры.

317

Рупавати — «прекрасная».

Лакх (лакша) — сто тысяч.

Киннары — здесь разновидность низших божеств с человеческими телами и лошадиными головами, служители бога богатства Куберы.

Падманапура — возможно, совр. Пампур в Кашмире.

Чакравака — *Anas Casarca*, птица из породы уток.

Амаравати (букв. «бессмертная») — мифический город на небесах, местопребывание Индры.

Майя — здесь обозначение иллюзорного, обманчивого мира явлений.

Кшантишила — монах, просьбу которого исполняет царь (см. предисл., стр. 8–9).

Бходжа — см. предисл., стр. 9.

Викрамадитья (букв. «солнце доблести») — эпитет Викрамы.

Читракута — гора в окрестностях совр. Аллахабада, служащая местом паломничества.

Джагадамбика (букв. «мать мира») — эпитет супруги Шивы — Парвати.

Созвездие Семи Мудрецов — созвездие Большой Медведицы, семь звезд которого предание отождествляло с семьёю легендарными мудрецами-риши.

Лунный дом Ашвини. — В соответствии с перемещением луны древнеиндийские астрономы делили звездное небо на 28 «лунных домов», персонифицировавшихся как 28 жен бога луны. Одна из них — Ашвини, мать *ашвинов*, божественных близнецов, олицетворяющих рассвет и сумерки.

Викрамарка (букв. «солнце доблести») — еще один эпитет Викрамы.

Коти — десять миллионов.

Чайтра — месяц индийского календаря, соответствующий марту-апрелю.

Четыре вида женщин: 1) падмини, «подобная лотосу» — лучший из всех типов; 2) хастини, «слониха» — страстная и необузданная; 3) шанкхини, «подобная раковине» — властная и нервная и 4) читрини, «подобная картине» — воспитанная и холодная.

Мридани (букв. «супруга милостивого» — эпитет Шивы) — одно из имен Парвати (Дурги, Чандики).

Брахман-ученик — см. прим. к стр. 132.

Три священные обязанности — ученичество, долг домохозяина и отшельничество.

Искусство Бхараты — драматическое искусство (см. прим. к стр. 169).

Атман — в древнеиндийских религиозных и философских системах — индивидуальное субъективное начало, «я», тождественное высшей абсолютной реальности и представляющее собой конечную цель познания.

Дурва — см. прим. к стр. 101.

341

Куша — см. прим. к стр. 110.

Чандраяна — см. прим. к стр. 97.

Вишвешвара (букв. «владыка всего») — эпитет Шивы.

Магха — см. прим. к стр. 97.

Праяга — совр. Аллахабад у слияния Ганга и Ямуны; был одним из центров паломничества.

346

Гая — см. прим. к стр. 22.

347

Наденет на его шею венок, т. е. выберет его в мужа.

Амрита — см. прим. к стр. 149.

Законы *нити* — см. предисл., стр. 6.

Манипура — древний центр южноиндийского царства Калинга (на территории совр. Ориссы).

Имеется в виду эпизод из Рамаяны. Чтобы вернуть Раме (сыну Дашаратхи) его супругу Ситу, похищенную царем Ланки демоном Раваной, помогавшая Раме обезьяна «связала океан», перекинув через него мост.

352

Девадатта — см. прим. к стр. 84.

Удаячала (букв. «гора восхода») — легендарная гора, стоящая будто бы там, где восходит солнце.

Папавинашанам — «уничтожающий зло».

Савитар (букв. «производитель») — эпитет бога солнца.

Три веды — см. прим. к стр. 24.

Три гуны — три качества, рассматривавшиеся в классической индийской философии (в частности, в системе *санкхья*) как основные состояния природы: *саттва* — легкость, чистота; *раджас* — страсть, движение и *тамас* — темнота, тяжесть, косность.

Виринчи, Нараяна, Шанкара — имена божественной триады, соответственно: Брахман, Вишну, Шива.

Веданта (букв. «конец вед») — здесь имеются в виду *упанишады* — тексты этико-религиозного характера, основанные на ведах.

Экапуруша (букв. «единый дух») — эпитет Рудры (Шивы), олицетворяющего вечную, изначальную духовную субстанцию.

Ишвара (букв. «владыка») — эпитет Шивы.

Задержка дыхания — одно из аскетических упражнений, предписываемых *йогой* (ср. прим, к стр. 58).

Стхану (букв. «стойкий») — эпитет Шивы.

Шесть обязанностей брахмана — изучать веды, обучать ведам, совершать жертвоприношение за себя, за других, подавать и принимать дары.

Вассальные царевищи — сыновья вассальных царей, живущие при дворе царя-сюзерена.

Бали — царь демонов-*дайтьев*, владыка подземного мира.

367

Вайкунтха — см. прим. к стр. 79.

Данавы — название демонов; обычно они смешиваются с *дайтьями*.

Город бессмертных богов — Амаравати (см. прим. к стр. 189).

Восемь хранителей мира — царь богов Индра — хранитель востока, бог огня Агни — юго-востока, бог смерти — Яма — юга; бог солнца Сурья — юго-запада, бог вод Варуна — запада, бог ветра Ваю — северо-запада, бог богатства Кубера — севера и бог луны Сомы — северо-востока.

Маруты — божества бури и ветра.

Адити — «сыновья Адити», божества, которые, в послеведийскую эпоху отождествлялись с 12 месяцами года.

373

Нарада — см. прим. к стр. 73.

Тумбуру — один из гандхарвов.

Камадхену — «корова желания», мифическая корова, исполняющая любое желание.

Сурабхи (букв. «благоуханная») — эпитет Камадхену.

Ганеша (букв. «повелитель ганов», служителей Шивы) — сын Шивы и Парвати. Изображался в виде человека с головой слона. Ганешу почитали создателем *Махабхараты*, богом мудрости, устранителем препятствий; его призывали в помощники, приступая к любому делу.

Шулапани (букв. «державий копье») — эпитет Шивы.

Пханипати (букв. «царь змей») — имя мифического повелителя змей Васуки.

Кумара — бог войны; изображался сидящим на павлине.

Нанди — бык, на котором ездит Шива.

Имеется в виду поверье, согласно которому рождение ребенка на некоторое время делает дом нечистым и требует от родителей определенных очистительных обрядов.

Веталапури — «город ветал» (см. предисл., стр. 9).

Шонитаприя — «любительница крови».

Здесь отражен культ *шакти* — активного творческого начала, энергии различных божеств, персонифицированной в их женских ипостасях. Брахмани — женская ипостась Брахмана, Махешвари — Шивы, Каумари — бога войны Кумары, Вайшнави — Вишну (атрибут которого — диск), Варахи — того же Вишну, воплотившегося в вепря, Айндри — Индры (его атрибут — *ваджра*, громовая стрела), Чамунда — Рудры (Шивы) и Гананатхи («повелитель ганов», другое имя Ганеши).

386

Дайтъи — см. прим. к стр. 56.

Арундхати — жена легендарного мудреца Васиштхи, образец супружеской верности. Под ее именем почитали утреннюю звезду.

Баньяновое дерево — см. прим. к стр. 128.

Пурандара (букв. «разрушитель городов») — эпитет Индры.

Панды — народность Южной Индии.

Тула — мера веса; по некоторым данным равняется 100 *палам* (см. прим. к стр. 89) или около 9200 г.

Шарада (букв. «осенняя») — имя Сарасвати (см. прим. к стр. 120).

Чандрапура — совр. Чанда в Мадхья Прадеше.

Маданавинода — «любовное развлечение».

Прабхавати — «блестящая».

Бхагиратхи — Ганг (см. прим. к стр. 112).

397

Бетель — см. прим. к стр. 75.

Чандравати — возможно, совр. Джхальрапаттан в Раджпутане.

Хара (букв. «уносящий») — эпитет Шивы.

400

Калакута — смертельный яд, по преданию, образовавшийся, когда боги пахтали океан, чтобы получить напиток бессмертия. Желая обезвредить яд, Шива проглотил его, и горло у него стало синим.

401

Имеется в виду миф, согласно которому земля покоится на черепахе.

Вадава — мифический огонь, будто бы находящийся под океаном.

403

Здесь непоследовательность: выше любовник назван Судханой.

Вибхитака — *Terminalia Bellerica*, дерево, ягоды которого употреблялись как игральные кости.

405

Муладева — см. прим. к стр. 84.

Бхулаваса — «жилище *бхутов*». *Бхуты* — злые духи, прислуживающие Шиве.

Субуддхи — «хорошо мыслящий», *Кубуддхи* — «плохо мыслящий».

Сарасвати — древняя, ныне высохшая река; русло ее сохранилось в Восточном Пенджабе.

Вьягхрамари — «убивающая тигра».

410

Раджпут — см. прим. к стр. 116.

411

Калахеприя — «любящая ссоры».

Побережье Малая — Малабарское побережье.

Шелу — Cordia Муха, *нилу* — Careya Arborea или Salvadora Persica, *бадара* — Ziziphus Jujuba; деревья, распространенные в Южной Индии.

Ганика — «купленная за большие деньги».

Ратиприя — «любящая наслаждение».

Виласини — «игривая», *рупаджива* — «живущая на свою красоту», *артхавриттика* — «существующая за счет богатства», *дарика* — «разоряющая».

417

Драмма (от греческого «драхма») — серебряная монета весом около 4,5 г.

Много часов — букв. «две прахары», т. е. около шести часов.

Чарманвати — совр. река Чамбал, южный приток Джамны, берущий начало в горах Виндхья.

420

Духишла — «безнравственная».

Ганапати (букв. «повелитель ганов») — имя Ганеши (см. прим. к стр. 208).

Падмавати — возможно, совр. Виджаянагара в штате Мадхья Бхарат; отождествляется также с Колхапуром в штате Бомбей.

423

Бананприя — «любящая лес».

Лакимана — младший брат Рамы, один из героев Рамаяны.

425

Амрита — см. прим. к стр. 149.

426

Удумбара — *Ficus Glomerata*, вид смоковницы.

427

Витарка — «рассудительный».

Аванти — страна на территории совр. Малвы в Раджастхане с центром в Удджайини.

Сказание о Бхаратах — имеется в виду *Махабхарата* (см. прим. к стр. 110). *Пураны* — см. прим. к стр. 94. *Рамаяна* — см. прим. к стр. 123.

430

Сканда (букв. «нападающий») — имя Кумары, бога войны.

431

Парджанья — см. прим. к стр. 97.

Имеется в виду древний миф о происхождении *варн* из тела Брахмы, известный еще из *Ригведы*.

Хара и Ума — Шива и его супруга Парвати. Имеется в виду легенда из пуран.

Вьяса — см. прим. к стр. 110.

В *Махабхарате* говорится о ста шести героях — *кичаках*, сыновьях царя Кекайи; самый сильный из них, *Кичака* (букв. «полый бамбук»), был полководцем царя *матсьев* Вираты, которому служили находившиеся в изгнании *пандавы* (см. прим. к стр. 110). Изложенная здесь легенда о происхождении кичаков в *Махабхарате* не содержится.

436

Piiii — см. прим. к стр. 69.

437

Имеется в виду легенда из *Рамаяны*.

Легенды, связанные с историей искушения Брахмы, в основном заимствованы из *Махабхараты* и пуран.

Дрона — наставник пандавов.

Тилоттама — одна из апсар; согласно легенде, ее сотворил зодчий и художник богов Вишвакарман, взявший для этого по кусочку от всего драгоценного в трех мирах.

Рудра — т. е. Шива.

Бадарика — местность в Гималаях, согласно легендам служащая обителью Вишну.

Бхаскара (букв. «производящий сияние») — эпитет Шивы.

444

Раѵи — имя бога Солнца.

445

Кунти — см. прим. к стр. 111.

Карна (букв. «ухо») — старший брат пандавов с материнской стороны, родившийся у Кунти до ее брака с Панду.

Рагхава (букв. «потомок Рагху») — легендарный царь, прадед Рамы.
Здесь — эпитет Рамы.

Хануман — царь обезьян, помогавший Раме в поисках похищенной Ситы (эпизод из *Рамаяны*).

Ишвара (букв. «владыка») — здесь эпитет Шивы (см. стр. 240).

450

Bata — Ficus Indica, индийская смоковница.

Вишнухпурана — одна из наиболее известных пуран, содержащая, в частности, космогонические легенды.

Пять первичных элементов — земля, воздух, огонь, вода и акаша («эфир»).

Маркандея — легендарный мудрец, почитавшийся автором одноименной пураны. Здесь передается легенда из *Махабхараты*.

Сын Дхармы — эпитет одного из пандавов — Юдхиштхиры, отцом которого, согласно легенде, был не Панду, а бог смерти и справедливости Дхарма (другое имя бога Ямы).

455

Деваки — мать Кришны (см. прим. к стр. 122).

Кешава (букв. «волосатый») — эпитет Вишну. Легенда эта содержится в Баю-пуране, возможно, одной из старейших пуран, содержащей космогонические предания.

Драупади — дочь Друпеды, легендарного царя Панчалы (совр. Рохилкханд), общая супруга Арджуны и других *пандавов*.

Шииупала — легендарный царь, выступивший против Кришны и убитый им.

Мандара — легендарная гора, которая, согласно известному мифу, послужила мутовкой, когда боги пахтали океан, чтобы получить амриту и другие сокровища.

Чеди — племя, царем которого был Шишупала; жило в Центральной Индии (по-видимому, совр. Бунделкханд).

461

Бхима — один из пандавов.

Джатаю — мифический царь коршунов, сын Аруны (возницы солнца), помогавший Раме в борьбе с Раваной.

Сын Дашаратхи — Рама, отцом которого был легендарный царь Айодхьи Дашаратха.

Согласно некоторым легендам, Хануман был сыном бога ветра (Ваю).

465

Йоджана — см. прим. к стр. 124.

Легенда о риши Джамадагни и его жене Ренуке встречается в *Махабхарате*, где, однако, юного царя зовут не Ашвапахрита, а Читраратха.

Джарасандха (букв. «соединенный Джарой» — имя ракшаси) — легендарный царь, убитый пандавом Бхимой («*Махабхарата*»).

Легенда о *Сунде* и *Нисунде*, известная из *Махабхараты*, в несколько измененном виде вошла в *Хитопадешу* (см. стр. 120 настоящ. издания).

469

Далее следует легенда из *Рамаяны*.

470

Патала — один из миров преисподней.

471

Вишалья (букв. «обезболивающая») — название некоторых целебных трав.

Карттикея — имя бога войны Кумары, сына Шивы. История эта известна из нескольких пуран.

473

Тарака — могучий демон, сын ракшасы Тары, убитый сыном Шивы, Кумарой.

Шанкара (букв. «благодетельный») — эпитет Шивы.

475

Другой эпитет Шивы (см. прим. к стр. 84).

476

Ваджра — громовая стрела, символ оружия, которым изгоняют злых духов.

Анала (возможно от «ан» — «дышать», «жить», «двигаться») — эпитет Агни.

Трипура — «три города», построенные Таракой и сокрушенные стрелой Шивы.

Криттики — шесть небесных дев, отождествляемых с шестью звездами созвездия Плеяд.

Чакрин (букв. «обладающий диском») — эпитет Вишну.

Раху — см. прим. к стр. 112. Эта легенда содержится в *Махабхарате*.

482

Лакимана — см. прим. к стр. 234.

Паталипутра — совр. Патна в Бихаре.

Маиша — Phaseolus Radiatus, растение из семейства бобовых. Трудно установить источник этого рассказа.

Экачакра — город *кичаков* (см. прим. к стр. 239). Возможно, тождествен совр. Арраху, западнее Патны.

Кумбхакарна — демон, брат Раваны, убитый Рамой.

Эта легенда о великом *риши* Агастье известна также из *Махабхараты*.

488

См. прим. к стр. 83.

История о Гаруде (см. прим. к стр. 78) с незначительными вариациями взята из Махабхараты.

490

Имеется в виду колесничий солнца, Аруна.

491

Ср. прим. к стр. 82.

Нишады — название дикого племени аборигенов Индии.

Ашока — *Ionesia Asoka* большое вечнозеленое дерево, почитавшееся священным.

494

Рати — см. прим. к стр. 54.

Ср. прим. к стр. 110–111. Легенды эти взяты из *Махабхараты* и *Рамаяны*.

Вьяса — см. прим. к стр. 110. Легенда о его рождении изложена в *Махабхарате*.

Парашиара (букв. «разрушитель») — легендарный мудрец, которому приписывалось авторство отдельных гимнов *Ригведы*.

Сантану — царь из рода Куру, происшедшего от легендарного Бхараты, о потомках которого повествует *Махабхарата*.

Йоджанагандха — рыбачка, мать Вьясы.

500

Из детей, рожденных Вьясой от разных жен, Панду — отец *пандавов*, Дхритараштра — *кауравов* (потомков Куру).

501

Мантра — см. прим. к стр. 181.

Айравата — слон Индры, появившийся, по преданию, от пахтанья богами океана.

См. прим. к стр. 171. История эта известна из ряда источников.

504

Ср. прим. к стр. 110–111.

505

Ашока — см. прим. к стр. 253.

Курабака — вид растения семейства Barleria. Происхождение этой легенды не выяснено.

Нагхуша — легендарный царь. Согласно легенде, он был посажен на престол Индры, но возгордился и оскорбил отшельников-риши, заставив их везти свою колесницу. За это его прокляли и обратили в змею. Легенда о нем встречается в *Махабхарате*.

Дханада — «податель богатства», эпитет бога богатства Куберы.

509

Сурупа — «прекрасная».

Имеются в виду женщины-*видьядхари* (см. прим. к стр. 61).

Стих этот входит в басню *Панчатантры* об осторожном шакале, который, возвращаясь в свою пещеру, обращается к ней, чтобы узнать, не зашел ли в нее кто-нибудь в его отсутствие. Забравшийся туда лев отвечает на приветствие, и шакал спасается бегством.

Долгокосый — отличительный признак монахов-шиваитов, заплетающих волосы в длинные, тонкие косички.

Дурмати — «худоумный».

Хари и *Хара* — Вишну и Шива.

Васишта и Гаутама — легендарные отшельники-*риши*.

Вардхаманапура — совр. Бардван в Бенгале.

517

Дхиджада — «тугодум».

Лунтхака — «вор».

Кунтхака — «глупый».

520

Стража («прахара») — около трех часов.

В тексте — игра слов: аскет великий («бхаратака») — одновременно: эпитет Шивы и обозначение разряда нищенствующих монахов.

Монах стремится скрыть это обстоятельство, так как общение с красильщиком, принадлежащим к одной из низших каст, «оскверняет» брахмана.

523

Драхма — ср. прим. к стр. 229.

Модхака — «глупый».

525

Кафельница имеет два отделения с общим дном.

Сувичара — «хорошо рассуждающий».

Элака — возможно, то же, что и Элапура (см. прим. к стр. 167).